

Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. Учебно-методический комплект (Учебное пособие, Хрестоматия). — М.: Флинта: Наука, 2004. — 368 с.

Аннотация: Предлагаемый учебный комплект включает пособие, в котором впервые систематизированно рассматривается история русской журналистики начала XX века. При описании прессы этого периода, отдельных журналов и газет, типологических групп изданий автор использовал исследования историков русской журналистики, материалы периодической печати начала 1900-х годов, а также дневники, мемуары и воспоминания общественных деятелей, писателей и журналистов. Учебное пособие дополнено хрестоматией, где представлены наиболее интересные публикации изучаемого периода.

Учебное пособие предназначено для студентов факультетов и отделений журналистики, для всех, кто интересуется необычайно драматичной историей прессы начала XX в.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
Время и пресса (1890-е—1918 гг.)
Немного статистики
Правительство и печать
Направление и тип периодического издания
Газета и журнал в системе прессы начала XX в.
Газетное дело и газетные люди
Типы русских газет
Качественные газеты России
Информационные газеты «Новое время» и «Русское слово»
Массовые и бульварные газеты «Московский листок», «Россия», «Газеты-Копейки»
Русские издатели начала XX в.
Журналы "обычного русского типа"
Эволюция толстого журнала
«Вестник Европы»
«Русское богатство»
«Мир божий»
«Журнал для всех»
«Современный мир»
«Русская мысль»
«Современник» и «Летопись»
Тонкий еженедельник и его роль в журналистике начала XX в.
Журналы русского модернизма
«Мир искусства»
«Новый путь»
«Весы»
«Золотое руно» и «Аполлон»
Театральные журналы
Заключение
Контрольные вопросы
Литература
Предисловие к хрестоматии
В.В. Розанов. Почему мы отказываемся от «наследства 60—70-х годов»?
В.В. Розанов. В чем главный недостаток «наследства 60—70-х годов»?
В.М. Доршевич. Репортер
Н.А. Бердяев. Борьба за идеализм

А.В. Амфитеатров. Господа Обмановы
А.В. Амфитеатров. Горестные заметы
Д.С. Мережковский. Грядущий хам
В.Г. Короленко. Хроника внутренней жизни
А.С. Суворин. Маленькие письма
А.В. Пешехонов. Русская политическая газета
А.И. Богданович. Критические заметки
К.К. Арсеньев. Внутреннее обозрение
С.Н. Кривенко. Газетное дело и газетные люди
П.Б. Струве. Великая Россия
А.М. Горький. Две души
Л.Н. Андреев. Горе побежденным!
А.Т. Аверченко. Мое самоопределение

Предисловие

Настоящее пособие посвящается истории русской журналистики начала XX в. Это период с 1900 по 1918 г.

До сих пор в рамках указанного времени обстоятельно изучалась преимущественно социал-демократическая, большевистская печать: «Искра», «Социал-демократ», «Новая жизнь», «Правда» и др. Основная масса периодических изданий общедемократического, либерально-буржуазного и монархического характера не исследовалась, хотя на рубеже веков издавалось несколько тысяч газет и журналов. Известное высказывание В.И. Ленина о том, что после 1895 г. в истории освободительного движения демократизм русской интеллигенции уступил место пролетарскому демократизму привело к однобокому, тенденциозному изучению истории русской журналистики 1900-1917 гг.

Несколько оживилось внимание ко всему богатому спектру печати начала XX в. в 1980-е годы в связи с повышением интереса историков, филологов к гражданской истории и культуре России предреволюционных десятилетий, появились работы представителей смежных с историей русской журналистики дисциплин: истории России, истории литературы, театроведения.

Предлагаемое учебное пособие впервые систематизированно излагает историю русской журналистики в предоктябрьский период. В его основу положен курс лекций «История русской журналистики начала XX в.», который читается на факультете журналистики МГУ с 1992 г. Курс создавался в соответствии с программой по истории русской журналистики XVIII — XX вв. и опирается на материал, излагаемый в лекциях по истории русской журналистики XVIII и XIX вв., а также и в лекциях по истории России.

Способ изложения материала в данном пособии несколько отличается от принятого в предыдущих курсах. В учебниках по истории журналистики XVIII — XIX вв. конкретный материал чаще всего сгруппирован по историческому принципу: он либо распределен по Десятилетиям, либо сконцентрирован вокруг важнейших исторических событий. В этой книге историческая панорама охватывает короткий период — всего около 20 лет. Они наполнены войнами и революциями, события сменяют друг друга в невероятно быстром темпе. Поэтому рассказ о связи журналистики с историческими реалиями начала XX в. вынесен в отдельный раздел «Время и пресса», а анализ отдельных периодических органов, учитывая их чрезвычайное обилие, включен в раздел о типологических группах изданий, существовавших в это время в русской прессе.

Одна из основных задач учебного пособия — показать количественное богатство, типологическое разнообразие журналистики предреволюционного времени. Если для XIX в. самыми распространенными типами изданий были толстый ежемесячный журнал и большая качественная газета, получившая распространение в 80-е годы, то для журналистики начала XX в. характерно развитие многочисленных типов изданий, имевших в то же время и разнообразные подтипы. Кроме традиционных толстых ежемесячников, преимущественную роль начинают

играть еженедельники самых разных видов — для семейного чтения, научно-популярные, для самообразования, сатирические, женские, детские. Широкое распространение получают на рубеже веков и в первые годы XX в. массовые и бульварные газеты. Появляются журналы-манифесты, развиваются разные типы отраслевой прессы, и самое главное — в 1905 г. впервые формируется легальная многопартийная пресса.

Раскрытие своеобразия различных типов изданий дает возможность попятить систему печати, внутреннюю структуру отдельного органа периодики, охарактеризовать каждый не только как место публикации тех или иных статей, но и показать, как сам тип влияет на характер публикации, ее стиль, систему доказательств и прочее.

В разделах, посвященных различным типам изданий, в качестве примера приведены самые яркие, в наибольшей степени соответствующие данному типу, влиятельные и известные органы прессы. Их перечень может быть продолжен, типологические группы дополнены другими газетами и журналами подобного типа. Таким образом, учебное пособие носит открытый характер, предполагает расширение количества рассматриваемых изданий, позволяет классифицировать новые периодические органы, попавшие в поле зрения исследователя, преподавателя или учащегося.

При описании того или иного органа периодики основное внимание уделяется истории его создания, а также тем журналистам или общественным деятелям, которые принимали в нем активное участие. К сожалению, многие талантливые журналисты, публицисты, издатели начала XX в. оказались несправедливо забытыми.

Имена некоторых из них читатель найдет на страницах данного пособия (А.И. Богданович, Л.З. Слонимский и др.).

Готовя книгу, автор опирался на те публикации газет и журналов 1900—1917 гг., которые посвящены теоретическим проблемам развития русской журналистики и тоже незаслуженно забыты в последующие десятилетия, на дневники, мемуары и воспоминания, большая часть которых вышла в свет еще в 20-х годах. Их список постоянно пополняется в последние годы.

Использованы в работе и последние исследования таких спорных фигур русской журналистики начала XX в., как А.С. Суворин и И.Д. Сытин¹ и др.

Учебное пособие предназначено для студентов факультетов и отделений журналистики, а также для всех интересующихся историей прессы начала истекшего века.

В конце книги дан список литературы, знакомство с которой поможет глубже понять отдельные вопросы или темы курса, выполнить письменные работы по данному периоду.

*Б.И. Есин, зав. кафедрой истории
русской журналистики и литературы
факультета журналистики МГУ*

Время и пресса (1890-е—1918 гг.)

«Путь среди революций», по справедливому замечанию «трагического тенора эпохи» А. Блока, прошла Россия за первые 17 лет XX в. Вместе со страной этот путь преодолела и русская журналистика. Революция 1905—1907 гг. потрясла основы самодержавного государства. Впервые за всю историю России в Манифесте 17 октября 1905 г. были провозглашены демократические свободы, в том числе свобода слова, разрешена организация легальных партий. Во время противостояния правительства и восставших журналистика, также впервые за 200-летнюю историю своего существования, осознала себя в качестве третьей силы, выполняющей свои специфические задачи: информировать население о происходящих событиях, отражать настроения общества, а не только участвовать в революции на стороне одной из борющихся сил.

«Медовым месяцем свободы печати» называли современники короткий период между 17 октября, когда был принят Манифест, до 24 ноября 1905 г., когда появились «Временные правила о печати», регулировавшие положение прессы рамками закона. За неполных два десятка лет русские газеты и журналы пережили революцию 1905 г., годы реакции, когда административные кары, приостановки и аресты сыпались, как из рога изобилия, общественный подъем 1910 — 1912

гг., начавшуюся в 1914 г. Первую мировую войну, Февральскую революцию 1917 г., положившую конец самодержавию в России, и, наконец, большевистский переворот 25 октября 1917 г., после которого в течение года были закрыты практически все старые русские периодические издания.

- Развитие марксизма. «Легальный марксизм».
- Религиозный ренессанс рубежа XIX и XX вв.
- Журналистика в 90-е годы XIX в.
- П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков. Пересмотр идеи марксизма.
- Самый шумный скандал в журналистике начала XX в.
- Русско-японская война и начало первой русской революции.
- Революция и журналистика.
- Манифест 17 октября 1905 г.
- Легальная пресса и восставшие рабочие.
- Политические партии и печать в 1905-1907 гг.
- Переворот 3 июня 1907 г. и пресса.
- Переоценка революционных событий. Сборник «Вехи».
- Первая мировая война и печать.
- Последний год истории дооктябрьской журналистики.

Хронологические рамки периода истории русской журналистики, носящего название начала XX века, — 1900—1918 гг. Но практически все работы об историческом и культурном развитии России этого времени уделяют значительное внимание процессам, происходящим в стране в 90-е годы XIX в. Капитальные многотомные труды Института мировой литературы АН, посвященные «серебряному веку», начинаются с рассмотрения литературного процесса 90-х годов. Две книги, объединенные общим названием «Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в.», имеют подзаголовок: 1890-1904.

Действительно, предпосылки многих событий начала XX в. вызревают в 1890-х, когда кризис народнических идей вызвал пересмотр старых представлений во многих областях политической, духовной и культурной жизни, когда начался общественный подъем, приведший к революции 1905—1907 гг. Все это не могло не влиять на журналистику начала XX в. Поэтому при анализе прессы этого времени особое внимание необходимо уделить характеристике процессов, начавшихся в 90-е годы XIX в.

Последняя дата — 1918 г. — определяется тем, что именно в этот год были закрыты практически все основные общественно-политические органы периодики дореволюционной России, и система журналистики самодержавного государства перестала существовать.

В 1890-е годы страна вступила на капиталистический путь развития и быстро шла по этому пути, догоняя Западную Европу. Противоречия между новым способом производства и устаревшими формами управления усложняли социальные проблемы, порождали все более резкие столкновения внутри страны. Усилившееся во второй половине 90-х годов рабочее стачечное движение создавало почву для распространения революционных идей, идеологии марксизма, для создания социал-демократического движения. Идеология народничества, привлекавшая в прежние десятилетия умы передовой русской интеллигенции, себя исчерпала, политический террор не принес ожидаемых результатов. После убийства Александра II в 1881 г. лучшие представители «Народной воли» погибли, революционное движение народников было обескровлено. Позднее народничество так и не смогло вернуть себе былое влияние в обществе. В поисках нового мировоззрения часть русской интеллигенции обратилась к учению К. Маркса, которое было известно в России с 1870-х годов. В 90-е годы труды К. Маркса изучали в рабочих кружках, его идеи положили в основу своей деятельности соратники Г.В. Плеханова и В.И. Ленина, возглавившие лагерь «революционных марксистов».

Обратили внимание на учение К. Маркса и наиболее прогрессивные представители русской интеллигенции, которые видели, что вопреки утверждениям народников о самобытном пути России, о возможности миновать капиталистический этап развития, Россия уже вступила на этот путь. В трудах К. Маркса об экономических формациях они пытались увидеть картину будущего

страны, но прийти к этому будущему хотели не революционным, а иным путем. Этих людей тогда называли «легальными марксистами». Среди них были экономисты, философы, публицисты, снискавшие впоследствии мировую известность, такие, как П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский и др. Все они активно сотрудничали в российской журналистике. Особенно активно работал П.Б. Струве, не только как публицист, но и как издатель и редактор.

П.Б. СТРУВЕ (1870—1944) — политический деятель, экономист, философ и публицист в 90-е годы редактировал журналы «Новое слово» и «Начало», которые вошли в историю прессы как издания «легального марксизма», активно сотрудничал в журналах «Жизнь» и «Мир божий». В 1902 г. П.Б. Струве создал заграничный журнал «Освобождение», вокруг которого объединились будущие конституционные демократы (кадеты), в декабре 1905-го выпустил новый для России тип политического еженедельника «Полярная звезда», с 1908-го стоял во главе солидного толстого ежемесячника «Русская мысль», издавать который продолжал в эмиграции до 1924 г. Во время Гражданской войны являлся членом Особого совещания при генерале А.И. Деникине, издавал одну из газет Белой армии. В эмиграции выпускал известный журнал «Возрождение». Струве, Бердяев и Булгаков прошли сложный путь осознания смысла происходящих в России революционных событий: от признания революционного пути как возможного, к созданию новой национальной идеи — необходимости поддержки правительства активными силами русской интеллигенции, к неприятию Октября 1917 г. Все эти мыслители, по мнению многих современных исследователей, полнее других олицетворявшие духовный ренессанс начала XX в., активно участвовали в деятельности русской прессы и всегда оказывали большое влияние на развитие общественной мысли.

На авансцене политической борьбы 1890-х годов выступали «революционные» и «легальные» марксисты, и в это же время появились еще немногочисленные представители русской философии, культуры и литературы, которые, пытаясь найти пути обновления и оздоровления жизни, обратились к духовному миру человека, к нравственным основам бытия. В начале 90-х годов возросло внимание интеллигенции к религиозным проблемам. Атеизм и материализм просветителей 60—70-х годов, имена которых были святы для оппозиционно настроенных молодых людей рубежа веков, подверглись пересмотру в первую очередь.

Одним из первых, кто начал разговор о необходимости переосмысления наследия шестидесятников, был философ, писатель и публицист В.В. Розанов.

В.В. РОЗАНОВ (1856—1919) публиковался в русских газетах и журналах самого разного толка. По данным «Словаря псевдонимов» И.Ф. Масанова, он печатался под 47-ю псевдонимами, самый известный среди них — В. Варварин. «Сотрудничал я, — вспоминал В.В. Розанов, — в очень многих газетах и журналах, — всегда без малейшего внимания к тому, какого они направления и кто их издает. Всегда относились ко мне очень хорошо. Только консерваторы не платили гонорара или задерживали его на долгие месяцы... Сотрудничая, я чуть-чуть принаравливал свои статьи к журналу, единственно, чтобы «проходили» они, но существенно ни-когда не подавался в себе. Но от этого я любил одновременно во многих органах сотрудничать... Мне ужасно надо было, существенно надо протиснуть «часть души» в журналах радикальных: и в консервативнейший свой период, когда, оказывается, все либералы были возмущены мною, я попросил у Михайловского участия в «Русском богатстве». Я бы им написал действительно отличнейшие статьи о бюрократии и пролетариях (сам пролетарий, я их всегда любил). Михайловский отказал, сославшись: «Читатели бы очень удивились, увидев меня вместе с вами в журнале». Мне же из этого ничего не приходило в голову. Материально я чрезвычайно обязан Суворину: ни разу он не навязал мне ни одной мысли, ни разу не внушил ни одной статьи, не делал и попытки к этому шагу...»¹.

В.В. Розанов одним из первых в русской журналистике нарушил принцип, строго соблюдавшийся в XIX в., — писатель или публицист сотрудничал в одном, близком ему по направлению органе прессы, переход в другой журнал или иную газету означал смену идейной ориентации автора. В XX в. этот принцип потерял свою актуальность и повсеместность.

В июле 1891 г. В.В. Розанов написал для газеты «Московские ведомости», имевшей в это

время репутацию самого реакционного органа России, четыре воскресных фельетона, которые он называл «важнейшими» и «принципиальными». Первые два, опубликованные 7 и 14 июля, назывались: «Почему мы отказываемся от "наследства 60 —70-х годов"?» и «В чем главный недостаток "наследства 60 —70-х годов"?» В этих статьях Розанов утверждал, что поколение 60-х годов растеряло вечные идеалы, которые «с отдельными поколениями не исчезают». Что же это за идеалы?

«В сфере умственной — любить одну истину — это не есть ли идеал? В сфере нравственной — относиться ко всем равно, ни в каком человеке не переставать видеть человека — не есть ли для нас Долг? И если мы видели, что опять и опять человек рассматривается только как средство, если мы с отвращением заметили, что таким же средством становится и сама истина, могли ли мы не отворотиться от поколения, которое все это сделало»².

По мнению Розанова, основная ошибка «отцов» в том, что они хотели строить и перестраивать жизнь человеческую «по грубым потребностям человека». Они потеряли «живую человеческую душу», «мир поэзии, религии и нравственности остался навсегда закрытым» для людей 60 —70-х годов. Именно этот мир надлежало открыть «детям» — поколению рубежа веков.

Большой общественный резонанс статьи Розанова вызвали позже, в самом конце XIX в. с философом яростно спорили Н.К. Михайловский и В.В. Ленин, написавший статью «От какого наследства мы отказываемся?». Но розановские идеи оказались созвучны поиску смысла жизни, предпринятому тогда немногочисленными философами, писателями, создателями нового для России литературного движения — модернизма.

В.С. Соловьев, позже Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и другие представители русского религиозного ренессанса создавали свои религиозно-философские концепции, пытались найти новые пути совершенствования мира и человека.

В 1892 г. заявили о себе русские символисты. Д.С. Мережковский в манифесте «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» обосновал философские и эстетические принципы нового искусства, чуть позже В.Я. Брюсов в сборниках «Русские символисты» продемонстрировал поэтические образцы творчества поэтов-символистов.

В начале XX в. модернизм в литературе, живописи, архитектуре, театре занял прочное место, оказал большое влияние на уникальную творческую и духовную атмосферу этого периода, который получил название «серебряного века» русской культуры.

Для развития русской журналистики 90-е годы XIX в. тоже период знаменательный. Ведущую роль в системе прессы начинают играть газеты, количество которых стремительно растет. Если рубеж XVIII —XIX вв. пережили только две газеты, то в 1891 г. издавалось 70 ежедневных и 226 не ежедневных газет. К 1912 г. ежедневных стало 417, из них 10 выходили два раза в день. В прессе заговорили о смерти толстого ежемесячного журнала, основного для журналистики XIX в. типа издания, господствовавшего на протяжении почти ста лет.

Но толстый журнал не умер: вынужденный уйти с первых позиций в системе печати, он сохранил свое влияние на читателей. Кроме уже существовавших журналов, в 90-е годы появляются новые, которым суждено было сыграть значительную роль в XX в., в том числе «Мир божий», вышедший к 1904 г. на первое место среди толстых изданий по тиражу.

Резкая поляризация взглядов и политических симпатий, характерная для первых лет XX в., предшествовавшая первой русской революции, ярко отражалась в журналистике. Для читателей русские газеты и журналы этого времени отличались друг от друга, в первую очередь, своим направлением или системой взглядов, пропагандируемых на их страницах. Определенность и однородность направления, как и в прежние десятилетия, являлись основной характеристикой издания.

Периодические издания 90-х годов по своим направлениям распределялись следующим образом. На крайнем правом фланге стояли газета «Московские ведомости» («хранительница дворянских интересов», по определению журнала «Вестник Европы»), и после смерти своего издателя М.Н. Каткова сохранившая репутацию консервативного, охранительного органа, и газета князя В.П. Мещерского «Гражданин», который хотел во что бы то ни стало, если не быть, то слыть органом дворянства, привилегированным истолкователем «идеалов преданий и заветов». Эти

газеты не имели никакой популярности ни среди интеллигенции, ни среди дворянства. В январе 1902 г. во время празднования 30-летия со дня основания «Гражданина» появились два письма от представителей русского дворянства, широко цитировавшихся в прессе. В одном из них говорилось: «Негодование и протест вызывала не только в передовых его (дворянства) представителях, но и в громадном его большинстве ваша проповедь узкословных тенденций, ваша апология дореформенных порядков в виде розги и административного произвола, ваша защита не духовных интересов дворянства, как вы ошибочно полагаете, а низменных побуждений кастового эгоизма»³.

В той или иной степени поддерживали идеи монархии и порядка газеты «Свет», «Новое время», журнал «Русский вестник». Умеренно оппозиционная пресса была представлена журналами «Вестник Европы», «Русская мысль», газетой «Биржевые ведомости». Самым популярным оппозиционным изданием была московская газета «Русские ведомости» — «орган русской интеллигенции», по мнению современников. Заметным оппозиционным изданием на рубеже веков стал московский «Курьер» — одна из первых городских демократических газет. В «Курьере» сотрудничали известные русские журналисты и писатели: Л. Андреев, Л. Серафимович, В. Гольцев, Н. Ашешов и др.⁴

Самым левым, «анархическим» изданием рубежа веков председатель Кабинета министров в 1905 г. С.Ю. Витте считал журнал «Русское богатство», в котором сотрудничали видные деятели позднего народничества во главе с Н.К. Михайловским.

Издания «легальных марксистов», журналы «Новое слово», «Начало», «Жизнь», очень быстро были закрыты правительством. Только «Мир божий», в котором печатались последователи марксизма в его легальном варианте — П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и другие, издавался достаточно долго, до 1906 г.

В 1900 г. социал-демократами и эсерами были предприняты успешные действия по созданию политических партий. Запрещенные в России партии возникали нелегально за границей. Первыми политическую работу по созданию своих организаций начали самые крайние левые группы — «революционные марксисты» и социал-революционеры (эсеры). И те и другие организацию своих партий начали с постановки нелегальных заграничных печатных органов. «Строительными лесами» социал-демократической партии считал В.И. Ленин газету «Искра», которая начала выходить в Лейпциге в 1900 г., затем типография была перенесена в Мюнхен, Лондон, Женеву. «Искра» выполнила свою задачу, и в 1903 г. со второй попытки, была создана Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП).

С конца 1900 г. начали выпускать свое печатное издание эсеры, сначала в России, а с 1902 г. в Женеве. Центральный орган партии «Революционная Россия» был, по определению лидера эсеров В. Чернова, «ни газета, ни журнал».

С 1902 г. под руководством П.Б. Струве начинает издаваться журнал «Освобождение», сначала в Штутгарте, потом в Париже. Вокруг него группируются те силы русской интеллигенции, которые в 1905 — 1906 гг. оформятся в партию кадетов (конституционных демократов)⁵.

В России рубеж веков ознаменовался переориентацией взглядов известных мыслителей. В 1901 г. в журнале «Мир божий», известном как один из органов «легальных марксистов», с рядом статей выступил Н.А. Бердяев. Уже в первой, имевшей название «Борьба за идеализм», он заявил об отказе от марксизма и о переходе на позиции идеалистической философии.

Н.А. БЕРДЯЕВ (1874-1948) — религиозный философ, публицист, по мнению современных западных исследователей, являлся мыслителем, полнее других олицетворявшим идеи русского духовного ренессанса начала XX в. Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков, первыми начавшие переоценку марксистских взглядов, подчеркивали в своих статьях, появившихся в самом начале столетия, что в вопросе о социально-экономическом развитии России они продолжают оставаться на марксистской точке зрения, по хотят дополнить экономическое учение К. Маркса, где практически игнорируются интересы отдельной личности, проблемами этики. По словам С.Н. Булгакова, кризис, переживаемый марксизмом (имелась в виду критика учения К. Маркса, усилившаяся в западной науке), имеет не экономический, не политический, а моральный характер. Основную

мысль русских критиков марксизма Л.З. Слонимский — автор журнала «Вестник Европы», известный своими выступлениями против идей К. Маркса и их последователей, сформулировал так: «Нужно человеком быть и свое право на образ и подобие Божества нельзя уступить ни за какие блага мира, ни за счастье и довольство свое или хотя бы всего мира, ни за власть и успех в жизни»⁶.

Считая, что марксизм воодушевляет своих сторонников верой в близкий и закономерный приход иного, совершенного общества и поэтому он силен не научными, а утопическими взглядами, Бердяев и Булгаков предлагали марксистам заменить их веру другой — христианской, или мистико-идеалистической. Таким образом, разными путями представители русской философской и творческой мысли приходили к идее христианства, обновленного, оплодотворенного современной философской мыслью.

В 1901 г. по инициативе петербургских литераторов-символистов Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Н.М. Минского, философа В.В. Розанова, издателя «Журнала для всех» В.С. Миролубова, редактора «Мира искусства» художника А. Бенуа и других в Петербурге начинаются заседания религиозно-философских собраний, в которых принимают участие и наиболее прогрессивные представители православной церкви: преподаватели Петербургской духовной академии А. Карташев и В. Успенский, чиновник Святейшего синода В. Тернавцев, редактор журнала «Миссионерское обозрение» В. Скворцов и др. На заседаниях, отчеты о которых печатались в 1903 г. в журнале «Новый путь», обсуждались проблемы свободы совести и веротерпимости, общественной роли церкви и ее взаимоотношений с государством, религиозные основы брака, семьи и так далее. Разрешенные сначала К. Победоносцевым, в 1904 г. собрания были запрещены, так как не все то, о чем там говорилось, соответствовало догматам ортодоксальной церкви. Они еще раз ненадолго возобновились, но гораздо позже.

В 1902 г. вышел из печати сборник философских статей, где были опубликованы работы Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка — известных в России философов-идеалистов и др. Несмотря на сугубо Научный характер и название «Проблемы идеализма» сборник вызвал большой общественный резонанс. Именно в статьях этой книги произошла окончательная переоценка и марксизма и материализма, на ее страницах Н.А. Бердяев обосновал «этический принцип личности как самоцели и абсолютной ценности». «Нравственность, — писали авторы сборника во введении — есть безусловное признание в каждом человеке его духовного «я» и безусловное уважение к его правам»⁷.

13 января 1902 г. разразился один из самых шумных скандалов в русской журналистике. В этот день газета «Россия», известная публике благодаря знаменитым фельетонам В.М. Дорошевича и А.В. Амфитеатрова, опубликовала фельетон последнего «Господа Обмановы», содержавший незавуалированные намеки на царствующий дом. Впоследствии свидетели рассказывали, что первым прочитал фельетон духовник царя Янышев и поспешил с докладом к Николаю II. В господах Обмановых, в их сыне Нике-Милуше (это прозвище надолго осталось за российским императором) царь безошибочно узнал отца, деда и себя самого. Газета была приостановлена и больше не возобновилась. А.В. Амфитеатров, как выяснилось позднее, был отправлен в Минусинск, да так поспешно, что вынужден был уехать в осеннем пальто, потому что шуба была заложена⁸. Все более или менее причастные к журналистике долго гадали, на что надеялся Амфитеатров, публикуя «Господ Обмановых», и читали ли фельетон перед публикацией редактор Г.П. Сазонов и В.М. Дорошевич. Возможно, Амфитеатров надеялся, что царь промолчит, чтобы не раздувать скандала. Так или иначе, фельетон стал основной сенсацией на долгое время.

При всей неясности мотивов Амфитеатрова, сделавшего подобный выпад против царствующей династии, само появление такого фельетона — факт очень симптоматичный для России начала 900-х годов, когда в преддверии первой русской революции в обществе резко усилились антисамодержавные настроения.

В 1903 г. отмечалось 200-летие русской журналистики. Почти все газеты и журналы публиковали статьи о ведущих органах прессы, начиная с «Ведомостей», учрежденных Петром I и появившихся в начале 1703 г. К юбилею был подготовлен «Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати в 1703—1903 гг.», но в основном празднование

вылилось в разговор о бесправном, угнетенном положении прессы в России. Много писали о цензурных запретах, административных преследованиях, полном отсутствии права на свободное слово.

Результатом этого обсуждения проблем свободы печати явилась вышедшая в 1905 г. книга сотрудников газеты «Русские ведомости» Вл. Розенберга и В. Якушина «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем».

В 1904 г. началась русско-японская война. Она была крайне непопулярна в России, виновниками считались придворные круги, у которых были разногласия с Японией из-за лесных концессий на Дальнем Востоке. Поражение в войне, растущее недовольство политикой правительства накалили общественную атмосферу, заставили самодержавие пойти на некоторые послабления режима.

8 августа 1904 г. министром внутренних дел стал П.Д. Святополк-Мирский, который провозгласил «эпоху доверия» правительству обществу, слегка ослабил цензуру, разрешил съезды земских Деятелей и т.д. Осенью началась, по выражению А.С. Суворина, «правительственная весна», давшая возможность открыто обсуждать такие проблемы, о которых раньше запрещалось даже упоминать.

9 января 1905 г. разразилась первая русская революция. Расстрел мирной демонстрации, которую священник Григорий Гапон вел к Зимнему дворцу с петициями и просьбами к царю, потряс всю Россию. Правда, в истории расстрела есть непонятные моменты: судя по дневникам Николая II, царя не было в этот момент не только во дворце, но и вообще в Петербурге. Знал ли об этом Гапон? Наверное знал, не мог не знать. В трудах историков последних лет появился тезис о том, что события 9 января — провокация, направленная не только против рабочих, но и против Николая II.

О готовящемся расстреле некоторые общественные деятели знал еще накануне. 8 января в редакции одной из самых влиятельных газет Петербурга «Наши дни» собрались писатели, адвокаты, ученые, журналисты. Было решено послать к Святополк-Мирскому депутацию. В нее вошли А.М. Горький, член редколлегии журнала «Русское богатство» Н.Ф. Анненский, активные сотрудники этого журнала А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, политический обозреватель «Вестника Европы» К.К. Арсеньев, редактор газеты «Право» И.В. Гессен, известные историки Н.И. Кареев, В.И. Семевский и др. Пытаясь остановить расстрел, участники депутации разговаривали с С.Ю. Витте, но никаких результатов этот разговор не дал. После Кровавого воскресенья все члены депутации были арестованы, А.М. Горький на целый месяц был отправлен в Петропавловскую крепость.

Журналистика в годы первой русской революции прошла очень своеобразный, сложный путь: за короткое время она пережила и «медовый месяц свободы», по выражению современников, и ожесточенный административный нажим со стороны власти, и попытки восставших рабочих взять ее под свой контроль. Журналистике пришлось самоопределиваться, осознать собственную, только прессе присущую роль в период общественных бурь и катаклизмов.

Уже в конце 1904 г. печать «явочным порядком» расширила те жесткие цензурные рамки, в которые она была поставлена Александром III в 1880-е годы. Председатель Кабинета министров С.Ю. Витте в своих воспоминаниях писал: «Пресса начала разнуздываться еще со времени войны; по мере наших поражений на востоке пресса все смелела и смелела»⁹. Очень интересную запись сделал 16 ноября 1904 г. в своем дневнике А.С. Суворин, известный публицист, редактор-издатель одной из самых влиятельных газет «Новое время»: «Вот она, «весна», которую я провозгласил 3 ноября 1903 года. «Право» и «Наша жизнь» в либерализме всех превзошли, затмили «Русские ведомости». Одни «Московские ведомости» защищают самодержавие, в них печатаются письма с выражением сочувствия самодержавию... Вчера в Москве в Дворянском собрании во время концерта Собинова шикали гимну одни, другие аплодировали, а с хор падали прокламации. В земских собраниях не мудрено, что станут кричать «долой самодержавие»¹⁰.

Это свидетельство человека отнюдь не революционно настроенного, оно показывает всю напряженность общественной жизни страны в предреволюционные и революционные дни.

Газеты, о которых писал Суворин, — «Право», «Наши дни», «Наша жизнь», «Товарищ»,

«Сын Отечества» — были самыми популярными легальными изданиями 1905 г., они выходили в Петербурге, их издавали и читали представители оппозиционно настроенной интеллигенции. Эти газеты быстро исчезали под ударами цензуры, но те же редакции выпускали их снова уже под другими названиями.

После трагических событий 9 января 1905 г. русская печать была лишена возможности опубликовать какие-либо материалы, кроме официального сообщения. Многие уже набранные материалы были конфискованы полицией, делавшей обыски в помещениях редакций. Тогда газеты и журналы начали своеобразную забастовку. 9 января собрание представителей газет «Русь», «Новости», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Слово», «Право», «Наборщик» приняло заявление, где говорилось, что эти газеты «не находят возможным считаться с цензурными запретами» печатать сообщения о событиях общественной жизни¹¹. Следует заметить, что среди этих газет были не только самые радикальные, но и достаточно умеренные органы прессы, такие как «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время». Но то, что газеты должны информировать читателя о происходящем в охваченной революцией стране, понимали все деятели русской прессы, и левые, и правые.

Почти все издания начали печатать в начале номера: «Выходит без цензуры». Цензура была устранена «явочным порядком». Пресса стала помещать такие материалы, которые раньше никогда бы не увидели света. Например, в первой половине 1905 г. широко обсуждался «Проект русской Конституции», изданный весной редакцией журнала «Освобождение». Публиковались материалы о многочисленных съездах, которые проходили в это время в России: съездах земцев, промышленников, торговцев и многое другое.

Вспоминая осенние месяцы до Манифеста 17 октября 1905 г., С.Ю. Витте писал: «Вся пресса превратилась в революционную в том или другом направлении, но с тождественным мотивом — «долгой подлой или бездарное правительство, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора». Петербургская пресса, дававшая и поныне, хотя и в меньшей степени, Дающая тон всей прессе России, совершенно эмансипировалась от Цензуры и составила союз, обязавшийся не подчиняться цензурным требованиям. В этом союзе участвовали почти все газеты и в том числе консервативные, а также «Новое время»¹².

Председателя Кабинета министров особенно возмущало поведение правой прессы, которая «совсем поджала хвост». Действительно, правая печать растерялась до такой степени, что даже оплот самодержавия — «Гражданин» князя В.П. Мещерского в 1905 г. перестал выходить, его заменили личные дневники издателя.

Положение русской журналистики в первый революционный год было очень сложным. С одной стороны, правительство, во всем видевшее революционные настроения, усиливало административное и цензурное давление на журналистику, с другой — восставшие рабочие, особенно наборщики, от которых зависела техническая сторона издания газет, прекращали работу типографий, не допускали выхода газет из-за их недостаточной революционности. Не выходили газеты во время всеобщих забастовок. Так, 8 января 1905 г., кроме «Ведомостей Петербургского градоначальства», не увидела свет ни одна газета. Депутат Государственной думы трех созывов В.В. Шульгин — сын редактора газеты «Киевлянин», сменивший впоследствии отца на этом посту, рассказывал в книге воспоминаний «Дни» о революционных событиях в Киеве и о рабочих своей газеты: «Однажды, когда я вернулся, меня встретила во дворе группа наборщиков. Они, видимо, были взволнованы. Я понял, что они только что вышли от Дмитрия Ивановича (Пихно, редактор «Киевлянина». — С.М.). «Невозможно, Василий Витальевич, мы бы сами хотели, да никак. Эти проклятые у нас были. Кто? Да от забастовщиков, от «комитета». Грозятся: «Вы тут под охраной работаете, так мы ваши семьи вырежем». Ну что же тут делать?! Мы сказали Дмитрию Ивановичу: хотим работать и никаких этих «требований» не предъявляем, но, — но боимся...» Я понял, что эти люди искренно хотели бы «не уступать», но... страшно. И вправду, есть ли что-нибудь страшнее толпы?...»¹³ Таким образом, не везде и не всегда приостановка всех изданий, кроме рабочих, была выражением воли всего восставшего пролетариата, часто в этом проявлялся диктат новых органов власти — Советов рабочих и крестьянских депутатов, создаваемых восставшими параллельно со старыми органами власти. К 17 октября в Петербурге

Совет рабочих депутатов представлял значительную силу, и столичная пресса вынуждена была считаться с его решениями. Все типографии были в руках рабочих-наборщиков, от них зависела судьба газет, и, как раздраженно заявлял Витте, «по карманным соображениям все газеты революционизировали». Конечно, частная газета должна была учитывать материальные потери от постоянных приостановок, но редакторы и сотрудники понимали, что в революционные дни необходимо информировать население о происходящем, и старались сохранить жизнь своего издания любой ценой. Кроме того, общее недовольство российскими порядками, стремление их изменить, романтика революционного подъема увлекали журналистов, давали возможность писать острые обличительные материалы.

В начале октября в Петербурге возник Союз в защиту печати. Инициатором его создания выступила газета «Наша жизнь», в ее помещении проходили первые заседания, потом они были перенесены в более просторную редакцию «Нового времени».

Основной вопрос, стоявший в центре внимания членов Союза, — вопрос о свободе печати. Ослабления цензурного гнета требовали все: и правые, и левые, и журналисты, и издатели. Но каждая группа изданий свободу печати понимала по-своему, поэтому обсуждение конкретных мер по ее обеспечению продвигалось медленно.

В сборнике статей «Свобода печати при обновленном строе», вышедшем в 1912 г., один из известных издателей Н. Ганфман в статье «Явочный период свободы столичной печати» рассказал о заседаниях Союза накануне Манифеста. В заседании участвовали представители газет «Биржевые ведомости», «Наша жизнь», «Неделя», «Новое время», «Новости», «Право», «Русская газета», «Русь», «Свет», «Слово», «Сын Отечества», «Юрист». Назвав имена присутствующих на заседании, автор распределил их по определенным группам, как принято было тогда среди деятелей прессы. Во-первых, группа «нововременцев» как символ правой печати, затем «ра-дикальная пресса» — «Новая жизнь», «Право», «Русская газета», «Русь», «Сын Отечества». Отдельно указаны члены редакций журналов «Русское богатство», «Журнал для всех» и «Мир божий», представлявших левое крыло русских ежемесячников. В таком составе «комитет действия», как его называли, обязался следить за осуществлением свободы печати «явочным порядком», т.е. выпускать новые номера журналов и газет, не представляя их в цензуру.

Считалось, что подписать Манифест 17 октября 1905 г. Николая II заставил С.Ю. Витте. На самом деле таких людей было трое. Кроме Витте, это — беспартийный адвокат Г. Хрусталева-Носарь, возглавлявший Совет рабочих депутатов, и дядя царя Николай Николаевич.

Хрусталева-Носарь организовал всеобщую забастовку, начавшуюся с забастовки транспортников. Таким образом была парализована жизнь Петербурга. Одновременно с этим группа придворных требовала диктатуры, на роль диктатора выдвигали дядю царя Николая Николаевича, но тот, угрожая застрелиться на глазах у всех, потребовал подписания Манифеста, проект которого подготовил Витте.

Манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка» обещал Конституцию, наделял законодательными функциями Государственную думу, провозглашал свободу слова, собраний, союзов, обещал неприкосновенность личности. Но Манифест был провозглашен без всякой подготовки. Страна растерялась, растерялись армия и полиция. Так как в Манифесте не было сказано о равноправии населявших Россию народов, во многих городах начались еврейские погромы, стреляли не только погромщики, но и боевые дружины самообороны, организуемые в еврейских кварталах. Армия начала делать свое дело — наводить порядок.

В 1905 г. трон был спасен, потому что часть народа еще стояла за монархию и защищала царя.

Либерально настроенная русская интеллигенция истолковала Манифест как долгожданную Конституцию, объявила революцию законченной.

17 октября в редакции «Слова» с нетерпением ждали царский Манифест, который был доставлен вечером. Сотрудник «Нового времени» А.А. Пиленко встал на возвышение и торжественно его прочитал. «Каждое из основных положений, устанавливающее начала конституционализма, было встречено горячими рукоплесканиями и криками восторга. Да, это

Конституция — таков был единогласный и радостный отклик всех представителей печати без различия направлений»¹⁴.

Союз в защиту печати заседал 17 октября еще два раза, основным в повестке дня был вопрос о скорейшем выходе газет, приостановленных во время всеобщей стачки. Но переговоры с рабочим стачечным комитетом закончились неудачей, и газетам не удалось опубликовать даже текст Манифеста. Его опубликовал только «Правительственный вестник», а «Новому времени» пришлось отпечатать текст на машинке и вывесить в окне редакции. В Москве «Русское слово» И.Д. Сытина тоже было приостановлено по приказу Совета. И хотя рабочие сытинских типографий в забастовке не участвовали, в помещении газетной типографии был отключен свет, и станки не работали. Издание «Русского слова» было перенесено; в книжную типографию, снабженную автономным энергоснабжением. Газета смогла опубликовать Манифест и выйти в свет, но газетным полосам пришлось придать книжный формат¹⁵.

19 октября к Витте отправились представители петербургских газет. От имени прессы говорил С.М. Проппер — издатель «Биржевых ведомостей». Он требовал удалить генерал-губернатора Петербурга Трепова — виновника расстрела 9 января, вывести из Петербурга войска, а охрану города поручить городской милиции. «Мы правительству вообще не верим», — заявил Проппер. До 22 октября, когда снова был разрешен выход газет, пресса сохраняла анти-правительственные настроения.

Время с 17 октября до 24 ноября современники называли «медовым месяцем свободы печати». Сотрудники большинства газет и журналов упивались долгожданной свободой слова, выпускали номера изданий без цензуры, обсуждали самые острые темы.

Однако в это время легальная печать осталась один на один с Советами, которые по-прежнему не допускали выхода газет не социал-демократического толка, особенно в периоды забастовок, следовавших одна за другой. В связи с началом Декабрьского вооруженного восстания Московский Совет рабочих депутатов с 7 декабря запретил издание всех городских газет и распространение петербургских. Это вызвало резкий протест Союза печати, и «общее собрание Союза печати почти единогласно (возражала одна социал-демократическая «Новая жизнь» в лице ее редактора Н.М. Минского, вышедшего после этого из Союза) постановило, что интересы всего общества и самого освободительного движения требуют, чтобы забастовки не распространялись на периодическую печать, и ввиду того, что рабочие хотели допустить только выход своих изданий, подчеркнуло, что принцип свободы печати требует, чтобы направление издания не играло никакой роли при решении вопроса о выходе его в свет» (выделено мной. — С.М.)¹⁶.

Таким образом, в 1905 г. деятели русской журналистики подчеркивали, что основная цель периодики — информировать читателей о происходящих событиях и свобода прессы означает, в первую очередь, свободу выхода в свет любых изданий вне зависимости от их направления.

В это время привычный для русской журналистики принцип оценки издания только по его направлению утрачивает свою обязательность и повсеместность. В переломные моменты истории информационная роль журналистики выходит на первый план, опережает требование последовательности и чистоты направления. Тем более что в момент общественного подъема, всеобщего увлечения революционными настроениями различные оттенки идеологий, по-литических пристрастий, программ становятся плохо различимыми на фоне общего недовольства существующими порядками. В такое время трудно строго различать направления газет и журналов, отличающихся друг от друга только оттенками, нюансами, не всегда имеющими принципиальный характер.

Зато необходимость в информации, даже по-разному, тенденциозно поданной, ощущалась всеми слоями общества. Эту информационную роль и должна была выполнять пресса, подвергавшаяся ударам и справа, и слева, и со стороны самодержавного государства, к чему все привыкли, и совершенно неожиданно, со стороны восставших, которых значительное число изданий поддерживало.

«Печати, освобожденной от правительственного гнета, грозит произвол, зарождающийся в собственной среде, — писал «Вестник Европы» в январе 1906 г. — Если бы в нашей печати получили право гражданства приказы, идущие от рабочих, то положение ее стало бы худшим, чем

при правительственной цензуре». Возражая против забастовок, парализующих деятельность прессы, журнал замечал: «Полная нецелесообразность газетных забастовок не может подлежать никакому сомнению. Успех забастовки создает настроение. Настроение, если не создает, то поддерживает на известной высоте всего сильнее газета — освещением событий и еще больше сообщением фактов... Поэтому первейшее средство понизить напряжение общественного настроения — прекратить газеты... Эти бесспорные соображения заставляли и в октябре, и в ноябре и теперь в декабре поголовно всех издателей, редакторов и сотрудников газет, особенно радикальных, добиваться возможности писать и печатать. Наборщики же, печатники и вообще все механические работники печати всякий раз отвечали решительным и упорным отказом»¹⁷. Авторы этих строк — К.К. Арсеньев и В.Д. Кузьмин-Караваев — как бы уговаривают рабочих, пытаются доказать им, что пресса полезна и во время забастовок, и прекращение выхода газет; недопустимо с точки зрения общественных интересов.

24 ноября 1905 г. правительство утвердило «Временные правила о печати», где многие обещанные свободы не получили законодательного подтверждения, но было узаконено основное достижение революционного года — явочный порядок выхода новых изданий¹⁸.

Существовавшую ранее систему выхода новых органов называли концессионной. Главное управление по делам печати давало разрешение на выход нового органа, только убедившись в благонадежности его будущих сотрудников. В правилах 24 ноября 1905 г. был узаконен явочный порядок выхода: достаточно было подать прошение и через две недели получить разрешение. Такой порядок давал возможность быстро заменять приостановленное издание другим при том же составе сотрудников. Он был более выгодным для деятелей русской прессы.

После подавления московского вооруженного восстания, когда стало ясно, что самодержавие выстояло, началось наступление на прессу. 18 марта 1906 г. появился высочайший указ, представивший систему арестов номеров газет и журналов в качестве основной меры борьбы с печатью.

Решающую роль в процессе общественного самоопределения газет и журналов сыграло появление в конце 1905 — начале 1906 г. легальных политических партий, в том числе консервативных и умеренных. До этого времени организационно оформились только крайние революционные нелегальные партии, которые во время революции смогли выйти из подполья. Граф Ф.Д. Толстой писал в конце декабря 1905 г. в одном из писем, что только после Манифеста 17 октября «началась деятельная работа общества в смысле дифференциации, составления партий и союзов более или менее умеренных. После 17 октября общество и правительство оказались лицом к лицу с организацией, и притом отличной, только одних крайних партий, все же остальное бродило вразброд, не сознавая даже той опасности, которая грозила им со стороны «сознательного пролетариата». Только после того, как общество почувствовало неумолимую тиранию всяких союзов социал-демократов и социал-революционеров и прочих, оно начало понимать, что надо организовываться и самим спасать свою шкуру от сильных своей организацией и верой в свои идеалы социалистов всех фракций»¹⁹.

Газеты пропагандировали партийные программы, журналы зачастую разрабатывали такие программы сами, становясь инициаторами создания новых партий.

На крайнем правом фланге стояли черносотенцы, организовавшие «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела». Но у правых единства не было. А.С. Суворин писал в своем дневнике в 1907 г.: «Мы заступались много раз за Союз русского народа, когда видели, что на него нападают несправедливо. Но быть в партии с г. Дубровиным и другими союзниками мы никогда не были и не будем. Не будем мы считать Союз русского народа за русский народ, как не считаем за русский народ ни одной другой партии»²¹.

Доктор А.И. Дубровин и В.А. Грингмут — издатель «Московских ведомостей» олицетворяли самую реакционную часть черносотенцев, от них отреклись даже сочувствовавшие Союзу русского народа. Дубровина открыто поддерживал Николай II.

Официальным органом Союза стала газета «Русское знамя», не сумевшая ни у кого завоевать авторитет. А.С. Суворин отмечал, что эта газета пишет холопским языком. В материалах отчета о периодической печати за 1908 г. сохранилась докладная записка одного из членов Совета

Главного управления по делам печати, где содержится характеристика газеты: «Русское знамя» не консервативный, а крайне реакционный орган... Нападки на политику внутреннего управления, которые позволяет себе «Русское знамя», перестала быть патриотическими... Такого рода литературная борьба получает уже характер революционный»²¹.

Черносотенцы тоже были недовольны газетой, которая выражала взгляды самой правой части союза. На съездах не раз ставило вопрос о закрытии этой газеты и замене ее другой.

Крупная буржуазия создала в конце 1905 г. несколько партий «Союз правого порядка», «Всероссийский промышленный союз» но самым долговечным оказался «Союз 17 октября». Его членов называли «октябристами», под этим названием и вошла в истории партия, объединявшая представителей крупного капитала и наиболее умеренные слои русской интеллигенции. Инициатива создания партии принадлежала московским текстильным фабрикантам, во главе стояли А.И. Гучков и Д.Н. Шипов. «Октябристы» начали издавать газету «Новый путь», но она быстро закрылась. К ним примыкала «Умеренно-прогрессивная партия» во главе с П.П. Рябушинским. Органом прогрессистов стала газета «Голос Москвы».

Близко к «октябристам» стояли и «мирнообновленцы», которые выпускали с декабря 1906 г. газету «Слово». О «Слове» остряки говорили, что эта газета «бывших людей», издавал и редактировал ее бывший министр (М.М. Федоров), из числа сотрудников многие в свое время тоже занимали государственные посты или перешли из других партий.

Самой популярной в России стала партия конституционных демократов (кадетов), занимавшая самые левые позиции среди буржуазных партий. Она с большим преимуществом победила на выборах в I Государственную думу. Единства среди кадетов не было: одно крыло возглавлял П.Б. Струве, который с декабря 1905 г. издавал еженедельник «Полярная звезда», во главе другого стоял П.Н. Милюков. В качестве центрального органа кадеты издавали газету «Речь», просуществовавшую до октября 1917 г.

Кадетов поддерживала почти вся легальная пресса. «Наша жизнь», «Русь», «Товарищ», «Русские ведомости» и многие другие влиятельные органы периодики разделяли взгляды партии «народной свободы», как себя называли кадеты. На несколько недель, в конце 1905 г., до выхода «Речи» органом кадетов стали «Биржевые ведомости», сменившие название на «Народную свободу», а позже ставшие «Свободным народом». Опытный делец — издатель «Биржевых ведомостей» С.М. Проппер передал газету П.Н. Милюкову, решив тем самым снискать симпатии подписчиков. Но этот союз профессионального издателя и лидера партии быстро распался. «Кадеты съели всю подписку во мгновение ока, — жаловался Проппер, — и стали уже отучать публику, воюя со всеми другими партиями. А у меня правило — ни с кем не воевать»²².

Довольно быстро некоторые органы печати разочаровались в программе конституционных демократов. Так, разошлись с ними по вопросам партийной дисциплины и признания принципа демократического централизма в качестве основополагающего при организации партии ведущие сотрудники журнала «Вестник Европы», являвшиеся видными земскими деятелями. В начале 1906 г. журнал опубликовал программу новой организации — партии демократических реформ, инициаторами создания которой стали редактор журнала М.М. Стасюлевич, политический обозреватель К.К. Арсеньев, активные сотрудники М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев и др. В качестве неофициального центрального органа Партии была основана газета «Страна», редактором которой стал М.М. Ковалевский. Как политическая организация партия не состоялась, но о своей верности программе, опубликованной в 1906 г., журнал заявлял неоднократно — и в 1909 г., когда редактором стал К.А. Арсеньев, и в 1915 г., отмечая 50-летие своего издания.

На левом фланге стояли эсеры и социал-демократы, в 1903 г. разошедшиеся на две фракции — большевиков и меньшевиков. Первую возглавил В.И. Ленин, вторую — Г.В. Плеханов. До 1912 г. обе фракции существовали в рамках одной партии. В конце 1905 г., когда появилась возможность издавать легальные газеты в качестве центральных органов своих партий, большевики использовали газету «Новая жизнь», разрешение на издание которой получил поэт Н.М. Минский, а эсеры превратили в свой орган уже издававшийся «Сын Отечества». Правда, эти газеты были вскоре закрыты. Обе партии в годы революции снова и снова пытались организовать свои легальные и нелегальные печатные органы, которые быстро исчезали под ударами цензуры.

Разобраться сразу во всех программах вновь появившихся многочисленных партий было очень сложно и читателям, и властям. Главное управление по делам печати, привыкшее группировать все издания периодики «по направлениям», попыталась это сделать и в революционные годы. В «Отчете о периодической печати за 1907 год чиновники стремились разложить петербургскую прессу «по полочкам». В отчете были выделены следующие группы изданий: 1 — партии эсеров; 2 — имеющие общий революционный характер (внепартийные); 3 — издания, посвященные истории революционного движения; 4 — партии социал-демократов (большевиков и меньшевиков); 5 — партии трудовиков; 6 — общего характера; 7 — христианско-социалистического направления; 8 — партии реальной политики; 9 — народно-социалистического направления; 10 — имеющие анархический характер; 11 — резко оппозиционные правительству издания (без принадлежности к определенной партии); 12 — умеренно-оппозиционного направления; 13 — партии кадетов; 14 партии демократических реформ; 15 — Союза 17 октября; 16 умеренно-прогрессивного направления; 17 — сионистского направления; 18 — консервативно-патриотические и монархические; 19 безразличные в политическом смысле; 20 — эротического характера; 21 — официальные²³.

Для определения направления разных газет и журналов Главному управлению оказалось мало только партийных симпатий, хотя в отчете они учтены, понадобилась более детальная «роспись» журналистики. Интересно и соотношение разных групп в цифрах. Примерно из 500 органов периодики, за вычетом 13 официальных, только 41 издание указано в рубрике «консервативно-патриотические и монархические», 263 названы безразличными в политическом смысле, но почти половина петербургских изданий — оппозиционные.

Создание партий и партийной прессы сделало систему русской журналистики более современной для начала XX в. «Русская печать стала носить характер, напоминающий политическую прессу Западной Европы и Америки», — справедливо заметил журнал «Русское богатство» в 1906 г.²⁴

Правда, при одинаковой партийной ориентации различные газеты и журналы сохраняли собственные взгляды, не совпадающие в нюансах и оттенках. Некая разноголосица возникала подчас и внутри одного издания, особенно в толстых ежемесячниках. Чисто партийными становились официальные и неофициальные центральные органы, в основном газеты.

Общественно-политические газеты и толстые журналы быстро поняли, что выступать под флагом строгой партийности издания, рассчитанные на более разнородные круги читателей, не могут. Вот что писал Н.Ф. Анненский — член редколлегии «Русского богатства» в письме к В.Г. Короленко после того, как журнал стал организатором новой партии народных социалистов (энесов), близкой к эсерам, но более умеренной в тактике: «Решено твердо оставить его (журнал. — С.М.) органом беспартийным. Он останется журналом «направления» более широкого... хотя, конечно, близкого и однородного с основной линией той партии, к которой принадлежит ядро его сотрудников. Это совершенно необходимо, по для свободы журнала не опасно, так как относится только к программным вопросам. В обзоре тактики журнал останется совершенно не связанным с решениями родственной ему партии»²⁵.

Осознание того факта, что последовательная пропаганда только партийных программ сужает возможности периодического органа в освещении широкого круга проблем, привело русскую журналистику к повсеместному отказу от открытого признания своей связи с определенной партией. Уже в 1910—1912 гг. на титульных листах многих изданий появляются подзаголовки типа «Беспартийный орган прогрессивной мысли» или «Беспартийная газета экономики, политики и литературы».

Отказу прессы от партийной ориентации способствовало разочарование в самой популярной партии — партии кадетов, не оправдавшей возлагаемых на нее надежд.

Скрывать свои партийные симпатии русским газетам и журналом пришлось и из-за цензурных притеснений, многократно усилившихся после поражения первой русской революции и наступившей реакции.

3 июня 1907 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин распустил III Государственную думу, оказавшуюся более революционной, чем хотелось бы правительству. «Столыпинский

переворот» означал окончание революции, все завоевания почти трех лет борьбы с самодержавием были сведены на нет. Особенно сильно это ощутила на себе пресса. Временные правила о печати были отменены, их заменило «Положение о чрезвычайной охране», устанавливающее систему штрафов и фактически возрождающее предварительную цензуру. Современники писали, что такого количества штрафов, приостановок, административных взысканий, как в 1908 г., не было за 40 лет (с 1865 по 1904 г.) истории русской журналистики. Доход казны от административных штрафов только с газет за 9 месяцев 1908 г. составил около 80 тыс. рублей. Штрафы накладывались 165 раз. Газеты и журналы были полны сообщениями об очередных репрессиях²⁶.

При Охтинской полицейской части в Петербурге для журналистов была отведена особая камера, в пей редко находилось менее 40 человек. Все помещения жандармских управлений были забиты конфискованными книгами и номерами газет и журналов. Их со бралось несколько миллионов экземпляров. Особенно трудным оставалось положение провинциальной прессы. Симферопольские «Южные ведомости» в 1910 г. «праздновали» 50-ю конфискацию) «Новый край» (Харбин) за короткий срок приостанавливали несколько раз, и в конце концов газета была закрыта.

П.А. Столыпин начал свою деятельность с требования составить для него список газет с указанием степени их распространения размеров приносимого ими «вреда». К Рождеству 1909 г. Тамбов кий губернатор приказал разослать в библиотеки, читальни и школы циркуляр, где все издания были разделены по рубрикам на «ж дательные», «нежелательные, нетерпимые» и «безусловно нежелательные». К «желательным» относились «Новое время», «Россия», «Московские ведомости», журналы «Исторический вестник», «Русская старина», «Нива»; к «терпимым» — «Петербургская газета», «Русские ведомости», «Вестник Европы», «Русская мысль». «Безусловно нежелательными» были «Речь», «Биржевые ведомости», «Утро России», «Русское слово», «Современный мир», «Русское богатство», «Образование».

В 1909 г. деятели русской журналистики пытались отметить 200-летие провинциальной прессы, но в условиях реакции сделать это не удалось.

Но несмотря на сложнейшие условия, цензурный и административный гнет русская печать продолжала развиваться и в количественном, и в качественном отношении. Появлялись новые типы изданий. С июля 1908 г. начала выходить в Петербурге «Газета-Копейка», в 1910—1911 гг. такие «Копейки» появились во многих городах страны. Им было суждено сыграть значительную роль в периодике начала XX в. Дешевое бульварное издание при всей недостоверности информации и откровенной второсортности остальных публикаций приучало читать периодику малообразованного читателя. Большое распространение «Копейки» имели в рабочей среде.

Годы реакции были очень тяжелы не только для журналистики. После поражения революции 1905—1907 гг. общество переживало разочарование. Не оправдались надежды, которые связывала с революцией почти вся русская интеллигенция. Самодержавие выстояло. Надо было понять причины поражения, подвести итоги, определить дальнейшие пути развития страны. Разброс мнений был очень велик: от признания несвоевременности вооруженной борьбы до отказа от борьбы с правительством вообще. Большевики во главе с В.И. Лениным видели причину неудачи московского восстания в отсутствии поддержки со стороны крестьянства, двойственная природа которого (труженик, с одной стороны, собственник — с другой) помешала ему поддержать пролетариат. Меньшевики придерживались мнения, что революционные события начались преждевременно, оказались неподготовленными. Г.В. Плеханов считал, что за оружие браться было рано.

Очень серьезно рассматривали произошедшие события представители либерального лагеря. П.Б. Струве в первом номере журнала «Русская мысль» за 1908 г. опубликовал нашумевшую статью под названием «Великая Россия», где провозгласил новую национальную идею: «Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически срастись». Для создания великой России, о которой мечтал Струве и многие его соратники, эта идея оказалась бы очень плодотворной, но в стране, только что пережившей тяжелейший революционный кризис, в разгар реакции такая проповедь примирения с

правительством оказалась преждевременной и вызвала бурю негодования.

В 1909 г. П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, С.Л. Франк, А. Изгоев и Б. Кистяковский выпустили сборник «Вехи», который вызвал еще более бурный общественный резонанс. Статьи семи авторов были посвящены в основном двум темам: революции и интеллигенции, которая была «руководящим и духовным двигателем ее». «Вдумываясь в пережитое ними за последние годы, — писал С. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество», — нельзя видеть во всем этом историческую случайность или одну лишь игру стихийных сил. Здесь произнесен был исторический суд, была сделана оценка различным участникам исторической драмы, подведен итог целой исторической эпохи... Русская революция развила огромную разрушительную энергию... но ее созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных»²⁷.

Еще резче писал П.Б. Струве: «Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация...» Авторы сборника не во всем и не всегда были согласны друг с другом, но в одном они сходились. «Их общей платформой является признание теоретического и практического первенства духовно) жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства»²⁸.

Участники сборника призывали русскую интеллигенцию отказаться от идеи переустройства общества революционным путем и начать работу по возрождению духовных, культурных, религиозных основ бытия народа и общества. Все авторы говорили о наболевшем, продуманном, видимо, они не рассчитывали на большой общественный резонанс своего сборника. Наверное, прав был В.В. Розанов, который считал, что «Вехи» — самая грустная и самая благородная книга, какая появилась за последние годы. Книга полная горечи и самоотречения». Ее авторы, — и это подчеркнул Розанов, — «все бывшие радикалы, почти эсдеки... когда-то деятели и ораторы шумных митингов (Булгаков), вожди кадетов (Струве), позитивисты и марксисты не только в статьях журнальных, но и в действии, в фактической борьбе с правительством». Они говорили в своих статьях «о себе и своем прошлом, о своих вчерашних страстнейших убеждениях, о всей своей собственной личности»²⁹.

Читателями «Вех» были люди, еще не остывшие от бури 1905 г., тяжело переживавшие свое поражение. Их реакция на сборник была очень резкой. Его ругали и правые и левые. Очень немногочисленные одобрительные отклики принадлежали людям, которых рассматривали как врагов прогресса и трудового парода. Остальные рецензенты, представлявшие часто полярные политические и общественные группировки, были единодушны в оценке сборника. И министр внутренних дел П.А. Столыпин, и лидер кадетов П.Н. Милюков, и вождь большевиков В.И. Ленин в самых резких выражениях осудили авторов «Вех», назвали их ренегатами, оскорбившими русскую интеллигенцию.

В 1910—1912 гг. снова поднимается волна забастовочного движения рабочих, оживают революционные ожидания и надежды. Расстрел забастовщиков на золотых приисках на Лене, о котором писали все газеты, вызвал новый революционный подъем.

Одним из самых значительных событий в жизни русской журналистики стало празднование в 1913 г. 50-летия газеты «Русские ведомости», которая воспринималась как печатный орган передовой русской интеллигенции, следующей традициям служения России и обществу. На торжествах выступали видные общественные деятели, писатели, ученые, философы, подчеркивающие огромную просветительскую роль газеты. Все выступления изданы отдельной книгой, был выпущен также сборник статей, рассказывающих об истории газеты, ее сотрудниках и читателях. Торжественное празднование юбилея газеты знаменовало собой подъем оппозиционных настроений среди интеллигенции.

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война поставила перед русским обществом целый ряд сложнейших вопросов. Одним из самых острых оказался вопрос об отношении к войне. Общий патриотический подъем, охвативший Россию в первые месяцы войны, довольно быстро

угас: бездарное командование, поражение на фронте, тяжелое положение в тылу из-за неорганизованности и отсталости страны быстро остудили самые горячие патриотические чувства.

В сентябре 1915 г. представители социал-демократии ряда европейских стран на проходившей в Циммервальде социалистической конференции поддержали идею русских большевиков о необходимости поражения собственного правительства в империалистической войне. Это помогло бы скорейшей победе социалистической революции в России, а затем в Европе и мире, утверждали представители большевиков. Они предлагали заключить с Германией сепаратный мир. Эти взгляды, получившие название «пораженческих», разделяли не только сторонники В.И. Ленина, но и более умеренные представители освободительного движения. «Пораженчеству» был противопоставлен лозунг «Война до победного конца!». Вокруг этих лозунгов и разгорелась идейная борьба.

В начале войны русская пресса растерялась, ее деятельность не удовлетворяла даже собственных сотрудников. В.С. Мельгунов — многолетний автор провинциального отдела «Русских ведомостей» в докладе, прочитанном в обществе деятелей периодической печати 28 февраля 1916 г. (позже он был опубликован под заголовком «О современных литературных нравах»), говорил: «Наша печать за самым малым исключением повинна в тяжком грехе распространения тенденциозных сведений, нервующих русское общество, культивирующих напряженную атмосферу шовинистической вражды, при которой теряется самообладание и способность критически относиться к окружающим явлениям». И дальше: «Война оказала разлагающее влияние на значительную часть пашей печати — она лишила ее морального авторитета»³⁰.

Правда, тенденциозную информацию газеты и журналы распространяли часто не по своей воле. Им приходилось довольствоваться только официальными сведениями, так как послать своих корреспондентов на фронт они не могли. В конце июля 1914 г. начальникам штабов была дана телеграмма: «Корреспонденты в армию допущены не будут»³¹. В августе 1914 г. на передовые позиции хотели отправиться сотрудники «Русских ведомостей», «Нового времени», «Вечернего времени», «Газеты-Копейки», «Русского слова». Все они получили отказ. В сентябре 10 человек, из них шесть представителей русской прессы, получили разрешение посетить действующую армию. Поездка длилась 14 дней. Только более чем через год после начала войны стараниями известного журналиста М.К. Лемке было учреждено Бюро печати для снабжения газет информацией о ходе военных действий. Очень долго обсуждался вопрос о представительстве в Бюро. Левая печать исключалась. Отказано было и провинциальным изданиям. Первыми корреспондентами Бюро печати были сотрудники «Биржевых ведомостей», «Речи», «Русского слова» и «Русских ведомостей». Но наладить работу Бюро никак не удавалось, оно практически бездействовало.

Таким образом, создать централизованную организацию по сбору информации о военных событиях не удалось. Петербургское телеграфное агентство распространяло «не факты, а вымыслы», по выражению одной из газет. Печать иногда тиражировала самые невероятные слухи. Так, в ноябре 1914 г. «Вечерние известия» крупным шрифтом на первой полосе сообщили о взятии русской черноморской эскадрой Константинополя. Читатели устроили патриотическую демонстрацию, которую полиции пришлось разгонять³².

В 1915 г. в докладе царю говорилось о необходимости «более широкого осведомления отечественной печати и прессы дружественных России государств о ходе военных действий». Было разрешено наиболее влиятельным органам прессы послать своих корреспондентов в ставку³³. Но даже имея информацию с фронтов, напечатать что-либо было трудно. Право цензурировать газеты и журналы было передано департаменту полиции, который запрещал даже по-меты на корреспонденциях «из действующей армии». Иногда из уже набранного материала цензура вырезала целые куски и газеты выходили с белыми пятнами.

Правительство, осознав силу печатного слова, уделяло прессе все больше внимания. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов — личность крайне непопулярная в обществе — попытался создать такой орган периодики, «который путем своего либерального направления мог бы подавить остальные влиятельные петроградские газеты и затем, оставшись единственным

крупным ежедневным изданием, встал бы на защиту интересов промышленности в борьбе с резолюционным движением в рабочей среде»³⁴.

Протопоповская газета вызвала большой общественный резонанс в связи с тем, что в пей согласился работать один из самых известных писателей демократического лагеря — Л.Н. Андреев. В газете он заведовал сразу тремя отделами: беллетристики, критики и театра. Согласившись работать в «Русской воле», Л.Н. Андреев разослал приглашения писать в газету многим русским писателям — почти все отказались. Участие Л.Н. Андреева в правительственном органе вызвало волну осуждения со стороны социал-демократов. Было много разговоров о том, что Андреев куплен большими гонорарами, да и в современном литературоведении с осуждением упоминается о «шовинистических» статьях писателя в «Русской воле». Сам Л.Н. Андреев относился к своему сотрудничеству в протопоповской газете по-иному. В письме к С.Н. Сергееву-Ценскому летом 1916 г. он замечал: «...я вполне самостоятелен и впервые имею возможность не только на словах, но и на деле свободно следовать своим впечатлениям, литературным вкусам и идеалам»³⁵.

В газете писатель выразил свое отношение к войне, о которой уже не раз писал, публикуя статьи в разных изданиях. Андреев стоял на «оборонческих» позициях, поддерживал лозунг «Война до победного конца!». Он считал, что народ, потерпевший поражение, становится малоспособным к созидательной работе. В 1-м номере «Русской воли» за 1916 г. была опубликована статья «Горе побежденному», где эта мысль была высказана особенно ярко и наиболее полно доказана.

Всеобщее недовольство положением страны, политикой самодержавного правительства и лично Николая II, военные неудачи, разрушавшаяся от непосильного военного бремени экономика — все это и привело к февральской революции 1917 г., которую с энтузиазмом встретили почти все слои русского общества.

27 февраля 1917 г. Николай II объявил о роспуске Государственной думы. Это оказалось последней каплей, так как несколько дней Россия жила словно на вулкане. В Петрограде не было хлеба, из-за сильных морозов разладился транспорт.

В городе практически не было людей, сочувствовавших монарху, который вызывал всеобщее осуждение за то, что допустил к управлению страной Г. Распутина, за устроенную им министерскую чехарду, а также за прогерманскую политику императрицы. Растерялись министры, были полностью деморализованы армия и полиция. Николай II находился в это время в Пскове, откуда осуществлял командование воюющей армией. Обеспечение порядка в стране попытался взять на себя организованный Думой Комитет, куда вошли Родзянко, Милюков, Шульгин, Гучков, Керенский и др. Но город восстал, огромные толпы людей шли в Думу, митинговали на улицах.

Главное, чего удалось достичь в эти дни — с 27 февраля по 2 марта — сделать революцию бескровной. Было очень много арестов, избиений, но не было массовой крови. В. Шульгин — монархист, правый депутат Думы в своей книге «Дни» мало лестного говорит о А.Ф. Керенском, но в одном отдает ему должное — именно он употребил все свое влияние, всю свою волю, весь свой актерский талант, чтобы не допустить крови. Сторонников вокруг императора не было. Он принял решение отречься от престола. 2 марта Николай II подписал отречение от своего имени и от имени сына Алексея в пользу брата Михаила. Чуть позже отрекся от престола и Михаил в пользу народа. Февральская революция закончилась.

Страну возглавило Временное правительство, но оно не справилось с труднейшими проблемами, стоявшими перед проигрывающей войну Россией. Агитация большевиков, их лозунги подготовили переворот Октября 1917 г.

Если практически вся русская легальная пресса считала Февраль высшим достижением в борьбе за демократию и республику, то после Октября большинство общественно-политических органов прессы, как и их сотрудники, оказались в антибольшевистском, антисоветском лагере. Эти издания и были постепенно закрыты в первой половине 1918 г.

Немного статистики

Сколько повременных изданий выходило в России в начале XX в.? Как ни странно, ответ на этот вопрос дать нелегко. Достоверным, никем не оспариваемым, является только количество изданий, существовавших в 1900 г., — 1002.

Ежегодные подсчеты периодики готовило Главное управление по делам печати, но русские журналисты и специалисты издательского дела эти цифры оспаривали. Они выпускали альтернативные списки газет и журналов. Отличаются друг от друга и статистические данные, приводимые современными исследователями, основанием для которых являются хранящиеся в архиве ежегодные отчеты о состоянии прессы. Но и разнородная статистика свидетельствует, что количественный рост печати шел в эти годы очень быстро, хотя и неравномерно. Это напрямую связано с событиями, происходившими в стране. По официальным данным, периодических органов печати, издававшихся в 1913 г., было 2915. Учитывая, что эти данные значительно завышены, что многие издания закрывались на первом году жизни, можно констатировать, что за первые 13 лет XX в. количество газет и журналов выросло в 2,5 раза.

Количество периодических изданий в разные периоды XX в. » Зависимость роста периодики от исторических событий.

Чтобы представить общую картину развития системы журналистики определенного периода, надо прежде всего знать общее количество периодических изданий, ее составляющих, определить «насыщенность» периодикой населения России. К концу XIX в. население страны составляло около 128,2 млн. человек. В 1900 г. одно издание приходилось примерно на 128 тыс. человек. В это время, по подсчетам статистиков, в России издавалось 1002 органа периодики.

Быстрая капитализация страны, развитие грамотности, усложнение общественной жизни в начале века — все это вызывало стремительный количественный рост периодики. Но процесс шел неравномерно, скачками, на увеличение числа газет и журналов оказывали влияние особенности политической и культурной жизни конкретного исторического момента.

Статистические исследования периодики велись в России и в государственных учреждениях, и отдельными деятелями и исследователями прессы. Учетом периодики занималось Главное управление по делам печати, учрежденное 5 апреля 1865 г., оно выпускало ежегодные списки изданий, выходившие либо отдельно, либо печатавшиеся в «Правительственном вестнике», а затем появлявшиеся в виде оттисков.

По официальным данным, в 1889 г. в стране выходило 667 изданий (500 на русском языке), в 1901 г. в России (без Финляндии) насчитывалось 1074 периодических органов (900 на русском языке), на 26 ноября 1905 г. — 1795 газет и журналов (1400 на русском языке). Эти списки составлялись на основе свидетельств, разрешавших выход периодического издания, и текущего цензурного учета. В 1908 г. было 2028 изданий, в 1910 — 2391, в 1911 — 2543, в 1912 — 2784, в 1913 — 2915 газет и журналов¹. Но официальные данные требуют значительных уточнений. Как считают современные исследователи, в них не отражено 10 — 20 % выходивших изданий².

Другого мнения придерживались современники. Они считали, что Главное управление давало завышенные показатели, так как при подсчете учитывались не только реально существующие газеты и журналы, но и нереализованные свидетельства, разрешавшие выход нового издания. Так, например, в 1908 г. не вышло 119 изданий, но разрешения остались в картотеке и были учтены как существующие органы периодики³. Кроме того, после установления «явочного порядка» появления новых газет и журналов, несколько названий одного и того же органа, скрывавшегося от цензуры, учитывались как самостоятельные издания.

Все русские исследователи того времени, занимавшиеся проблемами печати, писали о значительном расхождении сведений, публикуемых Главным управлением по делам печати, и реального количества периодических изданий.

В начале XX в. статистические исследования печатного дела получили широкое распространение. В 1903 г. к 200-летию печати вышел «Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703—1903 годов». Он открывался статьей русского книговеда и библиографа Н.М. Лисовского, который в это время работал над своим знаменитым справочником

«Русская периодическая печать 1703-1900 годов», выходящим с 1895 г. четырьмя выпусками, а в полном составе изданном в 1915 г.

Статистические обзоры произведений печати выпускал А.Д. Торопов — статистик и библиофил, редактор журнала «Книговедение», а с 1907 по 1919 г. — «Книжная летопись». В «Списке повременных изданий, выходящих в свет в 1908 году», Торопов указал 1500 периодических органов (официальные сведения — 2028).

В 1911 и 1912 гг. были выпущены составленные управляющим конторой газеты «Речь» И.В. Вольфсоном «Адресные и справочные книги», «Газетный мир», где на 1910 г. насчитывается 1817, а на 1912 — 2167 изданий. (Главное управление давало соответственно 2391 и 2784.)

«Справочные книги о печати всей России» выпустил в 1907 и 1911 гг. Д.В. Вальденберг — инспектор типографий и книжной торговли в Санкт-Петербурге. Эти списки считаются одним из самых достоверных источников. В 1911 г., по сведениям Вальденберга, выходило 1909 газет и журналов, по статистике Главного управления — 2543.

Оспаривал официальные данные и Вл. Розенберг — сотрудник «Русских ведомостей», автор очень интересных, насыщенных фактическим материалом книг о русской журналистике⁴. Розенберг обращал внимание читателей на недолговечность многих русских изданий. По его подсчетам, на первом году жизни закрывалась половина вновь созданных газет и журналов. Например, после Манифеста 17 октября 1905 г. в Петербурге появилось 106 газет и более 300 журналов, 76 газет и 89 журналов исчезли, не прожив и года. В 1907 г. из 190 новых столичных журналов на первом году прекратили свое существование 102, из 72 газет закрылись 62 печатных органа⁵.

За 1908—1910 гг. в стране возникло 2043 новых органа периодики, но в течение трех лет почти 1000 из них прекратили свое существование. «Количественный рост в области повременной нашей печати, — писал Розенберг, — ограничивается прибавкой всего лишь тысячи новых изданий, правда из них более половины — общественно-политические...»⁶

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что количественный рост прессы находился в прямой зависимости от происходивших в стране событий. Первая русская революция дала толчок количественному росту газет и журналов и в столицах, и в провинции. Многие города России в эти годы обзавелись своими частными газетами, которые могли противостоять губернским и епархиальным «Ведомостям» — местным правительственным и церковным официозам.

В период реакции рост прессы снизился, но в 1912 г. количество вновь появляющихся изданий опять возрастает.

Москва в начале XX в. значительно отставала от северной столицы по количеству газет, но к 1910—1911 гг. сравнялась с Петербургом. В 1910 г. очередной подъем забастовочного движения вызвал появление новых газет именно в Москве; находясь в сердце страны, она раньше Петербурга ощутила нарастание общественно-политических бурь.

Очень долго новые издания появлялись в основном в столицах. Впервые в русской истории по количественному росту провинциальная печать обогнала столичную в годы Первой мировой войны. Усилившийся интерес к сообщениям с фронта диктовал необходимость появления новых газет во многих городах страны. Старый журналист И.А. Волков вспоминал: «Живя в Москве, в первые дни войны я видел, как подобно морскому прибою, осаждали тысячные толпы парода витрины и редакции газет»⁷. То же самое происходило и в провинции⁸.

С 1908 г. Главное управление по делам печати проводило ежегодные выставки печатной продукции, производимой в России. По результатам выставок составлялись статистические таблицы, где эта продукция анализировалась по разным параметрам, в том числе и по срокам существования — для прессы. В 1908 г. больше 100 лет истории насчитывало 21 периодическое издание, от 10 до 75 лет — 630 газет и журналов, на первом году существования исчезло 648. Но надо учитывать, что длительность выхода периодического органа не определяла автоматически его влияния. Например, выходявшие более 150 лет «Московские ведомости» совсем потеряли интерес публики, а быстро исчезающие под ударами цензуры газеты, такие как «Наша жизнь», «Наши дин» и другие издания 1905 — 1906 гг., успевали завоевать авторитет и стать самыми

влиятельными среди петербургских изданий.

Особенностью системы русской журналистики начала XX в., переживавшей интенсивный количественный рост, была ее нестабильность: вновь появлявшиеся издания оказывались недолговечными, газет и журналов, выходявших достаточно длительный срок, в России было сравнительно немного.

Правительство и печать

Отличительной чертой начавшегося XX в. русские журналисты считали усилившееся внимание правящих кругов к созданию правительственной прессы, которой самодержавие очень долго пренебрегало. После многих неудачных попыток выпустить правительственную газету в свет вышла газета «Русское государство», основанная председателем Кабинета министров в 1905 г. С.Ю. Витте. Но она была быстро закрыта после отставки Витте.

В русском обществе существовало стойкое неприятие официозной прессы, издания правительства просто не читали. Поэтому министр внутренних дел П.А. Столыпин, умный и дальновидный политик, замаскировал правительственную газету «Россия» под частное издание. В 1912 г. деятели русской журналистики опубликовали секретное соглашение, заключенное между издателем «России» и Главным управлением по делам печати, которое подтвердило факт, всем известный: «Россия» — не частное издание, а правительственный официоз.

И тем не менее в дооктябрьский период официальная печать росла и укреплялась.

- Система правительственной прессы.
- П.А. Столыпин и газета «Россия».
- «Московские ведомости» в начале XX в.

Характерной особенностью русской легальной прессы XX в. является то, что большое количество газет и журналов были по преимуществу частными. В 1900 г. в частных руках находились почти все общественно-политические газеты и журналы.

Первая русская революция заставила самодержавие всерьез взяться за создание правительственной прессы. «До последнего времени одной из характерных черт нашего правительственного класса было отсутствие у него сколько-нибудь развитой положительной общественной идеологии, — писал журнал «Современная жизнь» в апреле 1906 г. — Правительство не выступало в социально-политической литературе от своего имени. Ему нечего было говорить, да оно и пренебрегло этим»¹.

Правящая верхушка ограничивалась небольшим числом официальных изданий и услугами частных газет и журналов, пропагандирующих правительственный курс.

Правительственная пресса как система начала складываться к концу XIX в. «Венцом собственно государственной системы печати были органы Сената, Синода и различных министерств. Ниже располагались периодические издания градоначальства, губернских правлений, епархий, полицейских управлений, городских дум и городских управ»².

Центральным и самым известным правительственным печатным органом был «Правительственный вестник», издававшийся Главным управлением по делам печати с 1869 по 1917 г. Его роль была чисто официальной и справочной. Он «отдавал приказы, а не пропагандировал», — замечала «Современная жизнь».

1 января 1909 г. отмечалось столетие «Сенатских ведомостей», которые выходили в сенатской типографии одновременно на двух языках: русском и немецком. В начале XX в. это издание выходило два раза в неделю в формате малого газетного листа тиражом 17 тыс. экземпляров. Там публиковались указы и распоряжения правительства, продвижения по государственной службе и списки награжденных. Расход типографии составлял 45 400 руб., доход — 22 000 руб. ежегодно, газета была убыточной и существовала на правительственные дотации. Издания Синода и министерств тоже были в основном газетами специальными, освещающими отраслевую проблематику.

Попытка создать общественно-политический пропагандистский орган правительства была впервые предпринята министром внутренних дел П.А. Валуевым в 1862 г. Он выпустил

«Северную почту» — ежедневную газету, целью которой была «защита и пропаганда правительственных программ, борьба с оппозиционной прессой». Кроме официального отдела, где публиковались указы и распоряжения, «Северная почта» имела неофициальный, печатавший внутренние и заграничные известия, коммерческие телеграммы, объявления. Но просуществовала газета недолго. В 1866 г. Валуев пытался использовать частную газету «Неделя» для пропаганды правительственных решений и борьбы с демократической журналистикой. Это издание тоже быстро прекратилось.

В начале XX в. наиболее дальновидные деятели правительства подняли вопрос о необходимости создания общественно-политического официоза. Подводя итог ушедшему веку и намечая перспективы нового столетия, «Вестник Европы» утверждал в 1901 г., что первой особенностью периодической печати становится «возрождение охранительной (вернее псевдоохранительной) печати, совсем было переставшей существовать в начале второй половины XIX века»³.

В первые годы XX в. подобное издание пытался создать министр внутренних дел Д.С. Сипягин. Он истратил 3 млн. рублей, но выпустить газету так и не удалось. Предреволюционные настроения русского общества исключали какое-либо влияние официозного органа.

Возникало еще несколько проектов организации правительственной газеты, но и они остались нереализованными. В июле 1905 г. член Совета Главного управления по делам печати (впоследствии его начальник) С.С. Татищев подал на высочайшее имя докладную записку, в которой предлагал сосредоточить все правительственные средства, выделяемые на поддержку проправительственных частных изданий, для организации собственного крупного правительственного органа. «В то время, как враждебные правительству органы печати в силу предоставления им в последнее время значительной свободы, — говорилось в записке, — приобретают в среде политически незрелого русского общества все большее и большее распространение, а с тем вместе силу и авторитет, охранительная партия, преданная идеям законности... не располагает в центре политической жизни страны, в Петербурге, принадлежащим ей печатным органом»⁴. Татищев просил передать «охранителям» «Санкт-Петербургские ведомости» и реорганизовать «Сельский вестник» — Массовое, рассчитанное на сельское население приложение — к «Правительственному вестнику». Последний в 1905 — 1906 гг. был превращен в самостоятельное ежедневное издание, выходящее при правительственном официозе⁵.

Смог ненадолго основать правительственную газету С.Ю. Витте, выпустивший в январе 1906 г. «Русское государство» в качестве вечернего приложения к «Правительственному вестнику». После отставки Витте весной 1906 г. газета была закрыта, а сменивший Витте на его посту И.Л. Горемыкин признал саму «идею издания официальной политической газеты от имени правительства ошибочной». В годы революции создать правительственную печать так и не удалось, но сам вопрос об официозной прессе с повестки дня снят не был.

Решить этот вопрос удалось министру внутренних дел П. А. Столыпину. Зная, что основная особенность русской прессы — ее частный характер и читатели испытывают недоверие к любому органу периодики, заподозренному в связях с правительством, Столыпин решил тайно замаскировать правительственный официоз под частную газету.

Выбор пал на издававшуюся в Петербурге газету «Россия». 9 июня 1906 г. губернатору Санкт-Петербурга был направлен конфиденциальный циркуляр за подписью П.А. Столыпина: «Ввиду появления в настоящее время массы новых столичных и провинциальных газет, распространяющих ложные сведения о событиях в России, и во избежание неправильного или тенденциозного толкования вносимых правительством в Государственную думу законопроектов... Совет министров признал необходимым, независимо от опровержений и разъяснений, печатаемых в «Правительственном вестнике», избрать один из существующих частных органов столичной печати, посредством которого сообщались бы верные фактические данные по всем наиболее важным вопросам и событиям и из которого можно было бы почерпнуть сведения о действительных взглядах и предложениях правительства. С этой целью по соглашению с действительным статским советником Воейковым и отставным гвардии капитаном Брискорном, которым принадлежит выходящая в Петербурге газета «Россия», эта газета, начиная с 8 июня,

увеличена до обычного размера политических газет, причем она будет издаваться во всем, что касается законопроектов, действий, предложений и распоряжений правительства и правительственных должностных лиц при ближайшем руководстве и содействии образованного при Главном управлении по делам печати отдела повременной печати»⁶.

Несмотря на секретный характер циркуляра, он стал известен деятелям русской прессы и в 1912 г. был опубликован в книге «Свобода печати при обновленном строе».

Столыпин тщательно скрывал истинное лицо газеты. Дума неоднократно делала запросы, на чьи средства издается «Россия», но каждый раз Столыпин уверял, что это частное издание. «Вся Россия отлично знает, что газета «Россия» есть правительственный орган, содержащийся за счет правительства, секретных фондов и доходов «Правительственного вестника», имеющего большие доходы вследствие массы обязательных объявлений», — писал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте⁷.

В объявлении о подписке «Россия» заявляла: «Среди русской партийной печати «Россия» поставила своей задачей выяснять взгляды и намерения правительства по вопросам текущей государственной жизни страны». Но, проанализировав публикации газеты, журнал «Русская мысль» сделал вывод, что она «никакого идейного знамени не имеет». «То что наш официоз должен был вылиться в такую именно форму, объясняется тем, что «существующий курс» сам лишен определенной, ясной, продуманной политической идеи»⁸. То есть самодержавие по-прежнему пренебрегало идеологическими проблемами и сказать читателю ему было нечего.

Экономя большие деньги на освобождении официозов от почтовых расходов, правительство рассылало некоторые газеты в различные волостные управления бесплатно. В докладе царю в 1908 г. Столыпин подчеркивал: «Деньги, ассигнованные на газету «Россия», издаваемую при минимальной подписной цене 4 рубля в год, дали возможность широкого распространения посредством даровой рассылки»⁹. Даровая рассылка направляется «преимущественно лицам, которые не в состоянии вовсе выписывать большую политическую газету, или, получая газету «Россия» даром, довольствуются ею взамен другой газеты часто левого содержания». То есть, по предложению Столыпина, даровая подписка давала возможность отбивать читателя у левой прессы.

Правительство стремилось расширить свое влияние и в провинции. С 1838 г. в крупных губернских городах издавались «Губернские ведомости». В начале XX в. их было 75, к 1911 г. — 81 газета¹⁰. После некоторого оживления неофициальных отделов этих газет в середине XIX в. наступил период их угасания, они совсем потеряли интерес читателей. В 1906 г. журнал «Книжный вестник» сообщал: «В «сферах» озабочены вопросом о реорганизации «Губернских ведомостей», большинство которых в настоящее время «недостойно названия литературы, но макулатуры — порченой грязной бумаги по ничтожеству содержания» (взяты в кавычки слова принадлежали С.С. Татищеву. — С.М.). Вся реформа сводится к ремонту типографий и самих «Ведомостей». Превратить все «Губернские ведомости» в официозные издания по образцу «Рос-сии» предполагается к 1 января 1907 года»¹¹.

В 1907 г. были закрыты неофициальные отделы губернских правительственных газет, и они превратились в официально-справочные издания. Все средства были направлены на создание «частных» проправительственных изданий. Министерство внутренних дел обратилось к губернаторам с просьбой «обратить особое внимание на местные газеты и журналы»¹². В докладе царю в 1908 г. П.А. Столыпин подчеркнул, что «ассигнованный в прошлом году кредит на поддержание частных изданий дал возможность основания во многих провинциальных городах газет правого направления, которых ранее почти не было... Этого рода газетам все еще очень трудно конкурировать с газетами левого направления, из которых очень многие издаются на деньги, жертвуемые в партийных целях»¹³.

Следовательно, и в провинции самодержавие вело ту же политику, маскировало правительственные издания под частные, надеясь таким образом отвлечь читателей от оппозиционных газет и журналов.

Очень внимательно правительство стало относиться к передаче «казенного» издания в аренду частному лицу. Две старейшие русские газеты — «Санкт-Петербургские ведомости» и

«Московские ведомости», учрежденные в XVIII в., первая как орган министерства народного просвещения, а вторая — Московского университета, почти с первых лет существования были отданы этими учреждениями в аренду. Владельцы не всегда передавали свои газеты в руки деятелей охранительного толка. Достаточно вспомнить, что в свое время «Московские ведомости» арендовал замечательный русский просветитель Н.И. Новиков, а лучший период издания «Санкт-Петербургских ведомостей» связан с именем В.Ф. Корша — известного своими либеральными взглядами. Правда, затем «Московские ведомости» надолго стали самым консервативным монархическим органом, возглавлял который «столп» реакционной журналистики М.Н. Катков.

В начале XX в. Главное управление по делам печати очень тщательно подбирало кандидатов для передачи в аренду этих газет. В 1903 г. долго обсуждался вопрос о продлении аренды «Санкт-Петербургских ведомостей» князем Э.Э. Ухтомским. В это время газета имела 1600 подписчиков и значительный долг по изданию. Направление газеты охарактеризовал один из членов Совета Главного управления: «Вслед за переходом в 1896 г. газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в арендное содержание князю Э.Э. Ухтомскому, издание это, принадлежащее Министерству народного просвещения и получающее от правительства значительную субсидию в виде платы за казенные объявления, усвоило себе совершенно нежелательное с правительственной точки зрения направление... В общем и целом направление «Санкт-Петербургских ведомостей» может быть охарактеризовано как оппозиционное существующему правительственному режиму»¹⁴. Наиболее ярко эти тенденции просматривались в отделе провинциальной хроники и обзорах провинциальной печати. После долгих переговоров газета все же была оставлена в руках Ухтомского, но издатель прекратил опасные игры в оппозицию.

«Московские ведомости» доставили правительству гораздо больше хлопот. Помня роль газеты при Каткове, который был личным другом Александра III, Николай II очень ревностно относился к этому органу. Он писал великому князю Сергею Александровичу: «Мне чрезвычайно нравятся статьи и вообще тон этой газеты, и я успел уже почерпнуть из нее кое-что полезное для себя»¹⁵.

После смерти Каткова кандидатами на аренду были: историк Д. Иловайский, граф Е. Салиас, князь Д. Цертелев и педагог и реакционный публицист В. Грингмут. «За Грингмута говорил Вит-те», — утверждал А.С. Суворин в дневнике. Поддержал Грингмута и К. Победоносцев — всесильный обер-прокурор Святейшего Синода. В одном из писем он писал: «Господин Грингмут — сам по себе — человек, которого уважать не приходится, по так или иначе он уберет газету»¹⁶.

В 1907 г. Грингмут умер, и судьба газеты снова надолго заняла умы современников. В конце 1907 г. «Книжный вестник» сообщил, что Совет Московского университета, собравшийся на специальное заседание, окончательно отказался от издания «Московских ведомостей», мотивируя свой отказ тем, что университет хочет освободить свою типографию для печатания книг и брошюр. Но было совершенно ясно, что катковско-грингмутовская газета, потерявшая всякое влияние и превратившаяся в символ черносотенной журналистики, давно уже в тягость университету, храпящему свои демократические традиции. Несмотря на то что издание приносило значительный доход, университет воспользовался случаем и освободился от него. В 1908 г. это ходатайство было удовлетворено, издание «Московских ведомостей» было возложено на Главное управление по делам печати¹⁷. Арендатором стал бывший ректор Юрьевского университета профессор Будилович.

Неопределенностью положения «Московских ведомостей» быстро воспользовались некоторые министерства и ведомства, которые обязаны были поставлять газете казенные объявления. Монополия на подобные объявления давала московским и петербургским «Ведомостям» более 200 тыс. дохода. Акционерные общества и торгово-промышленные фирмы все чаще вкладывали капитал в издание различных органов прессы, и им было выгоднее помещать объявления в «своих» изданиях, поддерживая их таким образом материально.

В конце 1908 г., после смерти Будиловича, вопрос о «Московских ведомостях» встал снова. Он решался на специальном заседании Главного управления по делам печати. На аренду претендовали 15 кандидатов. В начале 1909 г. редактором был назначен Лев Тихомиров —

бывший народоволец, отказавшийся от революционных идей и перешедший на государственную службу. В обществе он имел стойкую репутацию предателя, что не добавило авторитета газете, которую называли не иначе как орган Льва Тихомирова. В 1913 г. и Тихомиров отказался от газеты, с 1 января 1914 г. «Московские ведомости» перешли в руки цензора Б. Назаревского.

История длительных поисков арендатора для «Московских ведомостей» свидетельствует о том, что правительство боялось потерять самый последовательный охранительный печатный орган и очень придирчиво отбирало претендентов на газету, боясь ошибиться. Но полное отсутствие пропагандистских навыков, абсолютное неумение завоевывать читательскую аудиторию привели к тому, что ни «Россия», ни другие созданные Столыпиным органы периодики поставленной перед ними задачи не выполнили. «Поднят вопрос об упразднении Осведомительного бюро (официальное учреждение, снабжающее прессу информацией, было создано в 1906 г. — С.М.) и «России», так как оба эти органа не пользуются популярностью в обществе и поэтому огромные траты, производимые на них, признаются не достигающими целей, — сообщал «Книжный вестник» в конце 1907 г., не уточняя, к сожалению, где и кем решался этот вопрос. — Поднят вопрос об учреждении официозного органа, поставленного так, чтобы он пользовался популярностью среди умеренных элементов, и о создании официозной прессы за границей»¹⁸.

Правда, ни «Россия», ни Осведомительное бюро не были закрыты, но влияние официозной прессы стало минимальным. Недоверие к политике, проводимой Николаем II и его правительством, общее недовольство положением в стране делало пропаганду правительственных идей в официозной прессе абсолютно не эффективной. Даже «умеренные элементы» не поддерживали правительственную политику и правительственную печать.

Все большую силу набирала пресса оппозиционная, и первую скрипку в оркестре русской прессы начала XX в. играла газета.

Направление и тип периодического издания

Что такое направление и тип периодического издания? Что надо исследовать в первую очередь при изучении газет и журналов? Об этом много спорили специалисты по истории журналистики в 60—70-е годы XX в. Термин «тип» был достаточно новым в те годы, и сфера его употребления не очень ясна. Но, как оказалось, русским публицистам это понятие было знакомо уже в самом начале XX в., оно встречается в статьях, посвященных периодике. Они выделяли основные черты изданий, характеризующих тот или иной тип газеты или журнала.

Названия выделенных ими типологических групп хотя и устарели, но легко переводятся на современную терминологию, потому что сама суть разных типов повременного издания уловлена журналистами начала XX в. достаточно точно.

- Направление периодического издания.
- Классификация и типология.
- Русские журналисты в типологии и типах.

При изучении журналистики XIX в. исследователи, прежде всего обращают внимание на направление периодического издания. Это объясняется тем, что почти целый век в русской печати господствовал один тип издания — толстый ежемесячный журнал, представленный такими его разновидностями, как энциклопедическое или публицистическое издание. Подобное единообразие не требовало типологических исследований каждого отдельного ежемесячника. Аудитория таких изданий — практически однородная до 80—90-х годов XIX в. — была очень хорошо известна издателям.

Завоевать своего читателя журнал мог только при помощи четко выдержанного направления, т.е. серьезно разработанной, целостной системы взглядов.

К концу XIX в. значительно расширяется читательская аудитория, потребности которой в информации один тип издания удовлетворить уже не может. Развитие науки, искусства, литературы требовало появления новых типов периодики, более подробно освещающих эти сферы деятельности.

Усложнившаяся общественная и политическая жизнь России вызвала появление разнотипных газет и журналов, которые для своей аудитории, тоже разнотипной и по составу и по степени образования, должны были рассказывать о событиях, и комментировать их. Давать злободневную информацию о событиях — это функция газет, комментировать, обобщать газетную информацию — преимущественно задача журналов.

Но с развитием системы журналистики на рубеже XIX и XX вв. появляются многочисленные издания, которые не только отражают развитие русской культуры, но и сами становятся показателями культурного уровня развития общества. В первую очередь, это издания, посвященные разным проблемам литературы и искусства, научно-популярные и некоторые другие. Решение задач, стоящих перед подобными периодическими изданиями, не требует четкого идеологического направления. Идеологическая определенность часто ставит журнал или газету на грань закрытия или приостановки. Поэтому классификация «по направлениям» изданий для семейного чтения, для самообразования, научно-популярных, эстетических, театральных, художественных, к сожалению, встречающаяся в работах по истории русской журналистики, является искусственной, искажает общее представление об издании.

Четкость и определенность направления, которое остается важной характеристикой общественно-политического издания, в XX в. начинает размываться: в одном органе периодики может не совпадать направленность разных частей, например беллетристики и публицистики, и даже разных отделов. Такие факты отмечены исследователями печати этого периода. Кроме того, в изданиях, выходящих по 30 и более лет, направление зачастую менялось в связи с политическими событиями или с приходом в редакцию новых сотрудников.

В конце 1905 г., после возникновения различных политических партий, многие газеты и журналы характеризует однородность уже не типа, как в XIX в., а направления. Девять десятых органов прессы поддержали партию кадетов — партию народной свободы — и начали пропагандировать ее взгляды. Это длилось недолго, но такой факт затрудняет определение направления каждого издания. Либерально-буржуазные и демократические газеты и журналы часто отличались друг от друга тончайшими нюансами, оттенками, тем более трудно уловимыми, что комплекты большинства изданий начала XX в. не прочитаны, их публикации не изучены. Таким образом, исследование прессы этого времени по типологическому принципу должно предшествовать выяснению направления каждого издания.

Если при определении направления важно изучение содержания публикуемых на страницах газет и журналов статей, то при типологическом подходе основное внимание уделяется особенностям самого органа периодики. В зависимости от того, журнал это или газета, рассчитано издание на образованного, интеллигентного читателя или широкие массы, мало подготовленные к чтению периодики, пишет оно об общественно-политических проблемах или знакомит с научными открытиями и достижениями культуры, меняется содержание публикации, манера изложения, форма подачи тех или иных идей.

Тип, по определению Энциклопедического словаря — образец, модель, обладающая существенными признаками. Характеристики различных типов изданий, попытки выделить их основные признаки можно найти в работах по истории и практике русской и зарубежной журналистики, но, к сожалению, бесспорного определения типа издания и точного перечня типобразующих элементов в современной литературе нет. «В чистом виде тип встречается редко, обычно мы имеем дело с индивидуализированными разновидностями типа, смешанным типом... Каждое конкретное издание может иметь свое лицо при некоей типологической общности»¹.

Много споров вызывает содержание двух близких понятий — «типология» и «классификация». Классификация — разделение системы журналистики на определенные группы

изданий, объединенные сходными признаками. «При типологическом подходе объекты... должны быть расположены, отграничены друг от друга, но и поставлены в некоторую особую, характерную для каждого конкретного случая связь»². Именно связь всех изданий в системе журналистики позволяет печати в целом выполнять роль социального института государства.

Нет единого мнения в определении «существенных признаков», которые и образуют тот или иной тип, помогают отграничить одно издание от другого.

«Тип» и «направление» — понятия несовпадающие. Многие газеты и журналы похожие по типу, совершенно различны по направлению. Тип издания «в значительной степени автономен по отношению к идейно-политическому содержанию»³.

При исследовании типа издания следует учитывать, что намерения редакции иногда меняются, перед изданием может быть поставлена иная цель или расширена аудитория, или изменена периодичность, т.е. типологические характеристики — величина непостоянная, тип одного и того же журнала или газеты бывает разным в определенные периоды истории.

Как уже отмечалось, деятели русской прессы начала XX в., свободно оперировали термином «тип» и хорошо представляли себе не только различные типы изданий, но и факторы, влияющие на их формирование. Одной из самых интересных публикаций на эти темы является статья А.В. Пешехонова «Русская политическая газета. Статистический очерк», напечатанная в журнале «Русское богатство» в мартовском номере за 1901 г. Статья была написана на основе реферата, прочитанного ведущим публицистом народнического журнала на общем собрании Союза писателей в ноябре 1900 г. Материалом для анализа послужили итоги переписи русских газет, проведенной в октябре этого года. «С каждым годом газета становится все более видной частью нашей литературы, все более важным фактором нашей общественной жизни. Вместе с тем нарастает и потребность в объективном изучении как исторического развития нашего газетного дела, так и современного его состояния. Методы такого изучения могут быть различны и в числе их метод статистический, по нашему мнению, так же должен иметь место», — писал Пешехонов в начале статьи⁴.

В статистической части автор приводит очень много интересных подсчетов. Пешехонов использовал не все данные, он просматривал только газеты политические, частные, выходявшие на русском языке не менее двух раз в неделю. В 1900 г. таких газет издавалось 86, из них две — «Биржевые ведомости» и «Новости» — в двух изданиях, одна — «Одесские новости» — два раза в день. 21 газета выходила в столицах (14 — Петербург, 7 — Москва). Наиболее развитая политическая газетная пресса существовала на юге России, второе место занимало Поволжье, третье — Юго-Западный край и Прибалтика.

В статье газетные полосы анализировались по различным параметрам. Вот, например, интересные результаты: длина столбцов в номере газеты большого формата: в столичной — 2 м 81 см, в провинциальной — 1 м 24 см. За год длина столбцов составляет более четырех верст. Таких совершенно уникальных данных в статье очень много. Но гораздо интереснее выводы Пешехонова о том, что же формирует тот или иной тип газеты. Этим термином автор оперирует совершенно свободно, не объясняя его содержания, видимо, читателям его смысл был понятен.

Анализируя типы русских газет, Пешехонов выделил несколько «внешних признаков», по которым они различаются. Первый из них — периодичность. Столичные газеты выходили в основном ежедневно, провинциальные — от двух до шести раз в неделю. Увеличение числа ежедневных газет и переход к вечерним выпускам, т.е. выход одной газеты два раза в день — характерное явление для развития газет в начале 90-х годов. Второй признак — размер, третий — соотношение материалов на газетной полосе.

На основе скрупулезного анализа Пешехонов назвал основные типы русских газет, указав, что эти типы еще недостаточно развиты. Подробнее об этом будет сказано далее.

Газета и журнал в системе прессы начала XX в.

В дооктябрьской журналистике России основными формами периодики были газета и журнал. Соотношение газет и журналов в системе прессы по количеству, их роль в каждый

исторический период — эти данные как нельзя лучше иллюстрируют общее состояние прессы конкретного времени. Русская печать началась с газет, очень быстро они были вытеснены журналами, но к концу XIX в. на первое место снова выходят газеты. Они становятся объектом пристального внимания, русские журналисты пытаются определить основные отличия газеты от журнала, понять причины стремительного роста их влияния на читателей. В то же время журналистов волнует судьба толстого ежемесячника, так долго бывшего флагманом русской журналистики.

- Соотношение газет и журналов в системе журналистики.
- Что такое газета?

Соотношение газет и журналов в системе журналистики является одной из основных характеристик состояния периодики страны или региона в определенный исторический момент.

Россия прошла в этом смысле своеобразный путь развития: первыми периодическими изданиями, возникшими в начале XVIII в., были газеты, потом их практически на целый век вытеснили журналы — «толстое» литературно-публицистическое издание, тип которого, по мнению исследователей, был выработан чисто русскими условиями и запросами читательской аудитории.

Газета и журнал - это не просто два вида периодики, это два способа воздействия на читателя, -две разные формы подачи информации. Газета формирует общественное мнение ежедневно, информируя, агитируя читателей; журнал на основе созданного газетой общественного мнения вырабатывает жизненную ориентацию, определенное мировоззрение.

В современных исследованиях подчеркивается, что «предметом журналов выступают прежде всего устойчивые процессы в беспокойном содержании явлений, а газет — изменчивость в этих процессах» (выделено мной. — С.М.)¹.

Это определение при всей его обобщенности все же несколько сужает задачи журналов за всю историю русской журналистики. При недостаточной развитости газет, русские журналы долго вынуждены были описывать изменчивость в процессах. Но если газеты эту изменчивость фиксируют, то журналы пытаются определить самые глубинные причины подобных изменений.

Определяя главное отличие газет от журналов, П.П. Перцов — редактор «Нового пути» писал в 1903 г. в статье, открывающей этот журнал: «В Европе газет даже больше, чем у нас, но их обилие не мешает бытию журналов, имеющих свою специальную задачу обобщающего освещения (выделено мной. — С.М.), которая для газеты естественно невозможна»².

Необходимость «обобщающего освещения», углубленного анализа событий жизни, науки, литературы, т.е. особая роль, диктует журналу свои условия: достаточно большой объем статей, серьезность анализа, широту аргументации, характер аудитории, к которой обращается журнал, требует своего специфического способа изложения и подачи материала, оформления текста на странице, наличия или отсутствия иллюстраций и так далее. Предпочтительный для русского толстого журнала жанр — большая научная или публицистическая статья-обозрение, развернутая комментированная хроника, литературные жанры.

Газета более проста в своих формах, хотя сложнее в верстке. На первый план выходят газетные жанры, компактные по объему, насыщенные злободневной информацией. Известный русский журналист А.В. Амфитеатров писал И.И. Ясинскому — писателю, сотруднику газеты «Биржевые ведомости»: «Журнал — пирожное, газета — вот хлеб, вот — обед», в форме афоризма определяя различия двух главных для русской журналистики видов периодики³.

В.М. Дорошевич — «король русского фельетона», согласившись редактировать газету «Русское слово», в одном из писем дал определение того, что такое газета в его понимании. «Газета... Утром вы садитесь за чай. И к вам приходит добрый знакомый. Он занимательный, он интересный человек... Он рассказывает вам, что нового на свете. Рассказывает интересно, рассказывает увлекательно... Но то, что он говорит, должно быть основательно, продуманно, веско... Вот, что такое газета. Газета... Вы сидите у себя дома. К вам приходит человек, для которого не существует расстояний. Он говорит вам: «Бросьте на минутку заниматься своей жизнью. Займемся чужой. Жизнью всего мира». Он берет вас за руку и ведет туда, где сейчас

интересно... И, полчаса поживши мировой жизнью, остаетесь полный мыслей, волнений и чувств. Вот что такое газета»⁴.

О газетах и их особенностях писали в начале века не только газетные журналисты, но и сотрудники толстых журналов, известные публицисты, например, А.В. Пешехонов, С.Н. Кривенко, Л.З. Слонимский. Такое внимание к этому виду периодики вызвано было, как уже сказано выше, быстрым ростом количества газет, читать которые начинали все более широкие массы, в том числе и те, кто раньше периодикой совсем не интересовался.

Рост количества газет особенно интенсивно шел в 90-е — начале 900-х годов. В 1860 г. в России издавалось семь ежедневных газет и 98, выходящих от одного до трех раз в неделю. В 1913 г. ежедневных газет стало 417, из них 10 выходили два раза в день.

В конце 90-х годов тиражи отдельных газет достигали 50 — 70 тыс. экземпляров. «Русские ведомости» и «Новое время» имели тираж 25 тыс., «Свет» — 70 тыс., «Петербургская газета» — 30, «Одесский листок» — 10, «Киевское слово», «Киевлянин», «Южный край», «Волжский вестник» — от 2 до 5 тыс. экземпляров.

После революции 1905 — 1907 гг. тиражи газет значительно увеличились. «Русское слово» имело 250 тыс., второе издание «Биржевых ведомостей» и «Петербургский листок» — от 80 тыс., самая большая и дорогая газета «Новое время» — около 60 тыс., «Русские ведомости» — 50 тыс. и т.д. Наиболее крупные провинциальные газеты — «Киевская мысль», «Южный край», «Одесские новости», «Одесский листок», «Приазовский край» — от 12 до 40 тыс. в день. Рядовые губернские газеты — 1—3 тыс. Таким образом, по тиражам русская газета достигла уровня западноевро-пейской⁵.

Деятели русской прессы пытались осмыслить такое стремительное развитие газет, это новое для России явление. Газета «стала приобретать иной облик, чем в былые времена, — писал известный журналист С. Мельгунов. — Ее задача удовлетворять вкусам публики, обслуживать переменчивые интересы толпы падкой на сенсации»⁶.

Известный публицист-народник С.Н. Кривенко в 1904 г. с горечью отмечал, что газеты «утрачивают общелитературный интерес, сами превращаются в скучную хронику скучной русской жизни». Кривенко оценивал газеты с точки зрения журналиста старой школы, привыкшего к большому серьезному органу периодики, который являлся фактором общественной, культурной и литературной жизни общества. Но несмотря на то что публицист-народник очень неодобрительно относился к возрастающей роли газет, его пугала появившаяся привычка не читать, а просматривать газетные полосы, он должен был признать тот факт, что «рост читателя несомненно и несомненно также, что газета становится все более и более предметом насущной необходимости не одних только богатых классов и интеллигенции, но и простого народа. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, с каким нетерпением и какою разнообразною публикою ждуться на железнодорожных станциях поезда с газетами и как эти газеты быстро расхватываются. То же самое происходит и около почтовых контор в глухих городках в стороне от железных дорог. Газеты сплошь и рядом выписываются в складчину и читаются по очереди или вслух целыми группами». Эти причины и диктовали необходимость внимательно проанализировать Деятельность газет и разнообразие их типов. Статья С.Н. Кривенко «Газетное дело и газетные люди» и была попыткой рассмотреть «эволюцию газетного дела», которая «во многих отношениях чрезвычайно интересна и заслуживала бы не такой небольшой статейки общего характера, какую я пишу, а более обстоятельного исследования. Тут представляют интерес: и читатель, приспособившийся к газетному чтению и начинающий требовать известного материала, и само издательство с его спешными процессами и значительным материальным риском, и газетные люди с их характерными особенностями и т.д.»⁷.

Очень интересно мнение о читателях газет такого парадоксального мыслителя, каким был В.В. Розанов, сам много сотрудничавший в газетах. В книге «Уединенное» он писал: «Газеты, я думаю, так же пройдут, как и «вечные войны» средних веков... и т.д. Их пока поддерживает «всеобщее обучение», которое собираются сделать даже «обязательным». Такому с «обязательным» обучением, конечно, интересно прочитать что-нибудь «из Испании». Начнется, я думаю, с отвычки от газет... Потом станут считать просто неприличием, малодушием... чтение

газет»8.

Подобные оценки роли газеты и особенностей ее читательской аудитории явились следствием привычки внимательно и вдумчиво читать полученный номер периодического издания, приобретенной русской интеллигенцией в период преимущественного влияния толстых журналов, в которых отражался прогресс умственной и духовной жизни эпохи.

Эта привычка мешала восприятию газеты как поставщика сведений, фактов, информации, как периодического органа, рассчитанного на самые широкие круги населения, не всегда подготовленные к чтению серьезной периодики.

В.В. Розанов ошибся в своем прогнозе, что «газеты пройдут», но одно он заметил правильно. Именно распространение грамотности, «всеобщего обучения» стало одной из основных причин роста популярности газет. И именно влияние газеты на широкие массы только-только приобщившихся к общественной жизни слоев русского населения и заставляло публицистов оппозиционного толка (о газетах много писали народники) внимательно приглядеться к этому виду прессы.

Газетное дело и газетные люди

Первой русской газетой были петровские «Ведомости». Газеты, появившиеся вслед за ними, часто включали в свое название слова «ведомости», «вестник» и позже «листок».

Ведомостями, как правило, называли правительственные официозные издания или серьезные, претендующие на формирование общественного сознания газеты, как например, «Русские ведомости». Эти издания «ведали», знали то, что надо сказать читателю.

«Вестниками» называли чаще всего газеты частные, особенно в провинции, где они противостояли официальным «Губернским ведомостям», например «Орловский вестник», «Рязанский вестник». «Вестники» приносили читателям вести. Чаще всего это были серьезные издания либерального направления, выражающие мнения и интересы интеллигенции. И наконец, повсеместно возникшие в 70—80-х годах XIX в. «Листки» являлись изданиями массового, иногда бульварного типа, более свободные по тону, сенсационные, часто справочные, мало читаемые «чистой» публикой.

Конечно название газеты зачастую не отражало ее типа, а было данью традиции, но все же при выходе нового органа печати редакция, выбирая название из традиционных, привычных для читателя, как бы оповещала о том, что она намерена издавать. В первоначальном виде подобные названия чаще употреблялись в провинции. В столичных системах газетной периодики, насчитывающих большое количество изданий, приходилось искать название-символ, отражающее генеральную линию газеты, например «Новая жизнь», «Наша жизнь», «Наши дни» и т.п.

О трех типах газет писали и журналисты начала XX в., они называли их «большая», «малая» и «дешевая» газеты. Был замечен и четвертый тип, который только появлялся в газетной прессе, но дать ему название не успели. Если перевести эти определения на современную терминологию, то можно говорить о качественной, массовой и бульварной газете. Четвертый тип точно соответствует современной информационной газете. В русской прессе существовали газеты, считавшиеся эталоном своего типа. Это «Русские ведомости» — качественная газета, «Новое время» и «Русское слово» — информационные, амфитеатровская «Россия» — массовая и «Газеты-Копейки» — самый чистый тип бульварной газеты.

Типы русских газет

- Современники о трёх типах русских газет.
- Информационные газеты.
- Капитализм и печать.

Основные типы русских газет одним из первых на основе скрупулезного статистического анализа определил А.В. Пешехонов в 1901 г., оговорив тот факт, что эти типы еще недостаточно развиты. По его мнению, в столице можно выделить три типа газет: «большие» — самые дорогие

и влиятельные газеты, рассчитанные на образованные, подготовленные круги читателей; «малые» — газеты, небольшие по объему и более доступные по цене, ориентированные на широкие круги читателей; «дешевые» — газеты, отличающиеся от других не только низкой ценой, но и качеством. Наиболее дифференцированной по типам он считал петербургскую прессу. О трех типах русских газет несколько позже, в 1904 г., писал и С.Н. Кривенко: «...газеты начали дифференцироваться на большую и так называемую малую прессу. Пяти- и четырехрублевые газеты приспособляются уже на всякую потребу, стараясь больше всего о разнообразии содержания, а специально уличные листки, с их совершенно особой разухабистостью, сенсационными заглавиями, описанием убийств и уголовными романами, имеют в виду городскую полуинтеллигенцию, до приказчиков, швейцаров и дворников включительно... теперь появилась недавно в Петербурге даже трех-рублевая газета, предлагая которую, газетчики кричат: «Русская газета стоит только одну монету» (то есть 1 копейку)¹.

С.Н. Кривенко тоже отмечал наличие трех типов русских газет. Но если «большую» газету он оставляет практически без характеристики как уже известный в России тип газетного издания, то «малую» и «специальные уличные листки» описывает достаточно подробно, так как это было явление новое для русской журналистики. Пяти- и четырехрублевые газеты отличаются низкой ценой подписки (напомним, подписка на «большие» стоила от 8 до 12 рублей), разнообразием содержания, снижением уровня публикаций («приспособляются на всякую потребу»), размером и форматом. По терминологии Пешехонова — это «малая» газета.

«Уличные листки» — совсем низкая цена («дешевые», по определению Пешехонова), специфическая аудитория (городская полуинтеллигенция, швейцары, приказчики, дворники), особое содержание и форма публикуемых материалов (сенсационные заголовки, разухабистость, уголовные публикации и т.д.). Этот тип быстро получил название бульварных изданий. Для более полного ознакомления с такими газетами журналисты обратили внимание на французские издания, предназначенные для «кабаре и бульваров», статьи о которых появились в русской прессе.

Современники очень точно определили, какие особенности газеты создают ее тип.

Если перевести принятое на рубеже XIX и XX вв. деление газет на «большие», «малые» и «дешевые» на современную терминологию, используемую при анализе европейских и американских газет, то «большая» соответствует понятию «качественная», «малая» — «массовая», а «дешевая» — «бульварная» газета. Таким образом, русская журналистика, приблизившаяся в начале XX в. к мировому уровню развития, и в газетном деле повторяла путь, уже пройденный наиболее развитыми странами.

Первыми в России возникли качественные газеты, которые рассчитывали на интеллигентного читателя. Они являлись изданиями четко выдержанного единого направления, печатали серьезные статьи.

Массовые газеты — продукт рубежа XIX и XX вв., первые из них возникли в самом конце XIX в., когда к активной общественной Жизни приходит новый читатель, не подготовленный к восприятию публикаций серьезной, качественной газеты. Это издания с нечетким, хотя в большинстве случаев обличительным направлением, более востребованным широкой аудиторией, учитывающие момент определенной развлекательности, необходимый для привлечения внимания «улицы» — так называли тогда читателей массовых, малых газет.

И, наконец, бульварные, дешевые газеты. В 1900 г. они существовали только в Петербурге (по подсчетам Пешехонова их было 13), в 1904 г. появилась одна, стоившая 1 копейку, а в 1908—1910 гг. они распространились по всей стране в форме многочисленных «Газет-Копеек», сразу же нашедших своего читателя.

Но в последней четверти XIX в. с разницей в 20 лет возникли две газеты, которые по своим характеристикам «не вписывались» ни в одну из типологических групп. По влиянию на русское общество, по распространению среди читающей публики они быстро вышли на первое место в системе газет России. Речь идет о «Новом времени» А.С. Суворина и о «Русском слове», имевшем самый большой тираж после 1902 г., когда издатель газеты И.Д. Сытин пригласил редактировать газету В.М. Дорошевича. Определение типов этих газет вызывало споры в начале XX в., нет

единства по этому вопросу и в современной исследовательской литературе.

И ту и другую газету отличала большая насыщенность информацией. Вот как определял своеобразие издания Суворина В.В. Розанов, сотрудничавший в газете около 30 лет и хорошо знавший основные принципы ведения этой газеты ее редактором-издателем. «Ничего — специального, ничего — частного, ничего — личного, ничего — особенного и партийного, все для всей России, для целой России». То есть аудитория газеты самая широкая (вся Россия), и для этой аудитории важно, чтобы она была «общераспространенною, первой по величине, живости и подписке». Розанов отмечает особый способ изложения материала: «Все целесообразно — и скан-дал и шутка, введено в газету, чтобы она была... первой по величине, живости и подписке». По его мнению, именно эти качества «Нового времени» способствовали тому, что Суворин добился такого внимания публики, «какого он никогда не мог бы получить, говоря со страниц малообразованной газеты или заслуженного академического органа печати»².

Значит, Розанов говорит о таком типе газеты «Новое время», который находится посередине между «малообразованной» газетой и «академическим» органом прессы. Так же сложно определить тип «Русского слова» под редакцией В.М. Дорошевича. «Анализ не только содержания, но и социального состава корреспондентов (авторов писем), проведенный в начале века самой же редакцией «Русского слова», убедительно характеризовал издание как орган привилегированных классов и слоев русского общества»³. Но если это верно для начала XX в., то после первой русской революции тиражи газеты стремительно растут, достигая сотен тысяч и даже миллиона в 1917 г. — показателей, для России невиданных. Говорить о привилегированной публике, читающей газету, уже не приходится. Пытаясь понять феномен «Русского слова», один из исследователей прессы того времени Н.Я. Абрамович упрекал издание Сытина—Дорошевича прежде всего за то, что в газете не было «духовной возбудимости, резкого отклика, нервного повышенного тона», т.е. всего того, к чему привык читатель качественной газеты.

Автор отмечал также, что в «Русском слове» нет академизма и сухости, свойственных большим серьезным газетам, но нет в нем и типичной для малой прессы «желтизны», убийств, пожаров, скандалов. Задача газеты, по определению памфлетиста, — «осведомитель», ее «могущество и служение» — выполнение информационной функции. И в этом Абрамович был прав. Современники называли «Русское слово» «фабрикой новостей».

Таким образом, на рубеже XIX и XX вв. современниками был замечен, но не назван четвертый тип русских газет. Газеты, относящиеся к этому типу следует назвать информационными. Если определять историческое место информационных газет, то они возникли вслед за качественными, почти одновременно с массовой прессой. Информационные газеты вводили в орбиту влияния периодики более широкие слои достаточно образованных читателей, создавали привычку ежедневного чтения газет для получения ежедневной информации о событиях, происходящих в стране и в мире. Массовые газеты эту привычку закрепляли, вовлекали в сферу воздействия периодики совсем не подготовленные к чтению слои населения. Ту же задачу, хотя и на самом примитивном уровне, выполняла бульварная газета.

В начале XX в. в деятельности и информационных, и массовых, и бульварных газет начали проявляться тенденции, пугавшие журналистов и всю русскую интеллигенцию, привыкших видеть и оценивать идейное служение обществу газет и журналов XIX в. Речь шла о проникновении капиталистических отношений в журналистику, и в первую очередь, в газетное дело.

«Ареною желанного господства для капиталистов является именно ежедневная печать, проникающая повсюду, доставляющая не только огромные денежные обороты и доходы, но и возможность значительного промышленного влияния на многочисленные массы потребителей», — писал в 1910 г. один из известных публицистов «Вестника Европы» Л.З. Слонимский в статье «Периодическая печать и капитализм»⁴. Ему вторил С. Мельгунов: «...приспособление газет к новым задачам меняет и самый облик печати. Там, где на первый план, как в «капиталистическом предприятии», выдвигается вопрос о товарообмене — нет места идейному служению обще-ственным и политическим задачам. Современная газета начинает оправдывать свое итальянское происхождение... сорока. Этот сорочий стрекот не стесняется средствами, т.к. его единственная цель подладиться под вкусы обывательского мира и иметь успех»⁵. Тип такой

газеты, «как теперь признано», констатировал С. Мельгунов, олицетворяется «Русским словом». Действительно, неприятие многими современниками и «Русского слова», и «Нового времени» объяснялось еще и тем, что обе газеты издавались предпринимателями капиталистического толка. Абрамович упрекал Дорошевича в том, что он несет «знамя служения рынку», а не обществу, что он насытил газету «воздухом улиц, театральных фойе и ресторанных зал»⁶.

Представители идейной прессы, гордящиеся направлением своих изданий, пытались доказать, что русская журналистика, в отличие от европейской, сможет противостоять проникновению капитала в издание периодики. «В этом своеобразном товаре, который пускается в оборот литературно-газетной промышленностью, всегда остается нерастворимый, неуловимый для капитала, не поддающийся его захвату, остаток духовности, индивидуального творчества», — писал Слонимский, доказывая таким образом, что журналистика никогда до конца не будет подвластна капиталу. Кроме «заряда духовности», захвату прессы капиталом в России препятствуют и чисто русские условия: гнет цензуры, постоянный риск закрытия газеты или журнала не дают уверенности в получении стабильного дохода и делают вложение капитала в периодику невыгодным.

Слонимский не мог, конечно, не видеть, что целый ряд газет, в том числе крупных, уже издается на основе новых предпринимательских принципов, но он утверждал, что издавать газеты могут только «идейные капиталисты», и «между издателями, редакторами и главными сотрудниками больших газет часто устанавливаются товарищеские отношения, и все участники общего дела нередко действительно становились товарищами по несчастью». Кстати, таким «идейным капиталистом» Слонимский считал А.С. Суворина — редактора-издателя «Нового времени». Автор «Вестника Европы» выражал уверенность всех старых русских журналистов в том, что «газетное и журнальное издательство является у нас поприщем не для выгодного помещения капитала, а для самоотверженного общественного служения». Это и давало возможность закончить статью на оптимистической ноте: «Твердо установившиеся традиции русской журналистики позволяют надеяться, что в ней никогда не удастся восторжествовать чисто коммерческому капиталистическому духу, и что, избавившись от внешнего гнета, печать никогда не подпадет под другое иго, еще худшее, отравляющее самую ее духовную сущность, ее душу»⁷. В этих словах отразилось огромное уважение к журналистике, характерное для русского общества, вера в то, что пресса сохранит свои лучшие традиции. Но общий итог статьи не соответствовал реалиям жизни: капиталистические отношения проникали в прессу все активнее, как и в других сферах деятельности.

Качественные газеты России

- История создания «Русских ведомостей». Основные сотрудники.
- Организация работы газеты.
- Тип газеты «Русские ведомости».
- Основное направление газеты.
- Центральный орган большевиков «Новая жизнь».
- Создание центрального органа партии эсеров.
- «Речь» — газета конституционных демократов. »
- «Голос Москвы» и «Утро России».
- Издания черносотенцев.

В понимании деятелей русской журналистики качественная, или «большая», газета — это политический орган со строго выдержанным направлением, рассчитанный на своего читателя-единомышленника, образованного, понимающего стилистически сложные публикации, в которых обсуждаются серьезные общественные, политические, научные и другие проблемы. В подзаголовках таких газет указывалось: «Большая ежедневная газета политики, экономики и литературы». Порядок последних трех слов мог меняться в зависимости от характера газеты, добавлялись другие, например «история», но суть оставалась прежней. Эти издания, как правило,

были более консервативны в своих формах, в верстке, менее подвержены изменениям, связанным не только с развитием вкусов читателей, но и с новыми техническими возможностями.

В России во второй половине XIX — начале XX в. практически чистым типом подобного издания, моделью для других газет считались «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ».

Газета впервые вышла в Москве 3 сентября 1863 г., ее издателем был достаточно известный писатель Н.Ф. Павлов. Редакция, типография и квартира издателя находились в одном доме. Газета печаталась маленьким форматом, выходила три раза в неделю на восьми страницах и была рассчитана на провинциального читателя. Но намерения издателя не совпали с потребностями общества. В Москве в это время царила газета М.Н. Каткова «Московские ведомости». У московских кругов, оппозиционных официозному органу, своей газеты не было, поэтому «Русские ведомости» очень быстро были использованы противниками «Московских ведомостей» для пропаганды своих взглядов и превратились в центр, вокруг которого группировались представители передовой московской интеллигенции.

Полемика с Катковым началась в 1864 г. с публикации письма девяти депутатов Московской думы, и это определило направление газеты. Н.Ф. Павлов умер через семь месяцев после начала издания. В «Русские ведомости» пришли молодые ученые Московского университета. Сменивший умершего издателя М.С. Скворцов пригласил А.С. Постникова, А.И. Чупрова, В.М. Соболевского, Н.А. Саблина, В.Ю. Скалона, Н.И. Янжула и др. Они придали газете серьезный академический тон и просветительское направление. В читательских кругах «Русские ведомости» так и называли — «профессорская» газета. «Для Чупрова, — вспоминали сотрудники, — газета с начала 70-х годов становится второй кафедрой... и можно сказать, что на ней он сделал для распространения в России экономических знаний не меньше, чем со своей университетской кафедры»¹.

Будущий многолетний редактор «Русских ведомостей» В.М. Соболевский пришел в газету случайно. 23 декабря 1873 г. оказалось, что некому писать передовую статью. Редактор газеты Скворцов буквально заставил 27-летнего юриста, оставленного в университете для подготовки к профессорскому званию, взяться за передовую. Соболевский сначала отказывался, но потом за одну ночь написал статью в 700 строк, которая целиком была опубликована. С 1873 г. он стал помощником редактора, а с 1876 г. — редактором. Всю свою жизнь Соболевский отдал «Русским ведомостям», он умер в 1913 г., успев отпраздновать 50-летие газеты.

В «Русских ведомостях» сложился свой круг сотрудников, талантливых, серьезных журналистов. Здесь работал в 80 — 90-е годы «король» русского репортажа Вл. Гиляровский, писал Гл. Успенский, Вл. Розенберг редактировал внутренний отдел и затем был соредактором газеты, С. Мельгунов заведовал провинциальным отделом.

Активным сотрудником был В.Е. Якушин — внук декабриста И. Якушина, член I Государственной думы. Надо отметить, что в I Думе было много депутатов из круга «Русских ведомостей». В период реакции 1907 — 1908 гг., депутаты Г.Б. Иоллес и М.Я. Герценштейн — корреспонденты газеты — были убиты черносотенцами.

В XX в. в «Русских ведомостях» сотрудничали П.Д. Бобрыкин, В.И. Вернадский, В.Г. Короленко, А.В. Пешехонов, А.Н. Толстой и др. Поначалу материальное положение газеты было тяжелым. После своей смерти Скворцов оставил большие долги, и, чтобы поправить финансовые дела, с 1882 г. издание «Русских ведомостей» переходит в руки Товарищества. На предложение В.М. Соболевского составить Товарищество по изданию газеты откликнулись: Постников, Чупров, Анучин, Блаرامберг, Скалон, Джаншиев, Лукин, Саблин, Пагануцци — всего вместе с Соболевским 10 человек. Правда, необходимые средства они собрать не смогли, большую часть суммы дал железнодорожный магнат В.И. фон Мекк.

Обязанности среди членов Товарищества распределялись следующим образом: внутренним отделом ведал М.А. Саблин, помогал В.Ю. Скалон; иностранный отдел вел П.И. Бларамберг — публицист и композитор; московским отделом руководил А.П. Лукин; экономической частью занимался А.И. Чупров; судебной хроникой — Г.А. Джаншиев. Основным фельетонистом газеты стал И.Ф. Василевский, писавший под псевдонимом Буква. Судебные репортажи вел Н.В. Юнгфер, на общие репортажи в помощь В.О. Иордану были приглашены Вл. Гиляровский и Ф.

Митропольский. Состав Товарищества практически не менялся, и это дало свои плоды: газета стала приносить доход².

С точки зрения организации материальной стороны издания «Русские ведомости» были самой удачной попыткой кооперативного владения газетой коллективом сотрудников.

Свой тип «Русские ведомости» нашли не сразу. Сначала по всем параметрам (задачи издания, читательская аудитория, объем, формат, периодичность) это была типичная «малая» газета, что подчеркнул и один из рецензентов газеты Г.З. Елисеев. В 1873 г. во внутреннем обозрении «Отечественных записок» он писал: «Среди газет, причисляемых у нас к так называемой малой прессе, самым заметным образом выделяется из всех издаваемых в Москве газета «Русские ведомости»³.

Но, становясь центром объединения московской оппозиционной интеллигенции, «Русские ведомости» понимали необходимость изменения типа своего издания. Несколько раз увеличивались формат газеты и ее периодичность, в связи с этим менялась цена. В 1887 г. газета приняла тот вид, который стал привычным для читателя XX в.: большой формат, ежедневный выход на восьми страницах, стоимость подписки — 7 — 8 рублей в год.

На протяжении полувека газета не меняла своего внешнего вида, избегала всяческих технических новшеств, не пользовалась крупными заголовками, статьи, как правило, очень большие, набирались «в подбор» одинаковым шрифтом, «узким корпусом». Это должно было подчеркнуть верность газеты одному стилю, одному принципу издания как в оформлении, так и во взглядах. Главной особенностью «Русских ведомостей», привлекавшей интеллигентного, мыслящего читателя, была приверженность одному, однажды выбранному идеологическому направлению.

В 1873 г. в Гейдельберге (Германия) прошел негласный съезд русских молодых ученых, среди которых были руководители «Русских ведомостей». На съезде обсуждались основные научные и общественные проблемы России. На вопрос «Чего добиваться в России?» съезд ответил: «Добиваться конституции и демократических социальных реформ». После съезда А.С. Постников и В.М. Соболевский составили программу деятельности газеты. Этой программе газета следовала неукоснительно все 50 с лишним лет своего существования.

Как только в период «политической весны» и политики «доверия» в начале XX в. появилась возможность говорить более открыто, газета начала публиковать материалы, развивавшие идеи съезда в Гейдельберге. 14 октября 1904 г. в передовой статье, написанной В.Ю. Скалоном, но опубликованной без подписи, «Русские ведомости» заявили, что основная особенность современной жизни — «факт полного несочувствия большинства русского общества той политике, которой в последние десятилетия следовало правительство в сфере внутреннего управления». Достаточно четко, хотя и в завуалированной форме — доверие доверием, а цензура не отменена — газета определила основные задачи момента: «Насущной потребностью нашего времени является правильная постановка законодательной деятельности в смысле обеспечения ее сферы от вторжения администрации и придания ей большей жизненности. Ввиду последнего необходимо предоставление участия в законодательной работе народным представителям. Пора, наконец, признать за русским народом право законно влиять на свои судьбы и на законодательное решение касающихся его жизненных вопросов». Летом 1905 г. газета опубликовала Проект Основного Закона Российской империи, выработанный одним из кружков Союза Освобождения и переработанный комиссией Земского союза, т.е. представителями будущей партии кадетов.

Конечно, цензура не оставила без внимания подобные «вольности». В 1905 г. газету дважды приостанавливали: значит, публикуя эти документы, газета шла на сознательный риск, хотя вообще старалась цензуру не раздражать. По словам С. Мельгунова, у газеты было мудрое правило: молчать, когда нельзя было говорить. В революционное время это правило было нарушено.

Манифест 17 октября 1905 г. «Русские ведомости» посчитали долгожданной Конституцией. Но газета должна была самоопределиться.

В первом номере за 1906 г. изложена программа «Русских ведомостей». «Свобода личности и ее гарантии, свобода совести, печати, собраний и союзов, народное представительство,

построенное на началах всеобщего избирательного права, ...основной закон, выработанный народными представителями и утвержденный государем, ...усиленная деятельность по развитию и распространению народного образования и просвещения, ...признание прав различных национальностей империи на культурное самоопределение и самоуправление — вот те главные вехи, ...которым мы и считаем себя обязанными следовать в нашей скромной деятельности как органа печати». Это означало, что издание ставило целью добиваться конституционной монархии и демократических свобод, принятых в цивилизованных странах.

Подобная программа в основном совпадала с программой партии кадетов, поэтому после победы партии народной свободы на выборах в I Государственную думу «Русские ведомости» поддержали именно ее. Но центральным органом партии кадетов газета не стала. Ее направление было гораздо шире, чем партийная программа, даже и близкая по духу. «Русские ведомости» стремились объединить все направления общественной мысли. В конце XIX в. здесь сотрудничали Н.К. Михайловский, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Г. Чернышевский и находившийся в эмиграции П.Л. Лавров, т.е. публицисты и писатели других взглядов, отличных от основного направления газеты, по «Русские ведомости» гордились их участием. Редакция подчеркивала, что в своих материалах эти авторы писали не о том, что их разъединяет, а о том, что объединяет все прогрессивные силы России. Газета стремилась, чтобы на ее страницах сходились представители разных партий и убеждений и решали общие вопросы развития страны исходя из одной цели — блага России. Конечно, такая программа редко осуществлялась полностью, особенно в XX в. Умеренная реформаторская позиция «Русских ведомостей» оказывалась неприемлемой для радикальной части общества, которая год от года усиливала свое влияние.

До 1905 г. газета практически была единственным серьезным органом периодики, объединявшим образованных мыслящих людей России. После создания множества партий, в момент увлечения новой для общества партийной деятельностью читатели стали выбирать близкую своим взглядам партийную программу и, следовательно, периодический орган, эту программу пропагандировавший. Это сокращало влияние «Русских ведомостей», стремившихся сохрнить имидж беспартийной, независимой газеты. Кроме того, вызванный революцией количественный рост газет, в том числе и «больших», давал возможность найти более понятный по стилю и современный по форме орган периодики. Широкая, менее образованная часть аудитории не всегда понимала серьезные, в академическом тоне написанные статьи высокообразованных авторов, рассчитанные на такую же высокообразованную аудиторию.

Приверженность газеты одному направлению, единому традиционному стилю и форме в изменившихся социальных условиях сыграла отрицательную роль. «Русские ведомости» не воспользовались новыми возможностями, в том числе и техническими, для привлечения нового, вошедшего в сферу влияния газет читателя. Оставаясь верными своей программе, своему полвека назад избранному читателю, «Русские ведомости» перестали быть самым главным и единственным органом либеральной оппозиционно настроенной интеллигенции. И тем не менее газета, 55 лет хранившая верность раз и навсегда выбранному типу и направлению, стала эталоном «большой» качественной газеты России и сыграла выдающуюся роль в системе русской легальной журналистики 2-й половины XIX — начала XX в.

Манифест 17 октября 1905 г. открыл возможность формирования впервые в истории России политических партий. В конце 1905 — начале 1906 г. в стране появляются ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ возникших партий.

Первыми значение газеты в деле организации партии поняли социал-демократы и эсеры. Они наладили выход за рубежом своих нелегальных органов «Искра» и «Революционная Россия» еще в 1900 г. По тому же пути пошли будущие кадеты, двумя годами позже начавшие издавать журнал «Освобождение». Нелегальные газеты и журналы издавались с трудом, невозможно было выдержать периодичность, а тем более тип издания. Недаром В. Чернов (лидер эсеров) называл «Революционную Россию» «ни газета, ни журнал».

С момента легализации партий постановка партийной прессы стала неотложной задачей. Первыми опять сориентировались радикальные партии, социал-демократы (большевики и меньшевики) и социалисты-революционеры. Для организации партийных легальных газет

находившиеся в эмиграции лидеры партий — В. Ленин и В. Чернов — выехали в Россию. Но чтобы не привлекать излишнего внимания цензуры, несмотря на «медовый месяц» свободы печати, и та и другая партия не стали создавать новых газет, а предпочли воспользоваться уже выходящими или только что разрешенными изданиями.

Большевики решили превратить в центральный орган своей партии газету поэта-символиста Н. Минского, который в октябре 1905 г. получил разрешение на издание периодического органа под названием «Новая жизнь». Н. Минский и другие поэты-символисты, согласившиеся сотрудничать с большевиками, в том числе К. Бальмонт, поместивший в газете самые революционные свои стихотворения, воспринимали революцию как слом старого страшного мира, мешавшего построению на земле «Царства Духа». Их отношение к революции 1905 г. выразил В. Брюсов в знаменитой строчке: «Ломать мы будем с вами, строить — нет».

Договор с Минским заключали А.М. Горький и М.Ф. Андреева, которая выступала как издательница. 22 октября 1905 г. состоялось заседание редакционного комитета, на котором договор был окончательно утвержден. В Женеве была создана редакционная коллегия газеты, в которую вошли В. Ленин, В. Боровский, М. Ольминский, А. Богданов. 27 октября 1905 г. вышел первый номер «Новой жизни» с бесплатным приложением — программой социал-демократической партии. С 9-го номера редактором стал вернувшийся из-за границы Ленин. Минскому был предоставлен литературный отдел. Он взялся за дело с большим энтузиазмом. Вот как описывал в своих воспоминаниях одно из заседаний Союза в защиту печати, на котором присутствовал Минский, А.Р. Кугель — известный театральный критик, издатель журнала «Театр и искусство». «Но затем Минский заговорил. Ах, как он говорил!.. Он начал с того, что, в сущности вещей, ему вообще наплевать на все высокое собрание, с которым у него нет и не может быть ничего общего! Что он, Минский, ставленник пролетариата! Что будущее принадлежит ему! Что он пришел сюда только за тем, чтобы сказать, что с такой буржуазной дрянью, как присутствующее здесь высокое собрание, и разговаривать не стоит. При этом он стучал по столу кулаком и барабанил ложечкой по чайному блюдечку. Сам он был маленький и невзрачный, но революционного огня в нем была бездна... Проппер был очень бледен, и я думал, что ему после этого всю ночь снился страшный революционный вождь в образе Минского, снимающий наборщиков с работы, а также снимающий бритвою скальп с «Биржевых ведомостей», — что впоследствии нисколько, однако, не помешало Минскому регулярно писать корреспонденции в «Биржевые ведомости» из Парижа»⁴.

Несмотря на иронический тон этого рассказа (воспоминания писались после Октября 1917 г., когда акценты надо было расставлять в пользу победившего пролетариата) видно, что Минский со-значительно передал свою газету большевикам и очень этим гордился. Впоследствии в Париже он издал книгу, где с горечью рассказывал, как социал-демократы вытеснили его из газеты. Конечно, революционные настроения и Минского, и Бальмонта не были ни серьезными, ни глубокими, но в момент общественного подъема свою роль они сыграли.

Всего удалось выпустить 27 номеров газеты, в них в основном разрабатывались вопросы стратегии и тактики большевиков в период революции⁵. В «Новой жизни» было опубликовано большое количество работ В.И. Ленина, в том числе статья «Партийная организация и партийная литература», надолго ставшая основной теоретической работой, трактующей проблемы партийности литературы и печати. После закрытия первого легального центрального органа большевиков его место смогли занять в 1910 и 1912 гг. «Звезда» и «Правда».

Примерно тем же путем пошли эсеры. О создании легального органа партии в России рассказал В. Чернов в статье «От «Революционной России» к «Сыну Отечества», опубликованной в первом номере вышедшего в 1923 г. в Берлине журнала «Летопись революции». «Во второй половине 1905 г. стало ясно, — писал лидер эсеров, — что заграничная пресса не успевает за событиями... Известие (о Манифесте 17 октября. — С.М.) застало нас врасплох, и разногласия была большая...» После долгих споров в ЦК партии ехать или не ехать в Россию Чернов отправился в Петербург с целью наладить издание газеты. За помощью он пришел в редакцию журнала «Русское богатство», где рассказал о своих планах. «Я одушевленно развивал ту идею, что теперь каждая газета должна будет политически самоопределиться и открыто выбрать

совершенно определенное партийное знамя». Чернова поддержали сотрудники журнала С. Мякотин и А. Пешехонов, с которыми он был почти не знаком, и Е. Ганейзер — один из членов редакции петербургской газеты «Сын Отечества». Издателем газеты был С.И. Юрицин, редактором Г. Шрейдер, который уже планировал сделать газету общенароднического направления органом с более определенной партийной программой.

Вопрос о переходе газеты на позиции партии эсеров решался демократическим путем на общем собрании сотрудников. В. Чернов рассказал о программе эсеров в революционный период, но его поддержала не вся редакция. Заведующий обзором печати М. Ганфман-Ипполитов заявил, что он «самоопределился» как кадет, не согласился остаться в газете известный фельетонист Яблоновский, критик Ганейзер, писательница Юлия Безродная. То есть решение о переходе «Сына Отечества» на положение центрального органа партии эсеров принималось коллегиально. Правда, долго центральный орган левой партии просуществовать не мог и так же, как и «Новая жизнь», в конце 1905 г. «Сын Отечества» был закрыт.

Гораздо более длинная жизнь была суждена газете «Речь» — ЦО партии конституционных демократов. Кадеты смогли создать свой легальный орган не сразу. Во второй половине 1904 г. «Союз освобождения», из которого образовалась в конце 1905 г. партия, сделал своим негласным центральным органом газету «Право», издававшуюся В.М. Гессеном и Н.И. Лазаревским. Затем эту роль играли «Наша жизнь» Л.В. Ходского и «Наши дни». Была попытка создать «Вестник партии народной свободы».

На второй день после появления «Вестника...», 23 февраля 1906 г. вышла газета «Речь». Создавшие ее П.Н. Милюков и И.В. Гессен не могли быть официальными редакторами газеты, так как находились под следствием по делу об издании «Народной свободы», по они стали фактическими руководителями «Речи» и ее ведущими сотрудниками. Надо заметить, что редакция постоянно доказывала, что «Речь» не является центральным органом кадетов, в подзаголовке газеты стояло: «Внепартийный политический свободный орган».

Такая «скрытность» имела свои причины. Газеты, выражавшие идеи той или иной партии, выполнявшие функции центрального органа, всегда были не только серьезными «большими» изданиями. Это были «газеты мнений», которые отражали взгляды группы единомышленников, объединившихся в политическую организацию со своей программой и уставом. Аудитория строго выдерживающего партийное направление издания не могла быть широкой. Сочувствующие чаще удовлетворялись другими изданиями, не связанными партийными обязательствами и дисциплиной, которые давали более разнообразный спектр оценок и мнений. Центральные органы, как правило, были убыточными и ложились на партийный бюджет тяжелым бременем. Именно поэтому «Речь» и пыталась скрыть свою роль центрального органа кадетской партии.

И все же об этом было известно всем. В.И. Ленин постоянно подчеркивал, что «Речь» — центральный орган кадетов, и призывал заявить об этом открыто и начать печатать резолюции ЦК партии кадетов, что обязан был делать центральный орган партии. С первого номера «Речь» поставила своей целью «бороться со стихией», она пыталась ввести продолжавшиеся в стране революционные события в русло парламентской борьбы. Газета рассматривала Думу как путь к упрочению конституционного строя на широкой демократической основе. 28 мая 1906 г. в передовой статье газета предлагала создать «общую почву, на которой освободительное движение могло бы держаться с полным единодушием без различия оттенков». «Речь» надеялась на крестьянство, которое, по ее мнению, будет выражать в Думе идеи партии народной свободы, она даже предлагала тактический союз с социал-демократами, гневно отвергнутый В.И. Лениным. Пытаясь прояснить дальнейший путь страны, авторы «Речи» опирались на немецкий и английский опыт. Английский опыт использовался и при построении структуры газеты. Редакция старалась вести ее по образцу лондонской «Таймс». Подзаголовок определял издание как «большую ежедневную политическую и литературную газету», т.е. ее тип был традиционным для качественных газет в России и Европы. В «Речи» был серьезный литературный отдел, она была хорошо осведомлена и о зарубежных новостях, хотя иностранных корреспондентов имела мало.

Для социал-демократов, и особенно для В.И. Ленина, «Речь» и партия народной свободы были главными идейными врагами. Поэтому на следующий день после 25 октября 1917 г. «Речь»

была закрыта специальным постановлением победившей партии. В начале 1918 г. ее издание пытались возобновить, но попытка не удалась.

В современной науке нет ни одной работы, посвященной России начала XX в., где не упоминались бы «Речь» или опубликованные в ней статьи, но сама газета практически не изучена⁷. Не прочитан полностью комплект газеты, нет ни одного исследования собственно самой «Речи», а не ее роли в том или ином историческом или общественном событии.

То же самое можно сказать и о других центральных органах русских буржуазных партий. Больше других «повезло» в этом смысле центральным органам партий крупной буржуазии, издававшимся в Москве. Октябристы, прогрессисты, мирнообновленцы издавали газеты «Голос Москвы» и «Утро России». О них писал В.Я. Лаверычев в книге «По ту сторону баррикад», вышедшей в 1967 г., и А.Н. Боханов в ряде статей и уже упоминавшейся книге о крупном капитале и русской газете.

В конце 1906 г. «Союз 17 октября» (октябристы) начал издавать свой центральный орган — «Голос Москвы». В задачу партии входило создание органа периодики, «который не только проводил и пропагандировал бы общие капиталистические идеи в духе защиты интересов нашей отечественной промышленности и торговли и общего экономического блага России, но и главным образом служил бы противовесом крайне левой прессе в ее агитационных происках среди рабочих масс».

«Голос Москвы» издавался «Московским товариществом для издания книг и газет», которое имело капитал около 400 тыс. рублей, но главные средства на газету давали братья Гучковы — крупные фабриканты. А.И. Гучков являлся одним из лидеров октябристов. Но поставить газету должным образом московская буржуазия не смогла. К 1909 г. влияние А.И. Гучкова в «Союзе 17 октября» стало падать, многие московские промышленники от газеты отошли, и на издание стало не хватать денег. Кроме всего прочего, в Москве появился сильный конкурент — политический орган партии мирного обновления газета «Утро России», финансируемая П.П. Рябушинским, М.М. Ковалевским, И.Х. Озеровым, Н.И. Худековым и др. Орган мирнообновленцев выступил с резкой критикой, октябристов, их лидера и «Голоса Москвы». «Что за жалкая газета! — восклицало «Утро России». — Какой пошлостью веет от оригинальных статей! Какая масса перепечаток из «Нового времени», часто без указания источника. И патентованное невежество»⁸.

К 1912 г. «Голос Москвы» совсем пришел в упадок. Подписчиков перехватило «Утро России». Начавшее выходить осенью 1907 г., оно скоро прекратилось, но в ноябре 1909 г. возобновилось. В финансировании газеты приняли участие крупнейшие предприниматели Москвы: А.И. Коновалов, Н.И. Морозов, С.Н. Третьяков. К 1911 г. «Утро России» стало авторитетным изданием. Газета много писала о проблемах развития российского капитала, о внешней политике России. Орган группы П.П. Рябушинского стоял у истоков повой, созданной в 1912 г. партии прогрессистов. Газета не была последовательной в своих взглядах, в 1913 г. она выступала за блок октябристов и прогрессистов, забыв о прежних распрях. Программу «Утра России» разделяли и так называемые молодые московские промышленники, отличавшиеся по своим взглядам от старшего поколения русских предпринимателей. Февральскую революцию «Утро России» приветствовало как конец всяких революционных потрясений. После октября 1917 г. газету закрыли.

Остальные центральные органы различных партий и групп, достаточно многочисленные, известны только по названиям и отдельным ссылкам в дореволюционной русской прессе. Но даже судя по этим скудным сведениям, можно сделать вывод, что их изучение представляет определенный интерес.

Вот что писал, например, журнал «Русское богатство» об одной из черносотенных газет под названием «Гроза», которая выходила в Петербурге как общественно-политическое и литературное издание в 1909 г. По характеристике журнала, «Гроза» — «нечленораздельный орган некоего дикого, но высокого политического салона... На высотах теперь много всяких политических салонов и почти у каждого из них собственный орган: у одного «Русское знамя», у второго «Прямой путь», у третьего «Колокол». Редактор «Грозы» Жеденев когда-то палил в

редакции «Недели» из пистолета по Меньшикову. Несмотря на то что это был ярый черносотенный орган, «Грозу» часто штрафовали, привлекали, с ней вела войну и столичная и провинциальная администрация». Объясняя этот удивительный факт, народнический журнал рассказал о том, что современным историкам русской журналистики практически неизвестно: об «обратной связи» между черносотенными органами прессы и малообразованным и неискушенным, но хорошо знающим расстановку сил читателем.

«Какие-то олимпийцы пожелали при посредстве этого издания вещать улице. Как слушает улица и как понимает — неизвестно. Но она быстро сообразила, что при помощи той же «Грозы» можно если не разговаривать с Олимпом, то доводить до его сведения обо всем, что вздумается, желательно или необходимо... Петербургские извозчики первыми воспользовались «Грозой», чтобы довести до Олимпа разные свои жалобы. А потом и пошли писать из самых разнообразных мест и, по-видимому, самые разнообразные лица. Пишут о губернаторах, архиереях, о градоначальниках, об исправниках, полицеймейстерах, о всяком ином большом или малом начальстве... Точно так же улица пользуется и «Русским знаменем», и «Земщиной», и почти всеми другими органами этого типа: все они превращены как бы в почтовые ящики, куда опускаются корреспонденции, предназначенные для Олимпа, для тех или иных его уголков»⁹.

Напомним, что «Русское знамя» и «Земщина» — центральные органы разных течений черносотенцев. Оставаясь выразителями идей самых реакционных групп русского дворянства, эти газеты неожиданно приобрели какой-то массовый характер. «Вещать улице» оказалось непросто, и в этих газетах начала «вещать улица». Проследить, о чем писали представители «улицы» и как реагировали на эти письма на Олимпе, представляется очень интересным, но это дело будущего.

Информационные газеты «Новое время» и «Русское слово»

- «Новое время» — первая информационная газета в России.
- А.С. Суворин. Его роль в русской журналистике.
- Цели и задачи «Нового времени».
- Роль газеты на рубеже веков.
- Аудитория «Нового времени».
- Проблема инородцев на страницах газеты.
- Сотрудники «Нового времени».
- Создание «Русского слова».
- В.М. Дорошевич.
- Организация работы «Русского слова».
- Сотрудники газеты.
- Направление «Русского слова».

Русские журналисты и читатели привыкли к «большому», качественному газетному изданию. И «Московские ведомости», и «Санкт-Петербургские ведомости», и «Русские ведомости», при всем различии направлений, взглядов издателей и сотрудников, принадлежали к одному типу — это были серьезные общественно-политические органы периодики, стремящиеся сформировать общественное мнение, завоевать внимание образованной аудитории. Эта привычка и помешала, вероятно, разглядеть появление газет нового типа с другой — информационной — целью. А.В. Пешехонов и С.Н. Кривенко заметили возросшую информационную роль газет, назвали издания, по своим параметрам не относящиеся ни к одному из определенных ими типов, но не стали выделять их в отдельную группу.

Для анализа развития русской газеты начала XX в. необходимо рассматривать информационные издания как своеобразный тип газетной периодики.

Первой информационной газетой в России стало «НОВОЕ ВРЕМЯ» под руководством А.С. Суворина. На протяжении 36 лет это была самая влиятельная русская газета, с мнением которой считались правительственные чиновники, министры, его должны были учитывать даже оппозиционно настроенные круги русского общества. Исследование деятельности газеты — дело

очень трудное, потому что «Новое время» дружно ругали современники, в последующие десятилетия, в советское время, негативное отношение к газете и ее издателю резко усилилось.

Пущенная в оборот М.Е. Салтыковым-Щедриным в начале 80-х годов XIX в. язвительная кличка «Чего изволите?» намертво прилипла к газете. Самого Суворина сатирик называл «флюгером», ему в вину ставилось «искательство» перед сильными мира сего, поддержка самодержавия, охранительство и т.д.

Существует некий феномен и издателя, и его газеты. О нем писал, например, К.К. Арсеньев — обозреватель, а впоследствии редактор «Вестника Европы», человек, которого называли совестью русской журналистики. «Все ругали беспринципное и «откровенное» «Новое время», но все читали бойкую, живую, интересную и полную газету, так что в 6 часов вечера на Невском ни у одного газетчика нельзя было найти сегодняшнего номера, хотя газета печаталась одновременно в двух больших типографиях в небывалом для русской печати количестве экземпляров»¹. Итак, все ругали, но все читали, и не только читали, но пытались подражать суворинскому изданию или создавали новые газеты в противовес «Новому времени».

Но прежде чем говорить о самом «Новом времени», надо сказать о его редакторе-издателе А.С. Суворине — личности противоречивой, неординарной и не оцененной в полной мере ни современниками, ни исследователями советского периода. На протяжении 80 лет после 1917 г. отрицательные оценки Суворина были заданы в статье В.И. Ленина «Карьера», опубликованной в «Правде» в 1912 г. по поводу смерти издателя «Нового времени».

В течение полувека имя А.С. Суворина было одним из самых заметных в русской журналистике. В 1862 г. бывший офицер, потом сельский учитель приехал в Петербург, обремененный большой семьей, без средств к существованию. Он начинал как памфлетист, его публикации в газете «Санкт-Петербургские ведомости», арендатором которой тогда был В.Ф. Корш, историк литературы С.А. Венгеров характеризовал как «лучшие опыты русского политического фельетона». Из-за статей Незнакомца — псевдоним А.С. Суворина — издатель потерял право на аренду газеты (кстати, впоследствии разбогатевший Суворин выплачивал престарелому В. Коршу пенсию). В 1866 г. после выстрела Д. Каракозова в Александра II повесть А.С. Суворина «Всякие», где под вымышленными именами были сочувственно показаны Н.Г. Чернышевский и его соратники, была предана суду и по его приговору сожжена. «Неожиданно для себя Суворин стал героем дня, поистине легендарной личностью»².

Среди современников существовало представление о «двух» Сувориных. Об этом писал, например, Н.Я. Абрамович — автор памфлета «Новое время» и «соблазненные младенцы», вышедшего в 1916 г., после смерти «старика» Суворина. «Один» — светлый, ясный ум, живое «свежее» перо, приветливое обращение с людьми; «другой» — практичный Макиавелли, ненавистник и предатель. А вот мнение современного исследователя: «В одном человеке совмещались, казалось бы, несовместимое. Умный, одаренный, эрудированный критик, публицист, стремящийся к независимости, духовной свободе, — и приспособляющийся к изменчивой атмосфере времени, угодничающий перед властями издатель «Нового времени». Знаток литературы и театра, страстно в них влюбленный... и коммерсант, наживающий капитал на книге и газете. Противник «шатких» убеждений и «гибкий» политик, человек, наедине с собой и в частных беседах критикующий основы, — и публичный их охранитель»³. Как видим, характеристика «отрицательного» Суворина современным автором значительно ужесточена: в вину издателю «Нового времени» поставлены охранительство «основ», а также капитал, нажитый на книгах и газетах. Но, как отмечали многие, был и «третий» Суворин. О нем писал А. Петрищев — автор некролога, опубликованного народническим журналом «Русское богатство», симпатии к Суворину не испытывавшим. «Он так же талантлив, как и Незнакомец, и так же пользуется успехом. Я знаю людей, которые не могут без отвращения говорить о «Новом времени», но об эпизодах из жизни анекдотического Суворина, о его словечках говорят почти с любовью»⁴.

Итак, «третий» Суворин, «анекдотический» — это личность, своеобразный талантливый человек. Наверное, можно говорить и о некоем «четвертом» Суворине — авторе не только памфлетов, но и «Маленьких писем», с которыми он постоянно выступал в «Новом времени». 15 апреля 1904 г. было опубликовано 500-е «Письмо», если учесть, что после этого еще пять-шесть

лет Суворин писал в свою газету, «Маленьких писем» может быть около 600. «Письма» не перепечатывались самим автором, не прочитаны они и исследователями его творчества. Вырванные из газет и журналов, переплетенные в один том «Письма» хранились в библиотеке Суворина, а сейчас — в его архиве. Кроме того, он писал рассказы, повести и пьесы.

Большую сложность представляет анализ взглядов этого человека, идейной позиции, которая отражалась в творчестве и оказывала влияние на направление его газеты.

Эволюция взглядов Суворина не типична для большинства русских общественных деятелей. Это путь «слева — направо», от либерализма, традиционного для передовой части русского общества во времена Незнакомца, через разочарование в радикальных способах переустройства жизни к проповеди идей государственности, охранительству и даже к заступничеству за черносотенцев после первой русской революции. В одной из последних записей 1907 г. в «Дневнике» А.С. Суворин объяснил свой выбор: «Чем дольше живет человечество, тем менее в нем простору и успеха насилью. Разумная свобода достигается трудно, не по приказу, не в короткий срок, не насильственным ускорением истории. Нужны настойчивые продолжительные усилия и труд... борьба силой просвещения — единственно надежным путем»⁵. Можно не соглашаться с этим утверждением, но полувековое активное участие в жизни России в самое сложное для страны время дало право умудренному жизненным опытом человеку такой вывод сделать. И почти в то же время уже 70-летний издатель вносит в «Дневнике» еще одну запись, которая ставит в тупик многих исследователей: «...Мне жаль затравленного зверя (революцию). Не то чтобы я жалел его острых зубов, его хищного наскока, его бездушной ярости — помилуй Бог. Мне жаль улетевшей красоты этого единственного в своем роде русского медведя, столь много обещавшего и столь мало давшего. Мне жаль моих ожиданий, моей грусти, моих восторгов, моей веры и ошибок, жаль пролетевшей, как сон, молодости»⁶. Значит, были в душе этого человека надежды и восторги, связанные с революцией, которую он во имя государственных интересов отрицал.

А.С. Суворин в 1874 г., после вынужденной продажи В.Ф. Коршем «Санкт-Петербургских ведомостей», остался не у дел. В это время он был известным журналистом и писателем с устойчивой репутацией либерала. «Когда Трубников предложил мне купить «Новое время», я конечно колебался, — вспоминал издатель, — потому что не было денег и взять их было неоткуда. Некрасов приходил ко мне... и говорил, чтобы я не отказывался, но денег все-таки не было»⁷. Деньги помог достать поэт В.И. Лихачев. С 1876 г. А.С. Суворин начал главное дело своей жизни — издание газеты «Новое время».

Приступая к работе, опытный журналист хорошо представлял, какую именно газету он хотел издавать. Еще в 60-е годы XIX в. в одном из писем к М.Ф. Де-Пуле Суворин отмечал, что «только политические события увеличивают тираж газеты да еще хорошая летняя погода». Будущий издатель понял, что та газета, которая «заводит себе корреспондентов в Париже, Вене, Лондоне вместо того, чтобы завести их в Киеве, Воронеже, Саратове и проч.» наверняка прогорит, так как «в настоящее время особенно дороги провинциальные корреспонденты»⁸. Таким образом, основное внимание газета должна была уделять, по планам Суворина, политическим событиям в провинциальной жизни России.

В первом номере «Новое время» заявило о своем направлении. «Мы с направлением откровенным... Такое мы сочинили в отличие от радикального, либерального и консервативного». Понятие «откровенное» направление вызвало непонимание современников, насмешки противников, но сам А.С. Суворин считал необходимым в первую очередь отказаться от привычной для русской прессы тенденциозной оценки событий в публикуемых материалах. Газета не призывала: «Встань, русский народ!», она предлагала читателю: «Рассудите сами»⁹.

Основной принцип своей газеты А.С. Суворин объяснял в письме к постоянному сотруднику «Нового времени» В.В. Розанову: «Надо больше давать свободы личному мнению и не навязывать своего взгляда. Это большой недостаток в газетном деле. Газета не есть собрание истин, а собрание мнений. Меня упрекали в том, что я будто бы флюгер. Я вовсе не флюгер. Но будучи человеком, не получившим серьезного и солидного образования, вынужденный постоянно учиться, постоянно читать и на лету схватывать знания, я давал свободу мнениям и заботился

главным образом о литературной форме. В этом отношении я много работал над чужими статьями. Я любил говорить с сотрудниками по целым часам и не только об их статьях, сколько по поводу их. Часто мнения, которым я давал место, мне совсем не нравились, по мне нравилась форма, ост-роумная, живая струя»¹⁰. Свою газету редактор-издатель называл «парламент мнений». Это раздражало многих деятелей русской прессы, привыкших, что газета или журнал являлись проповедниками одного мнения, одной системы идей и гордившихся этим.

Таким образом, редактор-издатель «Нового времени» нарушил традиционную для XIX в. идеологическую целостность периодического издания. А.С. Суворин одним из первых понял, что газета формирует не только общественное сознание, но и общественное мнение. Критерий отбора материала — не идеологическое и стилевое единство всех публикаций, а живая, остроумная форма. Видимо, в этом и заключались причины успеха «Нового времени», вот почему все читали интересную, остроумную, живую и бойкую газету. Исследуя комплекты газеты, надо обращать внимание не только на содержание публикуемых статей, не только на те взгляды, которые в них изложены, но и на форму изложения, на литературные приемы, «живую струю», которая привлекла редактора и сделала возможным появление материала на газетной полосе¹¹.

«Новое время» стало не только самой интересной информационно насыщенной газетой рубежа XIX и XX вв., но очень долго, вплоть до революции 1905 г., оно было и одним из самых влиятельных органов периодики. Вот что рассказывал В.В. Розанов: в другой газете «вы написали фельетон, два, три, — вы подняли целую «кампанию»... Ничего. В «Новом времени» если появится заметка в 5 — 6—10 строк: отовсюду начинается движение, шлют деньги, вещи, спрашивают, пишу письма»¹².

С газетой Суворина старались не портить отношения крупные чиновники и министры. Сохранились, например, письма С.Ю. Витте редактору-издателю газеты. Прозорливый политик Витте учитывал роль «Нового времени» и влияние прессы на общество. Именно поэтому оппозиционно настроенные современники называли газету «министерской», рупором правительства, неофициальным официозом. В «Дневнике» А.С. Суворин записал интересный разговор с одним из крупных сановников С.С. Татищевым: «Я сказал... что цензура будет преследовать всех тех, которые говорят о современных вопросах жизни с достаточной свободой, и будет оставлять в покое все то, что будут писать радикалы и социалисты. «Да, это естественно, — сказал Татищев. — Когда вы пишете о министрах, то как бы становитесь выше их. Государь может сказать: «Однако, какая-то газета говорит умнее, чем министр». Понятно, что этого они не выносят, и потому закрывают глаза на все радикальное, которое их не трогает»¹³. По свидетельству Витте, Николаю II давали целиком «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время», из остальных газет делались вырезки.

Несмотря на таких высокопоставленных читателей, как царь, министры и сановники, современники называли «Новое время» обывательской газетой. А. Петрищев в статье, опубликованной в «Русском богатстве» в 1912 г., отмечал, что «Новое время» «рассчитано на успех в иной, не писательской, не интеллигентской среде». И дальше: «Пестрая масса читателей — сила нешуточная»¹⁴.

Вот как определяет аудиторию «Нового времени» автор вышедшей в 1999 г. книги «Вокруг А.С. Суворина» Л.П. Макашина. Редактор-издатель рассчитывал на обывательскую среду, «обывательскую значит массовую, ...для тысяч грамотных людей, отстраненных от активной политической или общественной жизни страны, живущих своими частными заботами, но не лишенных интересов, любопытства к жизни сфер»¹⁵. Аудитория «Нового времени» не была массовой в современном понимании (газета была слишком дорогой для массового читателя), но она была внесоциальной, и это главное достижение А.С. Суворина. Вероятно, можно утверждать, что «Новое время» рассчитывало на средние слои общества, появившиеся в связи с быстрым развитием капитализма в России. Вот, например, позиция газеты в 1905 г. Констатируя тот факт, что рабочие волнения принимают все более политический характер, «Новое время» считало: «рабочая среда нуждается в успокоении». Но газета не призывала к разгонам и расстрелам демонстраций и стачек, она писала, что «применение репрессивных мер дает несомненно результаты, прямо обратные желаемым». Газета уповала на серьезную и решительную реформу,

выдвигала требование пересмотра действующего законодательства¹⁶. «Новое время» говорило от имени тех, кто «боится бессмысленного бунта», кто «хочет порядка, непременно порядка, чтобы можно было свободно и спокойно работать»¹⁷. Видимо, это требование не только обывателей, а тех, кто хочет спокойно работать, того самого среднего класса, который постепенно возникал в стране.

Самым серьезным обвинением в адрес газеты было обвинение в антисемитизме, излишнем внимании к проблемам «инородцев» и «черты оседлости». Больше всего нареканий вызывала позиция газеты в нашумевшем деле Дрейфуса, выступления «Нового времени» против Э. Золя, который прославился своей защитой обвиненного в государственной измене французского офицера, еврея по национальности, — Дрейфуса. Не вдаваясь в подробности обсуждения этого сложнейшего вопроса, можно привести подсчеты, сделанные современными исследователями, что за 36-летнюю историю газеты только семь раз «еврейский вопрос» выходил на первое место в публикациях, по в это время о нем писала почти вся пресса. «Газета призывала обе стороны — и правительство, и лидеров еврейского национального движения — искать мирные, цивилизованные пути решения проблемы. Она осуждала и террористические методы борьбы, и революционное (бунтарское) противостояние»¹⁸. Газета никогда не призывала к погромам и осуждала подобные проявления национальной розни.

Современники резко критиковали «Новое время». «Однако, если отбросить эмоции, придется признать, что позиция Суворина в «еврейском вопросе» мало чем отличалась от того, как он воспринимал «армянский», «польский», «финский» и прочие вопросы. Все они были звеньями одной цепи, органически связанной с прочими кардинальными проблемами общественной жизни страны»¹⁹. Эту проблему надо еще исследовать, но «отбросить эмоции».

В уже упомянутом памфлете Н.Я. Абрамовича «Новое время» и «соблазненные младенцы» говорилось, что газета губила писательские таланты. Правда, автору пришлось оговориться, что неталантливых сотрудников там не было. «Целая плеяда русских писателей, из которых некоторые представляют собой блестящее явление нашей литературы, прошла через столбцы суворинской газеты»²⁰. И не только крупные писатели, такие как А.П. Чехов, но и талантливые, блестящие журналисты в разное время сотрудничали в «Новом времени»: Амфитеатров, Потапенко, Меньшиков, Тихонов, Фофанов, Энгельгард и др.

Наиболее одиозными были фигуры М.О. Меньшикова и В.И. Буренина. Первый начинал творческий путь в либеральной газете «Неделя», где прославился своими антидворянскими выступлениями. Приглашая его в свою газету, А.С. Суворин предложил ему писать «что он хочет и как хочет». Меньшиков вел отдел «Письма к ближнему», в них он нашел свою манеру и свой стиль. Он прославился на всю страну, хотя слава эта чаще всего была скандальной. Оппозиционная часть интеллигенции относилась к нему очень недоброжелательно, его называли «литературным Иудушкой». В настоящее время имя Меньшикова возвращается к читателям, его произведения неоднократно переиздавались в последние годы. Современными исследователями в его статьях подчеркиваются идеи патриотизма, защита русской государственности.

В.И. Буренин начинал как поэт-сатирик и беллетрист, некоторую известность ему принесли сатирические повести. В «Новом времени» он публиковал воскресные фельетоны на литературные темы, где в резкой манере высмеивал русских писателей. В своем «Дневнике» Суворин приводит некоторые стихи-пародии на писателей, принадлежавшие перу Алексиса Жасминова (псевдоним Буренина). Но самую широкую известность получили сатирические строчки о самом фельетонисте, сочиненные В.М. Дорошевичем:

Бежит по улице собака, Идет Буренин — тих и мил. Смотри, городской, однако, Чтоб он ее не укусил.

В.М. Дорошевич опубликовал в газете «Россия» фельетон «Старый палач», где прямо назвав Буренина, сравнил его с палачом, встреченным на Сахалине во время поездки на «каторжный» остров. Кстати, Суворин посоветовал Буренину не реагировать на фельетон, не предпринимать никаких шагов, чтобы не раздувать скандал. В «Дневнике» издатель «Нового времени» характеризовал В.И. Буренина как спокойного и доброго человека. В последние годы негативное отношение к Буренину тоже начинает пересматриваться.

Очень много неприятностей приносили Суворину объявления, помещаемые на страницах газеты. Издателя обвиняли в том, что он, пользуясь дружескими отношениями с некоторыми министрами, отбирал у других газет «казенные объявления», т.е. объявления, которые государственные учреждения обязаны были публиковать, оплачивая их за счет казны. Это рассматривалось как скрытая субсидия проправительственной газете. Доход «Нового времени» от объявлений составлялся из следующих статей: с «бедноты» — 130 291 р., с «покойников» — 111 550 р., с казны и общественных учреждений — 378 144 р., с остальных — 462664 р. Всего: 1 млн. 082 тысячи 655 р. ежегодно²¹.

Еще один важный для исследования не только «Нового времени», но и всей прессы начала XX в. вопрос: совпадают ли полностью взгляды редактора-издателя или ведущего сотрудника с основным направлением газеты или журнала? При анализе изданий XIX в. на этот вопрос можно отвечать утвердительно, редакционные коллегии гордились тем, что ни по стилю, ни по высказанным идеям часто нельзя было отличить материалы разных сотрудников, это был со-гласованный хор единомышленников. В XX в. при резко увеличившемся количестве авторов, особенно в ежедневных газетах, этот «хор» начинает распадаться, в нем слышатся отдельные голоса, и диктат редактора или ведущего публициста уже не так ощутим. Многие современники писали о том, что полностью отождествлять «Новое время» и А.С. Суворина нельзя, хотя последнему всегда принадлежало право принимать решения по газете. Вот, например, свидетельство В.В. Розанова, не один десяток лет близко общавшегося с Сувориним: «Как не сложно «Новое время», Суворин сам был сложнее, разнообразнее, был неуловимее его. Так называемые «колебания» газеты (мнимые) лишь отчасти и слабо выразили душу Суворина, всю сотканную из муара»²².

Ярким примером характерного для XX в. разделения редакторских и издательских функций служит история самой популярной в России газеты «РУССКОЕ СЛОВО». Именно она сменила начавшее клониться в годы первой русской революции к упадку «Новое время» и стала самой читаемой и влиятельной вплоть до 1918 г. История этой газеты связана с именами двух очень известных и влиятельных в газетно-издательском мире людей — И.Д. Сытина и В.М. Дорошевича.

Об истории создания «Русского слова» И.Д. Сытин рассказал в своих воспоминаниях «Страницы пережитого». По его словам, идея газеты при издательстве принадлежала А.П. Чехову. Почти при каждой встрече с издателем он повторял: «Сытин должен издавать газету. И не какую-нибудь, а дешевую, народную, общедоступную»²³.

На вечере, посвященном 30-летию издательской деятельности И.Д. Сытина, кто-то пожелал, чтобы «Русское слово» стало маленьким «Новым временем». А.П. Чехов на это заметил: «Думаю, что для этого надо прежде всего быть «маленьким Сувориним»²⁴

То есть, для создаваемой газеты «Новое время» выступало в качестве образца.

Сытин не мог сразу получить право на издание своей газеты, так как был «не в чести» у великого князя Сергея Александровича — генерал-губернатора Москвы — и у обер-прокурора Святейшего Синода всесильного К.П. Победоносцева. Поэтому право на издание «Русского слова» было дано приват-доценту Московского университета А.А. Александрову, который был близок Победоносцеву. Александров, по рассказу Сытина, истинным владельцем газеты не был, деньги на издание были выделены самим Сытиным, часть денег дал известный русский адвокат Ф.Н. Плевако.

Имя Александрова, фигурирующее в цензурном разрешении на издание газеты, дает повод для разночтений в современной литературе. Е.А. Динерштейн пишет, что Александров был первым издателем газеты, у него Сытин купил право на издание в 1897 г. Но сам И.Д. Сытин в своих воспоминаниях рассказал, что Александров был подставной фигурой и только после длительных мытарств, связанных с самим приват-доцентом, его женой Авдотьей, которая бесцеремонно вмешивалась в газетные дела, и «авдотьиним зятем», ставшим редактором и писавшим вещи невиданные (о них Сытин с юмором рассказал в воспоминаниях), было получено окончательное свидетельство на право издания «Русского слова» самим издателем. Таким образом, формально Сытин издавал «Русское слово» с 1897 г., фактически с 1895.

С 1901 г. во главе газеты встал Ф.И. Благов — зять Сытина, о котором все знавшие его

вспоминали с любовью и уважением. «Это был труженик, ушедший в дело с головой и почти отказавшийся ради газеты от личной жизни. Он сросся с «Русским словом», так сроднился с его сотрудниками, что смотрел на газету как на большую семью, свою семью. Тысячи бессонных ночей провел Ф.И. Благоев за рабочим столом, и здесь за этим столом была его жизнь, его радость, его гордость, его счастье. Все для газеты и ничего для себя — это был основной девиз Ф.И. Благоева, и он донес это знамя до конца»²⁵.

После долгих поисков редактора, который смог бы создать газету, достойную известной издательской фирмы, И.Д. Сытину удалось договориться с В.М. Дорошевичем. Договор о сотрудничестве был заключен с ним еще летом 1901 г., но в это время «король русского фельетона» был занят в газете «Россия». 13 января 1902 г. «Россия» была закрыта и Дорошевич стал редактором «Русского слова».

В.М. Дорошевич начал свой журналистский путь очень рано, уже в 17 лет он стал сотрудничать в «Московском листке» Н.И. Пастухова. В этой, по мнению состоятельных москвичей, «кабацкой газете» приобщались к журналистскому мастерству лучшие русские журналы — Дорошевич и Гиляровский, — они стали некоронованными королями в жанре фельетона и репортажа. В 1893 г., соблазнившись более выгодными материальными условиями, Дорошевич уезжает в Одессу, в «Одесском листке» сразу же по приезде выступил против городского головы и стал героем крупного скандала. Ему пришлось на время из города уехать. В 1897 г. на пароходе вместе с партией заключенных, которых везли через Одессу на Сахалин, Дорошевич отправляется на каторжный остров. Его очерки, печатавшиеся в газетах, впоследствии были изданы Сытиным отдельной книгой, что входило в условия контракта при приглашении фельетониста в «Русское слово». Широкая известность пришла к Дорошевичу в годы его сотрудничества со знаменитой «Россией», о которой будет сказано отдельно.

При подписании контракта с И.Д. Сытиным В.М. Дорошевич поставил ряд условий: 1-е — удалить всех сотрудников, известных своими реакционными взглядами; 2-е — газета «Русское слово» Сытина — Дорошевича ничем не должна напоминать журнал «Русское слово» Д.И. Писарева, братьев Курочкиных и других нигилистов 60-х гг.; 3-е — предоставить редактору полную автономию в редакционных делах. На этом пункте В.М. Дорошевич настаивал особо. В 1903 г. он прислал из Италии Н.В. Туркину, возглавлявшему редакцию в Москве, большое письмо на 20 страницах, в котором среди прочих рекомендаций по ведению газеты еще раз подчеркнул свое требование: не позволять ни Сытину, ни кому-либо другому вмешиваться в дела издания. «Независимость — моя сила. Единственная», — писал редактор «Русского слова»²⁶. Сам Дорошевич обязан был давать в воскресные номера статьи о Москве и 52 материала по текущим вопросам общественной жизни. По подсчетам Е.А. Динерштейна, авторская нагрузка редактора составляла 64 тысячи строк в год, 5300 — в месяц, 175 строк в день.

В.Л. Гиляровский в книге «Москва газетная» вспоминал, что став редактором «Русского слова», Дорошевич «развернулся вовсю», увеличил до небывалых размеров гонорары сотрудникам, ввел строжайшую дисциплину в редакции, «положительно неслыханные в Москве порядки, должно быть по примеру парижских и лондонских издательств, которые он осматривал во время своих частых поездок за границу»²⁷.

Дорошевич, как в европейских газетах, распределил сотрудников по отделам и во главе этих отделов поставил редакторов: военный редактор, московский и т.д. Каждое утро он собирал заведующих отделами на совещания, на них приходил и Сытин. Издатель построил дом для редакции и типографии, тоже по примеру больших парижских газет. Типография была снабжена новейшими печатными машинами, весь третий этаж занимало «Русское слово», на четвертом помещались редакции журнала «Вокруг света» и «Искры» — приложения к газете, сначала печатавшегося с текстом, а потом состоящего из одних иллюстраций.

К 10 часам вечера номер газеты был готов, по в процессе печатания, до последней минуты, на полосу вносились свежие новости, в 4 часа утра помер выходил и попадал на самые ранние поезда, развозившие «Русское слово» в разные города России. Между петербургскими и московскими газетами существовало соревнование в борьбе за влияние на провинциальную печать. Как вспоминали сотрудники казанских газет, работа над очередным номером начиналась

там в 5 часов вечера, когда приходили поезда со столичными изданиями. Основными орудиями производства были ножницы и клей, т.е. из полученных газет и журналов вырезались интересные для каждого города материалы и перепечатывались местным органом периодики. «Русское слово», приходившее одним из первых благодаря четкому графику, в этом соревновании победило.

В.М. Дорошевич создал практически первую в стране информационную газету европейского типа. Он увеличил корреспондентскую сеть в России и за границей. Главное внимание он требовал уделять провинциальной жизни. В упомянутом письме Н.В. Туркину он объявлял 1903 г. годом «похода на провинцию», считал необходимым приучить жителей провинции читать про самих себя²⁸.

Дорошевич заключил соглашение с европейскими политическими газетами об обмене информацией, и газета получала сведения о зарубежных событиях не только от собственных корреспондентов. Современники называли «Русское слово» «фабрикой новостей», в типографии Сытина новости «пекли», как горячие булочки. Последние известия часто без обработки шли прямо в печатную машину, что естественно повышало оперативность газеты. Для более быстрого получения информации «Русское слово» одним из первых в России заменило почтовую связь телеграфной и телефонной, короткие сообщения, полученные по телефону, публиковались отдельной рубрикой. Дорошевич потребовал круглосуточного использования телефонных линий Московского телеграфного агентства. Прямая телефонная линия в редакцию была проведена в 1917 г., а до этого курьер на белой лошади скакал между телеграфным агентством и редакцией, доставляя новости²⁹.

Но славу «Русскому слову» приносили не только оперативные новости. В газете сотрудничали крупнейшие русские журналисты: Осип Дымов, Петр Пильский, Николай Шебуев, Алексей Яблоновский, Василий Немирович-Данченко, Владимир Гиляровский, священник Григорий Петров и др. Сытин приглашал и русских писателей, кроме В.Г. Короленко и А.П. Чехова, в газете сотрудничали все.

В первые годы редакторства Дорошевича характер «Русского слова» определяли три человека: сам редактор, священник Григорий Петров, прославившийся своими проповедями, впоследствии депутат Думы, и Василий Иванович Немирович-Данченко — известный журналист, брат основателя Художественного театра Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

Отношения между ведущими сотрудниками складывались непросто, каждый претендовал на лидерство. В.М. Дорошевич — блестящий фельетонист был мастером своего дела, его публикации всегда привлекали внимание читателей. В.И. Немирович-Данченко — журналист очень авторитетный, прославился своими корреспонденциями с русско-японской войны, он постоянно был на позициях и прислал в газету около 300 сообщений с фронта. Григорий Петров, в свое время привлечший внимание придворных кругов своим талантом проповедника, пришел в «Русское слово» с планами создать массовую газету, воспитывающую читателя в христианском духе. Эти планы пришли в столкновение с редакторскими установками Дорошевича. В редакции не было мира: В.И. Немирович-Данченко и Григорий Петров составили некую внутреннюю оппозицию Дорошевичу. Правда, победа осталась на стороне последнего. Григорий Петров был практически отстранен от газеты, Сытин платил ему деньги, но статьи, которые священник предлагал, не печатались. В 1906 г. было предпринято издание газеты «Правда Божия» специально для Петрова, по газету он не удержал.

Непросто складывались и отношения Дорошевича с Сытиным, который вопреки подписанному контракту выражал свое недовольство делами и пытался постоянно что-то менять. В 1911 г. Дорошевич хотел уйти из газеты, Сытин искал нового редактора. Он рассматривал кандидатуры П.Б. Струве, А.В. Амфитеатрова, А.А. Суворина-сына, А.Р. Кугеля. С середины 1912 г. редактором стал Н. Валентинов (Вольский). В 19 лет он был членом РСДРП, сначала принадлежал к ленинцам, затем перешел к меньшевикам. Он хотел сделать «Русское слово» демократической газетой. Но Дорошевич снова вернулся и редактировал газету до 20 мая 1917 г., когда он сложил свои полномочия и во главе встал редакционный комитет. При всех разговорах, что Дорошевич газетой занимался мало и уделял ей недостаточное внимание, именно он определял основной характер издания и был его творческим вдохновителем.

Направление «Русского слова» пытались определить и журналисты, и читатели, и цензоры. Перед ними вставали те же трудности, что и при определении направления «Нового времени». Единое и четкое направление невозможно для информационной газеты, отражающей изменения времени и общества. Вот что говорил сотрудник «Русских ведомостей» С. Мельгунов в докладе, прочитанном в 1915 г. «Это газета, всегда подлаживающаяся под настроения толпы, всегда помнящая свои коммерческие расчеты. Во время революции она будет революционна, по власть возвращается — она начинает говорить иное... И, правда, никогда не знаешь, к числу зависимых или независимых газет относится «Русское слово»³⁰.

В этом отзыве отразилось недоверие к издателю-капиталисту, так как зависимость или независимость от капитала стояла тогда на первом месте при характеристике той или иной газеты. Цензоры тоже отмечали, что «Русское слово» «правело» или «левело» в зависимости от обстоятельств. Для них в характеристике издания определяющим были его политические позиции.

Популярность газеты стремительно росла. В период русско-японской войны «Русское слово» имело 20 военных корреспондентов. Кроме В.И. Немировича-Данченко, репортажи под рубрикой «Вражеская страна в военное время» вел В.Е. Краевский, который с подложным паспортом на имя британского подданного Перси Палмера совершил рейд по тылам японской армии. С.Ю. Витте, внимательно следивший за публикациями прессы, писал о периоде русско-японской войны: «Самые толковые военные статьи, почти всегда предвещавшие будущее, появлялись в «Русском слове»³¹. Газета имела компетентные источники информации в министерстве иностранных дел России³².

Наиболее откровенно свои взгляды «Русское слово» сформулировало после Манифеста 17 октября 1905 г., который в редакции встретили с восторгом. Газета писала 18 ноября: «Призыв всех к общей культурной работе и содействие справедливому распределению благ культуры между всеми сынами России без различия племени, вероисповедания и сословий — вот слово, с которым «Русское слово» шло и идет к своим читателям». Газета Сытина—Дорошевича не приветствовала насильственного пути решения проблем страны, она уповала на реформы и культурологическую работу.

Летом 1905 г. «Русское слово» получило предостережение с запрещением розничной продажи за статью о беспорядках в Иваново-Вознесенске. 18 декабря 1905 г. во время Декабрьского вооруженного восстания в Москве был сожжен выстроенный за год до этого корпус типографии Товарищества Сытина на Пятницкой улице. Сам Сытин считал, что типографию сожгли не восставшие рабочие, а солдаты по приказу адмирала Дубасова, усмирявшего вторую столицу. Кстати, рабочие типографий Сытина во всеобщей стачке не участвовали.

Большой успех приносили газете специальные номера, посвященные известным людям или знаменательным событиям: в 1910 г. — 50-летию А.П. Чехова, 1911 г. — реформе 1861 г. и Александру II. Самыми знаменитыми стали номера, посвященные смерти Л.Н. Толстого в 1910 г. и убийству Г. Распутина в декабре 1916 г.

Во время Первой мировой войны, как только появилась возможность, «Русское слово» отправило в действующую армию двух сотрудников и художника. Чтобы показать читателям страдания людей во время войны, В.М. Дорошевич на собственном автомобиле отправился из Москвы в Петербург навстречу потоку беженцев и дал затем серию статей в газету.

Успех «Русского слова» обеспечивал рост тиража. Кстати, это была самая дешевая газета среди ежедневных изданий — 7 рублей в год. В 1916 г. тиражи превысили уровень 700 тысяч экземпляров, а после февраля 1917 г., по свидетельству С. Срединского, тираж достиг рекордного для России показателя — 1 млн. 200 тыс.³³

Газеты информационного типа завоевывали в начале XX в. внимание читателей, становились самыми распространенными.

Массовые и бульварные газеты «Московский листок», «Россия», «Газеты-Копейки»

· «Московский листок».

- «Россия» В. Дорошевича и А. Амфитеатрова.
- А.В. Амфитеатров.
- Фельетон «Господа Обмановы».
- Бульварная пресса России.
- Массовая рабочая газета «Правда».
- Роль приложения в создании типа массовых и бульварных газет.

«Малые» трех-, четырехрублевые газеты появились в системе прессы России на рубеже веков. Но их предшественники, разнообразные «Листки» возникли раньше, старейшие из них — в 60—70-е годы. «Малые», или массовые газеты, ориентировались на своего читателя, нового для традиционной русской прессы, на широкие демократические слои, которые вовлекались в общественную и культурную жизнь страны. Для не очень подготовленных и не всегда достаточно образованных читателей предназначался и своеобразный вид публикаций с ярко выраженной обличительной тенденцией, с элементами сенсационности и развлекательности, всегда имевшими успех среди подобной аудитории. Таким образом, главным типообразующим элементом массового издания является читательская аудитория. Но не менее важен и характер публикаций, свойственный этому типу газет, и наличие большого количества приложений, имевших своей целью привлечение читателя и рост тиража, от которого зависело существование дешевой газеты.

«Листки» появились в России во второй половине XIX в. Старейшими были «Петербургский листок», «Московский листок», «Одесский листок». После революции 1905 г. они начали возникать повсеместно.

Репутация этих газет была весьма сомнительной, их не принимали всерьез современники, ими не занимались исследователи русской журналистики. Больше других «повезло» «МОСКОВСКОМУ ЛИСТКУ» (1881—1918), издававшемуся Н.И. Пастуховым, о нем рассказал в своей книге «Москва газетная» Вл. Гиляровский, начинавший свой журналистский путь в этой газете. «Безграмотный редактор приучил читать безграмотную свою газету охотничья, ла-вочника, извозчика, трактирного завсегдатая и обывателя, мужика из глухих деревень». Гиляровский очень точно определил основную читательскую аудиторию «Московского листка», совершенно новую и непривычную для начала 80-х, когда газета вышла в свет. В пастуховской газете отражалась жизнь Москвы, Московской губернии и смежных с ней городов. «Уже в первый год издатель «Московского листка» заинтересовал Москву обилием и подробным описанием множества городских происшествий, как бы чудом на другой день попадавших на страницы газеты»¹. Чуда, конечно, не было — была блестящая оперативная работа журналистов. Вл. Гиляровский рассказал, как ему, репортеру, удалось так быстро поспевать к месту событий и сообщать о них в редакцию.

Н.И. Пастухов был хоть и «безграмотным», но опытным редактором. До «Московского листка» и одновременно с ним он издавал «Московскую газету» и журнал «Развлечение». Во время проведения знаменитых Нижегородских ярмарок вместе с сыном — В.Н. Пастуховым — выпускал «Нижегородскую ярмарку», затем «Нижегородскую почту». В «Московском листке» он выступал и как беллетрист, печатал роман «Разбойник Чуркин».

О Пастухове ходила масса анекдотов. «Кабатчик Пастухов в ответ на вопрос начальства о направлении «Московского листка» ответил: «Кормимся, ваше благородие, кормимся»². Хотя что еще мог бы ответить хитрый и умный издатель на такой опасный вопрос. Его целью было создание не еще одной газеты «направления» во второй столице — конкурировать с признанным обществом «Русскими ведомостями» он, естественно, не мог, — а газеты, по его определению, народной, рассчитанной на среднего и мелкого горожанина, для которого чтение «Русских ведомостей» было делом непосильным. Пастухов приучил всю Москву читать не только свою газету, но и периодику вообще. Его «кабацкий листок», как и «Новое время», все ругали и все читали. «...Именитое и образованное купечество стыдилось брать в руки эту газету, — рассказывал Гиляровский, — никогда на нее не подписывалось, но через черный ход прислуга рано утром бегала к газетчику и потихоньку приносила «самому» номер, который он с опаской развешивал и смотрел главным образом рубрику «Советы и ответы». «Уж не прохватил ли меня этот?» Радовался, если уцелел, а прохватили кого-нибудь из знакомых. Каждый номер являлся

предметом для разговоров»³.

Значит, не только из-за оперативного освещения всех городских событий газета снискала популярность, но и благодаря отделу «Советы и ответы», который сразу же после своего появления вызвал прирост тиража, так как каждый москвич из торгового мира боялся попасть в хлесткие и злободневные заметки, публикуемые в отделе. Правда, он довольно быстро был закрыт. Но в основном все отделы «Московского листка» появлялись постоянно в одном и том же месте и в одно и то же время. Печатались и романы. «Каждый романист имел свои два дня в неделю. Понедельник и среда — исторический роман Опочинина, вторник и пятница — роман из высшего круга с уголовщиной, подписанный «Синее домино» (псевдоним писательницы А.И. Соколовой, матери В.М. Дорошевича), а среда и суббота — А.М. Пазухин — особый любимец публики, дававший постоянных подписчиков»⁴.

В «Московском листке» литературный отдел, традиционный для газет XIX в., играл заметную роль. В издании подобного типа его значение нельзя преувеличить: Пастухов приучал новую аудиторию к чтению беллетристики, хотя и не лучшего качества. Занимал свое место и традиционный воскресный фельетон, основанный на сценках из народного или купеческого быта. Но главным в газете был не фельетон, а репортаж — жанр для русской журналистики новый, вызывавший опасения деятелей печати. «Репортаж — это один из труднейших и неприятнейших газетных вопросов», — сокрушался С.Н. Кривенко. Известный журналист Л. Львов (Л.М. Клячко) тоже выражал свое недовольство тем, что в газетах первое место начинают занимать не публицисты и фельетонисты, а «репортеры-кулуарники»⁵. Для современников в репортажах воплощались худшие черты «газетных людей». Их изображали малообразованными, нечистыми на руку, всеми отовсюду гонимыми. Несчастливым и неприкаянным изобразил репортера в одноименном фельетоне В.М. Дорошевич. Но вопреки неприязни журналистов, с повышением ин-формационной роли газеты репортаж — описание только что произошедших событий — занял свое место в русской газете.

Если «Листки» рассчитывали, главным образом, на городские низы, посетителей кабаков и трактиров, то газета «РОССИЯ», существовавшая всего три года, вошла в историю русской журналистики как первая массовая газета европейского типа. Она адресовалась широким массам населения без социальных, сословных, образовательных и материальных различий.

«Россия» вышла в апреле 1899 г. Инициаторами ее создания стала группа сотрудников «Нового времени» во главе с А.В. Амфитеатовым, порвавшая отношения с А.С. Суворинным. Они хотели создать орган периодики, который смог бы противостоять влиянию «Нового времени». Газета «Россия» появилась как издание альтернативное суворинской газете. Редактором стал Г.П. Сазонов. В молодости, по слухам, он был близок к Желябову, в 1903—1905 гг. участвовал в различных левых газетах, но после 17 октября примкнул к Союзу русского народа, впоследствии имел влияние на Г. Распутина, редактировал газету «Голос земли», которую Распутин поддерживал⁶. В «России» Сазонов сотрудничал в период «левых» увлечений.

«Россия» имела хорошую материальную базу. Московские купцы во главе с С. Мамонтовым собрали по подписке капитал в 180 тыс. рублей, но Сазонову эти деньги не дали. Ведение дел в газете было поручено зятю С. Мамонтова — финансисту М.О. Альберту, который истратил на газету еще 120 тыс. собственных средств. Во все уголки страны были отправлены уполномоченные для сбора подписки.

«Россия» быстро завоевала симпатии читателей. Это заставило Главное управление по делам печати внимательно присмотреться к газете. В докладе министра внутренних дел Сипягина царю содержится интересная, сделанная на основе наблюдений внимательного и умного цензора характеристика газеты: «Газета представляет собой новый для России тип повременного издания (выделено мной. — С.М.), который весь свой успех основывает на бойких и сенсационных фельетонах, авторами коих были наиболее популярные в этом роде газетные сотрудники Амфитеатов и Дорошевич. Публика обыкновенно с нетерпением ждала этих фельетонов, и №№ «России», в которых они появлялись, раскупались нарасхват. Таким образом, не устойчивые читатели, а улица составляла цель издания и последняя поддерживала и обуславливала характер газеты»⁷.

В этом отзыве речь идет не о «вредном» направлении газеты, что всегда было характерно для цензорских характеристик, здесь отмечено главное своеобразие «России» — ее тип, новый для рус-ской журналистики. По мнению авторов доклада, этот тип отличался от остальных двумя основными чертами: своеобразием аудитории («улица») и особой манерой подачи материала (бойкие, сенсационные фельетоны в основе всех публикаций). Расчет на «улицу», на купившего газету прохожего, а не на постоянного подписчика предполагал широкую розничную продажу, которая входит в обиход именно с появлением массовых газет на рубеже XIX и XX вв.

«Россия» имела большой успех перед первой русской революцией, когда повысился интерес к общественным проблемам, публика с восторгом принимала любое критическое выступление печати, тем более облаченное в блестящую литературную форму. После октября 1917 г. известный театральный критик и журналист А.Р. Кугель в своих воспоминаниях так писал о «России»: «Она была еще развязнее, чем «Новое время», еще бойчее, и в то же время будто бы была газета либеральная»⁸.

Газета «Россия» осталась в памяти у современников и потомков как «амфитеатровская» не только потому, что надо было как-то отъединить эту газету от правительственной «России», вышедшей позже, но и потому, что фельетон А.В. Амфитеатрова «Господа Обмановы», как было сказано выше, стал причиной большого скандала и закрытия газеты.

А.В. Амфитеатров — сын протоиерея московского Архангельского собора закончил юридический факультет Московского университета, по юриспруденцией заниматься не стал, а поступил в Тифлисский оперный театр вторым баритоном. Начав писать в тифлисском «Новом обозрении» рецензии, втянулся в журналистскую работу. Шесть лет он сотрудничал в суворинском «Новом времени» в качестве московского корреспондента. Ушел от Суворина с большим скандалом, о чем издатель с горечью писал в своем «Дневнике». После «России», вернувшись из Минусинска, куда был сослан за фельетон, Амфитеатров участвовал в не менее нашумевшей газете старшего сына А.С. Суворина — А.А. Суворина — «Русь», где собрались сотрудники, ушедшие из «Нового времени». Там он печатал сатирические сказки и сатирические стихи («стихиры»). Еще раз побывал в короткой ссылке в Вологде за статью в защиту студентов Горного института, обвиненных в прояпонских настроениях. В 1905 г. уехал в Париж, где провел 10 лет. За границей издавал журнал «Красное знамя», в России пытался воссоздать некое продолжение некрасовского «Современника» под тем же названием и с тем же демократическим направлением. В последние годы писал в основном повести и большие романы, в том числе даже фантастические. З.Н. Гиппиус, умный и беспощадный критик, спрашивала в одной из своих статей: «Кто он? Беллетрист? Критик? Публицист? Хроникер? Репортер? На каждый вопрос приходится ответить нет, а на все вместе — да»⁹.

В «России», кроме фельетонов, он публиковал статьи о свободе печати, сатирические сказки, в которых причудливо переплетались сказочная символика, привычные газетные обороты с публицистическим стилем. В «стихирах», используя форму торжественных церковных песнопений, он высмеивал царских чиновников и российские события. Вот, например, «Романс литератора, умиленного кадетским законопроектом о печати»:

Я прочитал проект... Хоть он еще не в силе,

Но вижу хорошо грядущую зарю:

Всего лишь на пять лет меня вы загадили.

Благодарю.

Ах, злая клевета прилипчивей, чем клейстер! В толпе гуляет слух — его ли повторю?

Что диктовал проект вам обер-полицмейстер. Благодарю.

За подобные «стихиры» «Русь» была закрыта.

Фельетон «Господа Обмановы», первая часть которого была опубликована в «России», а вторая вместе с первой вышла отдельной книгой в 1905 г. в Берлине, высмеивал царскую семью. Очень прозрачные имена и фамилии — Никандр Алексеевич, Марина Филипповна, Горовозцев и другие — позволяли безошибочно узнать прототипов: Николая I, императрицу Марию Федоровну, Победоносцева, Александра II и Александра III и самого царствующего императора. Сатира была

злая, но очень остроумная, и узнавший себя в Нике-Милуше Николай II не смог сдержать негодования. Газету закрыли, редактора и автора отправили в ссылку. Амфитеатров стал известен всей России.

Коллеги фельетониста по газетному цеху задавались вопросом, на что рассчитывал А.В. Амфитеатров, отдавая фельетон в печать, ведь он не мог не осознавать риска и для себя, и для газеты. Вот что записал в «Дневнике» А.С. Суворин со слов своего сына — Михаила, встречавшегося с фельетонистом накануне: «Он (Амфитеатров. — С.М.) вечером приехал из Пскова, где написал фельетон, отправил его в редакцию и сказал: «Вероятно, не напечатают. Это будет третий фельетон, который отвергается. По крайней мере, не скажут, что я ничего не делаю». Утром он увидел фельетон напечатанным и сказал: «Не догадались». И был все время весел и доволен»¹⁰. Возможно, Амфитеатров надеялся, что и царь «не догадается» или сделает вид, что не догадался, чтобы не раздувать скандал. Но эти надежды не оправдались.

Как всегда, было много слухов. Одни обвиняли Амфитеатрова в том, что он решил погубить газету, которая предпочитала печатать Дорошевича, а не его. Другие считали виноватым Суворина, который будто бы заплатил фельетонисту огромные деньги, чтобы он способствовал закрытию газеты-конкурента. Суворин в «Дневнике» это с негодованием отрицал. В предисловии к изданным в Берлине первой и второй частям фельетона говорилось о том, что это начало сатирического романа, высмеивающего царскую семью, которая давно перестала быть семьей Романовых, превратившись после Петра III в Династию Готторнов. Однако роман так и не был написан.

«Россия» была закрыта, по напуганное Главное управление по делам печати не спускало глаз с газет «для улицы». В 1904 г. в докладной записке В.К. Плеве императору было доложено о закрытии газеты «Русская земля» «ввиду враждебного направления». Несмотря на то что газета принадлежала П. Матвееву, долгое время состоявшему цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета, известному своим сотрудничеством с «Московскими ведомостями», т.е. человеку абсолютно лояльному, правительственных чиновников испугало, что среди сотрудников новой газеты были участники закрытой «России». «Вполне вероятно, — писали авторы доклада, — что «Русская земля» будет представлять собой тот же тип газеты, что и прекращенная в 1902 г. «Россия». На докладной о закрытии газеты — резолюция красными чернилами, вероятно, принадлежащая царю: «И отлично»¹¹. Так что, не только направление, но и тип газеты рассматривался теперь при разрешении выхода нового издания.

Так же внимательно Главное управление следило и за бульварной прессой, особый расцвет которой пришелся на 1910-е годы. В «Отчете о повременной печати за 1911 год», например, содержится характеристика «Петербургской газеты». «Ежедневная общественно-политическая и литературная газета принадлежит к числу органов бульварной прессы, рассчитанная исключительно на круг читателей, следящих за злободневными новостями и городскими слухами, она все внимание уделяет тому, чтобы своевременно уловить интересующее столичную публику событие или тему и сообщить о них сведения количественно побольше и качественно поразнообразнее. Те же злободневные события запечатлевались в неглубоких по юмору пародиях и кроме того давали пищу для помещавшихся в «Петербургской газете» романов, всегда имевших своими героями современных дельцов. Политическим вопросам этот орган печати уделял небольшое внимание, но во всяком случае высказывался обычно в умеренно-оппозиционном направлении»¹². «Умеренно-оппозиционное направление не волновало чиновников, но они внимательно анализировали тип газеты, обращали внимание на ее аудиторию, цели, характер публикаций, соотношение литературного и информационного материалов. То есть не тратя времени на поиски теоретических обоснований того или иного типа газетного издания, цензоры эмпирическим путем выбрали критерии определения типа газеты и пользовались ими с успехом.

Самыми популярными изданиями бульварного типа стали «Газеты-Копейки», которые вслед за Петербургом, как грибы, появлялись во многих городах России. Это были дешевые газеты (цена номера — 1 копейка, в крупных городах — 5 копеек), рассчитанные на малоимущие слои, на самого неподготовленного читателя, который активно приобщался к общественной жизни в период войн и революций.

«Копейки» имели широкое распространение среди рабочих, так как «значение газеты в жизни рабочих определялось не только объемом, политической информацией и периодичностью издания, они предъявляли к ней те же требования — универсальность содержания, широта охвата действительности, — что и в других сферах культурного потребления, тем более что многим рабочим газета заменяла книгу. Нетребовательного читателя копеечная пресса привлекала обилием низкопробной беллетристики»¹³. Рабочие не могли тратить много денег на книги, и дешевые газеты, доступные, повсеместно распространенные, стремились заполнить образовавшуюся пустоту, давая на своих страницах самое разнообразное чтение: и информацию, и статьи с комментариями, и сенсации, и скандалы, и беллетристику.

Вот цензурная характеристика «Газеты-Копейки»: «Ежедневное и вследствие своей дешевизны получившее весьма широкое распространение издание умеренно-прогрессивного направления. Помещая на своих страницах обычные в ежедневной прессе сведения, газета сопровождает их руководящими статьями, в которых с умеренно-либеральной точки зрения обсуждает очередные вопросы политической и общественной жизни»¹⁴. Топ характеристики абсолютно спокойный: умеренная оппозиционность газеты опасности не представляла. Но и здесь отмечена интересная особенность подачи материала: сообщения о событиях сопровождаются редакционными статьями, разъясняющими для неподготовленного читателя значение и смысл каждого события.

О бульварной прессе писал близкий к социал-демократам журнал «Образование»: «Бульварная пресса рассчитана по преимуществу на мелкобуржуазные, плебейские слои, она радикальна, — конечно, в определенной мере, — чтобы в достаточной мере щекотать своих читателей и не слишком подвергать их «опасностям»¹⁵.

Несмотря на свое пренебрежительное отношение к «Копейкам», радикальные партии пытались поставить этот тип издания на службу своим интересам из-за аудитории. Группа социал-демократов, жившая на Капри, планировала купить «Киевскую Копейку» и, переведя ее в Петербург, приспособить для своих целей. В.И. Ленин отверг этот план.

В противовес влиянию бульварных изданий большевики пытались создать свою массовую печать. Известный советский журналист и писатель Н. Вержбицкий рассказывал в своих воспоминаниях, как в 1915 г. он редактировал «Газету для всех».

«Намерение было такое, дать небольшую газету, которую мог бы с интересом читать простой человек, рабочий, мелкий служащий, кустарь, извозчик, домашняя работница, дворник, сезонный рабочий, приехавший из деревни. Девизом газеты было — не давать в обиду «маленьких людей». Для этого мы помещали статьи, разоблачающие эксплуататорские проделки предпринимателей, вели против них судебные процессы от имени рабочих, «выводили на чистую воду» зарвавшихся купцов и домовладельцев, описывали тяжелую жизнь обитателей чердаков и подвалов, столичного дна»¹⁶. Короче говоря, газета пыталась воздействовать на тот же состав аудитории, с которым работали бульварные газеты, но старалась развертывать обличительные кампании. История этой газеты неизвестна, существовала она недолго.

Большевики, до сих пор стремившиеся создавать серьезные, пропагандировавшие их мировоззрение издания, поняв силу массовых газет, в 1912 г. выпустили свою массовую рабочую газету «ПРАВДА». В статье «Итоги полугодовой работы», посвященной кампании по сбору денег на издание газеты, В.И. Ленин потребовал: «Надо ввести в обычай, чтобы каждый рабочий в каждую получку платил по одной копейке на рабочую газету». Он прекрасно знал, что часто эта копейка тратилась на покупку «Газеты-Копейки». Поэтому статья заканчивалась темпераментным призывом: «Довольно с нас господства буржуазной «Копейки»! Довольно царила беспринципная торгашеская газетка!»¹⁷. Таким образом, одной из целей создания «Правды» — конечно не основной — являлось желание оградить рабочих от распространения в их среде популярной бульварной газеты, ограничить ее влияние путем пропаганды социал-демократических идей.

В первом номере «Правды» было напечатано обращение к читателям: «Дворянство, духовенство, промышленники, биржевики и купцы — все имеют свои газеты. Там они освещают явления жизни по-своему, меряют их на свой аршин, в своих газетах они защищают свои классовые, сословные, групповые интересы... Рабочему классу нужно знать правду! Рабочая газета «Правда»

должна отвечать своему названию. Этим она выполнит свое назначение».

В советское время историки печати утверждали, что большевики создали печать нового типа, не существовавшую до их изданий. Это неверно. Сами большевики прекрасно разбирались в типах выходивших в это время газет и журналов и пытались использовать их в своих целях, донимая, что читатели привыкли к таким изданиям, а к новым в типологическом отношении могут отнестись с недоверием.

В той же статье «Итоги полугодовой работы» В.И. Ленин перечислял, какого характера материалы должна печатать рабочая газета. Она «должна давать больше и более разнообразного материала, воскресные приложения и прочее, должна иметь своих корреспондентов и в Думе, и во всех городах России, и в крупнейших городах за границей»¹⁸. Здесь перечислены традиционные для русской газеты материалы (воскресные приложения, например) и требования (иметь побольше корреспондентов в России и за границей).

В своих пожеланиях рабочей газете лидер большевиков учитывал все новое, что появлялось в деятельности газет. Одна из главных новинок, характерных в основном для массовой прессы, — большое количество приложений. За счет приложений, чаще всего бесплатных, увеличивалось число читателей, приложения позволяли использовать разные способы воздействия на аудиторию, в них печатались иллюстрации, фотографии, рисунки и т.д.

Петербургская «Газета-Копейка» предлагала своим читателям «Журнал-Копейку» и «Листок-Копейку», «Альбом-Копейку» и «Всемирную панораму», «Искорки», «Дом и хозяйство», «Здоровую жизнь», «Волны», «Зеркало жизни», «Веселого балагура», 52 книжки «Библиотеки сенсационных романов», сборники русской литературы, 12 выпусков энциклопедического словаря и т.д. Как видно по названиям, были учтены самые разнообразные вкусы читателей.

Второе издание «Биржевых ведомостей» — массовая газета, рассчитанная на провинциальную аудиторию, — в качестве приложения издавало журналы: «Общедоступные моды», «Здравие семьи», «Знание и искусство», «Новое слово». Издание выходило в течение семи лет тиражом до 150 тыс. экземпляров. Выходило также огромное количество выпусков «Библиотеки для саморазвития». Но наибольший успех имел журнал «Огонек», тоже выпускавшийся как приложение к «Биржевым ведомостям». Когда началась Первая мировая война, С.М. Проппер хотел закрыть журналы «Новое слово» и «Огонек», но редактор «Огонька» Бонди предло-жил печатать в журнале крохотные портреты всех награжденных или раненых. «Тогда каждый офицер пожелает иметь журнал, где появилась его физиономия, тем же желанием загорятся его родные и близкие знакомые», — писал в своих воспоминаниях писатель и журналист, многолетний сотрудник газеты И.И. Ясинский¹⁹. К 1915 г. тираж «Огонька» вырос до 800 тыс. — цифра по тем временам невиданная.

Правительственная печать, рассчитанная на широкие массы, тоже использовала приложения. Массу приложений давал «Сельский вестник», хотя разнообразием содержания они не отличались и были рассчитаны на удовлетворение интересов сельского хозяина. Это были журналы «Кустарный труд», «Крестьянское дело», «Деревенское хозяйство», с 1915 г. — журнал «Воскресенье», печатались популярные брошюры.

Приложения к основному изданию особое развитие получили в начале XX в., когда прогресс в техническом оснащении издательств и типографий позволил печатать много разнообразной продукции. Приложения появились и в журналах, типы которых в это время претерпевали значительную эволюцию.

Русские издатели начала XX в.

В начале XX в. русские издатели, редакторы, журналисты были обеспокоены тем, что когда-нибудь капиталисты-предприниматели окончательно завладеют печатью и организуют ее деятельность по образу и подобию других отраслей промышленности. Но они надеялись, что капитал, если и захватит, то только газеты. Журналы, особенно толстые, с их ярко выраженным политическим направлением, высоким авторитетом у читателей «представляют мало соблазна для предпринимателей-капиталистов: они существуют преимущественно для так называемой

интеллигенции... они интересуют публику только своей идейной стороной и не могут служить ни орудием промышленного влияния, ни источником обогащения», так писал журнал «Вестник Европы» в 7-м номере за 1910 г. Однако капиталистические отношения проникали в журналистику все глубже, захватывая новые позиции, в том числе и в журнальных изданиях.

- Издатель «Биржевых ведомостей» С.М. Проппер.
- И.Д. Сытин и его роль в издании газет и журналов.
- Издательская деятельность А.С. Суворина.
- Издательская фирма А.Ф. Маркса.
- Усиление роли банковского капитала в издательском деле.

На рубеже XIX и XX вв. значительно выросли затраты на открытие нового органа периодики, особенно газеты. Если в 80-е годы можно было обойтись начальным капиталом в 40 — 50 тысяч, то к 1904 г. эта сумма выросла до 250-300 тыс. рублей. Одному человеку это было не по силам. Именно поэтому в издательское Дело начали приходить предпринимательские фирмы, а к 1910-м годам усилилось участие банков в издании периодики, что особенно пугало журналистов и читателей.

Противостоять этому газеты и журналы пытались при помощи создания различных издательских обществ и товариществ. Подобные товарищества, куда входили ведущие сотрудники редакций, создавались в основном для издания самых влиятельных и серьезных газет и журналов. Но, как с горечью отмечал С.Н. Кривенко, «не пошли у нас артельные товарищеские предприятия, а те немногие из них, которые уцелели, совсем утратили артельный характер и превратились в предприятия в сущности чисто капиталистические»¹. И. И. Ясинский — многолетний сотрудник «Биржевых ведомостей» вспоминал, как издатель газеты С.М. Проппер решил создать подобное товарищество, он разделил капитал на множество паев, которые распространил среди сотрудников, а потом по дешевке скупил их обратно, снова став единоличным владельцем.

С.М. ПРОППЕР — швейцарец, принявший русское подданство, одна из характерных фигур в издательском мире России. «Он — чистокровный издатель, — писал о нем С.Ю. Витте, под покровительством которого было выпущено первое издание «Биржевых ведомостей». — У него одна цель — разбогатеть»².

Чтобы получить большую прибыль, Проппер выпустил второе издание газеты, рассчитанное на провинциальную публику, так как первое носило специальный характер и не пользовалось популярностью. Второе издание выпускалось в форме массовой газеты, имело хороший провинциальный отдел и многочисленные приложения. Одному из них — журналу «Огонек» — судьба уготовила длинную жизнь уже в другом государстве и в другой системе прессы.

И.И. Ясинский вспоминал: «Проппер как хозяин был, в сущности, несносен. Он во все вмешивался, называя себя только казначеем газеты, торговался с сотрудниками из-за каждой копейки, а особенно, если расходы выходили за пределы утвержденного им бюджета»³. Для того чтобы обеспечить своей газете объявления, он прибегал к шантажу, называя в биржевом отделе некредитоспособными фирмы, отказавшиеся давать ему объявления.

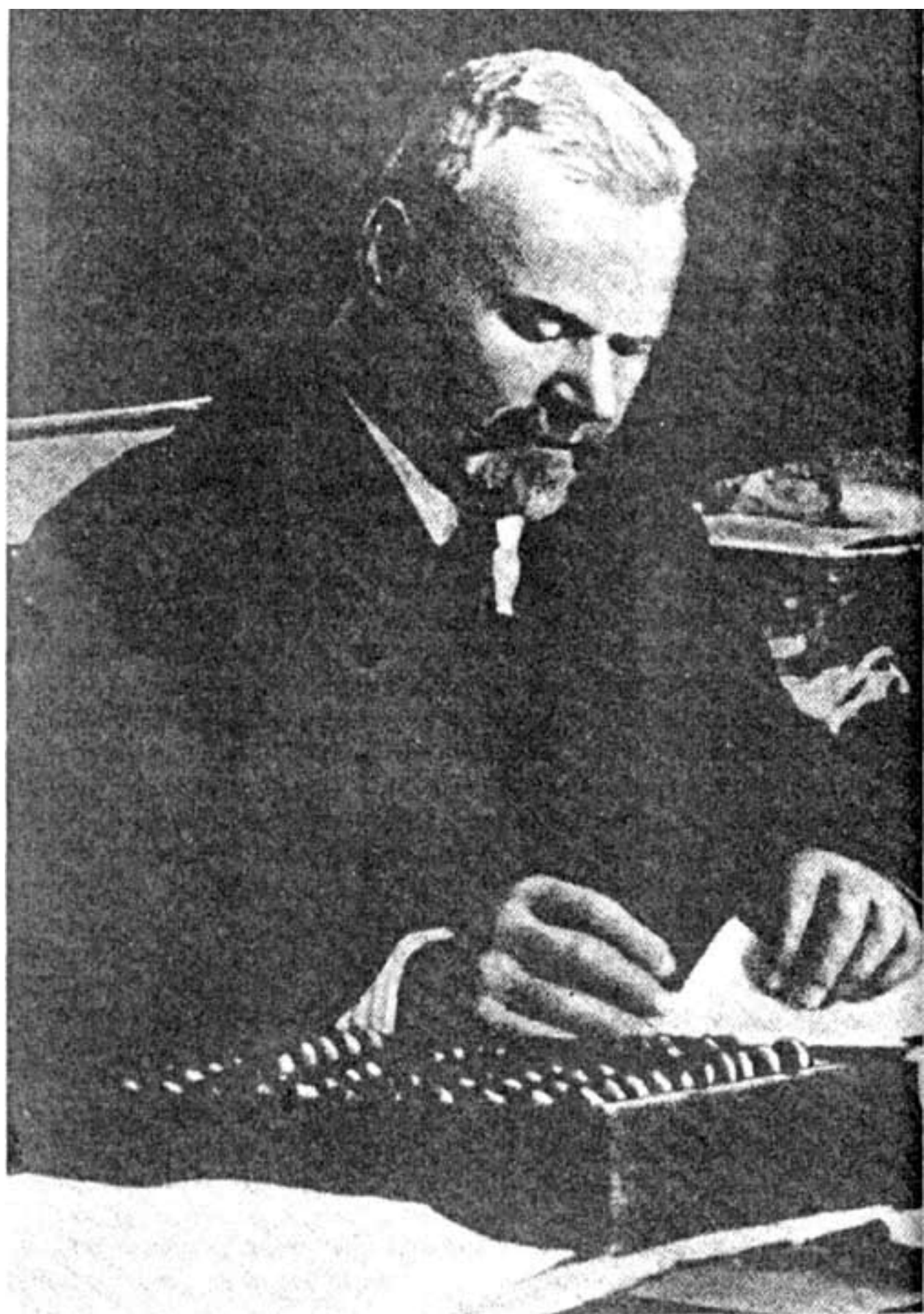
Один из известных в то время журналистов Л.М. Клячко (псевдоним Львов) описывал издательские приемы Проппера. В сентябре, перед началом подписной кампании, издатель приглашал в «Биржевые ведомости» всех популярных фельетонистов. Им сейчас же выдавались авансы, платился повышенный построчный гонорар, их часто и охотно печатали. «Подписку собрали — «Мавр сделал свое дело», тем более, что большинство подписчиков были годовичные, так как годовичным на более льготных условиях давались многочисленные приложения»⁴.

С.М. Проппер и его газета «Биржевые ведомости» стали символом буржуазной прессы для современников.

Капиталистическим предприятием было издательство И.Д. СЫТИНА, но, в отличие от Проппера, Сытин имел репутацию просветителя, издававшего книги русских писателей и книги для народа. Этой славе способствовало происхождение Сытина — крестьянский сын, он начал свою трудовую деятельность «мальчиком» в лавке купца Шарапова. С артелью офеней — торговцев лубочной литературой для народа он исходил многие губернии юга России. Симпатии

русского общества вызывал и факт близости Сытина к издательству «Посредник», существовавшему под эгидой Л.Н. Толстого. Основным делом И.Д. Сытина было его книжное издательство, где печатались произведения русских писателей, книги для народа, которыми торговали на ярмарках, календари. Став на йоги как издатель, Сытин начал заниматься и периодикой. Первым и самым любимым для издателя был журнал «Вокруг света», долгое время остававшийся в его личной собственности. Наибольшую известность ему и его издательству принесла газета «Русское слово», о которой уже было подробно рассказано. Сытинскому издательству принадлежали также журналы «Вестник спорта и туризма», «Вестник школы», «Для народного учителя», «Заря», «Мирок», «Модный журнал», «Нужды деревни», «Пчелка», «Искры» и т.д., — часть из них была приложением к «Русскому слову». Кроме журналов, издательство принимало участие в выпуске газет «Дума», «Русская правда», «Правда Божия» и др. В последние годы перед революцией фирма Сытина имела в Москве газеты «Раннее утро» и «Вечерние известия». В 1916 г. Сытин купил издательство А.Ф. Маркса с самым распространенным в стране журналом «Нива». Фирма Сытина имела книжные магазины и отделения в Петербурге, Варшаве, Екатеринбурге, Иркутске, Киеве, Ростове-на-Дону, Одессе, Самаре, Саратове и на Нижегородской ярмарке.

Деятельность И.Д. Сытина хорошо изучена в современной науке. Ему посвящена большая интересная книга Е.А. Динерштейна

И.Д. Сытин

«И.Д. Сытин», увидевшая свет в 1983 г. В начале 90-х переведено на русский язык обстоятельное исследование Чарльза Рууда «Русский предприниматель, московский издатель Иван Сытин», где собран очень большой материал и о деятельности издательства, и о газете «Русское слово».

В 1998 г. увидела свет еще одна книга Е.А. Динерштейна, посвященная деятельности уже другого издателя, «А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру».

В отличие от Сытина Суворин — издатель периодики в первую очередь. Книжная продукция его издательской фирмы служила для поддержания материального положения газет и журналов Суворина, главной из которых являлось «Новое время». Он практически первый предприниматель, поставивший дело издания газеты на капиталистические рельсы. «Суворин был едва ли не единственным в России образцово и первооткрывательно буржуазным газетчиком»⁵.

«Новое время» с его громадными ротационными и другими машинами, с его многочисленным контингентом служащих (конторщиков, метранпажей, корректоров и т.д.) и рабочих, с разными учреждениями для них (пенсионная касса, школа и т.д.) есть хорошо устроенная фабрика», — писал Кривенкоб.

Суворин создал и возглавил один из первых в России газетно-издательских концернов. Начав выпускать «Новое время» в 1876 г., он в 1882-м основал издательство и наладил книжную торговлю. В издательстве, кроме книг, выходили «Русский календарь» и справочные издания «Весь Петербург», «Вся Москва» и «Вся Россия», публикации которых интересны и полезны и по сей день. Помимо своего основного детища, «Нового времени», А.С. Суворин издавал и финансировал «Земледельческую газету», газеты «Московский телеграф», «XX век», «Русская земля», «Маленькая газета», «Вечернее время», журналы «Исторический вестник», «Русское обозрение», «Наборщик и печатный мир», «Конский спорт», «Лукоморье» и др.

Кроме типографии, оснащенной самыми современными машинами, Суворин владел 30 тыс. десятин леса и бумажной фабрикой, что давал после

А.С. Суворин в 1876 г.

смерти писателя, в годы Первой мировой войны, был прекращен ввоз бумаги из Финляндии, где производилось 80% всего бумажного запаса России, и многие газеты оказались перед проблемой бумажного голода. Суворинское издательство могло обеспечить себя само. Издатель периодики хорошо понимал значение отлаженной системы распространения прессы. В стране с огромными расстояниями и слабо развитой сетью железных дорог это было делом непростым. Почтовые пересылки стоили дорого, на них уходило до 18% подписных денег. Когда на рубеже веков начала распространяться розничная торговля газетами и журналами, ее удалось наладить в основном в столицах, в провинцию печатная продукция доходила плохо⁷. В 1913 г. розничная продажа велась в 409 из 1280 городов России.

Учитывая все это, Суворин создал собственное Агентство по распространению своей печатной продукции. Он купил право продажи издаваемых им газет и книг на железных дорогах страны. В это время в России было 60 железных дорог, на 44 из них была организована продажа книг, газет и журналов в 600 киосках, поставленных на железнодорожных станциях, пристанях и

курортах. Эта сторона деятельности Суворина вызвала много недовольства среди других издателей.

Издательство Суворина имело отделения в Москве, Одессе, Харькове, Саратове, Ростове-на-Дону. Такое большое дело трудно было вести одному человеку, поэтому в 1911 г. было учреждено издательское, типографское и книготорговое «Товарищество «Новое время» с основным капиталом в 4 млн. рублей. Среди пайщиков, кроме семьи Сувориных, были А.И. Гучков, Н.Н. Шубинский, С.Г. Морозов, А.А. Столыпин, Н.Л. Барк, а также Волжско-Камский коммерческий банк. Но в делах царил хаос, который усилился после смерти Суворина в 1912 г. Конечно, такое огромное дело не могло функционировать без сбоев и неприятностей. Некоторые сотрудники были замешаны в финансовых спекуляциях, другие входили в правления банков, что в глазах современников было страшным грехом. В 1914 г. бывший сотрудник газеты В. Снесарев выпустил скандальную, «разоблачительную» книгу о беспорядках в издании газеты — «Мираж «Нового времени».

Надо отметить, что крупнейшие русские издатели создали фирмы, по характеру очень похожие на те, которые существуют в наше время в развитых странах мира. Среди современных издательских концернов специалисты различают «горизонтальные» и «вертикальные». «Горизонтальные» объединяют периодику и необходимые для ее издания сферы производства. «Вертикальные» являются конгломератом, «объединением технологически не связанных между собой сфер деятельности»⁸. Таким конгломератом было и издательское предприятие Суворина. Кроме предприятий по производству и распространению периодики и книг, ему принадлежал театр, которому он отдавал много души, времени, сил и средств.

Но при всем своем предпринимательском характере издательское дело Суворина отличалось от появившихся в XX в. издательских фирм, целью которых было получение прибыли и только. Суворин был, наверное, последним в русской журналистике предпринимателем, который в одном лице совмещал три роли — издателя, редактора и автора своей газеты. Недаром Слонимский в опубликованной в «Вестнике Европы» статье «Периодическая печать и капитализм» назвал его «идейным капиталистом». «В ...богатой газете... (имеется в виду «Новое время». — С.М.) издавна применяется — хотя и без достаточной последовательности — принцип участия постоянных сотрудников в доходах издания в качестве пайщиков. Если не в настоящем, то для будущего в высшей степени желательно стремиться к повсеместному и систематическому применению того же руководящего начала»⁹. Е.А. Динерштейн в своей книге сообщает интересные и мало известные сведения о социальной сфере, развитой на предприятиях Суворина. Содержание типографии ему обходилось дороже, чем другим, так как ставки заработной платы у него были выше по сравнению с остальными. Рабочие жили в артельных квартирах, бесплатно пользовались освещением и некоторыми коммунальными услугами, имелись страховая касса, библиотека, аптека с бесплатной выдачей лекарств, свой врач и фельдшер¹⁰.

Популярным в стране было издательство А.Ф. МАРКСА, создавшего самый читаемый журнал «Нива», который выпускался с огромным количеством разнообразных приложений. Причем в «Ниве» А.Ф. Маркс выступал не только как распорядитель финансовой части журнала, но и сам, по свидетельству сотрудников, прочитывал все материалы, поступившие в редакцию, решал вопросы о покупке произведений для журнала и своего издательства. Современники отмечали роль издателя «Нивы» в просветительской деятельности. Но скандальную известность, омрачившую память об издателе на долгие годы, получила покупка Марксом всех прав на издание произведений А.П. Чехова сроком на 50 лет. Чехов это соглашение подписал, по современным представлениям считали, что при заключении этого договора писатель оказался в большом проигрыше. Много статей и книг, посвященных этому соглашению, вышло в 1904 г. после смерти Чехова и Маркса, писали об этом и в советское время.

Известным издателем был П.П. Сойкин, выпускавший книги и журналы, самым популярным из которых стал журнал «Природа и люди».

Почти все издательские фирмы начинались в конце XIX в. как дело одного человека, впоследствии превратившись в акционерные компании, они продолжали носить имя основателя. В 1910-х годах возникает большое количество настоящих акционерных обществ, имеющих

определенное количество пайщиков. Акционерное общество «Издатель» выпускало «Новости» и «Сын Отечества». К нему примыкало крупное бумажное производство Пализена. Бумага, производимая на его фабриках, сразу же шла в собственную типографию, где выпускались две газеты, журнал «Живописное обозрение» и книги.

Акционерным обществом было издательство «Копейка» в Петербурге, владевшее, кроме «Газеты-Копейки», журналом «Солнце России» и книгоиздательством. На акционерных началах было организовано Московское издательство, имевшее типографию, книгоиздательство, газеты «Коммерсант», «Вечерние известия», «Трудовая копейка», журналы «Женское дело» и «Детский мир».

Капитал начал проникать и в провинциальную прессу, например «Приазовский край» издавался Донским акционерным обществом печати и издательского дела.

К 1908—1914 гг. усиливается роль банковского капитала в издательском деле. Частные издательства все больше вытеснялись трестами, в которых первую скрипку играли банки. Банки и банкирские дома начали прибирать к рукам даже самые «идейные» органы прессы, в том числе центральные органы различных партий. Газета «Речь» — центральный орган партии кадетов за первые годы выхода потерпела огромные убытки, ее основатель и первый издатель инженер Ю.Б. Бак разорился. Для поправки дел через одного из своих сотрудников «Речь» поддерживала связь с Азовско-Донским банком, а через члена правления М.М. Винавера еще с несколькими банками. Это вызывало нападки недоброжелателей партии и ее газеты. Банкирский дом П.П. Рябушинского финансировал ряд московских газет, «Голос Москвы» существовал на средства братьев Гучковых.

Начал проникать в издательское дело и иностранный капитал. «Утро России» было связано с французскими и английскими банками; основанная в разгар Первой мировой войны «Русская воля» поддерживала отношения с германскими банками; хотя Россия и Германия были противниками, немецкие банки участвовали в финансировании черносотенного «Русского знамени», которое в обществе нередко называли «Прусским знаменем»¹¹.

Русские журналисты с тревогой следили за этим процессом. Старший сын А.С. Суворина А.А. Суворин (псевдоним Порошин) в эти годы издавал газету «Новая Русь», которая начала «крестовый поход» против банков, но она быстро закрылась из-за финансовых трудностей. После смерти Суворина его сыновья и наследники Михаил и Борис не удержали в своих руках «Новое время» и газету продали банкам. В 1915 г. в ее издании стал принимать участие русско-французский банк. Старший брат — Алексей — устроил братьям грандиозный скандал со стрельбой. Продажа «Нового времени» огорчила не только его, но и читателей. Вот что писал М.К. Лемке в книге «250 дней в царской ставке»: «Переход «Нового времени» в руки банков очень заботит офицеров. Что же они будут читать? ...Есть, говорят, какие-то другие частные газеты, «Русские ведомости», например, но очень серьезные и там ровно ничего интересного»¹².

В неоднократно упоминавшемся докладе в Московском обществе русской прессы С. Мельгунов говорил: «Как щупальцы спрута, все теснее и теснее охватывают печать, а вместе с тем и писателя, различные промышленные и банковские синдикаты...».

Независимых, свободных от банковского капитала газет оставалось очень мало. Среди них «Русские ведомости» — главный печатный орган русской интеллигенции, «Киевская мысль» и некоторые другие. Подобная независимость привлекала особые симпатии образованного, болеющего за судьбы страны читателя.

Несмотря на «деспотизм капитала», который подчас пугал больше, чем «деспотизм самодержавия», русская пресса, и в том числе газеты, продолжали жить и развиваться.

Журналы "обычного русского типа"

- Эволюция толстого журнала
- «Вестник Европы»
- «Русское богатство»
- «Мир божий»
- «Журнал для всех»

- «Современный мир»
- «Русская мысль»
- «Современник» и «Летопись»

Русский толстый ежемесячник, очень долго остававшийся основным типом периодического издания в системе прессы, сложился в специфических условиях России, где отсутствие книг и огромная протяженность территории оставляли читателям, живущим не в столицах, возможность черпать интересующие их сведения и читать хорошую литературу только на страницах журнала. Русские журналисты называли его журналом «обычного русского типа». Это издание соединяло в себе литературный сборник, политическую газету и своеобразную энциклопедию. На рубеже веков «медлительность» толстых изданий стала причиной разговоров о том, что их время прошло. Но журнал «обычного русского типа» сумел приспособиться к изменившимся историческим условиям и продолжал оставаться самым влиятельным периодическим изданием и в XX в.

Эволюция толстого журнала

- Основные особенности классического журнала «обычного русского типа».
- Толстый журнал на рубеже веков.

«Наша русская литература (вся в целом) имеет в числе многих своеобразных черт одну, чрезвычайно отличающую ее от западноевропейской. Эта черта — значительное распространение так называемых толстых журналов», — отмечал в 1912 г. библиограф Н.А. Ульянов в предисловии к составленному им «Указателю журнальной литературы». То, что толстый журнал — тип периодики, вызванный к жизни своеобразными условиями России, играет особую роль именно в русской журналистике, отмечали все, кто писал о развитии системы прессы в стране.

Самыми общими характеристиками толстого журнала являются: во-первых, объем (до 300 — 500 страниц); во-вторых, совокупность тем, находящихся в сфере его внимания; в-третьих, особый состав номера, где совмещены литературно-художественный сборник, политическая газета и своеобразная научная энциклопедия. Эти три объекта внимания толстого журнала, три области его интересов находятся в журнальном номере в соотношении, определяемом своеобразием исторического периода и состоянием читательской аудитории. В разное время на первый план может выйти одна из них, оттеснив остальные на второй план, но не вытеснив совсем. Это хорошо видно при исследовании истории толстого журнала в России.

В XIX — начале XX в. в европейской прессе журналы в основном распределялись по специальностям, по отраслям наук. Они рассчитывали на своего специфического читателя, а не на широкий круг интеллигентных людей. Тип подобных изданий — обзорное — *revus*, состоящее из коротких статей, каждый номер представляет законченное целое, без продолжающихся публикаций. Легко доступные на Западе книги оставляли журналу «лишь небольшое место на литературном рынке».

В России с ее огромными территориями, редкими оазисами культуры, при отсутствии хороших путей сообщения и ограниченном количестве книг именно журнал становился единственным поставщиком и художественной литературы, и разнообразных сведений о злободневных событиях, и сообщений о достижениях науки. «За 7—10 рублей, — пишет Н.А. Ульянов, — получает подписчик 12 толстых книжек, в которых опытная редакция преподносит читателю самый разнообразный материал для удовлетворения его любознательности. Журнал до некоторой степени удовлетворяет острую, особенно для провинции острую, потребность — следить за умственной жизнью всего человечества. Внес подписную плату и на целый год обеспечен в этом отношении статьями своего журнала»¹. Большую роль в таком типе журнального издания играли печатавшиеся с продолжением романы, обширные статьи, что создавало у читателя «эффект ожидания» следующего номера, заставляло подписываться на годичный срок.

Полная характеристика толстого журнала как типа издания содержится в статье Д.Е. Максимова, опубликованной в 1930 г. в сборнике «Из прошлого русской журналистики». Автор

статьи не только показал причины появления толстого журнала в системе русской журналистики, но и выделил основные типобразующие черты подобного издания. Противоречие между потребностями интеллигенции и отсутствием в провинции необходимых книг «было разрешено созданием формы толстого журнала, позволяющей совместить в одной книге своего рода научную энциклопедию, литературно-художественный сборник и политическую газету», — точно заметил Д.Е. Максимов².

Толстый журнал почти целый век был господствующим в системе русской журналистики типом периодического издания. Созданный Н.М. Карамзиным и М.Т. Каченовским журнал «Вестник Европы» стал первым классическим толстым изданием в России. Имея цель знакомить читателя с жизнью Европы, перепечатывая выписки из 12 европейских газет, «Вестник Европы» очень быстро приобрел характерные для последующих толстых журналов отделы: беллетристика и критика, политический и научный. Профессиональные интересы многолетнего издателя М.Т. Каченовского — профессора Московского университета, историка — вывели на первый план научные отделы. Так появился не только «журнал обычного русского типа», как его называли современники, но и его разновидность — «энциклопедический толстый журнал». Наиболее полное выражение он получил в издании О. Сенковского «Библиотека для чтения». При его создании издатель ориентировался на парижскую «Bibliothèque Universelle» (универсальную библиотеку), но, как почти всегда случалось в России, европейский образец претерпел значительную трансформацию, превратившись в журнал «обычного русского типа». «Московский телеграф», «Телескоп», «Библиотека для чтения» являлись энциклопедическими журналами. Они делали акцент на просвещении своих читателей, знакомили их с достижениями научной мысли. «Энциклопедический журнал до известной степени разрывал сословные рамки журналистики. Это был журнал обо всем и для всех, не только для узкого круга образованного дворянства, столичного по преимуществу»³.

Классическими толстыми изданиями были и знаменитые оппозиционные журналы «Современник» и «Отечественные записки» Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Они выходили в острейшие моменты истории страны, когда накал политических страстей заставлял редакции свести до минимума «научную энциклопедию», сосредоточив все внимание на освещении политических событий, которые отодвигали на второй план даже такую традиционную для русского журнала область, как художественная литература. Тип журнала, созданный «Современником» и «Отечественными записками», Д.Е. Максимов и Б.И. Есин назвали публицистическим. В таком журнале на первый план выходит политическая газета, материалы которой печатаются в публицистических отделах, существовавших во всех толстых журналах: «Внутреннее обозрение», «Иностранное обозрение», «Провинциальное обозрение», «Из общественной жизни» и др. Своеобразный жанр обозрения давал возможность рассказать о событиях, произошедших за месяц, прокомментировать их и выразить свое отношение к происходящему. Обозрение обычно представляло ряд небольших статей, посвященных основным событиям месяца. Темы этих статей выносились в подзаголовки. Так, например, в 8-м номере «Вестника Европы» за 1909 г. «Внутреннее обозрение» состояло из следующих статей: «Несбывшиеся ожидания», «Оппозиция его Величества» и «официозная печать», «Умеренно-реакционная программа», «Приостановка газеты «Слово». Даже литературная критика очень часто принимала вид обозрения, достаточно вспомнить знаменитые статьи В.Г. Белинского.

В аналитических обзорах и хроникальных отделах толстого журнала выражалась его идеологическая программа, направление. «Журналистика, преследуя, главным образом, общественно-воспитательные цели, — пишет Д.Е. Максимов, — естественно, выдвигала на первый план обозрение и статьи, а к беллетристике относилась как к неизбежной уступке несерьезному читателю. Поэтому небеллетристическим отделам (особенно политическому обозрению) отводилось много места». Для русского толстого журнала, особенно для его публицистической разновидности, характерно особое отношение к беллетристике, которая являлась не только «уступкой несерьезному читателю». Важнее было то, что в журнале «помещенные в нем художественные произведения воспринимаются читателем в первую очередь как взгляды самого журнала и только во вторую как индивидуальные мнения авторов,

обладающих тем или иным мировоззрением. Литературная личность писателя, участвующего в идеологически определенном органе, помогает осмыслить и подпирает собой не столько отдельные части журнала (статью, стихотворение и проч.), сколько весь журнал в целом»⁴.

Тип толстого журнала активно диктовал свои требования к литературному материалу, помещенному в номере. Не каждое литературное произведение могло быть опубликовано на его страницах, а только созвучное его программе. Кроме того, журнальный контекст придавал повести или рассказу новые оттенки, может быть и не предусмотренные писателем. «Известно, что в традиционной русской журналистике публицистического типа, — продолжает свою мысль Е.Д. Максимов, — каждый крепко сколоченный в идеологическом отношении орган до некоторой степени обезличивает помещенный в нем материал, приобретающий в нем особую функцию сравнительно с той, которая была бы свойственна этому материалу вне журнала. Материал, включенный в журнал, теряет индивидуальные оттенки и повертывается к читателю своей суммарной, типологической стороной как в идеологическом, так отчасти и в эстетическом отношении»⁵.

Таким образом, соотношение отделов, роль беллетристики, политических известий и энциклопедических публикаций в составе номера помогают определить характер рассматриваемого журнала, отнести его к энциклопедическому, публицистическому или литерат-турному подтипу.

«Обычный русский тип» журнала, лучше всего приспособленный к своеобразным условиям России, привычный для читателя, хорошо знавшего, что он хочет и может найти в полученной им журнальной книжке, часто диктовал свои условия редакциям журналов. Так, па-пример, возрожденный в 1866 г. «Вестник Европы» был задуман по типу английских трехмесячников, но уже к концу второго года издания он вынужден был стать ежемесячником «обычного русского типа», так как читателя выход журнала один раз в три месяца не устраивал. Для этого «ему нужно было только обратиться в постоянные отделы то, что до сих пор имело в нем более или менее случайный характер, беллетристику и хронику», — рассказывал редактор «Вестника Европы» К.К. Арсеньев впоследствии⁶.

В 1892 г. вышел журнал «Мир божий», сыгравший затем заметную роль в системе русских журналов. Но задуман он был как издание «для юношества и самообразования». Во второй половине 90-х годов журнал превратился в общественно-политическое и литературное издание того же «обычного русского типа».

Журнал «Жизнь», созданный как журнал для семейного чтения, «Образование», первоначально называвшееся «Женское образование», и некоторые другие, возникшие в 90-х годах XIX в., неизбежно трансформировались в традиционные толстые издания.

Это было вызвано, во-первых, требованиями аудитории, которая хотела видеть новый журнал таким, какой она привыкла читать за почти 100-летнюю историю развития журналистики. Во-вторых, усложнившаяся в предреволюционный период общественная жизнь требовала от редакций широкого обобщающего освещения, развернутых комментариев, именно того, к чему был так хорошо приспособлен толстый журнал.

Но на рубеже XIX и XX вв. развитие газет отодвинуло журнал с первого места в системе прессы. Повсеместно слышались разговоры о смерти подобного типа изданий. Журнал «Современная жизнь» в 1906 г. писал, что толстые журналы «слишком медлительны и слишком громоздки, чтобы в острые периоды общественной жизни быть главными руслами идейных течений. Правда, их солидность, основательность в разработке задач времени куда выше приемов легкомысленной прессы. Но когда центр тяжести интересов не в теоретическом, а в практическом творчестве, пока нет вольного или невольного затишья, реакции — эта солидность мало помогает им»⁷.

Основной упрек толстому журналу — медлительность и громоздкость. Но были и другие причины падения престижа изданий такого типа. Убыстрившийся ритм исторического развития, усложнение общественной жизни, рост грамотности населения привели к значительному увеличению читательской аудитории, которую интересовал более широкий круг не только общественных, но и научных и культурных проблем. Толстый журнал при всей его

универсальности уже не удовлетворял всем требованиям читателей. Так, например, значительно повысился интерес к научным проблемам, тем более что научно-технический прогресс начала XX в. этому способствовал. Толстые журналы это заметили, на рубеже веков повысилась роль энциклопедического материала, много внимания уделялось проблемам образования и просвещения. На достаточно короткое время журналы вновь стали энциклопедическими. Но значительная дифференциация наук, интерес к естественнонаучным дисциплинам — математике, химии, медицине и т.п. — вызвали к жизни большое количество специализированных изданий для подготовленных читателей и научно-популярных для интересующихся. «Вестник знания», «Вестник и библиотека для самообразования», «Знание для всех», «Вокруг света», «Природа и люди» в XX в. в полной мере решали энциклопедические задачи.

Перед первой русской революцией, а также в 1905—1907 гг. развитие событий заставило толстые журналы вновь сконцентрировать внимание на осмыслении происходящего. В это время практически вся пресса была политической, а журналы приобрели публицистический характер. Но развитие политических газет, особенно партийных органов, составляло журналу серьезную конкуренцию.

Еще одно повое явление жизни отразилось на судьбе толстого журнала — возникновение новых литературных течений и школ, вызвавших большой общественный резонанс и обострение литературной борьбы. Для решения сложных эстетических вопросов больше подошли появившиеся в самом конце XIX в. «журналы-манифесты», «Мир искусства», «Новый путь», «Весы» и др. Художественные произведения начали печататься не в журналах, а в различных альманахах, выпускавшихся многочисленными издательствами, вокруг которых группировались писатели разных направлений. Сборники издательств «Знание», «Шиповник», «Северные цветы», «Скорпион» и многих других давали возможность показать свое творчество без идеологической «добавки», привнесенной направлением журнала. Художественная литература, самые лучшие ее образцы, тоже постепенно уходила из-под обложки традиционного издания, так как там ей становилось тесно. Это не значит, что толстые журналы совсем остались без хорошей беллетристики, после революции 1905—1907 гг. многие русские писатели снова вернулись в солидные, читаемые интеллигенцией издания, даже попытались придать им преимущественно литературный характер, по в годы, предшествовавшие революционным потрясениям 1917-го этот процесс «не пошел». В период классовых боев, Первой мировой войны, революций публицистические статьи выходили на первый план. Уходят из толстого журнала театральные и художественные рецензии: развитие театра и изобразительного искусства, усложнение эстетических споров и в этих областях способствуют формированию специальных изданий — театральных, художественных, музыкальных и т.д.

В конце XIX — начале XX в. толстый журнал вновь быстро прошел все этапы развития этого типа издания в XIX в.: от энциклопедического к публицистическому. Но в прошедшем веке каждый этап занимал 30 — 40 лет, в начале нового — подтип журнала изменялся за 5—10 лет.

И несмотря на все разговоры о смерти толстого журнала, он не умер, не исчез, а еще раз доказал жизнеспособность «обычного русского» издания в качественно изменившейся системе журналистики. «Современная жизнь» оказалась права: отошедший в тень в период общественных потрясений толстый журнал вновь занял свое место в период затишья, реакции, когда настало время углубленного анализа пережитых революционных бурь: журнал этого типа еще раз доказал, что именно он наилучшим образом приспособлен для такой работы.

Классическому типу толстого журнала в XX в. остались верны «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Мир божий», «Современный мир» и другие издания, но под влиянием общественных потребностей они вынуждены были изменяться.

«Вестник Европы»

- Из истории «Вестника Европы».
- «Вестник Европы» и партия демократических реформ.
- Новая редакция журнала.

· Реорганизация структуры номера.

В начале XX в. самым старым из толстых журналов был «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ». В 1915 г., во время Первой мировой войны, журнал скромно отметил свое 50-летие.

Издание с таким названием существовало в русской журналистике без малого целый век. Основанный в 1802 г. Н.М. Карамзиным в Москве, журнал закрылся в 1830 г. В 1866-м пять опальных профессоров Петербургского университета, вынужденных уйти в отставку из-за несогласия с политикой правительства в области образования, — М.М. Стасюлевич, К.Д. Кавелин, А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович, Б.И. Утин — выпустили в свет новый журнал в Петербурге.

«Мы восстановили имя карамзинского журнала в 1866 г., когда исполнилось 100-летие со дня рождения Карамзина, желая тем самым почтить его память», — писал «Вестник Европы» впоследствии¹.

Причины появления своего журнала редакция объясняла тем, что среди журналов в 1866 г. взгляды «левых» были представлены некрасовским «Современником», «правые» группировались вокруг «Русского вестника» М.Н. Каткова, но представителей «центра» среди толстых журналов не было. Выразителем центристских взглядов и должен был стать «Вестник Европы». «Я соединяю под именем «центра», — писал позже К.К. Арсеньев, — сторонников безостановочного движения по той дороге, на которую вступила Россия в эпоху великих реформ... Нужно было охранять сделанное и настаивать на осуществлении всего задуманного во всей его полноте... Все это увеличивало потребность в новом журнале, который, оставаясь одинаково свободным от воздыхания о прошлом и от стремления покончить с ним сразу и всецело, освещал бы путь, ведущий без потрясений к заветной цели»².

Высшим достижением России «Вестник Европы» считал реформы 1861 г. Его идеалом было постепенное, без революционных потрясений переустройство страны. Но наступление реакции, особенно в 80-е годы, стремление самодержавия сузить реформаторскую деятельность, невыполнение того, что было записано в Указах 1861 г., — все это заставляло журнал становиться в умеренную оппозицию существующим порядкам, критиковать действия правительства. В январском номере за 1901 г. ведущий политический обозреватель журнала К.К. Арсеньев сравнивал начала XIX и XX вв.: «Сто лет назад на пути развития России, умственного и материального, было крепостное право». XX в. «застает крестьянскую массу юридически свободной, но все еще зависимой и неполноценной... Задачей, достойной нового века, было бы... возвращение к заветам эпохи реформ, не в смысле повторения или подражания, а в смысле плодотворной работы, преемственно связанной с лучшими традициями нашего прошлого»³.

В начале XX в. «Вестник Европы» оставался верен своему генеральному направлению: пропаганде реформаторской деятельности как основного залога прогресса России.

Журнал осудил русско-японскую войну, считая, что она помешает разработке законодательства и дальнейшему переустройству страны, т.е. занял свое место в числе изданий, каких было большинство, войну не принявших и не поддержавших.

В первые дни 1905 г. «Вестник Европы», как и вся прогрессивная пресса, испытывал тревогу и был возмущен тем, что происходило в стране. К.К. Арсеньев вошел в число делегатов, которые 8 января отправились к Святополк-Мирскому, чтобы предотвратить готовящийся расстрел рабочих. События революционного года постоянно освещались на страницах журнала. Манифест 17 октября 1905 г. «Вестник Европы» воспринял, как и многие газеты и журналы, с удовлетворением, посчитав требования революции выполненными. Все последующие события и особенно Декабрьское вооруженное восстание в Москве, журнал не поддержал, считая, что причиной их были «ошибки Кабинета Витте и переход крайних партий к революционным действиям». Таких действий журнал не одобрял.

Вот как оценивал роль революции И. Жилкин, автор «Провинциального обозрения» во 2-м номере журнала за 1909 г.: «Вихрь революции» вынес из провинции «все культурные силы, которые делали там много полезного... и большинство радикальных работников... Реакция доканчивала опустошение. Она выметала не революционных, а мирных культурных деятелей»⁴.

После образования партий «Вестник Европы» заявил о своей симпатии к кадетам, завоевавшим на выборах в I Государственную думу абсолютное большинство голосов

избирателей. Но для журнала, выражавшего на протяжении 40 лет взгляды самой привилегированной части интеллигенции, оказалось неприемлемым требование обязательного подчинения партийной дисциплине, ограничивающее, по мнению журнала, свободу личности. В январском номере за 1906 г. спор о партийной дисциплине вел с кадетами К.К. Арсеньев, а в февральском номере журнал опубликовал программу новой партии — партии демократических реформ, в оргкомитет которой вошли К.К. Арсеньев, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, М.М. Стасюлевич и др., т.е. практически весь редакционный комитет «Вестника Европы». В этой программе отразились взгляды деятелей русского земства, так как многие из числа организаторов новой партии являлись активными деятелями земского движения. Сама партия не состоялась, не набрав достаточного числа сторонников, поив1915г., в статье, посвященной 50-летию журнала, «Вестник Европы» заявлял о своей верности опубликованной программе.

В 10-й книжке за 1908 г. было напечатано обращение к читателям М.М. Стасюлевича, одного из организаторов и бессменного редактора журнала, в котором он оповестил, что прекращает свою деятельность «вследствие слабости здоровья и значительного утомления после 43 лет трудов по изданию и редакции журнала». Вскоре 82-летний М.М. Стасюлевич умер. Издателем «Вестника Европы» стал М.М. Ковалевский — историк, известный политический деятель, редактором К. К. Арсеньев.

К.К. Арсеньев (1837—1919) — адвокат, общественный деятель, публицист, принадлежал к старшему поколению русских журналистов. Он стал редактором «Вестника Европы» в 70 лет. Свою литературную деятельность, которую он долго сочетал с адвокатской практикой, Арсеньев начал в 1858 г. в «Русском вестнике», с 1862 г. стал постоянным сотрудником «Отечественных записок», где заведовал иностранным отделом. В «Санкт-Петербургских ведомостях» В. Корша также занимался иностранной политикой. В «Вестник Европы» пришел в год его основания, с 1 марта 1880 г. взял на себя «Внутреннее обозрение» и «Общественную хронику» — основные отделы политического характера. В автобиографии К.К. Арсеньев подсчитал, что до 1 июля 1901 г. «внутренних обозрений» им написано 235, а «общественных хроник» — 203. Став редактором, он взял «Внутреннее обозрение», а отдел «Из общественной хроники» передал В.Д. Кузьмину-Караваеву, тоже юристу, по только военному, депутату Государственной думы. Это было сделано и для привлечения последнего в журнал, и потому что сам Арсеньев, как он писал в дневнике, чувствовал себя «утомленным и отстающим от времени»⁵. С 1911 г. этот отдел получил название «Вопросы внутренней жизни». Оба отдела утратили редакционный характер, что было характерно для классического толстого журнала, под ними стояли имена авторов.

К.К. Арсеньев имел большой авторитет в среде журналистов, его называли «совестью» русской журналистики». Он участвовал в различных третейских судах, выступал адвокатом на литературных процессах.

Новая редакция начала понемногу изменять характер журнала, эти изменения были не радикальными, по заметными читателю. Оставаясь сторонником реформаторской деятельности, «Вестник Европы» в оценке столыпинских реформ смыкался иногда с народническим «Русским богатством». В 1912 г., подводя итоги последних преобразований, журнал заявлял, что он «решительно против аграрного законодательства последних лет»⁶. К столыпинской реакции журнал относился с негодованием, его страницы этих лет полны рассказов о многочисленных репрессиях, казнях, административном произволе в стране.

Ведущие обозреватели журнала являлись профессиональными юристами и на страницах «Вестника Европы» постоянно анализировали все законодательные акты, обсуждаемые в Думе в 1909 — 1912 гг., пытаясь оцепить их с точки зрения улучшения положения России. Они пришли к неутешительным выводам: ни одна предпринятая реформа, в том числе и самая главная — земельная, интересам страны не соответствовала.

В 6-м номере журнала за 1912 г. в статье «Ответственность за преступления периодической печати», основой которой послужил доклад, прочитанный на 9-м съезде русской группы Международного союза криминалистов, отмечалось: «По юридическому положению прессы в такие переходные эпохи можно... судить о прочности самого преобразованного государственного строя»⁷. Закон этот не удовлетворял специалистов «Вестника Европы», как не принимали они и

многие другие преобразования того времени.

В то же время журнал чувствовал, что назревает нечто новое. «На грани наступающего (1911-го. — С.М.) года что-то произошло, — писал В.Д. Кузьмин-Караваев в «Вопросах общественной жизни». — Что именно, с точностью формулировать пока трудно. Но что в воздухе потянулись какие-то струи ветра, заколебавшие как будто атмосферу, — это чувствуется достаточно определенно»⁸. Журнал ощутил новый подъем общественного движения, на его страницах публиковались сочувственные статьи о тяжелом положении рабочих, но основное требование оставалось прежним — законодательная реформаторская деятельность. Очень много внимания «Вестник Европы» уделял деятельности Думы, постоянно рассказывая о том, что там происходит. Думские отчеты писал в основном В.Д. Кузьмин-Караваев.

Определенное расширение программы журнала сделало возможным появление на его страницах новых имен, людей, сотрудничество которых в этом журнале раньше было невозможным. Первое такое имя — А.М. Горький. После «золотого века» отдела беллетристики «Вестника Европы», когда там печатались И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, литературный материал оставлял желать лучшего. Поток серой беллетристики заполняли редакционный портфель. В 1910 г. активную роль в журнале начинает играть Д.Н. Овсяннико-Куликовский — академик, один из ведущих литературоведов страны. С его приходом в журнале появляются произведения писателей горьковского круга, в апреле 1912 г. — рассказ А.М. Горького «Три дня» и в этом же номере — одна из лучших повестей И.А. Бунина «Суходол». С 1913 г. Овсяннико-Куликовский стал соредактором «Вестника Европы», Горький и Бунин — постоянными его авторами. И это в журнале, в котором в 1909 г. автор отдела «Критические наброски» С. Андрианов обвинял А.М. Горького в том, что он продал свой талант «за чечевичную похлебку партийного функционера»!

Еще одно новое имя появилось на страницах издания. Постоянный отдел «Провинциальное обозрение» начал вести И. Жил кип, делегат I Думы от крестьян, член трудовой партии. Большая часть материалов отдела строилась на впечатлениях самого автора, полученных во время частых поездок по стране. Иногда он комментировал сообщения столичных и провинциальных газет. Благодаря материалам Жилкина в журнал широко входила провинциальная русская жизнь, которой в прошлом достаточно элитарное издание уделяло не слишком много внимания.

Сознавая, что ежемесячный журнал может проиграть соревнование с газетой, если не предпримет каких-то важных перемен в форме и характере своих публикаций, новая редакция начала модернизировать издание. Уже в первых номерах за 1909 г. редакция объявила: «Кроме прежних отделов, журнал будет заключать обозрение провинциальной жизни, периодические обзоры новых явлений в мире науки, корреспонденции из главных центров Западно-Европейских и Северо-Американских»⁹. То есть расширялись информационные и научные отделы толстого журнала. Изменился подзаголовок, который теперь гласил: «Журнал пауки, политики, литературы». Так, паука оказалась на первом месте, заменив историю, а литературный отдел отошел на последнее. На журнальные страницы выходят естественные пауки, интерес к которым стремительно возрастал. Одним из ближайших сотрудников становится К.А. Тимирязев, печатаются В. Бехтерев, А. Бекетов, И. Мечников и др. Упорядочена нумерация страниц: если раньше она была сквозной для двух номеров, то теперь отдельно нумеровалась каждая книжка.

Но время диктовало свои требования, и несмотря на то что в подзаголовке на первом месте стояла паука, ее начинает обгонять политика. Основное нововведение — значительное расширение отдела «Хроника». Теперь к «Хронике» относились не только привычные «Обозрения», не только статьи, освещавшие проблемы внутренней или международной жизни, но и крупные теоретические публикации, такие, например, как статья Л.З. Слонимского о марксизме. Из почти 400 страниц журнального текста — 140—180 отводилось «Хронике». В 1912—1913 гг. изменился сам принцип верстки хроникальных статей, они стали печататься одна за другой, в подборку, без переноса начала новой статьи на новую страницу. Расширяя хронику, журнал стремился дать читателю, если не оперативную, то более подробную информацию о современной жизни.

Наибольшей реорганизации подверглись основные публицистические отделы — «Из

общественной хроники» и «Внутреннее обозрение». Сначала последний отдел был передан В.Д. Кузьмину-Караваеву, который вел его в более журналистском репортажном стиле, в отличие от К.К. Арсеньева, писавшего традиционно теоретические статьи. В 1912 г. начинается реорганизация «Внутреннего обозрения» и затем оно исчезает совсем, а Арсеньев выступает с авторскими статьями на общественно-политические темы. Два старых отдела, слившись, образовали «Вопросы внутренней жизни», которые вел Кузьмин-Караваев.

Данью времени стало также появление на страницах толстого журнала цветных рисунков и репродукций, рекламы и объявлений. Объявления о новых книгах, о подписке на журналы традиционно помещались на обложках таких изданий. Но «Вестник Европы» в 1910-е годы начинает публиковать и другую рекламу: швейных машинок, женского белья и т.д. Это давало журналу материальные средства, так как тираж был невысоким, и денег от подписки не хватало. Журнальная статистика, помещаемая в конце подписного года, давала 6392 подписчика на 1905 г., 5291 — на 1906-й, журнал имел в среднем 6000 подписчиков — это один из самых низких для подобного издания показателей.

«Вестник Европы» под новой редакцией значительно расширил круг тем журнала, стал внимательнее относиться к общественной проблематике и пытался, расширив хроникальный отдел, преодолеть ту медлительность и громоздкость, в которой упрекали журналы критики. Но довести начатые преобразования до конца не удалось. Этому помешала начавшаяся Первая мировая война и революции 1917 г. В начале 1918-го журнал был закрыт.

«Русское богатство»

- Товарищество по изданию «Русского богатства».
- Основные сотрудники.
- «Русское богатство» и организация партии народных социалистов.

В начале XX в. почти во всех толстых журналах, созданных за 10 и больше лет до нового столетия, происходит естественная смена лидеров — редакторов и ведущих публицистов, определявших направление издания. Это произошло с «Вестником Европы», такую же эволюцию пережило «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

В 1904 г. умер Н.К. Михайловский — идейный вдохновитель журнала, его неофициальный редактор, один из крупнейших русских публицистов, любимец передовой молодежи. После его смерти новым редактором стал В.Г. Короленко, вторая по величине фигура среди сотрудников журнала с середины 90-х годов.

12 апреля 1905 г. Н.Ф. Анненский, В.Т. Короленко, А.Г. Горнфельд, А.И. Иванчин-Писарев, П.В. Мокиевский, В.А. Мякотин, А.В. Петнехонов, С.Н. Южаков и П.Ф. Якубович заключили соглашение о создании Товарищества по изданию «Русского богатства». Редактирование журнала теперь осуществлял Редакционный комитет, который избирался общим собранием членов Товарищества. Это собрание являлось высшим органом, решавшим все вопросы ведения журнала. Хозяйственную часть контролировал наблюдательный комитет¹. Таким образом, издание наиболее оппозиционного в начале XX в. толстого журнала было основано на самых передовых для того времени кооперативных принципах, которые, как сетовал С.Н. Кривенко, «не пошли» в русской прессе, но прекрасно работали в «Русских ведомостях» и «Русском богатстве».

Продолжается подписка на 1905 годъ

(XIII-ья ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ВЛ. Г. КОРОЛЕНКО

и при ближайшемъ участіи Н. Ф. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехова, Реуса, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

Подписныя цѣны: на годъ съ доставкой и пересылкой 9 р., на 1/2 года 5 р.; безъ доставки въ Петербургъ, Москвѣ и Кіевѣ 8 р., на 1/2 года 4 р.; за границу 12 р., на 1/2 года 6 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — Васкова ул., 9.
Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы — Никитскія вор., д. Гатарима.
Въ Кіевѣ — въ отдѣленіи конторы — Ирещанинск., 14, кв. 11, у
Л. А. Соколовскаго.

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать на комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка, не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к., отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

ПОДПИСКА ВЪ КРЕДИТЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Принципы организации номера журнала остались неизменными. «Русское богатство» состояло из двух основных разделов. В первом печатались научные статьи и беллетристика. Все остальное считалось публицистикой и входило во второй отдел, который называли «корпусным». По мнению редакции, именно публицистика составляла «корпус» журнала, что было характерно для издания публицистического типа. В «корпусном» отделе имелись постоянные рубрики: «Хроника внутренней жизни», «Политика», обзор зарубежных событий и библиографический отдел под названием «Новые книги». По утверждению сотрудников, все другие отделы журнала «при отборе материала руководствовались тематикой основных статей публицистического отдела как главного»².

«Русское богатство» редакция составляла по хорошо продуманному плану, она старалась подчеркнуть основную идею не только одного месяца, но даже и года. Первую скрипку в доказательстве этой идеи опять же играли материалы публицистические, все остальные — в особенности беллетристика — должны были их дополнять.

Это определяло отношение к художественной литературе в «Русском богатстве». Романы и рассказы, принимаемые в журнал, должны были соответствовать идейным установкам журнала,

даже в ущерб художественному замыслу. Наверное поэтому беллетристика «Русского богатства» была традиционно серой, вызвала многочисленные критические оценки, но для журнала она первостепенной роли не играла. Редактировал отдел беллетристики В.Г. Короленко. Он много писал сам для «Русского богатства», здесь опубликовал знаменитую «Историю моего современника», широко известные публицистические работы: «О свободе печати», «Сорочинская трагедия», «К полтавской трагедии». Менее известен отклик В.Г. Короленко на события Кровавого воскресенья. Как упоминалось выше, было запрещено что-либо публиковать по этому поводу. Статья Короленко напечатана через две недели после событий. Он писал: «Бывают дни и бывают события, в которых, как в фокусе, сосредотачивается значение самых глубоких сторон данной исторической минуты. Таково, по нашему глубокому убеждению, значение январских событий в Петербурге»³.

Портрет В. Г. Короленко. 1912 г.

Короленко выражал неудовольствие беллетристкой, высказывал претензии к критике и библиографии, сетовал на «Хронику», которая «стремится слишком заполнить журнал», находил, что мало выдающихся сторонних работ по литературным и другим вопросам. Ежегодно Короленко прочитывал по 400 — 500 рукописей, но беллетристика все равно оставалась на низком уровне. Пи-сатель В.Г. Короленко, естественно, хотел печатать в журнале больше художественной литературы, но тип журнала и насыщенное политическими событиями время не позволяли реформировать издание. Из писем Короленко становится ясно, что он пытался реорганизовать «Русское богатство», но задуманная реформа осуществлена не была. Короленко начал отходить от редакционной работы, много сотрудничал в «Русских ведомостях». Боялись даже, что он совсем

уйдет. А.В. Пешехонов высказывал опасения, как бы Короленко совсем «не отбил от журнала». Связующим звеном в журнале был Н.Ф. Анненский; экономист и статистик, он сам писал в журнал мало, но его роль организатора была чрезвычайно велика. После смерти Н.Ф. Анненского в 1912 г. А.Б. Петрищев писал: «Пока в корню стоял Н.Ф., наши внутренние противоречия и разногласия примирались в его авторитете... Когда Н.Ф. выбыл, внутренние трения получили гораздо большую остроту»⁴.

Одним из лучших считался отдел критики и библиографии, который возглавлял А.Г. Горнфельд — по образованию юрист, по в то же время довольно известный критик. По количеству рецензий, написанных для журнала, он был первым среди сотрудников.

«Хронику внутренней жизни» с 1905 по 1907 г., т.е. в период революции, вел А.В. Пешехонов, после 1908 г. отдел перешел к А.Б. Петрищеву и имел более информационный характер. А.В. Пешехонов в XX в. был одним из основных сотрудников «Русского богатства», определял его позицию. Земский статистик, экономист, он пришел в журнал в середине 90-х годов, член редколлегии с 1901-го. В годы первой русской революции стал одним из создателей партии народных социалистов — энесов, — близкой к эсерам, но более умеренной, менее нацеленной на тактику индивидуального террора. С мая 1917 г. работал министром продовольствия во Временном правительстве. После Октября остался в России, но был выслан за границу в 1922 г. Через три года заявил о своем выходе из ЦК партии энесов и желании вернуться в Россию. С 1927 г. сотрудничал в советском торгпредстве в Риге, в 1933 г. умер.

С 1905 г. постоянным членом Товарищества «Русского богатства» стал А.М. Редько, известный своей революционной деятельностью, в 1886 г. он был сослан на пять лет в Сибирь. В начале века окрепла связь журнала с партией эсеров, там публиковались лидер партии В. Чернов, Н. Русанов (псевдоним П. Кудрин), П.Ф. Якубович (псевдоним Л. Мельшин).

Перед 1905 г., по мнению Вите, «Русское богатство» являлось самым левым, «анархическим» изданием России.

В марте 1906 г. «Русское богатство» опубликовало основные положения партии народных социалистов. В отличие от партии демократических реформ, которую попытался создать «Вестник Европы», энесы долго выступали на общественной арене и в России, и в эмиграции. Народные социалисты объявили себя независимой от эсеров отдельной партией. Программа энесов была более умеренной, чем эсеровская. В пей излагались демократические идеалы, делался акцент на нравственном факторе жизни общества и человека. Основной движущей силой энесы считали интеллигенцию и предпочитали мирную тактику революционной. В первом номере журнала за 1906 г. В.Я. Яковлев-Богучарский писал: «Центральное место в нашем миропонимании занимает человек. Идея самоценности и верховенства человеческой личности всегда была одной из самых характерных для нашего направления»⁵. Журнал шел в русле этических поисков своего времени. Кстати, в это время он назывался «Современность». Сменив название, «Русское богатство» стремилось уйти от цензурных преследований, по очень быстро старое название было возвращено.

Цензура постоянно следила за журналом. В одном из отчетов Главного управления по делам печати содержится интересная характеристика издания. «Будучи... едва ли не единственным в современной периодической печати органом, оставшимся верным «старому знамени» когда-то чрезвычайно популярного народничества, «Русское богатство» питает надежды вновь собрать и объединить под этим знаменем все более или менее радикально-настроенные элементы русского общества и постоянно призывает своих читателей на путь служения интересам трудового народа, усматривая в этом служении одну из самых славных традиций и лучших особенностей русской интеллигенции». Говоря об основном направлении журнала, цензор отмечал и главную особенность его типа: «Указанное направление «Русского богатства» с особенной ясностью сказывается в его публицистическом отделе»⁶.

Но после событий первой русской революции такая пропаганда уже не находила многочисленных сторонников, и читателей у журнала не прибавлялось. Тиражи были небольшими: в 1904 г. — 8019 подписчиков, в 1908-м — 10833, в 1909-м — 10771.

Естественно, редакция «Русского богатства» старалась работать для широких кругов читателей, но предназначение и реальный результат не всегда одно и то же. В 1900—1910-х годах

народническая пропаганда уже не привлекала «широких кругов интеллигенции», да и политические ссыльные дифференцировались по партийной принадлежности и читали «свои» издания. Тираж 10 тыс. даже для толстого издания небольшой и говорить о «Русском богатстве» как о массовом журнале не позволяет. Наоборот, журнал потерял популярность у той аудитории, которой гордился в XIX в.

Основным достоинством «Русского богатства» явилась верность один раз выбранному пути и направлению, постоянная защита интересов крестьян и близость к политической деятельности почти всех сотрудников, активно участвовавших в разворачивающихся событиях.

После Февральской революции 1917 г. политическая программа журнала была изложена А.В. Пешехоновым. «Русское богатство» требовало всей власти Учредительному собранию. Главная идея, которая, по мысли редакции, могла бы сплотить все передовые силы страны, выражалась лозунгом «Земля и воля». После победы большевиков народнический журнал прекратил свое существование.

«Мир божий»

- Создатели журнала и их планы.
- А.И. Богданович и «Мир божий».
- Ориентация на «среднего» читателя.
- Требования к журнальным публикациям.
- Структура номера.
- Легальные марксисты в «Мире божьем».
- «Мир божий» под красным знаменем.

Некоторые новые толстые русские журналы появлялись рядом со своими старшими собратьями, их редакции находились в близких отношениях. Так возник «МИР БОЖИЙ», издательница которого Александра Аркадьевна Давыдова — вдова директора Петербургской консерватории К.Ю. Давыдова, начинала свою деятельность под влиянием Н.К. Михайловского, с которым ее связывала многолетняя дружба.

Многих членов редакции связывали родственные отношения, благотворно отразившиеся на деятельности журнала. Активное участие принимали в журнале дочери Давыдовой — Лидия Карловна Туган-Барановская по мужу и приемная дочь Мария Карловна, известная в русской журналистике под двойной фамилией Куприна-Иорданская. Женой А.И. Куприна она стала в 1903 г., в это же время после смерти матери и старшей сестры она стала издательницей «Мира божьего». За редактора «Современного мира», сменившего «Мир божий», Н.И. Иорданского она вышла замуж в 1910 г. М.К. Куприна-Иорданская работала в журналистике и после октября 1917 г. Она оставила интересные воспоминания «Годы молодости», где рассказала и о А.И. Куприне, и о журнале «Мир божий».

М.И. Туган-Барановский — экономист, историк, один из представителей «легального марксизма» сотрудничал в журнале сам и привел своих единомышленников — П.Б. Струве, Н.А. Бердяева и С.А. Булгакова. Много работал в журнале А.И. Куприн, активно публиковался Д.Н. Мамин-Сибиряк, маленькую дочь которого после смерти его жены взяла в свой дом А.А. Давыдова.

Первый номер журнала за 1892 г. вышел с опережением — 13 декабря 1891-го. Редактором вначале был В.П. Острогорский — профессор, известный литературовед и педагог. Давыдова и Острогорский планировали создать журнал для подростков, по планы постепенно менялись. В подзаголовке «Мира божьего» в год выхода значилось: «Литературный и научно-популярный журнал для юношества». В объявлении об издании подчеркивалось, что журнал хочет давать своим читателям «общедоступное образовательное чтение». В качестве основного читателя предполагалась и образованная семья, и читатели из различных слоев общества. Но журнал стал расширять предполагаемую аудиторию, выводить ее за пределы собственно подростковой. От первоначальных планов осталось только название: «Мир божий» — мир вокруг человека, со всеми его проявлениями, тайнами и загадками¹. В 1893 г. редакция получила разрешение добавить к

подзаголовку слова «и для самообразования». Значит, аудитория расширилась еще больше, так как самообразованием могут заниматься люди любого возраста.

«Мир божий» формировался как образовательный научно-популярный журнал для юношества и «средней по образованию публики». Этим объяснялось обилие научных и научно-популярных публикаций, которыми журнал славился все время своего существования.

Общественный подъем 90-х годов XIX в., яростные споры между марксистами и народниками, приход в журнал талантливых публицистов и общественных деятелей — все это способствовало изменению типа журнала. Постепенно «Мир божий» превратился в журнал «обычного русского типа», сохранив черты научно-популярного издания.

Это произошло по инициативе и при активном участии появившегося в журнале в 1894 г. А.И. Богдановича, который взял на себя обязанности неофициального редактора «Мира божьего». А.А. Давыдова, хотя и прочитывала все рукописи, предложенные редакцией к публикации, редакторских функций на себя не брала. В.П. Острогорский постепенно отходил от журнала и в последние годы, как вспоминали сотрудники, подписывал журнал не читая. Редакторские обязанности легли на А.И. Богдановича, который из-за своего прошлого не мог быть утвержден в качестве редактора официального. Он не мог даже подписывать свои публикации, и в течение 10 лет его знали под литерами «А.Б.». Только четыре материала, напечатанные после октября 1905 г., он смог подписать полным именем — Ангел Богданович.

А.И. Богданович родился в 1860 г. в польско-литовской семье. (Свое имя Анжело он перевел на русский язык, отсюда непривычное Ангел.) Он начал учиться на медицинском факультете Киевского университета, но с 3-го курса был исключен за участие в кружке отставного военного Л. свинского, который хотел открыть типографию. Дальше планов дело не пошло. После ареста у членов кружка нашли, по словам А.И. Куприна, «81 точку из шрифта». И хотя обвинение строилось на этих «точках», Богданович был «привлечен к военному суду по политическому процессу, просидел год в тюрьме, произнес на суде блестящую речь, по которой был совершенно оправдан, но исключен из университета и выслан в Нижний Новгород»².

Десять лет провел Богданович в провинции, сначала в Нижнем Новгороде, где сошелся с кружком общественных деятелей, группировавшихся вокруг В.Г. Короленко и Н.Ф. Анненского, затем пять лет в Казани. Там он сотрудничал в газете «Волжский вестник» и был воскресным фельетонистом «Казанских вестей», где писал под псевдонимом «Зритель». В Нижнем Новгороде под псевдонимом «Сын своей матери» в той же роли выступал В.М. Дорошевич. «Полемика этих двух бойких соперников вызывала звон в ушах», — вспоминал известный в свое время казанский журналист, впоследствии издатель «Нового пути» П.П. Перцов³.

Вернувшись в Петербург, Богданович некоторое время сотрудничал в «Русском богатстве», откуда и пришел в «Мир божий». 8 февраля 1895 г. он впервые опубликовал в этом журнале свои «Текущие заметки», которые уже с 9-го номера за этот же год превратились в «Критические» и в таком виде существовали до начала 1906 г. Только два обзора, появившиеся до лета 1906 г., когда журнал был закрыт, Богданович снова назвал «Текущие заметки». Кроме двух статей («Новый шаг к просвещению» — 1895, № 11 и «Адам Мицкевич» — 1899, № 7), все остальные его публикации шли под рубрикой «Критические заметки». У всех, кто знал Богдановича, возникали ассоциации с личностью и творчеством Н.А. Добролюбова. В своих заметках на основе разбора двух-трех литературных произведений Богданович умел делать общественно-политические выводы⁴. Много шума, например, наделала его статья в апрельском номере за 1904 г., где на основе анализа мало известных романов на «женскую» тему, автор высказал свой взгляд на положение и роль женщины в современном мире. По поводу статьи в газетах появилось множество откликов, Богданович получил много писем читательниц, согласных или не согласных с его позицией.

Умер А.И. Богданович в 1907 г. на операционном столе. Журнал «Современный мир», продолжение закрытого «Мира божьего», посвятил его памяти 4-й номер за 1907 г., в котором хорошо знавшие этого замечательного журналиста люди рассказали о его деятельности.

«Богданович был редактором по призванию, редактором идейным, беззаветно и самоотверженно преданным своему делу, но редактором особого типа... Он читал в рукописи все статьи, правил корректуру, вел громадную деловую переписку, принимал авторов, писал

рецензии, критические статьи и т.д.». Об этом писал Ф.Д. Батюшков — внучатый племянник поэта К.Н. Батюшкова, критик, театральный рецензент, сменивший Острогорского на посту офици-ального редактора «Мира божьего» и затем «Современного мира». Казалось бы, Богданович делал рутинную работу, знакомую всякому редактору. Но Батюшков добавлял подробность удивительную: «Обладая превосходной памятью, Ангел Иванович отлично помнил не только более или менее выдающиеся статьи, но даже небольшие очерки и обозрения, даже библиографические заметки, печатавшиеся в журнале за все 15 лет».

У А.И. Богдановича было два предмета его постоянного внимания, постоянных забот: «наш журнал» и «наш читатель». Русский толстый журнал классического типа рассчитывал на образованное дворянство и интеллигенцию. Но и А.А. Давыдова, и В.П. Острогорский ориентировали свой журнал на «средне образованного читателя». Богданович пошел дальше: он делал журнал для «среднего» человека. У него неоднократно спрашивали, кто такой этот «средний» человек? Он отвечал: «Я сам средний читатель. Я долго жил в провинции, оторванный от всех центров просвещения, не имея возможности ни выписывать много книг, ни пользоваться богатыми библиотеками. Я не кончил курса в университете. Я знаю, что значит жить в глуши и чего ожидает от ежемесячного журнала наш средний обыватель»⁵.

«Мир божий» стал первым толстым изданием, ориентировавшимся на более широкие, чем прежде, менее образованные слои населения, по преимуществу провинциального. Журнал В.С. Миролюбова с красноречивым названием «Журнал для всех» стал вторым, хотя и очень значительным, шагом на этом пути. «Мир божий» начал эту работу раньше, кроме того, роль миролюбовского журнала хорошо известна, изучена и высоко оценена в исследовательской литературе, а усилия Богдановича и «Мира божьего» по расширению читательской аудитории историками журналистики не отмечены. Это тем более несправедливо, что редактор «Мира божьего» не только декларировал стремление работать для среднего читателя, он разработал целую программу воспитания, подготовки «среднего» человека к восприятию публикаций серьезного толстого ежемесячника. Богданович создал свой подтип толстого журнала, в котором сочетались качества классического печатного органа «экономики, политики и литературы» и журналов научно-популярных и для самообразования, расцвет которых начался в XX в. Редакция гордилась этим специфическим типом своего издания. Батюшков утверждал, что это своеобразный «исключительно русский тип», который возник «из особых условий русской жизни, в эпоху реак-ции, когда заботливое правительство всячески ограничивало доступ к образованию... Школа в руках правительства была орудием политической борьбы и в противовес ей общество стало искать внешкольного образования». Таким образом, научная энциклопедия, характерная для толстого журнала, заменялась в «Мире божьем» предметным образованием.

Редактируя журнал, Богданович руководствовался целой системой правил и принципов. При отборе материала для публикации он выдвигал на первое место «читабельность», на второе — актуальность тем и связь содержания с современностью. В первую очередь редактор определял политику журнала по отношению к читателю. «Ни ходить в народ, ни учиться у народа не представлялось ему занятием целесообразным. Другое дело — воспитывать себя, знать, чего хочешь и настойчиво добиваться своих прав». Материал, опубликованный в журнале, должен читателя привлекать, заинтересовывать и незаметно воспитывать. Для этого и нужно, чтобы все статьи были «читабельны», по шутливому определению Богдановича. Огромная роль отводилась редактору. Он должен уметь почувствовать грань, отделяющую материал научно-популярный от специфически научного, определить, является ли статья интересной и доступной для читателя, препятствовать появлению на журнальных страницах элементарных и общеизвестных истин. Богданович знал характерное для русского человека свойство «набрасываться на верхи» и настаивал на изложении основ рассматриваемого вопроса. «Требование ясности, вразумительности и определенности выводов» он предъявлял ко всем материалам журнала, в том числе и к произведениям литературным. Мысль писателя и публициста, считал А.И. Богданович, «сосредотачивается, как свет в фокусе, и выигрывает в силе, яркости и убедительности»⁷.

«Читабельность», по Богдановичу, обеспечивается яркостью, ясностью, иенавязчивостью изложения нового, а не общеизвестного, умением незаметно вести читателя в нужном автору

направлении, давая возможность не повторять прочитанное, а самому как бы заново открывать неизвестное.

Второй критерий — требование актуальности тем и связи с современностью — распространялся даже на исторические исследования «ближних и далеких эпох». Эти требования Богданович выдвигал не только перед авторами журнала, он учитывал их и в собственной деятельности. «Он принял на себя роль учителя, — вспоминал Ф.Д. Батюшков, — учителя, который сам учился вместе с теми, которых он думал воспитывать, ставя себя в положение уче-ников, близкий им по воспоминаниям проведенной в провинции молодости. Это создавало в статьях Богдановича особый эффект сопричастности, личностную окрашенность изложения».

Но главное — общий демократический топ его статей и жизненных позиций. В январе 1906 г. он писал: «Роль печати ясна и определена: быть на гребне революционной волны, зорко смотреть вперед, вовремя предупреждать об опасности. Ее значение, весь смысл ее — жить для народа и вместе с ним победить или умереть. Но последнее не страшно. Где народ, там и победа»⁸.

Задача журнала — быть воспитателем читателя — диктовала и распределение материала по отделам. Объем журнала составлял около 30 печатных листов, из которых 12-13 листов приходилось на беллетристику, на остальные отделы — «Внутреннее обозрение», «Родные картинки», «Иностранное обозрение», «Критические заметки», общественно-политические и научные статьи — 17 — 18 листов.

Проза не играла значительной роли в журнале, сам Богданович считал ее «супом», без которого не обходится ни один обед. Это мнение редактора очень сердило А.И. Куприна, который занимался отделом беллетристики в 1902 — 1905 гг. Но несмотря на некое пренебрежительное отношение редакции к литературному материалу, «Мир божий» завоевал симпатии читателей именно благодаря хорошей литературе, особенно переводной. Отдел переводной литературы вела Л.К. Туган-Барановская. Лидия Карловна сама отбирала материал, переводила с французского, английского и польского. После ее смерти в 1902 г. отдел стала вести М.К. Куприна-Иорданская. Активно участвовала в работе этого отдела З. Венгерова и как переводчик, и как литературный критик. В ее переводе был впервые опубликован в «Мире божьем» ставший впоследствии очень знаменитым в России роман «Овод» Этель Лилиан Войнич, английской писательницы, вышедшей замуж за русского народовольца О. Войнича. Прототипами романа послужили русские революционеры-народники.

Статьи научно-популярного характера занимали в журнале иногда до половины объема. Много внимания уделялось естественнонаучной проблематике, интерес к которой постоянно возрастал. Отделом занимался В.И. Агафонов — постоянный сотрудник редакции, в качестве авторов выступали крупные ученые, философы, врачи.

«Мир божий» в 90-е годы XIX в. как бы возродил тип энциклопедического толстого журнала. Но научные материалы в журнале имели свою особенность: большое место отводилось естественным наукам, что было не характерно для изданий начала XIX в. В 5-м номере за 1892 г. В.И. Агафонов, который отвечал за публикации на естественнонаучные темы, писал: «Природа — все. Природа — везде». Журнал писал и о других пауках. В той же статье отмечалось: «Нет такой науки, практическое знакомство с которой не было бы практически полезно и в жизни»⁹.

Во многих публикациях рассказывалось о жизни и творчестве ученых, философов, общественных деятелей. В январе 1906 г. «Мир божий» опубликовал статью известного журналиста и историка журналистики М.К. Лемке «Очерки жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей». Это было одно из первых упоминаний имен, о которых ранее нельзя было говорить. «Теперь все эти условия в значительной степени изменились, — писал Лемке, — русское общество во главе с русским рабочим завоевало своей литературе большую долю свободы. Теперь оно может пользоваться и плодами своего завоевания. И с течением времени наша историческая литература обогатится трудами, совершенно немыслимыми при старом режиме насильственного затыкания ртов»¹⁰.

Лемке связывал появление статьи о Герцене с завоеваниями революции, а тон его статьи говорит о достаточно радикальных, социал-демократических симпатиях журнала.

Начало нового века ознаменовалось для журнала потерями: сначала умерла Лидия Карловна, затем в 1902 г., потрясенная смертью дочери ушла из жизни А.А. Давыдова — первая издательница. В журнале появились новые сотрудники — Ф.Д. Батюшков и А.И. Куприн. «Внутреннее обозрение» начал вести И. Ларский, имя которого в 1912 г. значилось среди сотрудников большевистской газеты «Правда», и Н. Иорданский — социал-демократ, меньшевик, друг Г.В. Плеханова. В то же время составлявшие ядро идеологической программы журнала в предыдущее десятилетие «легальные марксисты» ушли из «Мира божьего» в заграничный журнал «Освобождение».

«Мир божий» под влиянием новых членов редакции приобретает ярко оппозиционный характер. Достаточно резкий обличительный топ задавали общественно-политические отделы — «На Родине», «Внутреннее обозрение», «Разные разности», «Из русских журналов». Растут тиражи журнала: в конце 90-х годов он имел около 8 тыс. подписчиков, в 1903-м — уже 16 тыс. По свидетельству члена редколлегии журнала М. Неведомского, в 1904 г. тираж достиг 18 тыс. «Мир божий» вышел на первое место по числу читателей. С.П. Дягилев, не относившийся к числу друзей журнала, вынужден был написать в «Мире искусства» «о бушующей волне, которая разносит по всей России зелененькие книжки «Знания» и голубые обложки «Мира божьего»¹¹.

Перед революцией 1905 г., как вспоминала М.К. Куприна-Иорданская, вокруг толстых журналов группировались кружки сочувствующих. «Редакция «Русского богатства» во главе с В.Г. Короленко собирала вокруг себя остатки старых народнических сил. Около «Мира божьего» группировались социал-демократы... Еженедельные вечерние собрания сотрудников в «Мире божьем» были очень многолюдны, и случалось, что ни редактор журнала А.И. Богданович, ни члены редакции — В.Я. Богучарский, В.П. Кранихфельд, М.И. Неведомский, В.И. Агафонов, И.Э. Любарский не знали всех присутствующих, а может быть, и просто не всегда желали называть некоторые имена¹². М.К. Куприна-Иорданская рассказала о том, как она, сама того не зная, прятала у себя и поила чаем скрывавшегося от полиции священника Григория Гапона, организатора шествия рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г., закончившегося расстрелом.

После Кровавого воскресенья «Мир божий» заявил, что он будет выступать под красным знаменем. В объявлении о подписке на 1906 г., без оглядок на цензуру журнал сообщал: «Политическое и экономическое освобождение человека, идея рабочего класса как идеал всего человечества — таковы основные стремления журнала. Журнал в социалистическом строе видит путь, ведущий к осуществлению этого принципа. Ближайшей своей задачей журнал ставит пропаганду идей полного духовного и политического освобождения личности и свободной борьбы за интересы трудящегося класса, то есть перехода власти в руки народа». Конечно, в этих словах много риторики, но в то же время революционные устремления легального издания несомненны. Подобный пример был единственным среди солидных ежемесячников.

«Мир божий» не считал Манифест 17 октября 1905 г. окончанием революции, он приветствовал начало Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Статья И. Ларского о восстании и причинах его поражения — одна из лучших из всего, что было написано на эту тему в начале 1906 г. В августе 1906 г., когда накал событий пошел на убыль, за статью Н.И. Иорданского, опубликованную в разделе «Политическое обозрение» и проповедовавшую идею продолжения революции, «Мир божий» был закрыт.

Через два месяца, в октябре 1906 г., та же редакция выпустила новый журнал под названием «Современный мир». И сама редакция, и читатели, и цензура хорошо понимали, что под новым названием скрывается старый «Мир божий». Но несмотря на преемственность, которую постоянно подчеркивала редакция, выходящий до 1918 г. «Современный мир» — другой журнал. Шло время, приходили новые сотрудники, в 1907 г. умер А.И. Богданович и его место заняли другие люди — все это изменило издание.

Оставшийся в истории «Мир божий» — первый толстый журнал, пытавшийся обращаться к более широкой, по сравнению с XIX в., читательской аудитории. Его редакция создала первый научно-популярный образовательный подтип толстого журнала. И это был первый популярный ежемесячник, в котором активную роль играли меньшевики, менее радикальная, более понятная интеллигенции фракция партии социал-демократов.

«Журнал для всех»

- Журнал «для большой провинциальной публики».
- Программа журнала.
- «Журнал для всех» в 1904 г.
- Попытки воскресить тип «Журнала для всех».

Необходимость расширения читательской аудитории толстого журнала все острее ощущалась на рубеже веков. Одной из самых удачных попыток на этом пути стал «ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ». Свой тип он обрел не сразу. Сначала вышедшее в Петербурге издание под таким названием представляло собой иллюстрированный журнал для народного чтения с религиозно-нравственным уклоном. Успеха он не имел, пока не перешел в руки В.С. Миролюбова.

В.С. Миролюбов, в свое время известный певец — бас Мариинской оперы (он пел под псевдонимом Мирон) из-за болезни потерял голос и вынужден был искать новое поприще. Между семьей профессора консерватории К.Ю. Давыдова и певцом Миролюбовым существовали дружеские отношения. А.А. Давыдова посоветовала певцу заняться издательской деятельностью и, по свидетельству М.К. Куприной-Иорданской, помогла достать деньги на покупку журнала. Сначала речь шла о журнале «Детское чтение», но потом решили приобрести у издателя Д.А. Геника «Журнал для всех». Если «Миру божьему» помог в начале пути журнал «Русское богатство», то сам «Мир божий» поддержал «Журнал для всех», окончательно перешедший в руки Миролюбова в феврале 1899 г., но работать там будущий издатель начал раньше — в 1897 г.

В молодости В.С. Миролюбов увлекался народническими идеями, и это отразилось на его издательских планах. В сентябре 1898 г. он писал А.П. Чехову: «...Я теперь вожусь над изданием дешевого и содержательного журнальчика для большой провинциальной публики... Цена в год рубль. Всем сотрудникам платим, как в толстых журналах... Подписчиков у нас около 15 тысяч, когда мы его купили, было около 5000. Следующий год буду печатать 25 000 экземпляров»¹. К 1903 г. тираж достиг 80 тыс., что для России было абсолютно невиданным делом. Точный расчет издателя на провинциального читателя, городскую и сельскую интеллигенцию, грамотных крестьян, дешевизна журнала — 1 рубль в год — и правильный подбор материалов для публикации создали огромный успех «Журналу для всех».

В.С. Мирюков

Сначала Мирюков пытался привлечь к своему изданию писателей-народников, но они активного участия не приняли, и тогда в «Журнал для всех» пришли участники кружка демократически настроенных писателей, который собирался по средам в доме писателя Н.Д. Телешова. Это объединение, получившее название «Среда», стало ядром издательства «Знание», где публиковались произведения последователей реалистического направления в литературе. Активную роль в привлечении «знаньевцев» к журналу Мирюкова сыграл А.М. Горький, он давно хотел найти центр, вокруг которого могли бы объединиться писатели-демократы, чтобы противостоять лагерю русских модернистов, группировавшихся вокруг создаваемых ими издательств. Сначала Горький использовал для этих целей журнал «легальных марксистов» «Жизнь», создав там прекрасный литературный отдел, но «Жизнь» быстро закрыли, и тогда Горький решил обратиться к «Журналу для всех», который по своим целям и читательской аудитории лучше всего подходил для выполнения его плана. Вокруг мирюковского журнала можно было не только собрать лучшие силы реалистического лагеря русской литературы, но и

познакомить с их творчеством очень широкую демократическую аудиторию.

«Журнал для всех» выполнял сложную двойную задачу: «с одной стороны, «усложнял» содержание популярной литературы для народа; с другой стороны, демократизировал «интеллигентскую» литературу, добиваясь простоты, ясности, доступности изложения применительно к широкому читателю»².

А.М. Горький пригласил в журнал А.П. Чехова, Л.Н. Андреева, А.И. Куприна, В.В. Вересаева и др. Высокохудожественная беллетристика вышла на первый план на рубеже веков, оттеснив политические и энциклопедические материалы.

В программу журнала входили не только «лучшие рассказы русских и иностранных писателей, по и очерки «из мира наук», рассказы о путешествиях и жизни разных народов и стран, краткие жизнеописания замечательных людей прошлого и современности.

Поэтому «Журнал для всех» печатал довольно много научно-популярных статей и по гуманитарным, и по естественным наукам.

Утверждая программу журнала для народа, Главное управление по делам печати не предполагало наличия в журнале публицистики, но «Журнал для всех» имел все традиционные публицистические отделы: «Политическое обозрение» помещало зарубежную информацию, «Внутренняя хроника» составлялась в обычном для толстого издания стиле, хроникальные материалы помещались в отделе «Из жизни народов в России и за границей».

Миролюбов стремился так скомпоновать номер, чтобы разные его материалы идейно и тематически объединялись. Редакция журнала, как и другие толстые издания со строго выдержанным направлением, следила за тем, чтобы и отдельная книжка, и годовой комплект проводили единую линию через все разнохарактерные публикации.

Сохранив традиционные для толстого журнала отделы, строго выдерживая единое направление, В.С. Миролюбов внес изменения в форму издания: журнал стал тоньше, всего 800 страниц в годовом комплекте (нумерация в течение года была сплошная), т.е. чуть более 70 страниц в номере против 300 — 500 традиционных. Но формат журнала был значительно увеличен, текст, особенно в научных и хроникальных отделах, печатался мелким шрифтом, по-этому потери текста в количественном отношении были относительно невелики.

А.П. Чехов мечтал о создании «народной газеты». «Что такое народная? — спрашивал писатель. — Мы все парод. Не народная, а доступная для кого угодно. Вот образец: «Журнал для всех». Прекрасно ведется. Все его читают. Вот это в самом деле народный журнал. А специфически народного журнала не должно быть. Я тоже из народа, если хотите, мой дед ведь — простой крестьянин. А между тем специфического «народного» журнала читать не стану»³. Таким образом А.П. Чехов очень точно определил новые черты толстого издания, которые воплотил в своем журнале В.С. Миролюбов.

Личная драма — потеря прекрасного оперного голоса — и близость к группе русской интеллигенции, увлеченной религиозными поисками, привели В.С. Миролюбова к утверждению связи гражданского служения с религиозно-нравственной идеей. Внимание к христианству, попытка деятелей русского религиозного ренессанса найти в нем ответы на трудные вопросы эпохи оказались созвучными мироощущению издателя «Журнала для всех». Миролюбов был в числе инициаторов создания религиозно-философских собраний в Петербурге, с интересом занимался религиозными проблемами, которые там обсуждались. Естественно, это не могло не отразиться на издаваемом им журнале, тем более что религиозно-философский отдел был предусмотрен программой издания.

Изменения начались после того, как в журнал пришел в конце 1903 г. критик Волжский (А.С. Глинка) — сторонник религиозного идеализма. В регулярно появлявшихся в каждом номере за 1904 г. статьях критик писал о творчестве Чехова, Горького, Андреева — постоянных авторов журнала, — и его оценки не могли удовлетворить этих писателей, так как шли вразрез с их основными идейными принципами. Вот, например, начало статьи о А.М. Горьком в февральском номере: «Художественная философия Горького... есть прежде всего философия самодовольного, любующегося собой аморалиста, и своеобразного, радостно упоенного, самодовольно улыбающегося атеиста»⁴.

Разрыв с писателями горьковского лагеря был неизбежен. В начале 1904 г. Миролубов получил коллективный протест, подписанный несколькими писателями, среди которых были Л.Н. Андреев, В.В. Вересаев, А.С. Серафимович. Они требовали удаления Волжского. Переговоры ничего не дали, и писатели горьковского круга из журнала ушли. На их место пришли символисты. Активно включились в работу журнала Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, С.К. Маковский. Вышедший в это время журнал-манифест петербургских символистов «Новый путь» имел 2500 подписчиков, поэтому возможность пропагандировать свое творчество и свои идеи в 80-тысячном журнале была очень важна для религиозных философов и писателей-модернистов.

В 1904 г. изменилось и оформление журнала, и соотношение материалов в номере. Почти половину журнальной книжки занимали поэзия и проза. Для современного читателя созвездие имен поэтов, публиковавших свои стихи на страницах журнала, — А.А. Блок, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, А. Белый, К.М. Фофанов, И.А. Бунин — кажется ослепительным, но в 1904 г. они не были так известны, многие только начинали свой творческий путь, их стихи были трудны для понимания даже интеллигентному читателю, не говоря о тех, на кого «Журнал для всех» был рассчитан. Очень пестрый состав был и в отделе прозы. Здесь еще можно было встретить ре-алистов А.С. Серафимовича, Е.Н. Чирикова, И.Д. Юшкевича, Д.Н. Мамина-Сибиряка, но рядом появлялись имена модернистов — М. Метерлинка, Аллегро и т.д. Практически исчезли научно-популярные материалы, но почти в каждом номере появлялись статьи С.К. Маковского, посвященные различным выставкам и творчеству художников и скульпторов, которые сопровождались иллюстрациями. Среди них работы, посвященные братьям Васнецовым, Н. Ре-риху (до его отъезда в Гималаи).

Даже по оформлению журнал превратился в некое подобие «Мира искусства»: украшенная орнаментом обложка, вынесенные на нее репродукции (в февральском номере картина В. Васнецова «Три царевны подземного царства»), игра сложных шрифтов в заголовках статей, которые с трудом читались. А рядом, в хроникальных отделах, поднимались очень важные вопросы: проблема земства и его роль в России, крестьянская жизнь в стране; в течение всего года, из номера в номер, публиковался труд А. Кизеветтера «Очерки по истории местного управления в России». В освещении событий русско-японской войны сказались старые традиции журнала. Очень подробно с демократических позиций оценивался ход военных действий, для своего не слишком подготовленного читателя журнал публиковал карты Дальнего Востока и Японии, различные диаграммы, давал характеристику экономики воюющих стран, анализировал состояние армии и флота. Помещались даже рисунки русских и японских кораблей, участвовавших в морских сражениях.

В 1904 г. в «Журнале для всех» разошлись по характеру и направлению литературная и хроникальная части издания, что для классического толстого журнала было совершенно невозможно. Тот факт, что в толстых журналах конца XIX — начала XX в. нарушалась идеологическая целостность издания, заметили многие исследователи. Но речь шла в основном об «ослаблении связей между общей идеологической платформой издания и литературно-критическим отделом». Когда такое «несовпадение» происходит внутри издания публицистического типа, оно не нарушает общей цельности издания, так как литературный материал занимает подчиненное место, а главные для журнала идеи содержатся в публицистических статьях.

«Журнал для всех» начал свою деятельность, может быть, не по воле издателя, как издание в первую очередь литературное. Литературный отдел завоевал внимание и любовь читателей за первые шесть лет издания. И переориентация этого отдела, несомненно, была воспринята и писателями, и собратьями журналистами, и читателями очень болезненно.

В июле 1904 г. Л.Н. Андреев писал В.С. Миролубову: «В настоящее время «Журнал для всех» занимает среднее положение между «Новым путем» и ортодоксально-прогрессивными органами печати, и невыгоды такого положения сказываются вдвойне: с одной стороны, его справедливо упрекают в уступках декадентству и теологическому идеализму, с другой — так же справедливо — в позитивизме и реализме... И это естественно: в такие боевые времена, как наше, только крайние мнения имеют шансы на успех, и все среднее, колеблющееся, примирительное

осуждено на полное невнимание и бессилие»⁵. Андреев очень точно определил главную особенность предреволюционного времени, когда накануне революционного взрыва складывались противоборствующие лагеря, по-своему видевшие пути развития России. В.С. Мироллюбов имел право на собственные размышления о смысле человеческой жизни, нравственности и красоте, но его предназначенный «для всех» журнал должен был отражать интересы своей аудитории, чаще всего настроенной оппозиционно к самодержавию, чтобы сохранить ее внимание и соответственно тираж. В.С. Мироллюбов это понял. В начале 1905 г. его подстегнули начавшиеся революционные события. В первый революционный год «Журнал для всех» стал одним из самых оппозиционных органов периодики.

В январе 1906 г. Мироллюбов получил письмо из села Лукино: «Не нарадуемся и не надивимся бодрости и смелости вашей борьбы с отжившим порядком. Работайте по созданию нового, мы на вашей стороне. Подписчик и читатели»⁶.

Осенью 1906 г. журнал был закрыт. В 1908 г. Мироллюбов уехал за границу, где принимал участие в издании эсеровского журнала «Заветы». В 1913 г., вернувшись в Россию, организовал «Ежемесячный журнал», в котором продолжал традиции своего первого издания.

Тип «Журнала для всех» в последующие годы пытались воскресить другие издатели. В архиве Главного управления по делам печати сохранились заявки на издание новых журналов и газет, в названиях которых повторялись слова «для всех»: «Иллюстрированный новый журнал для всех», «Старый журнал для всех», «Прежний журнал для всех», «Ежемесячный журнал для всех» и др.⁷

В 1908 г. в Петербурге начал выходить «Новый журнал для всех» с подзаголовком «Самый дешевый, ежемесячный, доступный широкой массе читателей». Он стоил 2 р. 20 коп. В объявлении была обещана льготная подписка сельским учителям, сельским священникам, рабочим и крестьянам. Состав участников, судя по объявлению, включал в себя почти всех известных писателей-реалистов и критиков марксистского толка. «Новый журнал для всех» выходил книжками большого формата по 60 — 70 страниц и издавался «по общему типу ежемесячников». Этот журнал совсем не исследован и судить о нем можно только по объявлениям, которые публиковались в других толстых изданиях.

Главное, что В.С. Мироллюбову удалось создать новый подтип толстого журнала в системе русских журналов, и его издание оставило по себе добрую память и полезный опыт.

«Современный мир»

- «Современный мир» после смерти А.И. Богдановича.
- Изменения программы и структуры журнала.
- «Современный мир» и социал-демократы.

После закрытия в августе 1906 г. «Мира божьего» в октябре та же редакция и тот же состав сотрудников выпустили журнал «Современный мир». В опубликованном «Извещении» говори-лось, что «по состоявшемуся соглашению между издателями журналов «Современный мир» и «Мир божий» всем подписчикам журнала «Мир божий» будут высылаться книги «Современного мира» до конца года или на все время приостановки журнала «Мир божий». Связь и преемственность этих изданий сомнений у читателей не вызывала.

М.К. Куприна-Иорданская рассказывала о спорах, которые вызвали в редакции поиски нового названия. Наконец решили воспользоваться опытом «Русского богатства», которое, в революционный период скрываясь от цензуры, стало называться «Современные записки». И «Мир божий» превратился в «Современный мир».

В первые годы журналу пришлось пережить трудные времена. А.И. Богданович умер в 1907 г., а Ф.Д. Батюшков не мог редактировать журнал, так как до 1908 г. находился под следствием по делу «Мира божьего». Суд состоялся в марте 1908 г., Батюшков был оправдан. Сложнее оказались трудности материального характера. А.А. Давыдова по завещанию оставила крупную сумму лите-ратурному фонду на благотворительные цели и на учреждение стипендии ее имени. Несмотря на расстроенные материальные дела, наследники решили завещание исполнить.

Это ставило «Современный мир» в очень тяжелое положение, возникали даже планы продажи журнала.

Весной 1907 г. в редакцию пришел Е.А. Ляцкий, критик, писавший до этого в «Вестнике Европы». Его идея самоценного искусства, безразличного к приносимой им пользе или вреду, шла вразрез со взглядами А.И. Богдановича в «Мире божьем». Ляцкий предлагал пересмотреть и тип журнала. Об этом писала М.К. Куприна-Иорданская в одном из писем: «Ляцкий... и остальная редакция непременно настаивают на историческом и историческо-литературном характере журнала, тщательно огораживаясь от статей общественно-политических»¹. Но эти планы не были осуществлены, им воспротивилась издательница и ведущие публицисты. Правда, изменения в структуре журнала все же последовали.

В новом журнале редакция изменила подзаголовок, он стал более традиционным: «Ежемесячный литературный, научный и политический журнал». Исчезли слова «для чтения» и «для самообразования», был почти упразднен отдел научных публикаций (единственным, кто не перешел в новый журнал, был В. Агафонов, руководивший научным отделом), литература, оставшаяся на высоком уровне, все же уступала публицистике и политике. В редакционном обращении «Современный мир» писал, что «журнал ставит своей задачей распространение среди своих читателей идей последовательного политического и социального демократизма и освобождения личности». «Современный мир» стал классическим типом толстого журнала с единым направлением. Еще в «Мире божьем» в ноябре 1905 г. В. Кранихфельд подчеркивал «идейную и моральную связь с русской социал-демократией, не предрешая вопроса об организационном слиянии с ней как с партией». «Современный мир» шел по пути других толстых изданий, которые либо пытались создать свои партии, либо поддерживали существующие. Не сразу, после двухлетнего переходного периода, «Современный мир» стал журналом открытой социал-демократической ориентации.

К 1908 г. сложилось ядро редакции. В него вошли М. Неведомский, В. Кранихфельд, В. Львов-Рогачевский. С мая 1909 г. был утвержден и новый редактор, работавший до того неофициально, — Н.И. Иорданский.

Н.И. Иорданский с 1899 г. стал социал-демократом, активным членом меньшевистской фракции, соратником Г.В. Плеханова. С 1903 г. начал сотрудничать в «Мире божьем». В апреле 1907 г. Н. Иорданский писал Г.В. Плеханову: «Теперь ваше участие тем более было бы важно, что со смертью старого редактора (Богдановича) с журналом необходимо провести некоторые реформы, ваше согласие сотрудничать облегчило бы проведение этих реформ в социал-демократическом направлении. Журнал, конечно, не станет официально партийным»².

Как и другие журналы «обычного русского типа», «Современный мир» не стал связывать свою программу узкими рамками партийных требований, да и сами социал-демократы, получив в распоряжение единственный толстый ежемесячник, пытались его сберечь, не подвергать опасности закрытия. Такая опасность была вполне реальной. «У нас в «Современном мире» очень напуганы цензурными и другими гонениями на «Звезду» (массовая большевистская газета, в издании которой активное участие принимал Н.И. Иорданский. — С.М.). Придется поэтому опять взять в журнале объективный тон надпартийного наблюдателя», — сообщал Н.И. Иорданский Плеханову в 1911 г.³

Цензурные тучи нависали над журналом постоянно. В 1907 г. цензор отмечал, что «Современный мир» — «орган ортодоксальных марксистов, что выражается в политических статьях журнала»⁴. Чтобы не подвергать журнал преследованиям, даже Г.В. Плеханов, который стал одним из основных авторов журнала, участия в редакционных делах, не принимал и не давал в легальное издание ни одной статьи, трактующей партийные проблемы. В «Современном мире» он печатал свои философские и культурно-исторические работы.

После 1905 г. вокруг Плеханова группировались так называемые меньшевики-«партийцы», которые отстаивали идею сохранения нелегальной партии, в то время когда часть социал-демократов, получивших название «ликвидаторы», считала, что надо сосредоточить все усилия на работе в Думе и ликвидировать нелегальные партийные структуры.

Против «ликвидаторов» выступали большевики во главе с В.И. Лениным. Это сблизило на время последователей Ленина и Плеханова, и в «Современный мир» пришли большевики. Начинают печататься В.В. Боровский и М.С. Ольминский, В.Д. Бонч-Бруевич и А.М. Коллонтай. Одну из своих работ отдал в журнал В.И. Ленин.

В 1910-х годах «Современный мир» оказался на время журналом, в котором печатались «все социал-демократы» без деления на группы и фракции. В это время в списке повременных изданий, распределенных Главным управлением по делам печати по направлениям, «Современный мир» отнесен к большевистским изданиям. В цензорском отчете за 1914 г. журналу дана следующая характеристика: «Современный мир» существует двадцать пятый год, рассматривал все вопросы с точки зрения интересов широких масс трудящихся. Журнал этот носит ярко демократический характер и должен быть причислен к числу оппозиционных»⁵. Из этой оценки следует, что для Главного управления не было секретом, что «Мир божий» и «Современный мир» тесно связаны между собой, поэтому речь идет о 25-летней деятельности издания.

Если соратником «Мира божьего» в первые годы было «Русское богатство», то «Современный мир» был идейно близок к большевистским массовым газетам «Звезде» и «Правде», вышедшим в свет в 1910 и 1912 гг. Н.И. Иорданский не только участвовал в организации «Звезды», но и входил от группы Плеханова в ее первую редакцию. Постоянный обозреватель «Современного мира» И. Ларский, который сотрудничал и в «Мире божьем», указан в списке сотрудников «Правды», опубликованном в первом номере газеты. По свидетельству М.К. Куприной-Иорданской, редакция «Современного мира» оказывала этим газетам услуги материального характера, помогала с типографией и бумагой.

Единое выдержанное направление было характерно для публицистических и политических отделов. Беллетристика не всегда согласовывалась с общественно-политической программой. В 1907 г. «Современный мир» опубликовал на шумевший роман М. Арцыбашева «Санин», крайне недоброжелательно встреченный передовой русской интеллигенцией. Эта публикация была расценена как измена прежним идеалам еще и потому, что роман, предложенный автором «Миру божьему», не был принят Богдановичем. Правда, «Санин» увидел свет в трудные переходные годы истории журнала, когда, видимо, в свет выпускалось все, что было в редакционном портфеле. В 1910-х годах отдел беллетристики украшали имена лучших русских писателей. Здесь печатается А.М. Горький и писатели-«знаньевцы». И. А. Бунин опубликовал в журнале одно из лучших своих произведений, которое и сам высоко ценил, повесть «Деревня». «Современному миру» давали свои произведения Л.Н. Андреев, В. В. Вересаев, С.Н. Сергеев-Ценский, И. С. Шмелев, А. С. Серафимович, Е.Н. Чириков и др.

В начале Первой мировой войны мир между большевиками и меньшевиками, до той поры существовавший в журнале, был нарушен. «Современный мир» поддержал точку зрения Г. В. Плеханова, который считал, что поражение России в войне окажет негативное влияние на освободительное движение. Журнал занял «оборонческую» позицию в противовес призыву большевиков способствовать поражению собственного правительства в империалистической войне. «Современный мир» подвергся резкой критике В. И. Ленина. По этой причине журнал долгое время не изучался, так как считался меньшевистским, т.е. враждебным политике большевиков.

После февраля 1917 г. «Современный мир» стал выразителем идей группы Плеханова «Единство», в январе 1918 г. был закрыт.

«Русская мысль»

- «Русская мысль» гольцевского периода.
- «Русская мысль» под руководством П. Б. Струве.
- В. Я. Брюсов в «Русской мысли».

«Русская мысль» 38 лет без перерыва издавалась в России, затем переместилась в Прагу, а позже в Париж, где просуществовала до 1924 г., в 1927 г. возобновилась, но не надолго. Под

одним названием в России издавались фактически два разных журнала, настолько резко отличалась «Русская мысль» так называемого гольцевского периода (1880- 1906) от издания, во главе которого после смерти В.А. Гольцева стали П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.А. Кизеветтер и др.

В.А. Гольцев — профессор Московского университета, отстраненный от преподавания, в 1893 г. был арестован, находился под постоянным полицейским надзором. С 1881 г. стал ответственным секретарем «Русской мысли», с 1885-го — ее редактором.

На судьбу издания повлияло закрытие в 1884 г. «Отечественных записок» — передового русского журнала. Подписчиков «Отечественных записок» М.Е. Салтыков-Щедрин передал «Русской мысли», то же самое сделал закрывшийся в 1895 г. журнал «Артист». В «Русскую мысль» перешли и оставшиеся без трибуны сотрудники «Отечественных записок» — Г. Успенский, Н. Михайловский. И хотя до конца своим этот журнал они не считали (Н. Михайловский и С. Южак ушли в 1892 г. в «Русское богатство»), их сотрудничество превратило «Русскую мысль» в один из самых известных журналов 80-х годов. Тираж его составлял около 15 тыс., что для конца века было достаточно много.

По структуре и составу номера «Русская мысль» была типичным журналом «обычного русского типа». Публицистические и научные материалы занимали иногда до половины журнальной площади. Статьи по истории, естествознанию, политическим и экономическим проблемам были написаны на высоком научном уровне. Основной фигурой в отделе популяризации науки был К.А. Тимирязев.

Литературный отдел вобрал в себя весь цвет отечественной беллетристики. Журнал отдал дань и полемике с марксизмом, что было характерно для изданий народнической ориентации. Все годы своего существования журнал пропагандировал конституционные идеи, доказывал необходимость коренных реформ. После образования партий В.А. Гольцев примкнул к кадетам.

После смерти В.А. Гольцева в 1907 г. «Русская мысль» перешла в руки П.Б. Струве, соиздателем стал А.А. Кизеветтер. Кардинально изменился состав редакции. В публицистические отделы пришли А.С. Изгоев, Н.А. Бердяев, В.Д. Набоков, в литературном начинают активно работать Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Ф.К. Сологуб, позже В.Я. Брюсов.

История обновленной «Русской мысли» начинается с первого номера за 1908 г. В редакционном заявлении говорилось о том, что журнал не предполагает иметь строго выдержанное единое направление, «отстаивая со всей силой убеждения начала конституции и демократии... в то же время в вопросах общекультурного характера охотно представляет страницы журнала таким статьям, в которых читатель найдет хотя бы и не совпадающую со взглядами редакторов, по серьезную, оригинальную и свежую постановку выдвигаемых жизнью проблем». Журнал сознательно и достаточно демонстративно отказался от главной гордости толстых изданий XIX в. — единого выдержанного направления, объявляя критерием выбора материала для публикации — «оригинальную и свежую постановку проблем».

Это объяснялось, возможно, желанием П.Б. Струве отмежеваться от кадетов как политической организации. Журнал не должен быть органом ни одной партии — это поняли все сотрудники толстых изданий. Тем более что среди рядовых членов партии кадетов нарастало недовольство деятельностью ее лидера — П.Н. Милюкова. Один из кадетов в письме к Струве от 7 июня 1907 г. назвал Милюкова «полновластным, гипнотизирующим лидером». С большим преимуществом победившая на выборах в I Государственную думу партия начала сдавать свои позиции, и некоторые считали, что причиной этого являлись строгая дисциплина и единоначалие, царившие в партийных рядах. Именно эта дисциплина и непререкаемость мнений Милюкова не дают пробиться свежим силам и идеям, заставляют рядовых членов выполнять не всегда верные решения центра¹.

Один из основателей партии — П.Б. Струве — в это время начинает расходиться с кадетами, что возможно и заставило опытного публициста начать издавать собственный журнал, а не ограничиваться сотрудничеством в многочисленных кадетских изданиях. П.Б. Струве постоянно подчеркивал, что «Русская мысль» «не есть журнал какой-нибудь партии или даже направления. Наоборот, насколько это зависит от меня, я стремлюсь освободить журнал от

всякого «направленства» и сделать его органом свободной мысли. Делаю это замечание ввиду того, что часто — на основании имен редакторов журнала — его называют «кадетским»².

В январском номере за 1908 г. (первом под новой редакцией) была опубликована статья Струве «Великая Россия». В ней автор предложил «национальную идею» современной России, которая приведет страну к расцвету. Он призвал к «примирению» власть, интеллигенцию и парод. В еще не остывшей от бурь и крови революционных дней стране, в период реакции призыв этот вызвал возмущение и неприятие. Тем более что Струве активно поддержали крупные промышленники, которые начали использовать предложенные издателем «Русской мысли» планы создания Великой России.

Группа активных авторов журнала, проанализировав только что закончившиеся события первой русской революции, пересмотрела свои прежние взгляды и на страницах «Русской мысли» высказала идеи, получившие дальнейшее развитие в 1909 г. в нашумевшем сборнике «Вехи».

В предисловии к этому сборнику историк литературы М.О. Гершензон отметил, что статьи, вошедшие в него, написаны «с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны. Революция 1905 — 1906-го гг. и последовавшие за ней события явились как бы всенародным испытанием тех ценностей, которые более полувека как высшую святыню блюла наша общественная мысль»³.

М.О. Гершензон также отметил, что авторы, соединившиеся в книге «для общего дела», иногда расходятся между собой в основных вопросах, но их свела вместе невозможность «молчать о том, что стало для них осязательной истиной», в надежде на то, что их идеи найдут отклик у читателей.

Но, как сказано выше, этого не случилось. «Вехи» вызвали бурю, немногие одобрительные отзывы затерялись в общем хоре осуждения. Наиболее резкие отповеди звучали со страниц социал-демократических изданий, и в первую очередь со стороны «Современного мира», который не скупился на самые нелюбезные оценки и Струве, и его журнала, и авторов сборника. В.И. Ленин под псевдонимом В. Ильин в газете «Новый день» опубликовал статью «О Вехах» (которую изучали впоследствии десятки лет, не читая сам сборник), где назвал книгу «энциклопедией либерального ренегатства». Резко осудили «Вехи» А.В. Пешехонов в «Русском богатстве». В защиту сборника выступил А.А. Столыпин, брат П.А. Столыпина — министра внутренних дел, опубликовавший свой отзыв в «Новом времени», и архиепископ Антоний в газете «Слово», что добавило масла в огонь критики.

Вероятно прав был А. Белый, откликнувшийся на появление сборника статей в «Весах», где писал: «Отношение русской прессы к «Вехам» унижительно для самой прессы; как будто отрицается основное право писателя: правдиво мыслить; с мыслями авторов «Вех» не считаются; мысли эти не подвергаются критике: их объявляют попросту ретроградными... тут применима система застрашивания и клевета... «Вехи» подверглись жестокой расправе со стороны русской критики; этой расправе подвергалось все выдающееся, что появлялось в России. Шум, возбужденный «Вехами», не скоро утихнет; это показатель того, что книга попала в цель»⁴.

Пророчество А. Белого сбылось: в 1991 г. «Вехи» несколько раз были перепечатаны, снова стали предметом обсуждения, и, к счастью, серьезный анализ идей авторов сборника заглушил голоса идейных недоброжелателей.

Свободу мнений, отказ от единого направления П.Б. Струве демонстрировал в своей редакторской практике. Главным в журнале он считал публицистику, признавая необходимость литературного отдела как уступку нетребовательному читателю, именно в его работе стремился проявить широту взглядов, пригласив в качестве заведующих отделом беллетристики сначала Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, а потом В.Я. Брюсова. Символисты в это время превратились в заметное явление русской культуры, самые талантливые его представители создавали значительные, принимаемые публикой произведения, поэтому журнал открыл для них двери, что тоже было нетрадиционно для толстого издания.

Первый номер начинался драмой Д. Мережковского «Павел I», а в критическом отделе публиковались едкие и острые заметки Антона Крайнего - З.Н. Гиппиус. Но с Мережковскими Струве не сработался, и в 1910 г., когда он стал единоличным владельцем журнала, в «Русскую

мысль» в качестве руководителя отдела беллетристики и критики пришел В.Я. Брюсов.

Журнал издавался в Москве, где жил Брюсов, а Струве находился в Петербурге. Поэтому вся черновая редакционная работа легла на поэта: ему приходилось заниматься составлением планов номеров, вести переписку с авторами, размещать объявления о подписке и т.д. Правда, Брюсов уже имел большой опыт организационной журналистской работы, он был вдохновителем и основным сотрудником символистского журнала «Весы» и пытался вести его в соответствии со своими понятиями о типе журнала-манифеста, но это ему не удалось. Придя в «Русскую мысль», Брюсов хотел в этом толстом издании воплотить свое представление о русском журнале, каким он хотел его видеть.

Естественно, что поэт и писатель свое видение журнала связывал с деятельностью литературного отдела. Но основой издания Брюсов считал не беллетристику, а критику. Он писал Струве в сентябре 1910 г.: «Критике (и неразрывно связанной с пей библиографии) я придаю в журнале очень большое значение. В отделе так называемой беллетристики порой приходится... уступать желаниям читателей, ищущих прежде всего «чтения». В критике журнал может быть го-раздо более самостоятельным, не идти за читателями, а вести их»⁵.

Уделяя первостепенное внимание критике, Брюсов много работал и над беллетристикой, публикуемой журналом. Он пытался определить, чем отличается произведение, публикуемое на журнальных страницах, от напечатанного в книге или сборнике. «Журнал не книга, он не может ждать своих читателей и должен давать то, к чему в данную минуту подготовлена его аудитория». Брюсов учитывал психологическое состояние читателей, предлагал соединить серьезное и легкое чтение, без которого «мы запугаем читателя, особенно провинциального»⁶.

Переписка Струве и Брюсова, весьма интенсивная, сохранила интересные оценки разных авторов и их произведений, даваемые Брюсовым как редактором отдела беллетристики. Но Струве не всегда поддерживал своего заведующего литературной частью журнала. Разрыв был неизбежен, и произошел он из-за романа Андрея Белого «Петербург». В.Я. Брюсов практически заказал Белому роман именно для «Русской мысли», но, прочитав его, Струве, литературные вкусы которого были достаточно традиционны, печатать «Петербург» отказался. Брюсов из журнала ушел, его место заняла Л.Я. Гуревич — литературный и театральный критик, в прошлом издательница уже закрывшегося журнала «Северный вестник», который первым среди толстых изданий начал публиковать символистов. Кроме того, Струве перевел «Русскую мысль» в Петербург, и москвичу Брюсову стало трудно заниматься редакторской работой.

Таким образом, В.Я. Брюсов пытался реформировать структуру традиционного публицистического толстого журнала, вывести на первые позиции литературно-критические отделы. Но поскольку основной задачей «Русской мысли» под редакторством Струве оставалось переосмысление идей, которыми на протяжении века жила русская интеллигенция, попытка Брюсова оказалась преждевременной. Литература и критика вышли на первое место в толстом журнале в советское время, когда публицистические отделы практически исчезли из журнальных книжек.

«Русская мысль» периода П.Б. Струве изучена недостаточно. Несмотря на множество оценок, чаще всего негативных, разбросанных по разным работам, комплект полностью внимательно не прочитан; мало известен журнал парижского периода⁷.

«Современник» и «Летопись»

- Попытка воссоздания «Современника» Н.А. Некрасова.
- План А.М. Горького по преобразованию журнала.
- Первая мировая война и журнал «Летопись».

В 1911 г. в Петербурге вышел ежемесячный литературно-политический журнал «Современник» с сатирическим отделом «Свисток». Эти два соединенных вместе названия должны были воскресить в памяти читателей знаменитый журнал Н.А. Некрасова. Чтобы подчеркнуть преемственность изданий, журнал открывался статьей М.А. Антоновича, известного обозревателя «Современника» 60-х годов. Идея создания журнала принадлежала А.В.

Амфитеатрову, который после первой русской революции жил за границей, писал романы и занимался издательской деятельностью как за рубежом, так и в России.

Выход журнала очень обеспокоил Главное управление по делам печати. «Возрожденный в 1911 г. после полувекового перерыва «Современник» является одним из радикальнейших органов русской повременной печати, — отмечал цензор. — Он пытается возродить идеалы Герцена, Чернышевского, Добролюбова и Лаврова, объединить писателей русской левой, независимо от их партийных и фракционных различий»¹.

Амфитеатров хотел воссоздать дух классического оппозиционного издания. Но уже в программе, опубликованной в первом номере, задачи журнала формулировались противоречиво. «Из всех девизов старого «Современника», воскрешаемых нашей программой, самое дорогое для нас — многогранное слово Реализм. В художественной литературе, в критике, в науке, в общественности, в политике мы будем строго держаться того реалистического мировоззрения, которым неизменно дышали все славные эпохи русского прогресса, и тех реалистических методов, которыми двигался прогресс»². Программа предусматривала достижение цельного идеологического направления нового журнала, но что такое реализм в философии, политике, общественности оставалось неясным.

Замечание цензуры о том, что журнал ставил целью объединение русской левой оппозиции, соответствовало действительности. Но в обстановке острейших дискуссий, разгоревшихся среди левой интеллигенции в 1910-е годы, попытка объединить всех вокруг одного журнала была обречена на провал. Левых, как и правых, разрывали острейшие противоречия: «ликвидаторы» и «отзовисты» спорили с «партийцами»; «махисты», провозгласившие принципы коллективистской философии взамен авторитарности, и «богостроители» враждовали с ортодоксальными марксистами, наследники народников — эсеры, трудовики, энесы полемизировали с социал-демократами, писатели-реалисты с модернистами и т.д. Постепенное нарастание революционных настроений в обществе после тяжелейшей реакции заставляло группы и партии самоопределяться, в новых условиях выработать новую тактику, и этот процесс сопровождался расколами и расхождениями. Время для объединения всех оппозиционных сил было выбрано явно неудачно. И все же журнал, задуманный Амфитеатровым, просуществовал четыре года, и его история — это не только поиск одного направления, но и выработка своего типа.

В первые полгода «Современник» успеха не завоевал, и Амфитеатров решил пригласить опытного издателя и известного журналиста, которые смогли бы поправить дела. Ими стали В.С. Миролюбов — бывший издатель «Журнала для всех» и лидер эсеров В.М. Чернов, которые после закрытия журнала «Заветы» искали новое дело.

В.М. Чернов написал свою программу, где требование реализма осталось только в сфере литературы и искусства; общественно-политические идеалы, очень осторожно выраженные, совпадали с программами левых партий. Правда, и В.М. Чернов, и В.С. Миролюбов скоро из «Современника» ушли, а в январе 1912 г. отказался от издания и сам А.В. Амфитеатров.

В феврале журнал перешел к В.А. Ляцкому. Возглавить издание он предложил Горькому, в качестве сотрудника пригласил Плеханова. Снова поменялась программа: журнал заявил о своей беспартийности, о желании стать трибуной для всей левой оппозиции, приглашал социал-демократов к сотрудничеству. Горький, согласившись сотрудничать, предложил перестроить журнал по-своему. Наброски этой программы сохранились в архиве писателя.

Программа не была осуществлена, но она представляет интерес с точки зрения того, как русские писатели пытались реформировать журнал «обычного русского типа». А.М. Горький возлагал особые надежды на отдел беллетристики, по одним из основных считал также провинциальный отдел, которому предложил дать название «Летопись областной жизни». Там предполагалось показать необходимость организации России «на началах широкого федерализма» в противовес идеям централизма. Писатель считал, что широкий областной отдел позволит журналу стать общероссийским изданием. Если вспомнить, что в «Вестнике Европы», например, в эти годы тоже расширился провинциальный отдел, станет ясно, что идеи Горького базировались на знании реалий времени, когда роль провинции в русской жизни значительно усилилась.

Научный отдел должен был отражать развитие научной мысли в России и за границей, в

основном, в области химии и физики. Горький видел преимущественное развитие естественных наук. В разделе «Библиография» по плану должны были помещаться не отдельные рецензии, а статьи, в которых на основе анализа выпущенных за определенный период времени книг можно было бы показать психологию общества. Такие обзоры предполагалось посвящать не только литературным произведениям, но и трудам по истории, праву, экономике и т.д. Отдел «Хроника заграничной жизни», помимо обзоров основных событий в мире, должен был сообщать о культурной жизни разных стран. Кроме того, А.М. Горький предполагал возобновить и сатирический отдел.

К сожалению, перестройка журнала не началась, тиражи упали с 5 до 3 тыс. экземпляров, и в 1913 г. Горький принял решение о разрыве. «Так нельзя вести журнал, — писал он в редакцию. — Если «каждый молодец» будет писать «на свой образец», то редакция окончательно сведет с ума русского читателя, который все же смотрит на журнал серьезными глазами и ждет от него знаний, а не мнений, выводов солидных, построенных на фактах, а не субъективных фантазиях»³. Горький очень точно определил основное требование читателя к журналу: солидные, основанные на фактах знания, а не мнения. Как сказано выше, мнения начинают выходить на первое место в газетах, а традиционный журнал продолжает оставаться поставщиком знаний.

План перестройки «Современника», предложенный Горьким, свидетельствует о том, что русские писатели никогда не рассматривали журнал только как место публикации своих произведений, им было безразлично, где сотрудничать, и они хорошо представляли предназначение журнала «обычного русского типа».

В 1913 г. «Современник» возглавил Н. Суханов (Н.Н. Гиммер) — член партии энесов, сотрудничавший ранее в «Русском богатстве». Суханов снова пытался преобразовать журнал, сделав его общественно-политическим за счет сокращения литературного отдела. Для большей оперативности «Современник» начал выходить два раза в месяц, но постоянная смена редакций (за пять лет — четыре редакции), обреченные на провал попытки объединить марксистов и народников, большевиков и меньшевиков под крышей одного издания привели к тому, что в октябре 1915 г. журнал был закрыт.

Многие сотрудники «Современника» перешли в журнал «Летопись», появившийся в декабре 1915 г. Несмотря на то что он выходил всего два года, это издание довольно хорошо изучено⁴. Во-первых, потому что созданная по инициативе А.М. Горького «Летопись» считалась горьковским изданием (а это всегда привлекало советских исследователей), во-вторых — то был практически единственный солидный журнал, пропагандировавший «пораженческие» идеи большевиков во время войны.

Открывался первый номер нового журнала (декабрь 1915 г.) статьей А.М. Горького «Две души», вызвавшей резкую критику соратников писателей и социал-демократов. В советской литературе эта статья часто упоминалась, ее всегда называли ошибочной, но ни в одно из «полных» собраний сочинений писателя она никогда не включалась.

Задумывая «Летопись», Горький ставил перед собой две задачи: во-первых, борьбу за интернациональность; во-вторых, «борьбу со всеми остатками азиатчины в нашей жизни». Борьбе с «азиатчиной» и была посвящена статья «Две души». «Катастрофа, никогда еще не испытанная миром, сотрясает и разрушает жизнь именно тех племен Европы, духовная энергия которых наиболее плодотворно стремится к освобождению личности от мрачного наследия изжитых, угнетающих разум и волю, фантазий древнего Востока...», — так начал свою статью писатель. По его мнению, «ум дряхлого Востока наиболее тяжело и убийственно действует в нашей русской жизни». Его влияние на русскую психику более глубоко, чем на психику людей Западной Европы. «У нас, у русских две души: одна — от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя... а рядом с этой бессильной душой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, по недолго гореть, быстро угасая, и мало способна к самозащите от ядов, привитых ей, отравляющих ее силы»⁵.

В этой статье Горький высказал свой взгляд на проблему, волновавшую философов рубежа XIX и XX вв.: в России, занимающей срединное положение между Востоком и Западом, какая из сил определяет своеобразие жизни и особенности национального характера? В.С. Соловьев

считал, что свет с Востока оживит дряхлеющий Запад. Д.С. Мережковский боялся восточного влияния на русскую духовность. Горький, вероятно, слишком пессимистично оценивал влияние восточного деспотизма, смирения и аскетизма на русскую жизнь и национальный характер, но главная идея его статьи была ясна: «Победители начинают бояться разума, которым они пользо-вались как оружием и силу которого хорошо знают; побежденные же сомневаются в силе разума... Страх перед разумом вызывает у победителей стремление подорвать его силы». Горький считал, что если в мировой войне победит Россия, она принесет на деятельный разумный Запад восточную косность и отрицание разума. Он пытался доказать справедливость требования поражения собственного правительства в империалистической войне не только с политической, но и с психологической точки зрения.

Такое преувеличение влияния худших качеств Востока на русскую душу вызвало неприятие многих, в том числе соратников и единомышленников писателя. В 1-м номере «Современного мира» за 1916 г. выступили Л. Андреев со статьей «О «Двух душах» Максима Горького» и Е. Чириков, назвавший свой отклик «Неразбериха». Высказав справедливые замечания, они приписали Горькому «беспросветный пессимизм» и обвинили его чуть ли не в пособничестве милитаристской Германии. Обе статьи были подробно пересказаны во многих газетах и журналах, радостно сообщавших о разрыве Горького и социал-демократов. И Чириков, и Андреев были убежденными «оборонцами», идеи «пораженчества», прозвучавшие в статье Горького, вызвали их резкий отпор.

Скрытая полемика с Горьким звучала и в статье Л.Н. Андреева «Горе побежденному!», опубликованной в 1-м номере газеты «Русская воля» за 1916 г. В качестве названия Андреев использовал возглас царя галлов Брена, который в 388 г. до н. э. победил римлян и наложил на них огромную контрибуцию. Андреев не принимал «пораженчества», он доказывал, что поражение ведет к жестокости, насилию над слабым, у побежденных возникает потребность «обвинять в своем несчастье соседа и весь мир, клясть судьбу, выискивать предателей и в темных подозрениях искать убежище для своей темной тоски»⁶. Основная мысль статьи — «вне победы для нас нет спасения». В отношении к войне разошлись не только разные фракции социал-демократов, но бывшие прежде друзьями и единомышленниками писатели.

А.М. Горький ответил своим критикам в «Письме к читателю», опубликованном в 3-м номере «Летописи». Он отказался спорить с «собратями по перу», но попытался объяснить, почему он на-писал свою статью. «Я знаю, также, что я плохой публицист, — писал он, — я не считаю себя человеком, призванным поучать до смерти заученных людей, но я человек, кое-что переживший, знающий русскую жизнь не меньше любого из моих противников, и я желал бы сообщить результаты «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»⁷. К идеям, высказанным в статье «Две души», Горький еще раз вернулся после февраля 1917 г., упомянув о том, что он продолжает так же думать в «Несвоевременных мыслях», опубликованных в оппозиционной большевикам газете «Новая жизнь».

А.М. Горький был создателем, вдохновителем и одним из основных сотрудников «Летописи», по в свидетельстве об издании его имя не упоминалось. Работу вели А. Тихонов, Н. Суханов, В. Ба-заров, Б. Авилов и др. Представители разных партий и течений, они сблизилась с большевиками в отношении к войне. По своему типу «Летопись» была обычным «толстым» изданием с отделом беллетристики, которым руководил Горький, научным отделом, где главную роль играл К.А. Тимирязев, внутренним обозрением, библиографией и т.д. Традиционные отделы иногда исчезали, появлялись новые, по тип журнала не менялся.

Достаточно разнородный состав «Летописи», которая тоже хотела объединить всех социал-демократов, вызывал разногласия внутри редакции. Цензура считала «Летопись» журналом «с резко оппозиционным направлением с социал-демократической окраской»⁸. Обращала внимание на журнал и военная цензура. Февральская революция спасла журнал от преследования самодержавного правительства, но в декабре 1917 г. он был закрыт.

Толстый журнал, традиционный для системы русской журналистики XIX в., несмотря на сильную конкуренцию со стороны газет, вопреки повсеместным разговорам о смерти

классического ежемесячника, продолжал играть важную роль в прессе начала XX в. Но в новых общественных условиях журнал «обычного русского типа» вынужден был меняться, приспосабливаться к требованиям времени. Становилось другим и соотношение в журнальной книжке литературного сборника, политической газеты и энциклопедии. Все больше внимания редакции начинали уделять хронике, стараясь успеть за быстротекущими событиями.

Процесс переориентации толстого журнала, ярко проявившийся в деятельности отдельных изданий, к сожалению, не завершился, его прервала революция октября 1917 г.

Тонкий еженедельник и его роль в журналистике начала XX в.

К 1913 г. почти треть системы русской журналистики составляли тонкие еженедельники — компромиссный тип журнального издания, в наибольшей степени отвечавший задачам прессы в сложный период войн и революций. Тонкий еженедельный журнал соединял в себе черты ежедневной газеты и толстого ежемесячника. Еженедельный выход позволял быстрее, чем журнал «обычного русского типа», откликаться на события. В то же время гораздо больший, чем у газеты, объем и возможность дольше готовить и обдумывать материал давали еженедельнику то преимущество «обобщающего освещения», которым гордились толстые издания. Развитие технических возможностей позволило еженедельному журналу ввести в состав номера как обязательный компонент иллюстрации. Еженедельник как тип периодики издатели выбирали для самых разных целей: для семейного чтения, для самообразования, для популяризации науки, для разных аудиторий, например женской и детской.

- Общественно-политические еженедельники.
- «Нива».
- «Вокруг света».
- «Природа и люди».
- Журналы для самообразования.
- Союз подписчиков «Вестника знания».
- «Вестник и библиотека для самообразования».
- Сатирическая журналистика в годы первой русской революции.
- Журналы «Сатирикон» и «Новый сатирикон» и их сотрудники. А. Аверченко.

В мае 1906 г. журнал «Современная жизнь» писал: «Характер времени обусловил сильное развитие особого рода периодической печати — мелких, преимущественно еженедельных жур-налов. Они явились как бы компромиссом между двумя прежними основными типами журналистики: ежедневной газетой и толстым ежемесячным журналом. С одной стороны, острый характер текущего общественного кризиса требовал от печати приближения к жизни, быстроты реакции на злобу дня, подвижной энергии газеты. С другой стороны, глубина и сложность задач, выдвинутых кризисом с его путаницей политических и социальных групповых интересов, требовали серьезного научного освещения вопросов, той основательности, какой обладали ежемесячники. В результате мы видим необычайное развитие этой промежуточной, «революционной» журнальной формы — еженедельника»¹. В статье под названием «Мелкие журналы», из которой и приведена цитата, было перечислено несколько десятков еженедельников, появившихся в конце 1905 г., т.е. в разгар революции.

Тип еженедельного журнала не был новым для системы русской прессы. Еженедельники существовали в XVIII в., расцвет их пришелся на 50 — 60-е годы XIX в. Но в 1900 — 1917 гг. «примерно треть выпускаемых периодических изданий приходилась на долю еженедельников»².

В XIX в. отделения газеты от журнала еще не произошло, и общей особенностью еженедельников была только периодичность — раз в неделю. После революции 1905 г. еженедельники представляют только журналы.

Постепенно выработалась форма подобного издания: тонкий журнал в 50 — 60 страниц. Обязательными для него были: «...наличие иллюстраций в качестве самостоятельных материалов издания; обязательный беллетристический отдел; компилятивные обзоры публикаций за неделю по различным общественно-политическим вопросам»³.

Таким образом, от толстого издания остался отдел беллетристики, без романа или рассказа русский читатель журнал не воспринимал. Компилятивные обзоры событий утратили основательность журнальных обзоров, но и не превратились в простую газетную информацию. И наконец, иллюстрации стали самостоятельным содержательным компонентом журнала. Они постепенно выходили на журнальные страницы в виде рисунков и репродукций, а с развитием техники, когда в России научились делать клише с фотографий, вышли и на страницы газетные. В еженедельниках иллюстрации играли самостоятельную роль, не всегда подчиненную основному тексту. Для читательской аудитории подобного типа периодики важна была и его невысокая цена. Выход каждого еженедельника в «свой» день недели тоже был удобен читателям, создавался практически непрерывный журнальный поток, и человек в соответствии со своими интересами и свободным временем мог выбирать, какой журнал ему читать. Была занята почти вся неделя, нарушений срока выхода не допускалось. Появился даже термин — «понедельничная пресса» — почему-то журналы, выходившие в понедельник, считались беспринципными, пустыми, часто они были охранительного толка.

Значительную роль играли еженедельные журналы, появившиеся в конце XIX в., особенно такие, как «Нива», «Родина» и различные иллюстрированные и развлекательные издания.

Тип еженедельников, завоевавших русскую журналистику в революционный период, сначала отличался от классического типа подобных изданий. В первую очередь в 1906 г. получили распространение общественно-политические еженедельники, аналогов которым в прежние времена практически не было. Именно их журнал «Современная жизнь» и включил в свой перечень в упомянутой выше статье. Пионером среди подобных изданий стал издаваемый П.Б. Струве с декабря 1905 г. журнал «Полярная звезда», вокруг которого возникла партия кадетов. Его название указывало на преемственность от изданий К.Ф. Рылеева и А.И. Герцена, но тип, по заявлению редакции, был новым для России типом политического еженедельника, в котором использовался опыт западноевропейских политических изданий.

В списке журналов, приведенных «Современной жизнью», обращает на себя внимание одна особенность: тип еженедельника широко использовали левые партии — социал-демократы и эсеры. Возможность более быстрого, и в то же время более аргументированного разговора с читателем привлекала внимание левой оппозиции, которая стремилась заручиться поддержкой рабочих («Рабочая мысль», «Рабочий вестник», позже «Работница»), и представителей различных профессий («Вопросы страхования», «Голос булочника», «Печатник», «Нужды деревни» и т.д.).

Достаточно много еженедельников издавали кадеты. Они использовали этот тип периодики для выработки тактических, стратегических и даже философских программ. «Наша мысль», «Вестник жизни», «Истина», «Народный вестник», «Без заглавия», издаваемый известными деятелями кадетского лагеря Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичем, с разных точек зрения оценивали революционные события, пытались выработать политику общественных групп, рупором которых являлись. Одним из самых известных и, кстати, изученных впоследствии, был «Московский еженедельник», который редактировал философ-идеалист князь Е.Н. Трубецкой, со-бравший вокруг своего журнала много интересных представителей русской идеалистической философии.

Эти журналы по типу еще не были традиционными еженедельниками: в них отсутствовал отдел иллюстраций, но и время существования их было ограничено. Под ударами цензуры политические еженедельники довольно быстро исчезли.

Все более заметную роль в системе русской журналистики начали играть издания для семейного чтения, научно-популярные, развлекательные, сатирические, спортивные, женские, детские, отраслевые, профессиональные и т.п.

Одним из самых известных еженедельников, оставшихся и в памяти потомков, стала знаменитая «НИВА». У журнала был самый высокий тираж, какой когда-либо имела журнальная периодика в России, — 250 тыс. экземпляров в 1901 г. В домашних библиотеках наших современников сохраняются полные собрания сочинений русских и зарубежных писателей, сборники стихов и рассказов, альбомы репродукций с картин, издававшиеся «Нивой» в качестве приложений.

«Нива» просуществовала около 50 лет (1870 — декабрь 1917). Издателем был А.Ф. Маркс — глава известной издательской фирмы. «Нива» была его главным и любимым детищем. Журнал создавался по типу немецкого Gartenlaube и предназначался для чтения в семейном кругу. Таким образом, это издание открыло целый ряд журналов «для семейного чтения».

В конце 1904 г., в номере, посвященном памяти умершего А.Ф. Маркса, один из сотрудников журнала З. Рогозин так определил тип семейного журнала: «Что такое собственно семейный журнал? В чем его задача? Задача несомненно воспитательная в самом широком смысле этого слова. В сущности ее даже можно бы назвать продолжением школы. Идеал, который преследует семейный журнал, сознающий все значение своей просветительской миссии, заключается в том, чтобы заурядная семья, более или менее поглощенная житейскими заботами и добыванием насущного хлеба и, следовательно, не имеющая возможности уделять много времени и средств на чисто культурные цели, выбрав себе один орган общения с отечественной и мировой жизнью, находила в нем настолько солидную пищу, чтобы не отощать, от современности не отстать и в то же время не терять и понимания вечных начал этики и красоты. В духовном бытии человека преобладают два элемента — любознательность и чувство или на простом языке — «ум и сердце». Семейный журнал должен с обоими ровно считаться, удовлетворять первую своим фактическим и научным содержанием, второе — хорошей беллетристикой... В семье каждый член, кроме общих интересов, общих фамильных черт, имеет свои особые занятия, задачи, вкусы. Хорош тот семейный журнал, в котором каждый находит «свое» и в то же время расширяет свой кругозор, область того, что возбуждает его любопытство и участие»⁴.

В задачи журнала входило, таким образом, предоставить пищу и «уму и сердцу», и пищу не только сиюминутную («не отощать, от современности не отстать»), но и духовную — воспитать в человеке «понимание вечных начал этики и красоты». Для «ума» — общественное и научное содержание, для «сердца» — беллетристика.

Своей программы журнал строго придерживался. Критерием отбора материалов для публикации служили интересы «заурядной семьи», у которой нет средств для покупки большого количества книг и журналов. А.П. Чехов называл такого читателя «пестрым». «Пестрый читатель»... если и не образован, то хочет и старается быть образованным, он серьезен, вдумчив и неглуп»⁵. Для такой аудитории «Нива» стремилась стать единственным журналом. Малоимущая семья «получает только «Ниву», читает только «Ниву», но читает ее всю — и не только прочитывает, но можно сказать, изучает». Эту задачу (заменить все остальные органы периодики) журнал старался выполнять постоянно, особую роль играли его разнохарактерные приложения.

За почти полвека редакторы часто менялись, имена их почти забыты: поэт и прозаик А. Луговой, писатель князь М.Н. Волконский, литературовед Р.И. Сементковский и др. Литературный отдел не блистал знаменитыми именами, хотя в нем появлялись произведения Н.С. Лескова, И. Потапенко, Д.В. Григоровича. Журнал специализировался на исторических романах с авантурным сюжетом, авторами которых часто были князь М.Н. Волконский и графиня Е.А. Салиас.

С марта по декабрь 1899 г. «Нива» печатала роман Л.Н. Толстого «Воскресение». Некоторые современные исследователи относятся к этому факту с недоумением: почему свой последний роман, в котором он любил мысль о будущем России, великий русский писатель отдал в такой «несерьезный» журнал? Возможно, Л.Н. Толстого привлек именно тираж «Нивы», дававший возможность прочитать роман сотням тысяч обыкновенных, но «серьезных, вдумчивых и неглупых» людей.

Очень интересен был отдел биографий и характеристик выдающихся лиц современности и исторических деятелей. Только за первые 30 лет существования «Нива» поместила на своих страницах 2131 биографию: очерки о В.Г. Белинском, Т.Н. Грановском, И.А. Крылове, Л.Н. Толстом, М.Ю. Лермонтове, А.С. Пушкине, У. Шекспире.

В географическом и этнографическом отделах публиковались иллюстрированные статьи по археологии, естествознанию, астрономии, медицине. Существовали также отделы «Технические изобретения и открытия», «Политическое обозрение», традиционная для русских журналов «Смесь». Был в журнале и своеобразный раздел «К рисункам», где комментировались

помещенные в номере репродукции с картин русских и европейских художников или иллюстрации к художественным произведениям, рассказывалось о биографиях художников, истории создания картин, объяснялось их содержание. По-видимому, А.Ф. Маркс был большим любителем живописи, потому что материалы об изобразительном искусстве занимали большое место и в самом журнале, и в его приложениях. Качество репродукций было для того времени неплохим. Осваивал журнал и фотоиллюстрации: «Нива» одной из первых в русской журналистике начала печатать фоторепортажи с театра военных действий во время русско-японской войны.

О появлении знаменитых литературных приложений к «Ниве» рассказал в своих воспоминаниях И.Д. Сытин. Он встретился с А.Ф. Марксом на выставке печатной продукции в 1883 г. «Симпатичный, с дурным русским произношением немец-издатель очень мне понравился, и мы разговорились.

— Очень хороши ваши картины-премии, которые вы прилагаете к «Ниве», — сказал я. — Но, как иностранец, вы, мне кажется, делаете одну ошибку...

— Какую?

— Да ведь каждый год все картины и картины, эдак вы совсем перегрузите вашего подписчика. У него и стен не хватит, чтобы все ваши картины развесить...

— А что ему нужно?

— Книга ему нужна! Мы народ безграмотный, и картинами нас грамотными не сделаешь.

— А какая же книга ему нужна?

— Да мало ли книг-то. Вам разве не приходила в голову мысль, что при «Ниве» можно бы в виде приложения рассылать наших классиков? ...Произведений наших классиков народ не знает, а ведь большое дело можно было бы сделать...»6.

Так это было или иначе, но именно литературные приложения — платные и бесплатные — снискали «Ниве» ее славу и подняли тираж.

Кроме полных собраний сочинений и различных литературных сборников, «Нива» выпускала с 1894 г. «Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения», которые публиковали серьезные, квалифицированные статьи о литературе, модный журнал, иллюстрированный журнал, приложения для детей, настенные календари.

Многие, писавшие раньше и пишущие сейчас о «Ниве», ставят в вину журналу развлекательный характер, умеренно-монархическое направление. Однако «Нива» с ее публикацией и романа Л.Н. Толстого «Воскресение», и полного собрания его сочинений в качестве приложения вряд ли может считаться журналом монархическим, так как в конце XIX в. имя Толстого воспринималось как прямая противоположность монархии. «Два царя у нас, — писал А.С. Суворин в «Дневнике». — Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его троп, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии»7. Эта запись сделана в мае 1901 г.

Журналы для семейного чтения были самыми популярными среди еженедельников, по типу «Нивы» были созданы «Родина», «Север» и др.

Большое внимание привлекали журналы научно-популярные и для самообразования, значительная часть которых выходила еженедельно. Одним из наиболее читаемых научно-популярных журналов был «ВОКРУГ СВЕТА» — первое периодическое издание, ставшее собственностью И.Д. Сытина. Издатель приобрел его в июне 1896 г. у братьев М.А. и Е.А. Вернеров, основавших журнал путешествий и приключений, который так и не смог завоевать по-пулярность. Тираж журнала, когда его купил Сытин, составлял 4500 экземпляров. Сытин отдавал изданию много внимания, это было его любимое детище, он сам подбирал книги для публикации, читал все материалы, подыскивал сотрудников. Редактировать журнал он поручил Е.Н. Киселеву, потом его сменила Е.Н. Поливанова, 10 лет во главе журнала стоял В.А. Попов. В отдел беллетристики были приглашены Вас.И. Немирович-Данченко, К.М. Станюкович, писавший очень популярные романы и рассказы о море и моряках, Д.Н. Мамин-Сибиряк, произведения которого о Сибири хорошо вписывались в тематику журнала, и др. В 1897 г. тираж вырос до 12 тыс., в 1908 г. он составил 42 тыс. Причиной такого роста тиража редакция считала

интересное содержание, аккуратный выход, умеренную цену и хорошо подобранные приложения. Стоил журнал 4 рубля в год. За эту цену подписчики получали 52 иллюстрированных номера и 12 книжек литературных приложений, в которых печатались произведения иностранных авторов, в основном путешествия и приключения. Позже, заплатив еще 1 рубль, можно было получить репродукции с картин известных художников. Росло количество литературных приложений — их стало 24, но до 1912 г. цена оставалась прежней — 4 рубля в год.

Редакторы «Вокруг света» точно определили основной профиль своего журнала: география, этнография, путешествия, приключения на суше и на море, описания экзотических стран и пародов. Все это привлекало и молодого и зрелого читателя. Кроме беллетристики, журнал имел много других отделов: «Научные экспедиции и географические открытия», «Биографии знаменитых путешественников и исследователей», «Из великой книги природы», «Катастрофы в воздухе и драмы на море», «Люди науки, искусства и литературы», «Исторический калейдоскоп» (крупные исторические годовщины), «Современный спорт» и многое другое.

И хотя в самих номерах журнала печаталась масса интересного материала, «Вокруг света», подобно «Ниве», сохранился в памяти потомков благодаря своим приложениям. Виктор Гюго, Вальтер Скотт, Конан Дойл, Александр Дюма, Эдгар По, Редьярд Киплинг и другие европейские и американские писатели стали известны в России после публикаций в приложениях к журналу «Вокруг света». В 1914 г. журнал издал полное собрание сочинений Генрика Сенкевича в 36 книгах. Для этого редактор В. Попов специально ездил в Варшаву, чтобы получить разрешение автора на новый перевод и новое издание в качестве приложения к журналу.

В 1916 г. главным делом «Вокруг света» стала подготовка к выпуску полного иллюстрированного собрания романов Жюль Верна, чья популярность в России была чрезвычайно велика. На его произведениях выросло несколько поколений. Было задумано издать все 90 романов сериями по 30 в каждой. Но война не позволила осуществить этот замысел, вышло 6 томов в 32 выпусках. Печатал журнал и русскую классику: собрания сочинений Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, иллюстрированные русскими художниками. В 1913 г. Сытин первым получил право на издание полного собрания сочинений Л.Н. Толстого. В качестве приложения к журналу «Вокруг света» было издано 36 томов за 12 рублей с пересылкой, цена по тем временам достаточно умеренная.

С 1911 г. как самостоятельное приложение начал выходить альманах «На суше и на море», где печатались приключения, путешествия и фантастика. Он издавался до недавнего времени.

«Вокруг света» издается и сейчас. Это практически единственное издание, которое начинает свою историю в XIX в., с выхода журнала братьев Вернеров. И в отличие от других журналов и га-зет, имеющих названия органов дооктябрьской периодики, современный «Вокруг света» хорошо знает свое прошлое.

Большую известность имел в свое время журнал «ПРИРОДА И ЛЮДИ», который основное внимание уделял пропаганде естественнонаучных знаний. Издавал журнал П.П. Сойкин. Так же, как и И.Д. Сытин, он вышел из крестьянской семьи, получил только среднее образование и начал свою издательскую деятельность буквально с нуля. «Не имея ни наследственных, ни благоприобретенных капиталов, — вспоминал П.П. Сойкин, — обладая лишь тремя заветными выигрышными билетами, полученными от родителей, я взял под них ссуду в 600 рублей да 200 рублей достал заимообразно у добрых людей. За эти деньги я приобрел в 1885 году, в рассрочку, за 2000 рублей, маленькую типографию без машин, инвентарь которой состоял из ручных станков и 30 пудов шрифта»⁸.

С 1889 г. в этой типографии и начал выходить журнал «Природа и люди». Первые номера разошлись так быстро, что пришлось выпустить второй и третий тиражи. Сначала в редакции работали всего два человека: сам Сойкин и студент-медик В.С. Груздев. Журнал состоял из пяти главных отделов: романы, повести и рассказы; историко-биографический; географо-этнографический; научный и отдел текущих событий.

Несмотря на то что подзаголовок гласил: «Журнал для семейного чтения», это было издание научно-популярное. Вокруг журнала сгруппировались известные русские ученые, которые любили и умели работать как популяризаторы. Журнал создал свою школу

популяризаторов науки. С.П. Глазенап, Я.И. Перельман, А.М. Никольский, В.С. Груздев — активные сотрудники и авторы журнала на протяжении 25 лет его истории. Я.И. Перельман — автор известной «Занимательной физики» пришел в журнал в 1904 г., в 1907-м стал членом редколлегии, а затем ответственным секретарем редакции. Под разными псевдонимами он писал научно-популярные очерки по астрономии, математике, физике, естествознанию, а также научно-фантастические рассказы, хорошо иллюстрированные.

Журнал «Природа и люди» много сделал для пропаганды идей К.Э. Циолковского. Авторы ряда статей журнала защищали приоритет ученого, пропагандировали его идеи. В 1914 г. в 36-м номере был опубликован фантастический рассказ самого изобретателя «Без тяжести». П.П. Сойкин и Я.И. Перельман просили Циолковского отдать в журнал его фантастическую повесть «Вне Земли». Опубликована она была уже в 1918 г. Выпускал журнал «Природа и люди» и приложения: с 1910 г. — иллюстрированный ежемесячный «Мир приключений», в 1906—1907 гг. вышли в качестве приложений 88 книг сочинений Жюль Верна.

Деятельность П.П. Сойкина продолжалась и после октября 1917 г., в 1927 г. он возобновил издание своего старого журнала, но и периодичность, и содержание его было иным.

Сойкинское издательство, окрепшее и разросшееся, много делало для распространения знаний в русском обществе. В 1913 г. был создан журнал «Знание для всех», каждый номер которого представлял собой отдельную научно-популярную монографию. Это было издание для самообразования.

Журналы для самообразования на рубеже XIX и XX вв. появлялись в большом количестве. «Помощь самообразованию», «Вестник самообразования», «Путь к знанию», «Хочу все знать», «Учись сам», «Самоучка», «Деревенский самоучка» — перечень подобных изданий достаточно велик. Среди них были журналы-однодневки, созданные как дань моде, но существовали и серьезные, известные в своей области издания.

Одним из наиболее интересных среди журналов для самообразования стал «ВЕСТНИК ЗНАНИЯ», и хотя он не был еженедельником (первоначальный его подзаголовок: «Ежемесячный иллюстрированный и научно-популярный журнал с приложениями для самообразования»), все признаки еженедельника тут присутствовали: иллюстрации, приложения, научно-популярный характер публикаций. Это был журнал, как бы объединивший четыре недельные книжки в одну, выходящую раз в месяц. Его объем колебался от 140 до 300 страниц.

«Вестник знания» выходил с 1903 по 1918 г. Редактором и издателем был один человек — В.В. Битнер, отставной штабс-капитан, страстно увлеченный наукой. Опыт журнальной работы он получил в изданиях Сойкина, с 1890 г. постоянно сотрудничал в «Природе и людях», а с конца 1899 г. стал фактическим редактором журнала «Научное обозрение». Битнер вел в журнале отдел «Народный университет».

Идея народных университетов была распространена среди интеллигенции не только в России. Во время поездки по Германии в конце 80-х годов В.В. Битнер посетил заседание берлинского общества «Урания». Это произвело на него огромное впечатление. «В ней («Урании». — С.М.) соединяются музей, астрономическая обсерватория, физический кабинет, аквариумы, вивариумы и т.п., театр, чтение лекций из разных областей знаний, редакция довольно хорошего научно-популярного журнала... и серьезное научное учреждение для самостоятельных исследований в области естествознания, — рассказывал Битнер. — Почему же в нашей убогой России, где парод так нуждается в образовании, не устроить чего-либо подобного «Урании»? Эта мысль явилась для меня тем исходным началом, которое легло в основу первого периода моей популяризаторской деятельности»⁹.

Тип своего журнала сам Битнер определял как «народный университет со статьями, лекциями и беседами, дающими определенную сумму знаний по всем отраслям науки». В объявлении, которое периодически публиковалось на обложке журнала, он был назван «не специальным, а общелитературным, по единственному толстому иллюстрированному журналу подобного рода». «Стремление к знанию в широком смысле слова, отражение жизни и духовных запросов общества, всестороннее освещение вопросов действительности — составляют задачи «Вестника знания». Сам Битнер считал, что он реформирует тип толстого журнала, оставляя в нем

только энциклопедию и политическую газету и добавив иллюстрации, но получилось у него нечто переходное, где периодичность и наличие общественно-политической проблематики шли от толстого издания, а преимущественное внимание к науке и образовательным целям приближало «Вестник знания» к научно-популярной периодике. От толстого журнала осталось и стремление выдерживать направление, в «Вестнике знания» оно было преимущественно демократическим. В 1905 г. цензор даже причислил журнал к социал-демократическим органам, обвинив его в пропаганде революционных идей.

Демократические симпатии диктовала журналу его аудитория. Самообразованием занимались в те годы передовые рабочие, грамотные крестьяне, сельская интеллигенция. Своего читателя журнал хорошо знал. Подводя итоги двухлетней работы, редакция писала: «Благодаря созданному нами типу журнала, подобного которому не было даже за границей, у нас получился очень широкий круг читателей: наряду с высшей интеллигенцией (профессора, студенты, врачи), мы имеем подписчиков среди простых рабочих и едва грамотных, но мыслящих крестьян, обращающихся к нам с вопросами»¹⁰.

Ответы на вопросы давались постоянно и весьма своеобразно. Отдел «Ответы» появился с первого дня существования журнала, но очень скоро редакция поняла, что ответить на все вопросы квалифицированно постоянные сотрудники не могут, так как иногда пояснения должен дать специалист. В редакцию пришло несколько писем с предложением организовать переписку между читателями. С 7-го номера за 1904 г. появился отдел «Взаимопомощь читателей «Вестника знания». В нем публиковались самые разнообразные письма. В одних задавали вопросы, в других просили прислать необходимые книги или списки литературы по интересующим темам. Ответить на них помогали читатели. Много писем было с просьбой о материальной помощи.

Вокруг «Вестника знания» образовался свой круг — писатели, ученые, педагоги. Постоянными авторами выступали преподаватели «Высшей русской школы общественных наук» в Париже. Авторы журнала были высокообразованными специалистами, прекрасно знавшими свой предмет, но для подобного издания нужна была особая форма подачи научного материала. Журнал публиковал статьи, посвященные сложным вопросам, очень продуманно. В каждом номере чередовались статьи сложные, ориентированные на подготовленного читателя, и популярные, доступные и не слишком образованным людям. Статьи располагаются «таким образом, чтобы за более серьезными следовали относительно легкие, и при том соблюдается известное чередование самих предметов», — объяснял журнал структуру своих номеров¹¹.

Постоянными в «Вестнике знания» были три отдела: «Литература и жизнь», который потом получил название «Летопись современной литературы и искусства»; «Научное обозрение» с подотделами «Научные беседы», «Научные новости», «Ответы»; позже были введены «Библиография», «Вопросы народного образования», «Справочный отдел по народному образованию». С 1907 г. возник раздел, посвященный молодежи. «Вестник знания» все больше внимания уделял проблемам образования и самообразования, все дальше отходил от толстых журналов, к которым себя причислял.

Как и было обещано, журнал Битнера давал приложения, в основном бесплатные. Наиболее значительными были три, впоследствии преобразованные в самостоятельные издания: «Общедоступный университет», «Энциклопедическая библиотека для самообразования» и «Читальня «Вестника знания». Первое приложение представляло из себя систематический курс природоведения с цветными и черно-белыми иллюстрациями, «Энциклопедическая библиотека» давала ряд самостоятельных научных сочинений, «Читальня...» предлагала материал для легкого самообразовательного чтения. Приложения реализовывали самообразовательные задачи журнала.

Цензура внимательно следила за «Вестником знания», особое волнение доставляла ей организаторская деятельность журнала. Она была достаточно необычной для русского периодического издания. При журнале был создан Союз подписчиков «Вестника знания». Проект подобного Союза долго и подробно обсуждался на журнальных страницах, публиковались письма с предложениями, затем состоялось его организационное оформление. Членами Союза могли стать как отдельные лица, так и целые организации. Ежегодный взнос зависел от материального состояния участника, но был не менее 2 рублей в год. Союз подписчиков состоял из центрального

отдела и местных кружков. Местные собрания проводились не менее одного раза в год. Союз организовывал профессиональные и образовательные курсы, чтение лекций, экскурсии, открывал музеи, библиотеки, лаборатории, книжные склады, издавал книги, брошюры, различные таблицы и т.д. Мечта Битнера о русской «Урании» получила свое воплощение. Денежный фонд, необходимый для такой деятельности, составлялся из взносов, благотворительных пожертвований, доходов от устраиваемых в пользу Союза выставок, концертов, спектаклей. Для членов Союза был учрежден особый значок, конкурс на который провел журнал. К ноябрю 1905 г. проект значка был утвержден.

Вся эта деятельность особенно активно развивалась в период первой русской революции, когда всевозможные союзы были очень многочисленны и проводили свои съезды. Летом 1905 г. в Минской губернии состоялся и съезд Союза подписчиков «Вестника знания». Затем был организован Первый всероссийский съезд в Петербурге. Битнер внимательно следил за тем, чтобы на него могли приехать не только обеспеченные люди. Для тех, кто не имел средств для поездки в Петербург, редакция выделила определенные суммы из фонда журнала. В столице приехавших делегатов расселяли в своих квартирах местные члены Союза, они устраивали экскурсии по городу и окрестностям для приехавших впервые¹².

После Всероссийского съезда стали созываться съезды на местах, организовывая их, Битнер много ездил по стране. Для проведения занятий и собраний предоставлялись большие квартиры подписчиков, адреса которых печатались в журнале. Союз проводил массовые общественные чтения, воскресные лекции, с участием известных профессоров и педагогов. Такие мероприятия собирали много народа, поэтому за ними следила полиция, подчас собрания закрывали и разгоняли. Союз помогал читателям выписывать книги, члены Союза при покупке книг, выпускаемых журналом, пользовались льготами, им предоставлялась скидка или давалась рассрочка, а иногда рассылались и бесплатные экземпляры для неимущих подписчиков. Члены Союза собирали прочитанные журналы и газеты и, отобрав самые интересные номера, снабжали ими крестьян дальних деревень.

27 декабря 1913 г. в Петербурге в Спортинг-Паласе широко праздновалось 10-летие «Вестника знания». Собралось более 15 тыс. человек. Это свидетельствовало о том, что у журнала было много друзей и почитателей. Отчет «Десять лет работы «Вестника знания»» рассылался читателям в качестве приложения к газете «Неделя», которая издавалась Битнером в 1913 г.

Союз подписчиков «Вестника знания» в определенной мере можно считать прообразом общества «Знание», которое в первые послереволюционные годы проводило большую просветительскую работу. К сожалению, впоследствии его роль резко упала, и оно превратилось в бюрократическую структуру.

Исследование любого русского журнала, не самого известного и недолго живущего, может преподнести интереснейшие сюрпризы, показать своеобразные формы работы с читателем. История Союза подписчиков «Вестника знания» красноречивый тому пример.

Журналом для самообразования являлся «Вестник и библиотека для самообразования», который выходил еженедельно с 1903 по 1905 г. Журнал выпускала издательская фирма Брокгауз и Ефрон, которая в это время закончила работу над знаменитым Энциклопедическим словарем. Авторский коллектив, сложившийся за долгие годы работы над словарем, решил издавать журнал, где можно было опубликовать статьи, не вошедшие в Словарь. Редактором «Вестника...» стал профессор П.И. Броунов. В подзаголовке журнала значилось: «Научно-популярный журнал по всем отраслям знаний», т.е. издание было энциклопедическим.

В обращении к читателям «От редакции» говорилось: «Вестник и библиотека для самообразования в своих статьях и отдельных книжках приложений дает в систематической последовательности и общедоступном изложении материал для чтения одновременно по всем основным группам знаний, по наукам физико-математическим, биологическим и гуманитарным, равно как и по философии, стремящейся к объединению всех наук».

Журнал большого формата с иллюстрациями печатал статьи и популярные курсы, которые писали Д.И. Менделеев, Н.И. Кареев, О.Д. Хвольсон, С.М. Глазенап и др. В отделе «Библиографический листок» публиковались программы для систематического чтения по разным

отраслям наук. Журнал помещал научную хронику, обзоры научной печати, в отделе «Фельетон» появлялись научно-популярные рассказы и романы, такие, например, как «Аэростатический роман» Мо Декса, «Через Сахару и Судан на воздушном шаре». Непосредственное общение с читателями осуществлялось в отделе «Почтовый ящик».

В «Вестнике...» сотрудничали не только известные ученые-естествоиспытатели, но и литературоведы. Например, П. Щеголев, работавший в это время над книгой о А.С. Пушкине, публиковал в журнале отрывки из этой работы. Его перу принадлежала и очень интересная статья «Первая русская газета», приуроченная к 200-летию русской печати. Встречались в журнале имена известных журналистов: Н. Ашешов, Л. Гуревич, Е. Колтоновская.

В качестве приложений читатели получали либо монографии и сборники статей типа «Введение в философию» профессора В. Вундта, либо репродукции с картин, объединенные в тематические альбомы. Как особое приложение в 1903 г. предлагалась «Галерея русских деятелей» в 12 частях, первая — деятели освобождения крестьян под редакцией Венгерова с 15 портретами. Журнал обещал давать ежегодно 52 номера — 2000 страниц с 500 иллюстрациями и 12 номеров приложений — 4000 страниц и 900 иллюстраций.

Несмотря на свою недолговечность (он закрылся в 1905 г.) «Вестник и библиотека для самообразования» и поныне представляет интерес.

Первая русская революция вызвала огромный количественный рост еще одного типа еженедельника, существовавшего и прежде, но в 1905—1907 гг. буквально заполонившего прессу. Это сатирическая журналистика. Обличительная стихия, многократно увеличившаяся в революционные дни, не могла обойтись без традиционного для русской литературы оружия — смеха. Сатирические песенки, стихи, карикатуры стали непременным атрибутом русских сатирических журналов этого времени.

Около четырех сотен тонких, разрисованных злыми и смешными карикатурами журналов и журнальчиков выплеснулись на улицы больших русских городов. «Пулемет» Н.Г. Шебуева, «Сигнал» К.И. Чуковского, «Жупел» З. Гржебина, «Маски» С. Чехонина и многие другие оказывались в центре политических скандалов, слухов и разговоров, вызванных острой карикатурой, фельетоном или броским названием.

Аркадий Аверченко вспоминал: «Как будто кроваво-красная ракета взвилась в 1905 г. Взвилась, лопнула и рассыпалась сотнями кроваво-красных сатирических журналов, таких неожиданных, пугавших своей необычностью и жуткой смелостью. Все ходили, задрвав восхищено головы и подмигивая друг другу на эту яркую ракету. — Вот она где, свобода-то!»¹³.

Всю Россию обошел первый номер журнала Н.Г. Шебуева «Пулемет», вышедший 13 ноября 1905 г. На последней странице обложки был изображен кровавый отпечаток ладони на тексте Манифеста 17 октября. Подпись под рисунком гласила: «К сему листу свиты его величества генерал-майор Трепов руку приложил». Тренов заслужил особую славу своими действиями по усмирению Петербурга.

Н.Г. Шебуев — потомственный дворянин, журналист. Сотрудничал в целом ряде газет и журналов, в том числе в «Русском слове» и юмористическом журнале «Будильник». В 1905 г. работал в газете А.А. Суворина-сына «Русь», прославившейся своими обличительными материалами.

«Пулемет», просуществовавший около двух месяцев, делали два человека: текст и темы для рисунков давал Шебуев, а рисунки выполнял И.М. Грабовский, который имел опыт газетной оформительской работы. Вот что рассказала Т.С. Родионова в статье о «Пулемете», опубликованной в 1985 г.: «13 ноября в день выхода первого номера за вечерним чаем великий князь Кирилл подал царю журнал. Обложка нового журнала заставила царя поморщиться. Но вот открыта первая страница, вторая... Дойдя до «Марсельезы» (статьи о «Марсельезе». — С.М.), царь вспыхнул, схватил карандаш и стал отчеркивать самые ненавистные места... Позже этот номер, сильно помятый (по-видимому, царь скомкал его и швырнул на пол), был представлен на следствии. Царский гнев оставил красноречивые следы»¹⁴. За издание «Пулемета» Н. Шебуев был заключен в крепость.

В сатирических журналах «Жало», «Жупел» участвовали известные писатели — А.М.

Горький, И.А. Бунин, А.И. Куприн, К.Д. Бальмонт и др. Оформляли их художники из группы «Мир искусства» — Е. Лансере, В. Перов, И. Билибин.

В сатирических журналах 1905 — 1907 гг. на первый план выходила карикатура, рисунок. Очень часто живописная часть формировала журнал, текст только дополнял рисунки. Поэтому участие хороших художников создавало успех журналу.

После подавления революции, «когда наступило северное утро, на том месте, где взвилась ракета, нашли только полуобгоревшую бумажную трубку, привязанную к палке — яркому символу всякого русского шага», — так заканчивал свои воспоминания о сатирических журналах 1905 г. А. Аверченко¹⁵.

Сам он — один из талантливейших русских юмористов — тоже отдал дань революционной сатирической журналистике. В 1905 г. в Харькове он редактировал «Журнал сатирической литературы и юмористики с рисунками «Штык» и его продолжение «Меч». «Лихорадочно писал я, рисовал карикатуры, редактировал и корректировал, и на девятом номере дорисовался до того, что генерал-губернатор Пешков оштрафовал меня на 500 рублей, мечтая, что немедленно заплачу их из карманных денег... я уехал, успев все-таки до отъезда выпустить три номера журнала «Меч»¹⁶.

С именем А. Аверченко связана история двух сатирических журналов, существовавших достаточно долго и сыгравших особую роль в русской жизни, — «САТИРИКОНА» и «НОВОГО САТИРИКОНА».

Планы создания сатирического журнала после подавления революции возникли в редакции известного Петербургского юмористического журнала «Стрекоза», который в это время не пользовался популярностью. Издатель журнала М.Г. Корнфельд, после смерти отца получивший журнал в наследство, молодые художники Ре-Ми (Н.В. Ремизов-Васильев), А.А. Радаков и только что приехавший из Харькова А. Аверченко решили превратить юмористический журнал в сатирический. Журналу дали название «Сатирикон», заимствованное из древнеримской литературы. Роман Гая Петрония «Сатирикон» высмеивал эпоху Нерона, в нем переплетались жизненные реалии с гротескными образами.

Новый журнал вышел 3 апреля 1908 г. в самый мрачный период реакции. Учитывая характер времени, он, по замыслу редакции, «должен был соединять олимпийское спокойствие, жизнестойкость, ясность и здравый смысл с критическим изображением современных событий и общественных нравов»¹⁷.

Кроме Аверченко, в журнале активно работали поэты-«сатириконцы», самым известным из которых стал Саша Черный, печатались Н.А. Тэффи, П.П. Потемкин, иногда Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, А.Н. Толстой. Особо прославили журнал его художники, кроме постоянных карикатуристов Н.В. Ремизова, А.А. Радакова, А. Яковлева и А. Юнгера, в оформлении принимали участие А. Бенуа, Б. Кустодиев, К. Коровин, М. Добужинский, Л. Бакст.

Издание приобрело такое влияние, которого даже не ожидали его создатели и участники. Материалы журнала цитировали с трибуны Государственной думы, читатели горячо обсуждали напечатанное. «Сатирикон» стал значительным явлением не только в истории русской журналистики, но и общественно-политической и культурной жизни страны.

Журнал часто использовал своеобразный прием — выпускал тематические номера, которые сам озаглавливал. Так, после убийства П. А. Столыпина, к деятельности которого журнал относился резко отрицательно, был выпущен «провокационный» номер. Еще были «военный», «еврейский», «полицейский», «экзаменационный» номера.

Роли текста и рисунка в номере были многообразны. Иногда текст и рисунок тесно увязывались между собой, в других случаях рисунок дополнял текст, часто образительный материал существовал самостоятельно, занимая целые страницы. Использовался прием рассказа в рисунках, где подписи поясняли карикатуры. При всей осторожности и умеренности журнал умел придать политическую окрашенность самым нейтральным материалам. Например, в «экзамене-национальном» номере (№ 20 за 1910 г.) обыгрывались темы студенческих экзаменов, шпаргалок, зубрежки и прочее. Маленький, занимающий четверть страницы текст «Экзамен на фельетониста» подписан литерой «Ф». Он явно принадлежит Аверченко, который использовал

массу псевдонимов. На вопрос экзаменатора будущий фельетонист должен ответить, перечислив ассоциации, вызванные вопросом.

«Теперь внутренняя политика. ...Кто Пуришкевич?

— Балаганный шут, фигляр...

— Марков?

— Который темные деньги, ... курский зубр... реакционные вожеления».

В двух-трех словах даны характеристики самых реакционных деятелей IV Думы. Как и все еженедельники, «Сатирикон» давал приложения — сборники юмористических рассказов самого А. Аверченко и других русских и зарубежных писателей-юмористов.

К 1911 г. политическая острота журнала ослабела, он потерял свою радикальность. Общественный подъем ставил перед редакцией новые задачи. По мнению Аверченко, «Сатирикон» должен был угодить той части общества, которая чувствовала необходимость стряхнуть с души давящий кошмар столыпинщины, свободно вздохнуть, весело засмеяться. Журнал предлагал смех как спасительное средство от тоски и уныния.

С этим мнением Аверченко были согласны не все авторы «Сатирикона» и члены редакции. В 1911 г. ушел один из самых заметных авторов «Сатирикона» — Саша Черный, заявив, что не разделяет его направления.

В 1913 г. внутри редакции произошел раскол: вместе с Аверченко и Радаковым журнал покинули Ремизов, Потемкин и Тэффи. На кооперативных началах они начали издавать «Новый Сатирикон», постоянно подчеркивая, что по сути он является старым «Сатириконом». В новом журнале были сохранены самые острые отделы прежнего: «Волчьи ягоды» — сатира на злобу дня, «Перья из хвоста» — полемика с инакомыслящими и «Почтовый ящик». Наряду с редакционным ядром старого журнала появились новые авторы: А. Бухов, А. Грин, С. Маршак, В. Маяковский. Фигура последнего, печатавшего в журнале свои «Сатирические гимны», надолго заслонила всех остальных авторов журнала. «Новый Сатирикон» вспоминали только в связи с участием там Маяковского. Но журнал интересен и сам по себе, хотя, вероятно, более спорен, чем его предшественник. Его отношение к Первой мировой войне и особенно к Октябрьской революции не вписывалось, по советским стандартам, в приемлемые рамки прогрессивного направления. Февральскую революцию сатириконцы приняли, но быстро почувствовали слабость и нерешительность Временного правительства и начали пропагандировать идеи сильного государства и порядка. В фельетоне «Как мы это понимаем», опубликованном в июне 1917 г., Аверченко писал:

«Мы, сатириконцы, заслужили право говорить с любым правительством резким прямым языком, заслужили тем, что до революции с заткнутым ртом и связанными руками все-таки кричали девять лет о русских безобразиях и не боялись ни конфискации, ни арестов, ни лишения нас свободы.

Так неужели мы теперь побоимся исполнить свой гражданский долг и бросить в лицо Временному правительству и Исполнительному Комитету С.Р. и С. Депутатов простые человеческие слова?

Стыдитесь! Вам народ вручил власть — но во что вы ее превратили! Всякий хам, всякий мерзавец топчет ногами русское достоинство и русскую честь — что вы делаете для того, чтобы прекратить это?! Вы боитесь, как черт ладана, насилия над врагами порядка, над чертовой анархией, так знайте, что эта анархия не боится насилия над вами, и она сама пожрет вас!»¹⁸.

Октябрьскую революцию Аверченко и другие сотрудники восприняли как торжество анархии и насилия и начали борьбу с новыми порядками. Они выпускали специальные номера: «траурный», «исторический», «пролеткультовский», «марксистский» и специальное приложение «Эшафот» под редакцией П. Пильского. Летом 1918 г. журнал был закрыт.

Впоследствии Аверченко сотрудничал в белогвардейской газете «Юг России», вместе с армией Врангеля эмигрировал в Константинополь, потом переехал в Прагу. В 1921 г. вышла его книга «Дюжина ножей в спину революции», которую В.И. Ленин называл талантливой. Аверченко много писал о правах эмиграции, его книги и сборники выходили до самой его смерти в 1925 г.

По-разному сложились судьбы остальных сатириконцев. Саша Черный, Тэффи, А. Бухов

эмигрировали. Именно Тэффи в одном из своих рассказов задала знаменитый среди русских эмигрантов вопрос: «Ке фер? Фер-то ке?» — так звучал на смеси «французского с нижегородским» знаменитый русский вопрос «Что делать?» в устах одного из героев. А. Бухов вернулся в Россию и долго работал в «Крокодиле». Некоторые из бывших сатириконцев остались и сотрудничали в большевистских газетах и журналах.

Несмотря на то что сатирические издания начала века достаточно изучены¹⁹, в их исследовании существует еще много пробелов. Сосредоточив внимание только на направлении изданий, специалисты оставили в стороне проблемы типа, формы подачи материалов, соотношения текста и иллюстраций и многое другое.

Журналы русского модернизма

- «Мир искусства»
- «Новый путь»
- «Весы»
- «Золотое руно» и «Аполлон»

В конце XIX — начале XX в. искусство, в том числе и литература, превратилось в составную часть единого общественно-эстетического движения эпохи, стало детищем нового периода русской истории. Впервые в истории русской литературы всеми признанному реализму пришлось разделить свое влияние на читателей с представителями модернизма, в первую очередь самого мощного и плодотворного его течения — символизма.

Новое искусство испытывало необходимость эстетически обосновать свои принципы, объяснить обществу свои цели и задачи. Сначала его представители издавали отдельные статьи и брошюры-манифесты, по вскоре создали новый для России тип журнала-манифеста, прообразом для которого послужили европейские издания. Но как часто бывало и раньше, европейские образцы претерпели столь значительные изменения, что именно русские журналы-манифесты стали оказывать значительное влияние на развитие искусства в Европе. Всемирную известность получил «Мир искусства», столетний юбилей которого был отмечен в 1998 г.

- Новое искусство и русские журналы.
- Создатели «Мира искусства», основные сотрудники.» Полиграфическое оформление журнала.
- Писатели и поэты-символисты в «Мире искусства».
- «Новый путь» — орган религиозно-философских собраний в Петербурге.
- Основные сотрудники журнала.
- Двойственность типа «Нового пути».
- Конфликт в редакции и приостановка «Нового пути».
- В.Я. Брюсов — создатель «Весов».
- Публицистика В.Я. Брюсова в «Весках».
- «Весы» и русско-японская война.
- Последний период издания журнала.
- Мода на символизм и русский капитал.
- Вторичность «Золотого руна» среди журналов-манифестов.
- «Аполлон» — последний журнал-манифест.
- От «журнала поэтов» к манифесту акмеистов.

Традиционно развитие русской литературы было тесно связано с журналистикой, особенно с толстыми журналами. Н.К. Михайловский писал, что «история новейшей русской литературы может быть сведена на историю журналистики»¹. На журнальных страницах появлялись новые произведения писателей, обзоры ведущих критиков помогали попятить не только особенности развития литературы, но и своеобразие общественного и культурного развития страны.

В конце 80 — начале 90-х годов художественное единство русской литературы оказалось

нарушенным. Рядом с традиционным реалистическим направлением появились представители «нового» искусства, заявившие о себе не только в литературе, но и в живописи, театре, музыке, архитектуре... Они пытались познакомить русскую публику с философскими и эстетическими принципами нового течения, с образцами творчества. Этой цели служили манифесты, такие, например, как брошюра основоположника русского символизма Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892 г.), сборники «Русские символисты», изданные еще одним мэтром символизма В.Я. Брюсовым в 1893—1894 гг., выставки художников нового стиля — впоследствии их назвали «мирискусниками». Все это было известно лишь узкому кругу интересующихся и сочувствующих. Однако ни известные критики, ни журналисты, ни более или менее широкий круг читателей на протяжении почти 10 лет не признавали «нового» искусства. Его представителей не печатали в журналах, они оставались в глазах общества непонятными бунтарями, ниспровергателями основ. В конце XIX в. и сами модернисты, отойдя от первоначальной позы бунтарей-декадентов, эпатирующих общество, ощутили необходимость полнее и подробнее объяснить своеобразие возникших художественных школ. Манифесты, выпущенные в виде брошюры или сборника, лишь декларировали появление нового и показывали образцы. Детальная разработка программ и эстетических основ была возможна только на журнальных страницах, однако редакции солидных журналов «бунтарей» не печатали.

Одним из первых толстых изданий, допустивших на свои страницы символистов, был «Северный вестник» Л.Я. Гуревич. Но как оказалось, сам тип такого журнала не подходил для подробного, сделанного на должном уровне эстетического обоснования проблем искусства. Русские модернисты в основном принадлежали к высокообразованной научной и творческой интеллигенции, дети профессоров, известных художников, сами получившие достаточно серьезное образование. Пропагандируя свои идеи, они опирались на философские и эстетические труды русских и европейских мыслителей, связывали творчество по законам красоты с проблемами бытия, религии, психологии. Для читателей журнала «обычного русского типа», даже самых образованных, все это было сложно, а главное, не всегда интересно. Л.Я. Гуревич — издательница «Северного вестника» — вспоминала: «...В «Северном вестнике» работал целый ряд известных беллетристов и профессоров, которым многое должно было быть чуждо и неприятно в журнале... Огромность сметы, обуславливаемая этой «солидностью» журнала, заставляла меня иногда жалеть о том, что мы не пошли по пути заграничных «молодых», открывающих небольшие журнальчики «для своих». Но сейчас же приходила мысль, что такие журнальчики остаются в очень узком кругу читателей, тогда как о «Северном вестнике» говорили повсюду и подписка его росла. И... я продолжала заботиться о том, чтобы в журнале было достаточно того «просто интересного» материала, который, как лакомство, тащил в большую публику то, что представляло для нас идейную ценность»². Издательница сама поняла несоответствие эстетической программы петербургских символистов, сотрудничавших в журнале, и общественно-политических отделов традиционного русского издания.

Перед русскими модернистами встала задача создания своих журналов, своих не только по содержанию, но и по типу. Опираясь на западноевропейский опыт, о котором писала Л.Я. Гуревич, русские модернисты создали особый тип издания — журнал-манифест, приспособленный для разработки основ новых течений в искусстве и показа образцов нового искусства.

Модернистские издания являются самыми изученными в современной науке. Пристальное внимание к русскому модерну вызвало появление огромного количества научных исследований, которые не могли обойти публикации журналов, издаваемых различными группами и течениями. Воссоздана история создания таких журналов, использовано большое количество воспоминаний поэтов и писателей, стоящих у их истоков, введена в научный оборот их переписка. И этот материал постоянно пополняется. Поэтому в последующем изложении акцент будет сделан на формировании типа подобных изданий, на основных его характеристиках.

«Мир искусства»

Название «Мир искусства» относится к таким явлениям культурной жизни России рубежа XIX и XX вв., как литературно-художественный журнал и объединение художников, создавших целое направление русской живописи.

Все началось с кружка друзей-единомышленников, существовавшего сначала в гимназии, потом на юридическом факультете Петербургского университета. А.Н. Бенуа, В.Ф. Нувель, Д.В. Философов, чуть позже присоединившиеся к ним Е.Е. Лансере, А. Нурок, Л.С. Бакст, К.А. Сомов и С.П. Дягилев стали основателями и участниками первого и самого знаменитого журнала русских модернистов «Мир искусства». Все они происходили из семей, тесно связанных с искусством и общественной деятельностью. Родственные связи между некоторыми из них (С.П. Дягилев — «кузен из Перми» Д.В. Философова, Е.Е. Лансере — сын старшей сестры А. Бенуа) еще теснее сплачивали кружок. Бенуа, Бакст, Лансере, Сомов — художники по призванию, художественную академию никто из них не кончил. Философов — сын известной общественной деятельницы, поборницы женского образования А.П. Философовой — лите-ратурный критик, знаток литературы. Нурок — пианист и композитор. Дягилев, бравший когда-то уроки пения и музыки, стал известен как организатор «Мира искусства», а потом знаменитых «Русских вечеров» в Париже, прославивших русскую балетную школу. Если А. Бенуа являлся идейным вождем журнала, его называли «Белинским русской художественной критики», то «Напо-леоном», «Петром Великим» (по характеристике Бенуа) нового художественного стиля и журнала стал С.П. Дягилев.

О Дягилеве много писали знавшие его люди, его рисовали художники (особенно известен портрет кисти Л. Бакста «С.П. Дягилев с няней»), память о нем восстанавливается в наше время — создан фонд Дягилева, в 1998 г. столетие «Мира искусства» было отмечено целым рядом выставок. Дягилев не оставил картин, опер и книг, его талант был совершенно особым. А. Бенуа так характеризовал этого человека: «Сергей Дягилев ни в какой области не был исполнителем, и все же вся его деятельность прошла в области искусства, под знаком творчества, созидания... У Дягилева была своя специальность, это была именно его воля, его хотение. Лишь с того момента, когда этот удивительный человек «начинал хотеть», всякое дело «начинало становиться», «делаться». Самые инициативы его выступлений принадлежали не ему. Он был скорее беден на выдумку, на идею. Зато он с жадностью ловил то, что возникало в голове его друзей, в чем он чувствовал начатки жизненности. С упоением принимался он за осуществление этих не его идей... Взяв навязанное дело в руки, он его превращал в свое, и часто с этого момента инициаторы, вдохновители как-то стухевывались, они становились ревностными исполнителями своих же собственных идей, но уже понукаемые нашим «вождем»¹. С. Дягилев был великолепным организатором, воплощавшим самые неоформленные идеи своих друзей, которые были и старше, и талантливее его самого. Образ жизни, поведение Дягилева было рассчитано на то, чтобы шокировать окружающих. П.П. Перцов, журналист, издатель, близкий к модернистским журналам, вспоминал: «Дягилев без чванства, без сногшибательных замашек, без чрезвычайной изысканности своего вида, без монокля, без надменного тона, без задранной головы, без оскорбительного подчас крика на своих «подчиненных», был бы уже не Дягилевым»². Редакция «Мира искусства» находилась в квартире Дягилева, где в одной из комнат висела люстра в виде дракона со многими головами, очень поразившая В.В. Розанова.

Свой журнал был мечтой всего кружка. Название искали долго.

Найденное, наконец, оно имело большой смысл: не обыденный, божий или современный мир, а особый, освобожденный от грубой повседневности мир искусства, в котором живут лишь избранные и посвященные. Журнал вышел в ноябре 1898 г. Бенуа был в Париже, и вся организационная и практическая работа легла на плечи Дягилева и Философова. «Настоящим заведующим редакционной кухни, — рассказывал А. Бенуа, — был Дмитрий Владимирович (Фи-лософов. — С.М.), и он очень ревниво оберегал свою абсолютную автономность в этой области, не допускал к ней даже своего кузена Сережу. Вовсе не нарядно и даже неуютно выглядела эта кухня-лаборатория, так как она очень быстро заваливалась всякими пакетами, ящиками, грудами цинковых клише, целыми тоннами бумаги»³.

С. Дягилев осуществлял организаторские функции. Очень много внимания он уделял оформлению журнальных книжек. Непосредственно этим занимался Л. Бакст, он и был «жертвой Сережиной деспотии». «В одной из последних комнат можно было почти всегда найти Бакста; Сережа и Дима засадили туда покладистого Левушку за довольно неблагодарные графические работы и главным образом за ретушь фотографий, отправляемых в Германию для изготовления из них клише. Бакст рисовал и особенно нарядные подписи, заглавия, а то и виньетки. Левушка любил эту работу и исполнял ее с удивительным мастерством»⁴.

С. Дягилев стремился из самого журнала сделать «предмет искусства», поэтому так много внимания уделял оформлению. В этом плане «Мир искусства» открыл новую эру в развитии книжного дела и полиграфии в России. Полиграфические проблемы создателям журнала приходилось решать самим. Д.В. Философов рассказывал впоследствии, что «мечтатели должны были превратиться в техников». Подлинный «елизаветинский» шрифт, даже не сам шрифт, а матрицы, нашли в Академии наук. Не умели делать репродукции с картин, на помощь пришел старый фотограф, автор известного руководства по фотографии. Первое время клише и репродукции заказывали за границей. «Только с 1901 года журнал с внешней стороны стал удовлетворять самих редакторов»⁵.

Виньетки, заставки, рисованные шрифты создавали особый стиль оформления журнала. Репродукции в первые два года помещались в тексте независимо от содержания, что вызывало недовольство некоторых авторов. С 1901 г. их стали печатать в начале номера альбомом на другой бумаге. В «Мире искусства» было очень много графики, что тоже придавало его номерам особое своеобразие.

Больше всего поразила читателей вышедшего журнала его обложка, где «плавали в одиночестве на бело-сливочном фоне две таинственные рыбы». В традиционном русском журнале на обложках, отличавшихся друг от друга по цвету, печатались название и выходные данные. Для «Мира искусства» обложки рисовали художники. Первую с «таинственными рыбами» — К. Коровий, с 1900 г. ее сменил рисунок К. Сомова, более сложный, с 1901 г. обложка была выполнена по рисунку Е. Лансере: увитый лентами венок с головой льва внизу. Название журнала на каждом рисунке выполнялось особым шрифтом.

По типу это был журнал-манифест, призванный теоретически обосновать новое искусство — искусство модерна. Много места занимали теоретические статьи. Открылся «Мир искусства» статьёй С.П. Дягилева «Сложные вопросы», излагавшей программу журнала. Теоретиком Дягилев не был, но его довольно путаная статья вызвала много шума. Взгляды авторов были достаточно противоречивы, единства не существовало, однако все сходились в девизе: борьба против академизма, с одной стороны, и против искусства передвижников — с другой. Главным противником авторы журнала избрали В.В. Стасова, пропагандировавшего передвижников, «могучую кучку» и других представителей реалистического искусства. Критик, уже лишившийся прежнего влияния, сотрудничал в это время в журнале «Искусство и художественная промышленность», который вышел почти одновременно с «Миром искусства» и быстро сделался основной мишенью нападок именитого собрата.

Главной задачей журнала было знакомить своих читателей с тем, что он считал ценным в художественном отношении. Он постоянно рассказывал в статьях и показывал в репродукциях произведения художников «нового стиля». Журнал пропагандировал работы В. Васнецова (репродукция с картины «Богатырская застава» открывала первый номер), И. Левитана, К. Коровина. Но буквально заново познакомил «Мир искусства» своих читателей с портретной жи-вописью старых русских мастеров XVIII в., почти забытых в XIX в. С Дягилев, специально занимавшийся творчеством Д.Г. Левицкого, разыскал много портретов работы этого мастера и поместил их в журнале.

Очень интересными были статьи о театре. А. Бенуа в своих воспоминаниях много пишет о любви к театру, особенно к опере и балету, которая объединяла участников дружеского кружка. В театральных публикациях шла речь о художественном оформлении спектаклей, о декорациях и костюмах, т.е. о том, что раньше мало привлекало внимание театральных критиков. Впоследствии многие художники «Мира искусства» плодотворно работали как художники театральные.

Большое внимание «Мир искусства» уделял архитектуре Петербурга, буквально открыв читателям его красоты.

Свои художественные взгляды «Мир искусства» пропагандировал не только в журнальных книжках. Организаторский талант Дягилева проявился и в создании выставок, проходивших под эгидой журнала. Первая международная выставка проводилась в самом начале 1899 г. На ней демонстрировалось около 350 полотен. Затем было еще четыре ежегодных выставки, но без иностранных участников. Во время выхода журнала велась подготовка портретной выставки в Таврическом дворце, на которой должны были демонстрироваться портреты XVIII — начала XX в., возвращенные публике журналом. Она открылась весной 1905 г., когда журнал уже перестал выходить, было показано около 2 тыс. портретов. Выставки спасли журнал и от материального краха. В первый год его финансировали меценаты С. Мамонтов и княгиня Тенишева. Но затем Мамонтов разорился, а Тенишева отказалась финансировать издание, успех выставок и просьба К. Серова, писавшего тогда портрет царя, помогли получить правительственную субсидию.

Инициаторами создания «Мира искусства», его основными сотрудниками были художники и музыканты, но журнал вписал свою страницу и в развитие русской литературы. На втором году истории журнала Д.В. Философов пригласил к сотрудничеству символистов-петербуржцев — Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Ф.К. Сологуба; известных философов — В.В. Розанова, Л. Шестова и др. С появлением писателей журналу удалось достичь той полноты отражения мира искусства, к которой он стремился.

В конце 1899 г. редакция сообщила о создании литературного отдела, и с начала 1900 г. стала публиковать книгу Д.С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский». Правда, лидеры петербургской группы символистов, являвшиеся не только писателями и поэтами, но и религиозными мыслителями, философами-мистиками, в своих публикациях затрагивали проблемы, не всегда созвучные целям художественного журнала. В конце концов они создали своего рода журнал в журнале. «Мирискусническому девизу самоцельного творчества «Мережковский и другие» противопоставляли подход к искусству как к форме проповеди»⁷. Не совпадали взгляды художников и литераторов на мистическое содержание, провозглашенное Мережковским в качестве одной из черт нового искусства. Полемики внутри журнала было много, полем сражения стал «Пушкинский» номер, посвященный 100-летию со дня рождения поэта. Не было единства и в оценке творчества Достоевского. Д.С. Мережковский, весь год печатавший книгу «Лев Толстой и Достоевский», и Л. Шестов, который опубликовал в «Мире искусства» работу «Достоевский и Ницше. Философия трагедии», в своих взглядах во многом расходились. В литературном отделе работал В.В. Розанов, писавший преимущественно о мифологических, религиозных, историко-культурных, а не литературных проблемах. Весной 1901 г., чтобы оживить литературный отдел, Дягилев пригласил главу московских символистов В.Я. Брюсова.

Окончательный разрыв произошел по причине незначительной, но для «Мира искусства» этот эпизод показателен. 23 марта 1902 г. З.Н. Гиппиус с возмущением писала П.П. Перцову о февральском номере журнала, где было опубликовано заключение книги Д.С. Мережковского о Толстом и Достоевском: «Текст прерывается в самых патетических местах о церкви, о пресвитере Иоанне и т.д. — какими-то экзотическими карикатурами, то журавль, то японские рыбки, то по-дозрительная дама. Прямо на страницах между словами. Новая (вернее старая, третьегодичная метода). Д.С. (Мережковский. — С.М.) шлялся к Сереже (Дягилеву. — С.М.) на поклон. Но тот ни одного журавля ему не уступил... Вы правы, лучше нигде, чем у Сережи»⁸.

Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус справедливо усмотрели в этом эпизоде нежелание считаться с их мнением и из журнала ушли еще до его закрытия вместе с другими литераторами. В 1903 г. они организовали свой журнал «Новый путь», который вызвал резкие оценки «Мира искусства».

В 1904 г. закрылся и журнал художников. Во-первых, он не имел большой читательской аудитории, поскольку сложность и необычность журнала отпугивала неподготовленных читателей. Тираж едва превышал тысячу экземпляров. Во-вторых, и именно это явилось главной причиной закрытия, журнал-манифест не может издаваться долго: как только выяснены

основополагающие вопросы, журналу надо менять тип или прекращать свое существование. Это хорошо поняли создатели «Мира искусства». «Все трое, Дягилев, Философов и я, — вспоминал позже Бенуа, — устали возиться с журналом. Нам казалось, что нужно было сказать и показать, было сказано и показано, поэтому дальнейшее явилось бы только повторением, каким-то топтанием на месте, а это особенно было нам противно»⁹.

«Мир искусства» испробовал на практике тип журнала-манифеста, став первым изданием подобного рода, и поэтому ему пытались подражать другие модернистские издания, появившиеся позже, в первую очередь «Золотое руно» и «Аполлон».

«Новый путь»

Уйдя из «Мира искусства», петербургские символисты, главным образом Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус, начали серьезно готовить свой журнал. Для них возможность общения с читателем была особенно важна, так как петербургская группа рассматривала символизм не только как новое искусство, но в большей степени как новую систему жизненной ориентации, с которой необходимо было познакомить общество. Выше уже упоминалось об открытии в Петербурге религиозно-философских собраний в 1901 г. В числе инициаторов были и сотрудники «Мира искусства», где еще публиковались в то время писатели-символисты. «Мы все были в те годы мучительно заинтересованы загадкой бытия, — рассказывал в воспоминаниях А. Бенуа, — и искали разгадку ее в религии и в общении с людьми, посвятившими себя подобным же поискам... отсюда же и образование Религиозно-философского общества, ...которого названные лица (Мережковский, Минский, Перцов, Шестов, Тернавцев, Розанов. — С.М.) были членами-основателями и собрания которого стали сразу же привлекать к себе не только самых разнородных лиц из «мирян», но и многих «духовных». Инициаторы отправились к митрополиту Антонию, который обещал поддержку. Первые собрания проходили в помещении Географического общества на Театральной улице в большой и узкой комнате за длинным, покрытым зеленым сукном столом. Сначала собрания, вызвавшие общественный интерес, были очень содержательны, но «с течением времени они стали приобретать тот характер суесловных говорилен, на который обречены всякие человеческие общения, хотя бы основанные с самыми благими намерениями»¹.

«НОВЫЙ ПУТЬ», созданный Мережковскими и Перцовым, начал выходить в 1903 г. как орган религиозно-философских собраний, что было указано в разрешении на издание. В первое время журнал печатал протоколы заседаний, но собрания достаточно быстро были запрещены, и фактически «Новый путь» считался журналом Мережковского и Гиппиус.

Разрешение на издание получил П.П. Перцов, он дал значительную часть необходимой суммы и был назван в качестве редактора журнала, но основную роль играл Д.С. Мережковский как идейный вдохновитель, а на З.Н. Гиппиус лежала основная редакционная работа.

С самого начала «Новый путь» возник как своеобразный общественный орган, пытавшийся создать иную, отличную от уже существовавших, религиозную общественность. Д.С. Мережковский позже, в конце 1905 г., в нашедшей статье «Грядущий Хам» так объяснял содержание понятия «религиозная общественность»: «...нужна общая идея, которая соединила бы интеллигенцию, церковь и народ, а такую общую идею может дать только возрождение религиозное вместе с возрождением общественным. Ни религия без общественности, ни общественность без религии, а только религиозная общественность спасет Россию»². З.Н. Гиппиус по-своему объясняла природу религиозной общественности. Когда разные люди, принадлежащие к различным общественным группам, выходцы из разных слоев общества, совершают паломничество к Светлояру-озеру, в воды которого, по преданию, опустился град Китеж, за несколько дней пути между ними возникает особая общность. Это и есть религиозная общественность.

Вопрос о разделении ролей между Дмитрием Сергеевичем и Зинаидой Николаевной не только в журнале, но и во всей их совместной жизни, продолжавшейся более 50 лет, очень сложен. З.Н. Гиппиус предпочитала уходить в тень, подчеркивая основную роль своего супруга, но многие знавшие их в этом сомневались, называя З.Н. Гиппиус неким генератором идей, которые затем

воплощал Мережковский. Как бы там ни было, но в журнале роль Гиппиус, действительно, была главной. Мережковский в это время был занят работой над романом «Петр и Алексей», в «Новом пути» печатал в основном литературные труды. Главную партию в журнале исполняла З.Н. Гиппиус — поэтесса, писательница, острый талантливый критик, хозяйка знаменитого литературного салона, дающая путевку в литературу всем начинающим поэтам. В 1904 г. к ним присоединился Д.В. Философов. Своеобразный духовный триумvirат просуществовал до 1920 г., когда их пути разошлись.

В автобиографических заметках, написанных до эмиграции, Гиппиус утверждала: «Наиболее яркими событиями моей (и нашей) жизни последних лет я считаю устройство первых религиозно-философских собраний (1901 — 1902), затем издание журнала «Новый путь» (1902—1904), внутреннее переживание событий 1905 г.»³. Для З.Н. Гиппиус работа в журнале стала одним из значительных периодов жизни, и общественной, и литературной. Гиппиус много выступала в «Новом пути» как литературный критик под псевдонимом, который она сохраняла и в других изданиях, — Антон Крайний.

Отношения между первым редактором-издателем П.П. Перцовым и четой Мережковских складывались трудно: вдохновители журнала отличались нетерпимостью и властолюбием, редакторские возможности Перцова влиять на публикацию того или иного материала были сведены к нулю. После ряда конфликтов, раздраженной переписки между ним и Гиппиус он отошел от дел. С 1904 г. редактором стал Д.В. Философов.

Большую роль в практическом ведении дел журнала играли его секретари. Еще во время подготовительной работы, которая велась около двух лет, обязанности секретаря взял на себя В.Я. Брюсов. Он имел свое четко продуманное представление о журнале-манифесте, в издании которого хотел бы принимать участие. Но его планы и планы Мережковских разошлись. Брюсов возражал против мистической ориентации журнала, его не устраивал способ отбора бел-летристического материала, а главное — для поэта была неприемлема та общественная роль, которую собирался играть «Новый путь». Брюсов отошел от журнала еще до появления первого номера. Его место занял Е. Егоров — участник религиозно-философских собраний, а в 1904 г. секретарем стал поэт Г. Чулков, сыгравший роковую для журнала роль.

«Новый путь» вышел «при большом литературном шуме», по выражению Л.Н. Андреева. Первые два номера разошлись в двух изданиях тиражом 2258 экземпляров, что для журнала подобного типа было достаточно много.

В редакционном объявлении объяснялась цель журнала: «Дать возможность выразиться в какой бы то ни было литературной форме—в повествовании, в стихах, в философском рассуждении, в научной статье или беглой заметке — тем новым течениям, которые возникли в нашем обществе с пробуждением религиозно-философской мысли». Эта цель должна была достигаться традиционным способом, в привычных для русского журнала жанрах: стихи, повествования, научные статьи, философские рассуждения. В этом проявилась двойственность нового издания — круг проблем, свойственный скорее журналу-манифесту, и средства, традиционные для журнала «обычного русского типа». Двойственной была и аудитория, на которую «Новый путь» рассчитывал: с одной стороны, высокообразованная интеллигенция, способная воспринять религиозную проповедь и понять основы нового искусства, с другой — широкие круги духовенства, служители церкви разного уровня, в том числе сельской, не всегда обладавшие развитым художественным вкусом и достаточным образованием. Но именно эту часть общества журнал хотел привлечь к созданию религиозной общности, надеясь на взаимопонимание со стороны духовенства.

Двойственность журнала и его читательской аудитории не позволила «Новому пути» воплотить в жизнь тип маленького журнала «для своих», хотя сама редакция отмечала, что внешнюю форму она заимствовала у европейских изданий, в первую очередь образом послужил «Mercure de France», откуда были взяты объем, введение в текст иллюстраций и сиреневый цвет обложки.

Внутренние особенности «Нового пути» были обусловлены русскими условиями и вкусами русского читателя. Это касалось главным образом отдела беллетристики. Зная привычку русского

человека читать в журнальной книжке роман или повесть, редакция тем не менее не придавала беллетристике никакого значения, что само по себе странно для журнала, издаваемого писателями, и лишь шла на уступку нетребовательному читателю. И как ни мечтала Гиппиус, что явится какая-нибудь новая форма, «бель — но не летристика, или летристика, но не бель»⁴, в повседневной практике приходилось брать тот беллетристический материал, который был в наличии. Большая часть публикуемой «Новым путем» прозы была серой и неинтересной, принадлежала малоизвестным авторам, писавшим в традиционной реалистической манере. Это и вызвало неприятие Брюсова, считавшего, что если нет хорошей прозы, ее не надо печатать вообще.

Совсем по-другому обстояло дело с публикацией стихов. Для толстого журнала конца XIX в. стало традицией пренебрежительное отношение к поэзии, печаталось по одному стихотворению в номере. Одной из главных заслуг своего журнала Гиппиус считала (она об этом писала в воспоминаниях) новый способ печатания стихов: в номере помещалось сразу несколько стихотворений одного автора, представлялся как бы маленький сборник поэта. Самым публикуемым был Ф. Сологуб, З.Н. Гиппиус взяла в журнал подборку стихов А. Блока из цикла «Стихи о Прекрасной Даме».

Наличие отдела беллетристики отчасти приобщало «Новый путь» к кругу толстых изданий, хотя сам журнал этого очень не хотел. В открывавшей журнал статье П.П. Перцов специально объяснял принципиальное отличие нового журнала от классического толстого русского издания. Перцов писал, что в традиционном идеологически цельном русском журнале типа «Современника» и «Отечественных записок» иногда нельзя было отличить, кому принадлежала та или иная публикация, настолько согласованно они звучали и были похожи по стилю. Перцов назвал такие издания «журналами хорового, унисонного пения». В противовес им «Новый путь» будет представлять читателям «естественную солидарность солистов». Основную роль в созданном журнале должна была играть личная оригинальность стиля и мышления, собственное мнение ведущих авторов. Этот принцип проводился в жизнь достаточно последовательно.

Основными авторами стали Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, помещавший свои статьи в специальном отделе «В своем углу», Н.М. Минский, опубликовавший в журнале три большие теоретические работы. Интересен отдел «Из частной переписки», который помещал материалы, спорные с точки зрения редакции. Здесь было опубликовано письмо «студента-естественника» — одно из первых журнальных выступлений Андрея Белого. Отдел «Религиозно-философская хроника» печатал сообщения и заметки о церковной политике и церковных проблемах. Композиционно был выделен отдел «Литературная хроника», где выступали Д.В. Философов и Антон Крайний с очень субъективными, резкими, враждебно-насмешливыми по отношению к противникам символизма заметками. Политический отдел играл второстепенную роль и занимал достаточно незначительное место в номере. Очень сжатые обзоры писали под рубрикой «Политическая хроника», позже «Внутренняя хроника» сначала В.Я. Брюсов, потом Г. Чулков.

«Новый путь» отличался от толстого журнала и несколько меньшим объемом — около 280 страниц. Новым было наличие в журнале иллюстраций, это были в основном отпечатанные на меловой бумаге репродукции с картин, которые помещались в строгом соответствии с текстом (конфликт с «Миром искусства» не был забыт).

Почти демонстративная сосредоточенность на проблемах философии, религии, искусства была не только следствием равнодушия издателей к политике. «Новый путь», как и «Мир искусства», стал явлением культурного развития страны, поэтому проблемам культуры, духовности здесь уделялось основное внимание. Но время диктовало свои законы.

«Новый путь» вышел в 1903 г., в преддверии первой русской революции. Общество все меньше внимания обращало на сложные, абстрактные рассуждения о вере, смысле жизни и т.д. Читатели обращались к органам периодики с определенной политической ориентацией в надежде понять происходящее и познакомиться со взглядами различных общественных и политических групп. Общественный подъем повлиял и на Мережковских, которые стали больше внимания уделять сложным проблемам текущего времени.

В 1904 г. журнал теряет подписчиков. Секретарь редакции Е. Егоров сообщил в начале года, что их набралось 1070 (против 2500 в 1903-м). Чулков писал Перцову, еще

редактировавшему журнал: «Необходимо давать рассказы общественного характера и политику поострее»⁵. Оживить общественные отделы и были призваны Д.В. Философов и Г. Чулков.

Г. Чулков — «либерало-декадент», по выражению З.Н. Гиппиус, в свое время был близок к Горькому и Андрееву, но затем ушел к символистам. Он называл себя «мистическим анархистом» и хотя уверял, что у него есть последователи, был единственным представителем провозглашенного им мировоззрения. В 1904 г., когда положение «Нового пути» было очень трудным, так как не хватало денег на издание, религиозно-философские собрания были закрыты, контакт с духовенством не состоялся, духовная пресса обвиняла журнал в сатанизме, эротизме и прочем, Чулков решил реорганизовать издание. В «Новый путь» по его приглашению пришли Н. Бердяев и С. Булгаков, только что порвавшие с «легальным марксизмом» и выступившие с проповедью идеализма. Это были сотрудники тенденциозные, их приход означал не только по-явление новых имен в журнале, но и пересмотр всех прежних позиций. Старые сотрудники начали покидать журнал, ушел В.В. Розанов. Чулков все больше начал вмешиваться в редакционные дела.

Конфликт произошел после отказа Чулкова печатать одну из статей Гиппиус как недостаточно либеральную. Мережковский на общем собрании сотрудников потребовал выбирать между ними и Чулковым. Большинство встало на сторону Чулкова, и тогда Мережковский отказался от участия в «Новом пути» и предложил журнал закрыть.

В январе 1905 г. редакция сообщила о приостановке «Нового пути» и обещала высылать подписчикам новый журнал «Вопросы жизни». Это было совсем другое издание, хотя оно и заявляло, что продолжает направление «Нового пути». Центральную роль там начали играть будущие кадеты. Через год выход журнала прекратился.

«Новый путь» стал первой попыткой издания журнала-манифеста «чистыми» литераторами. Но он не стал журналом эстетических проблем, обратив преимущественное внимание на проблемы философские, религиозные и общественно-религиозные. В типе этого журнала постоянно противоборствовали черты прежнего традиционного журнала и качества, необходимые для издания, посвященного литературно-эстетическим проблемам. Справедливости ради надо сказать, что журналу удалось сказать много нового и в той и в другой областях, и он оставил свой след в истории русской литературы, культуры и журналистики⁶.

Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус сотрудничали потом в «Весах», в «Русской мысли», Мережковский много печатался в газете «Русское слово». Их статьи не раз вызывали ожесточенную полемику. Но они больше не издавали своего журнала, предпочитая участвовать в разных изданиях на правах сотрудников.

«Весы»

Вдохновителем и инициатором создания журнала московских символистов «Весы» стал В.Я. Брюсов. Уйдя из журнала Мережковских, он писал А. Белому в августе 1903 г.: «Я разочаровался в «Новом пути» еще и еще, и даже еще. Мережковские не могут допустить рядом с собой никакой мысли. Постепенно «Новый путь» наводняется тихими всхлипываниями слабоумных юношей, подражающих Дмитрию Сергеевичу. Антон Крайний поносит беллетристику «Русского богатства», но никогда «Русское богатство» не падало так низко, чтобы допустить на свои серые страницы ту позорную дрянь, которую горделиво печатает «Новый путь»¹.

Для группы московских поэтов, объединившихся вокруг издательства «Скорпион», участие в «Новом пути» было неприемлемым, «Мир искусства» доживал последние дни, предоставляя свои страницы преимущественно изобразительному искусству. В.Я. Брюсову и его последователям был необходим журнал-манифест, где они могли бы теоретически обосновать свои взгляды на «новое» искусство, не всегда во всем совпадавшие с идеями петербургской группы. По замыслу Брюсова, таким журналом должны были стать «Весы».

«Весы» вышли в 1904 г., когда еще продолжал издаваться «Новый путь», и поэтому необходимо было четко определить его роль в ряду символистских журналов. Это было сделано в

объявлении об издании нового органа, где подчеркивалось, что «Весы» — журнал идей. Основной предмет журнала — пропаганда эстетических идей творчества вообще и творчества символистов в частности. Был продуман и тип нового издания. В обращении «К читателям» говорилось, что «Весы» желают создать первый в России критический журнал. В качестве образцов внешней стороны изданий они избирают английский «Атенеум», французский «Меркюр де Франс», немецкое «Литературное эхо» и итальянское «Марзоччо». Но во всем остальном европейские образцы оказались настолько переосмысленными, что «Весы» стали явлением уникальным не только в русской, но и в мировой журналистике.

Свое название журнал получил по названию созвездия «Весы», которое находится рядом с созвездием «Скорпион» — символический намек на близость к издательству «Скорпион». Издателем и редактором журнала стал С. Поляков, по его душею был В.Я. Брюсов.

В первый год журнал имел два отдела: общие статьи по вопросам искусства, науки и литературы и «Хроника литературной и художественной жизни». Самым необычным был полный отказ от отдела беллетристики. Так Брюсов реализовал свое решение: чем печатать плохую беллетристику, лучше не публиковать ее вообще. «Стихи, рассказы, все создания творческой литературы сознательно исключены из программы «Весов», — говорилось в обращении «К читателям», — таким произведениям место в отдельной книжке или сборнике». Брюсов предпринял рискованную попытку доказать, что возможен литературный журнал без привычного материала «для чтения». Это была редакторская ошибка поэта, и не только потому, что читатели не принимали журнала без беллетристики, но и потому, что, пропагандируя «новое» искусство, публикуя сложнейшие эстетические изыскания, журнал не давал иллюстраций к этим поискам, не печатал художественных произведений, в которых новые принципы получили бы более или менее полное воплощение. По теоретическим статьям не очень подготовленному читателю порой трудно было понять, какие особенности делают стихотворение или рассказ произведением «нового стиля».

Эту ошибку пришлось исправлять. Через два года, столкнувшись с неуклонным падением тиража, «Весы» начали печатать беллетристику, правда, гораздо более строго, чем «Новый путь», отбирая материал для публикации. Свою прозу давал в «Весы» и сам Брюсов, в журнале увидели свет его нашумевший роман «Огненный ангел» и некоторые повести.

От своих собратьев «Весы» отличались оформлением. Журнал был меньше по объему — 6 — 7 печатных листов, в состав номеров входили иллюстрации, иногда цветные. Отпечатанный на хорошей бумаге, журнал был очень изящен и внешне и внутренне. Художественным оформлением занимался Л. Бакст, поэтому в облике «Мира искусства» и «Весов» было что-то родственное. Рисунки на обложке журнала — декоративные, полные некой таинственности.

Основными теоретиками «Весов» стали Андрей Белый, Вячеслав Иванов и Эллис. Очень много писал в первые годы издания и сам Брюсов. В 1904 г. он опубликовал 81 статью, в 1905 — 58. Правда теоретических работ его перу принадлежало немного. Первый номер нового издания открывался знаменитой статьей «Ключи тайн», манифестом символизма, но манифестом, опубликованным через 12 лет после появления этого течения в литературе. Идеи символизма развивались и в «Священной жертве», и в статье «Страсть», которая должна была стать началом серии ежемесячных бесед Брюсова с читателями по вопросам современности. Эта серия носила название «Вехи».

В серии «Вехи» была опубликована статья Брюсова «Свобода слова», подписанная одним из его псевдонимов — Аврелий. Она явилась ответом на опубликованную в ноябре 1905 г. в большевистской газете «Новая жизнь» статью В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Брюсов ответил практически сразу, уже в ноябрьском номере «Весов» за 1905 г. Очень подробно цитируя положения статьи Ленина, что само по себе было важно, так как читатели могли сопоставить мнения спорящих, а не только принимать доводы одного из них, Брюсов противопоставлял требованию подчинения личности воле союза или партии идею сво-боды личности, свободы слова и мнения. Очень горячо и искренне написанная, эта статья, совершенно неизвестная в последующие годы в России, широко обсуждалась в западном литературоведении. Несмотря на небольшое количество статей, подписанных именем Брюсова

или одним из его псевдонимов, половину журнального номера в первые два года издания заполняли именно его материалы. Во втором отделе («Хроника литературной и художественной жизни») Брюсов помещал рецензии на новые книги. Таким способом он воплощал в жизнь свою мечту о первом в России критическом журнале. Он рецензировал практически все появившиеся сборники стихов, книги по литературе и искусству, откликался на различные выставки и театральные спектакли. Рецензии на книги не всегда были отзывами о них, часто автор только упоминал название вышедшего сборника или произведения, а потом, оставив его в стороне, начинал рассуждать о теоретических и эстетических проблемах. Рецензии Брюсова были небольшими теоретическими статьями. Он считал, что есть интересные книги и интересные рецензии. Для себя он выбрал второе. Кроме рецензий, поэт писал без подписи в разделах «Заметки», «В журналах и газетах», «Хроника», «Горестные заметки», «Мелочи» и т.д.

История «Весов» распадается на несколько периодов. Первый — и самый интересный — 1904 — начало 1905 г. В это время активно работал Брюсов, воплощая тип задуманного журнала, более четко выражалась и эстетическая и политическая программа журнала.

По первоначальному, утвержденному Главным управлением по делам печати плану, политического отдела в «Весах» не было. Но журнал умел выразить свои политические симпатии и антипатии своеобразным, доступным ему способом. Отношение к русско-японской войне не было четким и определенным, в статьях и заметках высказывались различные оценки этого события. Но в октябре и ноябре 1904 г. появились «японские» номера «Весов», в которых были воспроизведены образцы японской графики, опубликованы статьи о японском искусстве. Брюсов так объяснил появление подобных публикаций: «Весы» должны во дни, когда разожглись по-литические страсти, с мужеством беспристрастия исповедать свое преклонение перед японским рисунком. Дело «Весов» руководить вкусом публики, а не потворствовать ее инстинктам»². В примечании к «японским» номерам говорилось, что журнал хочет напомнить читателю о Японии, о стране художников, а не солдат. Журнал выражал свои политические взгляды опосредствованно, при помощи языка искусства, которому и был посвящен.

Революция 1905 г. оказала влияние почти на всех русских символистов. Протест против «страшного мира» привел некоторых из них к принятию революции, этот мир разрушающей. Отсюда — внимание к программе социал-демократов, которое ощущается в статьях Андрея Белого, писавшего, что «социализм — действительно объединяющее учение». Внимательно всматривался в революционные события и Брюсов. Он рассказал в одной из статей, как написал работу о стихотворении А.С. Пушкина «Кинжал» и сопроводил ее своим стихотворением под тем же названием. Цензура запретила все, в том числе и давно разрешенное к публикации произведение Пушкина. Стихотворение Брюсова действительно звучало революционно.

Но общественный подъем отрицательно сказался на судьбе «Весов», так же как и на судьбе «Нового пути». Количество подписчиков было небольшим: в конце 1904 г. — 670, в 1906-м — 845, в 1907-м — 1095, в 1908-м — 16923. Некоторый рост наметился благодаря печатавшейся со второй половины 1905 г. хорошей беллетристике, но для журнала, существующего только на деньги от подписки, этого было мало. «Весы» расходились лишь в столицах, найти подготовленного читателя в провинции журнал не смог.

В начале 1906 г. Брюсов хотел уйти из журнала. Вняв просьбам друзей, он остался, но главенствующей роли в «Весах» уже не играл. В журнале меняются сотрудники, появляются Мережковский и Гиппиус. Идеино руководил журналом Брюсов, но он уже не отдавался журнальным делам с той страстью, которая характерна для первых лет. В письмах поэта звучат постоянные жалобы на страшную загруженность черновой журнальной работой, которую С. По-ляков всю переложил на плечи Брюсова. Да и создать тот тип журнала, о котором мечтал, Брюсову не удалось. В конце 1906 г. он писал З.Н. Гиппиус: «...я к «Весам» остыл очень. Я убедился, что для меня, несмотря на трехлетнюю работу в них, сделать их такими, какими я хочу, все-таки невозможно. А тратить энергию, а тем более хитрить, чтобы только более или менее приблизить их к своему образцу, — не стоит. Пусть себе издаются по «скорпионовскому» трафарету, конечно, в значительной степени созданному мною, по уже давно надоевшему и опостылевшему мне. Может быть, когда-нибудь буду я издавать иной «свой» журнал, а «Весы»

надо предоставить их фатуму. Пусть они пройдут в литературе отмеренные им Паркой годы. Со своим единым неизменным ликом»⁴.

Кроме разочарования Брюсова в своем детище и его разногласий с С. Поляковым по вопросам работы журнала, закат «Весов» объяснялся тем, что свою роль журнала-манифеста издание уже сыграло. Символизм не только укрепился, стал популярным, но и, по мнению некоторых участников движения, клонился к закату. Появилось несколько других символистских журналов, да и солидные издания стали охотно печатать прежних изгоев. «Весам» оставалось только бдительно следить за чистотой своих рядов. Журнал увяз в долгой и бесплодной полемике о символизме и роли его изданий с появившимся в Москве в 1906 г. «Золотым руном». Со-трудники тоже чувствовали, что связывавшие их идеи исчерпаны, общий путь пройден. «Весы» перестали выражать что-то новое и в 1909 г. закрылись. Опыт издания «Весов» еще раз доказал, что журнал-манифест не может издаваться долго: как только все идеи объяснены и все новое показано, у журнала не остается жизненного пространства, если только он не поменяет своего типа. Но и за пять лет существования «Весы» вписали в историю русской журналистики одну из интереснейших страниц⁵.

В.Я. Брюсов в 1910 г. решил попробовать свои силы в классическом толстом журнале и начал сотрудничать в «Русской мысли», о чем было рассказано выше.

«Золотое руно» и «Аполлон»

Журнал «Золотое руно», вышедший в 1906 г., стал вторым московским журналом, посвященным проблемам символизма. К этому времени бунтари-одиночки, которых высмеивали и журналы и газеты, превратились в известных писателей, печатавшихся в солидных изданиях, издававших книги и сборники. Символизм вошел в моду.

В определенной степени эта мода на модерн в состоятельных кругах общества и вызвала к жизни «Золотое руно». Деньги на издание дал Н.П. Рябушинский, представитель известной семьи московских текстильных фабрикантов. Он пробовал себя в литературе и в музыке, но способностей не обнаружил. Люди, знавшие его, в том числе философ Л. Шестов, говорили о его «литературной необразованности»¹.

Рябушинский и стал издателем самого дорогого и роскошного русского журнала. Он тратил на «Золотое руно» около 100 тыс. в год, это позволяло не считаться с расходами при оформлении журнальных книжек. Великолепно иллюстрированные, отпечатанные на прекрасной бумаге, они приходили к подписчикам в изящных футлярах, перевязанных золоченым шнуром.

Но Н.П. Рябушинский не ограничивался ведением материальных дел журнала, он претендовал на редакторские функции, брал на себя диктаторскую роль в журнале. Это стало причиной постоянных внутривредакционных столкновений и смены сотрудников, требовавших устранения Рябушинского. Вот как рассказывал о нем А. Бенуа в книге воспоминаний: «Был тот гость сам Николай Петрович Рябушинский, тогда еще никому за пределами своего московского кружка не известный, а уже через год гремевший по Москве благодаря тому, что он пожелал продолжать дело Дягилева и даже во много раз перещеголять его... Казалось, что он нарочно представляется до карикатуры типичным купчиком-голубчиком из пьес Островского... Тогдашний Рябушинский был фигурой весьма своеобразной и очень тревожной... Я ему понадобился как некий представитель отошедшего в вечность «Мира искусства», как тот элемент, который, как ему казалось, должен был ему облегчить задачу воссоздать столь необходимое для России культурно-художественное дело и который помог бы набрать нужные силы для затеваемого им — в первую очередь — журнала. Название последнего было им придумано — «Золотое руно», а сотрудники должны были сплотиться подобно отважным аргонавтам»². Название журнала было заимствовано из символики кружка «Аргонавты», созданного Андреем Белым.

Оценивая выход первого номера нового журнала, В.Я. Брюсов писал, что декадентство как литературная школа кончается. «Давно, однако, отмечено, что именно тогда, когда идеи ветшают, они проникают, наконец, в сознание большой публики. К сожалению, широкие круги в литературе и искусстве всегда живут вчерашним днем». Брюсов назвал журнал «пышным саркофагом»,

«великолепной гробницей». «Весь этот «новый журнал» говорит мне о чем-то старом, прошлом, и «золотое руно», которое он предлагает читателям, добыто не им, а другими, задолго до того, как он снарядился в путь»³. Конечно, в Брюсове говорила и ревность создателя настоящего журнала-манифеста, но в основном он был прав: «Золотое руно» не только повторяло внешнюю форму «Мира искусства», его внутреннее наполнение тоже было достаточно вторичным и неоригинальным.

Литературной частью ведал в первое время С. Соколов (псевдоним С. Кречетов) — руководитель издательства «Гриф», второго после «Скорпиона» московского издательства символистов. В оформлении участвовали «мирискусники» Л. Бакст, Е. Лансере, К. Сомов и др. Рисунки, виньетки, заставки, изящные, мастерски выполненные, напоминали старшего собрата. Так же как и «Мир искусства», «Золотое руно» печатало альбомы репродукций. Первый номер был посвящен работам Врубеля, в следующих читатель знакомился с творчеством самих оформителей — Бакста, Сомова и др.

В редакционном манифесте провозглашалось, что «искусство — вечно, едино, символично и свободно». Первый номер украшали имена Брюсова, Бальмонта, Мережковского.

Но уже в июле 1906 г. С. Соколов отправил Рябушинскому заявление об уходе, предварительно разослав его копии московским и петербургским литераторам. Конфликт наделал много шума, однако остальные сотрудники из журнала не ушли. В литературный отдел пришел А.А. Курсинский — поэт близкий В.Я. Брюсову, что позволило последнему на некоторое время сделать «Золотое руно» неким продолжением «Весов». Но и Курсинский долго работать с Рябушинским не смог и ушел, за ним последовал Андрей Белый.

Весной 1907 г. произошла реорганизация журнала. Во главе редакционных дел встал секретарь журнала Г.Э. Тастевен — филолог, автор статей по философско-эстетическим проблемам. Он попытался изменить идейно-эстетические позиции «Золотого руна». Тастевен сблизился с Г. Чулковым, который после закрытия «Вопросов жизни» издавал альманах «Факелы», но стремился работать в журнале. Вместе с Чулковым в «Руно» пришли литераторы-петербуржцы — А. Блок, Вяч. Иванов, С. Городецкий. В объявлении «От редакции» летом 1907 г. говорилось: «Редакция «Золотого руна» уделит главное внимание вопросам критики, имея в виду двоякого рода задачи: с одной стороны, пересмотр теоретических и практических вопросов эстетического мировоззрения, с другой возможно более объективный анализ искусства последних лет и новых явлений в живописи и литературе с целью выяснить перспективы будущего. Особенное значение редакция придает рассмотрению вопросов о национальном элементе в искусстве и о «новом реализме»⁴. Эта программа намечала какие-то конкретные и относительно новые вопросы, рассматриваемые журналом, то, о чем не писали предшественники. Возможно изменение программы объясняет тот факт, что в «Золотое руно» пришел А. Блок. Это была первая попытка поэта участвовать в редакционной работе журнала и использовать его страницы для выражения своих мыслей о литературе и современности. В 1907 — 1908 гг. Блок опубликовал ряд статей-обзоров о современном искусстве, в том числе нашумевшую статью «О реалистах». Она вызвала бурную реакцию со стороны А. Белого. В начале августа он послал Блоку оскорбительное письмо, на которое Блок ответил вызовом на дуэль. К счастью, в последующей переписке конфликт был разрешен⁵.

История «Золотого руна» изобилует скандалами, накал которых отражался в письмах его сотрудников. А. Белый, Вяч. Иванов постоянно писали своим корреспондентам о разногласиях с редакцией, предлагали различные «договоры» и «конституции», главным требованием которых было удаление Рябушинского, но этого сделать не удалось. Кроме того, началась изнурительная и некорректная полемика о символизме с «Весами», в которой участвовали, с одной стороны, З. Гиппиус и В. Брюсов, с другой — С. Городецкий, который за грубый выпад против Брюсова был даже изгнан из «Руна». Старые сотрудники уходили из журнала. Брюсов писал: «...«скорпионы», «золоторунцы», перевальщики и «оры» в ссоре друг с другом и в своих органах поносят один другого. Слишком много нас расплодилось, и приходится поедать друг друга, иначе не проживешь»⁶.

В 1908 г. Н.П. Рябушинский утратил интерес к журналу, его материальные дела

пошатнулись. В 1909 г. оба московских издания символистов, «Весы» и «Золотое руно», прекратились. Если «Весы» много сделали для разработки основ символизма как искусства, это был журнал-манифест в самой большей степени соответствовавший своему типу, то «Золотое руно», внесло вклад в рас-пространение образцов нового искусства в более широкой и русской, и европейской публике. Текст в журнале печатался параллельно на двух языках — русском и французском, и хотя переводы не всегда удовлетворяли авторов, знакомство Запада с русским модернизмом — одна из основных заслуг «Золотого руна».

В 1910 г. сами символисты заявили о кризисе течения как литературной школы. Закончилась эпоха самого мощного и представительного течения русского литературного модерна, закончилось время символистских журналов-манифестов. На смену символизму шли новые школы, и это нашло свое отражение в истории последнего модернистского журнала «Аполлон».

«Аполлон», как и «Золотое руно», ориентировался на «Мир искусства». Это доказывает своеобразный факт в истории русских модернистских изданий: примером для подражания и тиражирования стал не чисто литературный журнал, а художественно-литературный, в котором мирно или немирно, но сосуществовали два вида искусства — литература и живопись. Такой интерес к изобразительному искусству «отражал процесс движения от литературоцентризма XIX в. к установлению новой иерархии искусств. Словесный образ оттеснялся зрительным, более соответствовавшим быстрому ритму городской жизни»⁷.

«Золотое руно» и «Аполлон» находились на переломе от литературоцентризма к пониманию значения образа зрительного, и тот и другой журналы много внимания уделяли живописи. «Золотое руно», подобно «Миру искусства», устраивал выставки (одна из них называлась «Голубая роза»), на его страницах печаталась художественная хроника, по все же литературная часть преобладала. Она играла основную роль и в «Аполлоне», особенно в первые годы его истории.

Первый номер «Аполлона» вышел в ноябре 1909 г. в Петербурге. Организатором издания стал художественный критик С. Маковский, в создании «Аполлона» активно участвовал поэт И. Анненский. Среди сотрудников были как литераторы (К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый, В. Брюсов), так и художники и театральные деятели (Л. Бакст, М. Добужинский, В. Мейерхольд, Ф. Комиссаржевский). Но по свидетельству С. Маковского, родоначальниками журнала были поэты-новаторы.

Оформление нового журнала во многом повторяло «Мир искусства», тем более что им занимались все те же «мирискусники» — Л. Бакст, А. Бенуа, М. Добужинский. Обложку рисовал Добужинский. Журнал выходил на 80—100 страницах с черно-белыми и цветными репродукциями. Новое издание было скромнее и строже, чем именитые предшественники, а главное дешевле: цена номера около рубля.

Главная цель журнала заключалась в утверждении самоценности искусства и внимании к вопросам мастерства. «У этого Аполлона нет жрецов и не будет святилища», — писал в первом номере И. Анненский, явно намекая на богоискателей от искусства. Поэт предлагал создавать «мастерские, куда пусть свободно входит всякий, кто желает и умеет работать на Аполлона»⁸.

Отдел беллетристики занимал около трети объема, еще одна треть отдавалась «Хронике», с 1911 г. она стала называться «Художественная хроника». В отделе «Хроника» печатались и литературные рецензии под рубриками «Письма о русской поэзии», «Заметки о русской беллетристике», «Новые книги», «Журналы». Существовал раздел «Театр», публиковавший рецензии на спектакли. Оставшаяся треть отводилась статьям по эстетике, истории живописи и театра, художественной критике. Полемика с прессой шла под рубрикой «Пчелы и осы «Аполлона».

Полемик было много. Журнал вызвал вопросы, недоумения и нарекания. Остроумный фельетон-отклик на появление первого номера написал А. Аверченко.

«Однажды в витрине книжного магазина я увидел книгу... По наружному виду она походила на солидный, серьезный каталог технической конторы... А когда мне ее показали поближе, я увидел, что это не каталог, а литературный ежемесячный журнал.

— Как же он... называется? — растерянно спросил я.

— Да ведь заглавие-то на обложке!

— Здесь нет секрета, — сказал приказчик. — Журнал называется «Аполлон», а если буквы греческие, то это ничего... Следующий номер вам дастся гораздо легче, третий еще легче, а дальше все пойдет, как по маслу». Далее Аверченко обыгрывал знаменитых «мэнад» из открывавшей журнал статьи Анненского. «Первая статья, которую я начал читать, — Иннокентия Анненского — называлась «О современном лиризме».

Первая фраза была такая: «Жасминовые тирсы наших первых мэнад примахались быстро...» Дальнейшее изложение Аверченко строил на рассказах о встречах с разными людьми, которым фельетонист читал фразы из журнала, после чего его быстро принимали за сумасшедшего⁹.

Надо заметить, что в этом, может быть слишком резком, отклике Аверченко была отмечена усложненность первых номеров журнала. Дальше, почти по Аверченко, дело пошло легче. В апрельском номере 1910 г. М. Кузьмин опубликовал знаменитую статью «О прекрасной ясности», где предложил писать ясно, логично, образно, соблюдая чистоту слога. После объявленного мэтрами символизма заката этого течения на смену поэтам-символистам в «Аполлон» пришли другие поэты с новыми эстетическими идеями. Плеяда молодых — Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, С. Городецкий на заседаниях «Цеха поэтов» провозглашают повое направление в искусстве — акмеизм. Новому течению нужен был свой журнал. Издаваемые «Цехом» сборники «Гиперборей» не могли завоевать широкой аудитории, и акмеисты берут в свои руки «Аполлон».

В конце 1912 г. С. Маковский пригласил лидера акмеизма Н. Гумилева заведовать литературным отделом. В первом номере за 1913 г. был опубликован его манифест «Наследие символизма и акмеизм» и лекция С. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии». «Аполлон» превратился в журнал-манифест акмеизма. Акмеизм был явлением менее масштабным, чем символизм. Эстетическое обоснование нового течения и показ образцов творчества заняли меньше времени, чем у предшественников. Споры о новом искусстве тоже утихли гораздо быстрее и не только потому, что в 1914 г. началась война, но и потому, что спорить практически было не о чем.

В 1914—1917 гг. литературные интересы отошли на второй план, «журнал все больше устремлялся к искусствознанию и его специальным проблемам (современная художественная жизнь, эстетическое образование, охрана памятников, музейные дела, коллекции и аукционы, техника живописи и графики и т.д.)»¹⁰. Это был уже другой журнал под тем же названием.

«Аполлон» просуществовал дольше всех модернистских изданий (ноябрь 1909 — лето 1918 г.). Журнал не сложился как четкий тип, сначала он ориентировался на «Мир искусства», затем, подобно «Весам», стал журналом-манифестом акмеизма, а потом превратился в издание художественное.

В истории каждого модернистского журнала были свои взлеты и падения, своеобразные находки, по все вместе эти издания вписали яркую страницу в развитие культуры России и в русскую журналистику начала XX в.

Театральные журналы

Театральные издания существовали и в XIX в но не играли заметной роли, серьезные публикации на темы театра появлялись в солидных толстых ежемесячниках. На рубеже XIX и XX вв. рост количества театров интерес общества к проблемам искусства сцены, успехи драматургии создают предпосылки не только для увеличения количества театральных изданий, но и для большого качественного и типологического разнообразия.

Происходит специализация театральной периодики. Самым интересным массовым журналом, обращавшимся не только к любителям театра, но и к актерам стал «Театр и искусство» А.Р. Кугеля.

Сложнейшие эстетические поиски, происходившие в это время в театре, вызвали к жизни такие журналы, как «Маски» и «Любовь к трем апельсинам», которые можно считать журналами-

манифестами театрального искусства.

- Специализация различных театральных изданий.
- Массовый журнал «Театр и искусство».
- Внутритеатральные издания.
- Журнал В.Э. Мейерхольда и А.А. Блока.

Русское общество всегда любило театр. В XIX в. все театральные проблемы находили свое отражение на страницах толстых изданий, которые публиковали и театральную хронику и рецензии на спектакли. Увеличение количества театров усложнение эстетических поисков в среде театральных деятелей, появление в 1899 г. Московского Художественного театра, разделившего всех поклонников театрального искусства и профессионалов на противников и сторонников, - эти и многие другие причины способствовали тому, что театральным материалам стало тесно на страницах традиционного издания. В конце XIX в. возникает собственно театральная пресса, которая к началу XX в. существует уже не только в Петербурге и Москве, где было сосредоточены основные хорошие театры, но и в провинции. Театральная периодика развивается в Харькове, Киеве, Нижнем Новгороде, Ростове, Казани и других городах.

Театральная журналистика относится к отраслевой печати. На рубеже веков количество изданий, посвященных разным отраслям искусства, науки, техники, медицины, значительно возросло. Библиографический справочник отраслевых изданий начала XX в. составляет четыре тома. Конечно, значимость отраслевых изданий была неодинакова. Журналы, посвященные разным областям медицины, техники, читали профессионалы, а издания, рассказывающие о различных видах искусства — архитектуре, скульптуре, театре, — были интересны и для более широкого круга читателей, интересующихся этими проблемами. Особое внимание привлекали театральные газеты и журналы.

Среди органов периодики, посвященных театру, были и газеты, например «Театральная газета» (1913—1918), но в основном издавались журналы. Некоторые ежегодно — «Ежегодник императорских театров», другие ежемесячно — «Маски», но были и еженедельные журналы — «Театр и искусство», «Рампа и жизнь» и др. Журналы адресовались к разным слоям публики, у каждого были свои цели и задачи. «Журналы, посвященные тем искусствам, где число творческих работников сравнительно невелико и зрительская аудитория тоже ограничена, например, — издания по живописи и скульптуре — адресовались почти исключительно ценителям этих искусств, хотя и профессионал мог найти в них интересующий его материал. Журналы по архитектуре, напротив, предназначались исключительно специалистам, как и журналы по фотографии... Театр и исполнительские искусства, где к творческому процессу причастны большие коллективы и аудитория тоже велика, вызвали к жизни два разряда отраслевой печати — малотиражную, предназначенную профессионалам, и массовую, предназначенную широкой публике»¹.

Среди театральных журналов, обращенных к специалистам и обсуждающих Внутритеатральные проблемы, были журналы «Маски» и «Любовь к трем апельсинам». К массовым, целью которых было знакомство публики с театральной жизнью, относились многие журналы. Самым ярким среди них стал еженедельник «Театр и искусство», издаваемый А.Р. Кугелем. Массовые издания были неоднородными. Некоторые носили справочный характер, особенно в провинции; «Новости сезона», «Обозрение театров» сообщали о репертуарных планах, печатали имена занятых в спектаклях актеров, рецензии на постановки, сводящиеся в основном к оценке игры актеров и оформления сцены.

«Ежегодник императорских театров», который начал выходить с 1892 г., «за эти десять лет образовал довольно внушительную коллекцию книжек с ценными статьями и с разными документами, касающимися личного состава, репертуара и т.д. Но общий характер этого издания был самый казенный «тусклый», в журнале преобладала сухая справочная сторона», — рассказывал А. Бенуа. В 1899 г. издание было целиком поручено С.П. Дягилеву, ставшему чиновником по особым поручениям при новом директоре императорских театров С.М. Волконском. Дягилев сделал из «Ежегодника» за 1899 г. «нечто совершенно неожиданное», обратив главное внимание, как и в «Мире искусства», на художественное оформление тома.

«Работали мы над «Ежегодником» дружно и усердно, — пишет Бенуа. — Мне, в частности, было поручено составить богато иллюстрированную статью, посвященную Александрийскому театру — как бесподобному архитектурному памятнику, и, кроме того, мне удалось в архиве театра откопать ряд чудесных декорационных проектов Петра Гонзаго. Баксту принадлежала забота о всей графической части, начиная с обложки, кончая шрифтами, виньетками и т.д., и он немало потрудились над ретушью портретов артистов... Успех выдался «Ежегоднику» исключительный...»². К сожалению, Дягилеву удалось издать только один том, так как ссора с директором привела к отставке, и «Ежегодник» у него отобрали.

Совершенно новым, до той поры неизвестным читателю массовым изданием стал журнал А.Р. Кугеля «ТЕАТР И ИСКУССТВО», вышедший в 1897 г. в Петербурге. Журнал очень быстро завоевал популярность и особенно в актерской среде.

А.Р. Кугель (1864—1928) был очень известен среди театральных критиков своего времени. По образованию юрист, он был фельетонистом по призванию. Под псевдонимом Номо Novus он сотрудничал в «Санкт-Петербургских ведомостях», газете А.А. Суворина-сына «Русь» и других изданиях. «Признанный «певец актера», он не оставил без внимания ни одного сколько-нибудь заметного дарования, интересного явления сцены. Несдержанный в похвалах и порицаниях, он разжигал шумные перепалки и серьезные полемики, множа ряды своих друзей и врагов»³.

А.Р. Кугель занял особое место в русской театральной критике. Журнал, во главе которого он находился в течение 30 лет, стал главным делом его жизни. Кугель был не только издателем и редактором, но и автором, для собственных материалов он отвел специальный отдел «Угол», вел цикл «Театральные заметки». В журнале сотрудничали все достаточно известные театральные критики: художественный отдел возглавлял А.А. Ростиславов, музыкальный — И.М. Кнорозовский. Секретарями журнала были Ю.Д. Беляев — известный журналист, впоследствии драматург и О. Дымов — фельетонист, писатель, драматург.

В первые годы в «Театре и искусстве», как в любом еженедельнике существовал отдел беллетристики, где публиковались И. Потапенко, В. Дорошевич, О. Дымов, Д. Мамин-Сибиряк. Но с 1903 г. журнал от беллетристики отказался, литературный материал ушел в приложение «Библиотека журнала «Театр и искусство», где печатались русские и переводные пьесы. В качестве приложения журнал ежегодно издавал пьесы текущего репертуара.

В большом отделе «Хроника» отражалась жизнь театральной провинции.

«Театр и искусство» называли печатным органом «русской артистической громады». Острые статьи, документальные материалы, письма поднимали вопросы не только социальные, но и профессиональные, и материально-бытовые, касавшиеся жизни актеров. Сложные отношения с антрепренерами, тяжелые условия быта провинциальных актеров — все эти «нетеатральные» проблемы находили отклик в журнале Кугеля. «Он захватил актерскую массу своим журналом, который подогревал гражданское и эстетическое самосознание людей театра. Актеры признали «Театр и искусство» и облекли доверием его вдохновителя. Кугель завоевал также и разночинного читателя, что никакому театральному изданию в России надолго не удавалось. Журнал был живым и содержательным. В нем освещалась театральная жизнь столиц и университетских городов и самой заштатной провинции»⁴.

Самое главное в деятельности журнала — признание широкой актерской массы, завоевание разночинного читателя и освещение театральной жизни не только в столицах и крупных городах, но и в провинции. Современники отмечали и ненавязчивое просветительство, которым занимался журнал.

Давняя любовь Кугеля — русский актер, главная идея журнала — апология актера. Это и определяло лицо «Театра и искусства». В декларации, открывавшей журнал, говорилось, что его задачи — поддерживать «старые начала» в театре. Одним из этих «старых начал» была традиция относиться с вниманием к актеру, утверждение в качестве первостепенной ценности театра талантливой и самобытной актерской игры. Гений Мочалова, потрясавший еще Белинского, был эталоном актера для Кугеля. Душой русского театра Кугель считал А.Н. Островского. Установка на самоценность актерской игры приводила издателя «Театра и искусства» к отрицанию режиссерского театра. По его мнению, режиссер — «редактор», поправляющий неточности в

актерской игре. Но он отрицал «самовластье» режиссера, считая, что таким образом режиссер подавляет индивидуальность актера, подменяет ее своей. Кугель писал, что режиссеры больше любят работать с неталантливыми актерами, а талантливому режиссеру противопоказана. Отсюда то отрицательное отношение к Московскому Художественному театру, которое испортило «репутацию» критика в послеоктябрьский период, когда театр Станиславского и Немировича-Данченко признавался единственным и непререкаемым авторитетом. А.Р. Кугель возглавил ла-герь противников этого театра, которых было не так мало. Статья В.Я. Брюсова «Ненужная правда», опубликованная в 4-м номере «Мира искусства» за 1902 г., получила широкую известность.

Отношение самого Кугеля к МХТ было достаточно сложным, он не отрицал полностью эстетических основ деятельности театра, его журнал публиковал целые циклы положительных статей о спектаклях, поставленных на этой сцене. Но Кугель не принял самого духа нового театра, с МХТ для него были связаны и диктат режиссера, и подавление личности актера, и режиссерские опыты В.Э. Мейерхольда, которого Кугель не признавал, и использование приемов модернистского театра, к которому критик, исповедовавший реализм в литературе и в театре, относился враждебно⁵. В.И. Немирович-Данченко подтвердил определенную правоту критика: «Не было у Московского Художественного театра большего врага, чем Кугель, — писал он, -- когда этот театр делал свой упор не на талант актера, а на «вещественное оформление» или на идеологию с уклоном к мещанскому благополучию»⁶. То есть упреки критика шли на пользу МХТ.

Взгляды А.Р. Кугеля не отличались постоянством, менялись его приоритеты, например, от утверждения первичности литературы на сцене он пришел почти что к отрицанию драматургического материала. Но всегда сохранялась живая личностная манера писать свои статьи, иногда пристрастные и несправедливые, но окрашенные огромной любовью к театру.

В 1918 г. журнал был закрыт. В последние годы жизни Кугель писал воспоминания, книги о театре. В них он оставался таким же пристрастным и субъективным. Но если и не точны документально сообщаемые им факты, горячность тона, живость в передаче впечатлений участника описываемых событий подкупают современного читателя и иллюстрируют атмосферу тех лет в журналистике, литературе, театре.

Три журнала — «СТУДИЯ», «МАСКИ», «ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ» — были посвящены обсуждению внутритеатральных проблем, эстетических основ театра и обращались, в первую очередь, к специалистам. Объединяли эти журналы и имена сотрудников, переходящих из одного издания в другое. «Авторитетный состав сотрудников из числа практиков театра (Ф.Ф. Комиссаржевский, А.Н. Бенуа), драматургов (Л.Н. Андреев), литературных и театральных критиков (В.Г. Сахновский, М.М. Бонч-Томашевский, А.Н. Вознесенский, С.С. Голоушев, Ф.А. Степун и др.), высокий теоретический и профессиональный уровень публикуемых статей, разнообразие тем, познаний и взглядов — все это выводило «Студию» и особенно «Маски», рискнувшие существовать без неперемного обывательского балласта (выделено мной. — С.М.), в первые ряды театральной периодики»⁷. В этой характеристике журналов современный исследователь Ю.К. Герасимов сделал интересное наблюдение: он отметил, что «Студия» и особенно «Маски» смогли существовать «без неперемного обывательского балласта». Некий пренебрежительный тон в оценке аудитории идет от позиции самих журналов, которые свысока относились к массовым театральным изданиям, считая, что обращение к широкому непосвященному читателю (не всегда, кстати, обывателю) мешает глубине разработки сложных теоретических проблем, заставляет говорить о них на доступном уровне. Утверждение, что эти журналы находились «в первых рядах» театральной периодики, слишком смело, так как даже их тиражи не свидетельствуют о внимании к этим изданиям более или менее значительного числа театральных деятелей. («Любовь к трем апельсинам» — 300 — 500 экземпляров, маленький тираж и у «Масок».)

Ю.К. Герасимов прав, когда пишет, что «Студия» и «Маски» выделялись своим «последовательно модернистским направлением». Это были журналы-манифесты модернистов в театральной периодике.

Каждый журнал имел своего вдохновителя и вождя, идеи которого разрабатывал. В «Масках» это был Ф.Ф. Комиссаржевский, в «Любви к трем апельсинам» — В.Э. Мейерхольд.

«Студия» не была чисто театральным изданием, там существовали три равноправных отдела: театр, музыка и изобразительное искусство.

«Маски» («Ежемесячник искусства театра») оставили заметный след и в театральной периодике, и в развитии искусства театра. Журнал выходил в течение двух театральных сезонов с октября 1912 г. в Москве. Всего вышло 16 книг. Редактор, а затем издатель-редактор — А.Н. Вознесенский, сотрудники — Ф.Ф. Комиссаржевский, С. Глаголь (С.С. Голоушев), Л.Н. Андреев, М.М. Бонч-Томашевский. Периодически в «Масках» появлялись имена А. Блока, А. Бенуа, М. Волошина, Н. Рериха.

Название журнала подчеркивало, с одной стороны, преобладание истории театра, чьи истоки восходят к мистерии масок, с другой — отражало понимание театра как маски, «за которой действительность скрывает свое лицо». Вдохновитель «Студии» и «Масок» Ф.Ф. Комиссаржевский на различных диспутах, в лекциях и статьях развивал свое видение театра, который должен подниматься над случайным и временным, ориентироваться на вечные ценности и вести к духовному постижению жизни. Комиссаржевский олицетворял «философско-этическую сторону театра». Он был сторонником импрессионизма и в театре, и в критике. В «Масках» теории театра было посвящено много статей. Идеи «театра сновидений», имеющего дело не с реальным миром, а с системой знаков этого мира, развивал М. Волошин. Л. Андреев выступил с обоснованием своего понимания театра «панпсихизма», как он его называл.

Приглашение в журнал Л. Андреева объяснялось не только тем, что его пьесы были в те годы самыми популярными и ставились во всех театрах России, но и тем, что писатель, создававший новые формы драматургии, много размышлял над теоретическими проблемами театра вообще. Свои взгляды он высказал в «Письмах о театре», первое из которых было опубликовано в «Масках», в третьем номере за 1912 г. Но уже второе «Письмо», написанное тоже для журнала, на его страницах не появилось из-за резкого несогласия редакции с идеями писателя. (Оно было напечатано вместе с первым в 22-й книге альманаха «Шиповник».)

В своих «Письмах» Л. Андреев развивал идеи панпсихизма, отрицая основу театра — действие и зрелищность. События в жизни человека значат гораздо меньше, чем психологические переживания этих событий, утверждал писатель. Переживания могут быть переданы только через всеобъемлющий психологизм, это и есть панпсихизм. Не «театр-представление», а «театр-переживание» может, по мысли Андреева, отразить современность. Образцами подлинного панпсихизма были для него пьесы А.П. Чехова и деятельность Художественного театра, о котором он много писал в первом «Письме». С эстетической программой «Масок», пропагандировавших условный театр, «театр-представление», идеи Л. Андреева не совпадали. Но тем не менее Андреев был практически единственным драматургом, чьи пьесы в отрывках печатались в журнале. (В первом номере за 1912 г. — третий акт «Профессора Сторицына», в 1913 г. — второй акт пьесы «Каинова печать».) Беллетристики в «Масках» не было.

Тип журнала-манифеста диктовал распределение материала в номере: основной объем занимали статьи теоретического характера и критические исследования, отдел «Театральной летописи и библиографии» был небольшим.

«Маски» стали первым театральным журналом, в который пришел А. Блок. Его любовь к театру, собственное драматургическое творчество и близость к театральным кругам сделали этот приход закономерным. В 4-м номере за 1912—1913 гг. Блок опубликовал очерк «Маски на улице» из неоконченной книги итальянских впечатлений. Но поэт во многом расходился с «Масками», поэтому, хотя личные отношения с В.Э. Мейерхольдом, ставившим его пьесу «Балаганчик», были достаточно сложными, только в его журнале «Любовь к трем апельсинам» Блок взял на себя редактирование отдела поэзии и выступал как автор.

«Маски» закончились в связи с началом Первой мировой войны, когда военные заботы отодвинули проблемы театра. Отодвинули, но не заставили забыть. История существования своеобразного издания со странным названием «Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Дапертуто» совпала с военными годами (1914 — 1915 гг.). Всего было издано 17 номеров

небольшого формата объемом в 2 печатных листа, они были объединены в 9 книг.

На обложке нового журнала стояло имя доктора Дапертуто, под белым кружевным занавесом по всей обложке были разбросаны яркие апельсины. Впоследствии, в 1915 г., апельсинов стало три и появились Арлекин, Коломбина и Пьеро.

Доктор Дапертуто — псевдоним, придуманный М. Кузьминым для В.Э. Мейерхольда. Но журнал не был моноизданием режиссера, его создателями и авторами стали участники руководимой им экспериментальной студии, развивавшей идеи условного театра. Членами редакции были Л.Д. Блок, В.Н. Веригина, В.А. Пяст, К.П. Кузьмин-Караваев. Кроме них, в журнале существовала «группа содействия», в которую входили А. Блок, В. Брюсов, Вяч. Иванов, М. Кузьмин и композиторы А. Глазунов, А. Скрябин и др.

Пропагандируя свои взгляды на театральное искусство как на театр-зрелище, театр-балаган, журнал видел возможность реформы современного театра в возвращении к театру-представлению, который существовал на площадях Неаполя, Венеции, возле шекспировского «Глобуса» в Лондоне. Для обновления современного театра надо было применить опыт *comedia dell'arte*, в первую очередь внимание журнала было обращено на творчество Карла Гоцци и Эрнста Гофмана. Название журнала тоже подсказано одноименной сказкой Гоцци. Журнал публиковал тексты его комедий с прекрасными комментариями. Драматургия являлась предметом анализа большей части критических статей, посвященных комедии масок. Гофману был посвящен специальный отдел «*Hoffmaniana*».

Был в журнале и отдел «Хроника», в котором своеобразно отражалась театральная жизнь России этих лет. Рецензии авторы журнала писали только на спектакли, созвучные направлению поисков студии Мейерхольда. По тому же принципу подбирались книги для рецензирования в библиографическом отделе.

Возможно, «Журнал доктора Дапертуто» так и остался бы развлечением театральной студии, известным только небольшому числу друзей и ценителей, если бы не отдел поэзии, которым руководил А. Блок. Трудно сказать, зачем был создан этот отдел. Может быть, для того, чтобы привлечь внимание читателей, но скорее всего, для того, чтобы заручиться поддержкой поэта, так как его жена, Любовь Дмитриевна Блок, была в числе основателей журнала. Блок согласился вести отдел поэзии, но работал автономно от основной редакции. «Что касается стихов, то они стоят обособленно от остального материала, имеют скорее декоративное назначение», — отмечалось в «Дневнике» редакции журнала за 1915 г.⁸

Однако декоративным в конечном итоге оказался сам журнал с его изысканными статьями об итальянской комедии, а стихи, которые открывали каждый номер, вошли в сокровищницу русской поэзии. Первый номер — стихи Блока и Ахматовой, посвященные друг другу, в 4-м и 5-м номерах за 1914 г. — полный цикл Блока «Кармен» из восьми стихов. Украшали страницы театрального журнала стихи К. Бальмонта, З. Гиппиус, Ф. Сологуба, М. Кузьмина. «Любовь к трем апельсинам» входит в круг русских журналов как место первой публикации стихов замечательных поэтов. Кроме того, имя В.Э. Мейерхольда — одного из признанных мастеров русского театра — тоже привлекает внимание потомков к его журналу, отразившему один из этапов поисков знаменитого режиссера⁹.

Журналы, посвященные проблемам различных искусств, были ярким показателем развития культурной жизни России начала XX в. Духовные и эстетические поиски художников и писателей, режиссеров и актеров, напряженная творческая жизнь и мир обычных человеческих чувств — все это находило свое выражение на страницах достаточно известных и совсем малораспространенных, больших и маленьких изданий. Знакомство с ними помогает понять и почувствовать ту атмосферу творческих исканий, тот взлет культурной жизни в стране, который получил поэтическое название «серебряного века» русской культуры.

Заключение

В конце XIX — начале XX в. Россия вступила на путь капиталистического развития. Перестройка всей экономики захватила и прессу. Все активнее вторгался в издательское дело

капитал, пугая русских журналистов и общественных деятелей, все большее число издательских фирм, акционерных обществ занимались периодикой, наживаясь на таком священном для русского общества «товаре», как книга, журнал и газета. Этот процесс шел трудно, лучшие русские предприниматели становились первооткрывателями на опасном пути капитализации сохранявшего сильные феодальные пережитки русского общества.

Рубеж XX и XXI вв., при коренном различии внутренних процессов и уровня развития экономики и общества, повторяет внешним рисунком событий, иногда чисто психологически, мироощущение людей начала XX в., их опасения, непонимание происходящего. Особенно ярко это отражается на перестройке журналистики, начавшейся в 90-х гг. XX в. Современным предпринимателям, работающим с прессой, самим журналистам приходится зачастую решать проблемы, уже разрешенные их предшественниками столетие назад. Недаром говорят, что новое — это хорошо забытое старое. Опыт журналистики начала XX в. может оказать неоценимую помощь веку XXI.

Контрольные вопросы

К разделу «Время и пресса»

1. В.В. Розанов и русская журналистика.
2. П.Б. Струве — издатель и журналист.
3. В чем проявилось своеобразие положения печати в период первой русской революции?
4. Почему период после Манифеста 17 октября русские журналисты считали «медовым месяцем свободы прессы»? Когда этот месяц кончился и почему?
5. Положение печати в период реакции.
6. Сборник «Вехи»: участники, затронутые проблемы. Полемика вокруг сборника.
7. Газеты и журналы России и Первая мировая война.

К разделу «Немного статистики»

1. Почему трудно определить точное число газет и журналов, издававшихся в разные годы в начале XX в.?
2. От чего зависел количественный рост изданий?
3. Почему органы периодики России часто были недолговечны?

К разделу «Правительство и печать»

1. Почему самодержавие долго не уделяло внимания правительственной прессе?
2. Основные правительственные издания начала XX века. Попытки создания новых.
3. Почему правительственную газету «Россия» П.А. Столыпин замаскировал под частное издание?
4. «Московские ведомости» в XX в.

К разделу «Направление и тип периодического издания»

1. Роль выдержанного единого направления в журналистике XIX в.
2. Почему в начале XX в. направление перестает быть определяющей характеристикой периодического издания?
3. По каким признакам русские журналисты определяли тип газеты?
4. Типообразующие принципы, принятые в современной истории русской журналистики.

К разделу «Газета и журнал в системе прессы...»

1. Когда и почему газеты начинают играть первую скрипку в системе русской прессы?
2. Какие прогнозы о будущем толстых журналов делались в начале XX в.? Оправдались

ли они?

К разделу «Газетное дело и газетные люди»

1. Роль газет и журналов в системе прессы рубежа XIX и XX вв.
2. Причины усиления в начале XX в. внимания русских журналистов к газетам.
3. Из каких компонентов складывается тип газеты?
4. Почему «Русские ведомости» называли «органом русской интеллигенции»?
5. Основная программа «Русских ведомостей» на протяжении 50 лет.
6. Особенности организации редакционной работы в «Русских ведомостях».
7. Когда и почему произошло партийное размежевание прессы?
8. Почему центральными органами партии становились газеты, а не журналы?
9. Причины разочарования русских журналистов в принципе партийности.
10. Феномен А.С. Суворина и его газеты «Новое время» в русской журналистике.
11. Что имел в виду А.С. Суворин, называя свою газету «парламентом мнений»?
12. Издательская, редакторская и журналистская деятельность А.С. Суворина.
13. Причины успеха «Русского слова» под редакцией В.М. Дорошевича.
14. Почему «Русское слово» называли «фабрикой новостей»?
15. «Король русского фельетона» В.М. Дорошевич. Своеобразие его авторской манеры («Старый палач», «Дело о людоедстве» и др.).
16. Что такое «газета для улицы»? Первое в России подобное издание.
17. А.В. Амфитеатров. Творческий путь. «Господа Обмановы».
18. В чем секрет популярности «Газет-Копеек» среди широких слоев населения?
19. Где прошли первую журналистскую школу «король русского репортажа» Вл. Гиляровский и «король русского фельетона» В.М. Дорошевич?

К разделу «Русские издатели»

1. Кто из ведущих издателей занимался в основном изданием периодики?
2. Издательство И.Д. Сытина и журналистика.
3. Чем владел издательский концерн А.С. Суворина?
4. Организация издательского дела А.С. Суворина.
5. Кто владел самым высокотиражным русским журналом?

К разделу «Журналы «обычного русского типа»

1. Роль толстого ежемесячника в системе журналистики начала XX в.
2. Энциклопедический и публицистический журнал начала XX в.
3. В каком журнале, когда и почему на первый план вышел отдел беллетристики?
4. Почему «Вестник Европы» называли «профессорским» журналом?
5. «Вестник Европы» в 1905 г. Партия демократических реформ и журнал.
6. Организация работы «Русского богатства» в XX в.
7. «Русское богатство» и создание партии народных социалистов.
8. «Мир божий» и «средний» человек.
9. «Легальные марксисты» в «Мире божьем».
10. Журналистская деятельность А.И. Богдановича.
11. На какого читателя рассчитывал «Журнал для всех»?
12. Почему «Журнал для всех» имел самый высокий тираж среди толстых журналов?
13. Издательская деятельность В.С. Миролюбова.
14. «Современный мир» и «Мир божий». Сходство и различие.
15. Почему «Современный мир» называли журналом «всех социал-демократов»?
16. Основные сотрудники «Русской мысли». 1-й и 2-й этапы истории журнала.
17. П.Б. Струве и «Русская мысль».
18. «Русская мысль» и сборник «Вехи».
19. Планы В.Я. Брюсова по созданию журнала критики.

20. Попытка А.В. Амфитеатрова возродить «Современник» Н.А. Некрасова. Причины неудачи.
21. А.М. Горький и журнал «Летопись».
22. Полемика вокруг статьи А.М. Горького «Две души».

К разделу «Тонкий еженедельник...»

1. Что вызвало к жизни рост еженедельных журналов в начале XX в.?
2. В чем редакция «Нивы» видела предназначение журнала для семейного чтения?
3. «Нива» и ее приложения.
4. Первые десятилетия истории современного журнала «Вокруг света».
5. Идея космических полетов К.Э. Циолковского и журнал «Природа и люди».
6. Почему научно-популярные журналы пользовались большим вниманием читателей?
7. Союз подписчиков «Вестника знания» — прообраз общества «Знание».
8. «Сатирикон» и «сатириконцы».
9. Какую память о себе оставили русские еженедельники?

К разделу «Журналы русского модернизма»

1. Чем вызвано появление нового в России типа журнала-манифеста?
2. Почему «Мир искусства» явился заметным явлением не только журналистики, но и культуры России начала XX в.?
3. Сотрудники «Мира искусства», их роль в развитии театра, живописи, литературы.
4. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус в «Новом пути».
5. Революция 1905 — 1907 гг. и журналы модернистов.
6. Почему В.Я. Брюсов создал литературный журнал без отдела беллетристики?
7. Роль В.Я. Брюсова в «Весах».
8. Полемика В.Я. Брюсова с В.И. Лениным.
9. Сотрудники «Золотого руна». А.А. Блок в журнале.
10. «Аполлон» — журнал-манифест акмеистов.

К разделу «Театральные журналы»

1. Почему на рубеже веков растет количество театральных изданий?
2. А.Р. Кугель и его журнал.
3. «Театр и искусство» и Московский Художественный театр К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко.
4. Темы и проблемы журнала «Театр и искусство».
5. «Маски» и театр Ф. Комиссаржевского.
6. Кто такой доктор Дапертуго? Почему его журнал назван «Любовь к трем апельсинам»?
7. А.Блок в журнале В. Мейерхольда.

Литература

Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. — Л., 1975.

Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России. — М., 1981. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX - начала XX века / Социал-демократические и общедемократические издания. — М., 1981.

Литературный процесс и русская журналистика конца XIX- начала XX века / Буржуазно-либеральные и модернистские издания. — М., 1982.

Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905—1914). — М., 1991.

Русская литература и журналистика начала XX века / Большевицкие и общедемократические издания. — М., 1984.

Русская литература и журналистика начала XX века / Буржуазно-либеральные и модернистские издания. — М., 1984.

Смирнов С.В. Легальная печать в годы первой русской революции. — Л., 1981.

Тексты

Русская журналистика XX в. Тексты. Выпуск первый. — М., 1996.

Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917): Учебно-методический комплект. — М., 2000. (Раздел «Хрестоматия»)

Избранные страницы русской журналистики начала XX века. — М., 2001.

Предисловие к хрестоматии

Одна из основных целей предлагаемого вниманию читателей сборника текстов — показать своеобразие исторических условий, в которых развивалась русская журналистика в период войн и революций, показать движение общественных и философских идей, отражавшееся на страницах газет и журналов, познакомить читателей с мнениями и взглядами, которые многие десятилетия считались ошибочными и даже враждебными, но оказали в свое время влияние на развитие общественной мысли.

Для включения в настоящее пособие были отобраны те материалы, которые вызывали наибольший общественный резонанс, полемику в печати (статьи В. В. Розанова о наследстве, Н.А. Бердяева «Борьба за идеализм», П.Б. Струве «Великая Россия», А.М. Горького «Две души» и др.) или привлекали внимание публики оригинальной формой и злободневным содержанием («Господа Обмановы» А.В. Амфитеатрова). В сборник включены и тексты, в которых идет речь о состоянии русской журналистики (статьи Н. Кривенко и А. Пешехонова).

Тексты расположены в основном в хронологическом порядке, так как переживаемые страной события иногда заставляли наиболее серьезных публицистов корректировать и уточнять свои взгляды.

Тексты воспроизведены по существующим современным перепечаткам или непосредственно по первым журнальным и газетным публикациям.

В.В. Розанов. Почему мы отказываемся от «наследства 60—70-х годов»?

I

Факт, что дети, взращенные «людьми шестидесятых годов», отказываются от наследства своих отцов, от солидарности с ними и идут искать каких-то новых путей жизни, другой «правды», нежели та, к которой их приучали так долго и так, по-видимому, успешно, есть факт одинаково для всех поразительный, вносящий много боли в нашу внутреннюю жизнь и, без сомнения, одною силою своею, своим значением имеющий определить характер по крайней мере ближайшего будущего.

Между вопросами, занимающими теперь общество, многие более неотложны, более нетерпеливо ждут и нуждаются в разрешении; но нет между ними ни одного столь общего и столь нуждающегося в целостном освещении его причин и смысла.

Прежде всего о внутренней боли, которая чувствуется в этом разладе между отцами и детьми. Нужно вспомнить то одушевление, ту полную веру людей шестидесятых и семидесятых годов в себя, в свои принципы, в свое близкое и вековечное торжество, чтобы понять всю горечь их разочарования при виде того, как, не говоря уже о дальнейших поколениях, их же собственные дети совершенно отвращаются от них — и с ними от самих людей, седины и труд которых они были бы готовы почтить, если бы только не эти принципы. И далее, чтобы понять жгучесть этой боли и чувство ужасного стыда, в ней содержащегося, нужно вспомнить, как проводили люди шестидесятых годов своих отцов — эту светлую плеяду людей сороковых и пятидесятых годов, первых славянофилов и столь же благородных и идеальных первых западников...

II

...Но какая разница между тем, как сходили с исторической сцены люди сороковых и пятидесятых годов, и тем, как сходят теперь с этой же сцены их дети! Несколько слабохарактерные, всегда изящные и задумчивые; несколько неправые, как и всякое поколение, перед вечными обязанностями человека на земле, люди сороковых и пятидесятых годов прежде всего устремили свое внимание именно на эти последние.

Уже по внешним условиям они не могли стать людьми дела, но, кажется, и по внутренним склонностям они были мало к нему способны и расположены. Это были прежде всего люди реф-лексии, люди углубленного, развитого чувства. Повинуясь только своему влечению, не сознавая своего исторического положения, они создали целый мир глубоко человеческих понятий и чувств. Как и всегда в течение вот уже двух веков, они обращались беспрестанно к Европе, которая стала для них вторым отечеством, часто более дорогим и духовно близким, чем своя родина; но по благородным задаткам своей души они избирали в Европе одно лучшее. И это лучшее они принесли к себе, в свою серую родину, холодную и угрюмую... В этом состояла их историческая задача: в общество, в верхних слоях своих еще грубое, в средних и образованных — наивное, они внесли серьезное размышление и углубленность чувства. Но практического применения этих идей ими не было сделано — это была вторая и более легкая задача, предстоявшая их детям.

Последние с упрека отцам своим в этом недостатке и открыли свою деятельность... И дети их приступили к труду; о, конечно, из них многие остались верны памяти отцов, и задача, на которую молча указывала история, — с развитой душой приступить к обновлению жизни — была ими выполнена. Лучшее, что было сделано в царствование Александра II (не по прочности, но по мотиву), было сделано людьми этого душевного настроения. Они учились, они размышляли и чувствовали, как и люди сороковых и пятидесятых годов; из них многие и теперь живы и как светоч блистают для нас в сферах науки, литературы и, может быть, политической деятельности (о последней не знаю). Их было очень немного, хотя они сделали главное, остающееся в истории. Совсем иным путем пошла главная масса. На дела их, на писания в течение двадцати лет можно здесь набросить покров; мы все их знаем; не знаю, желательна ли составление очень подробной истории этих писаний и дел, и часто думается — раз это время уже минуло, — что лучше было бы никогда не поднимать над ними покрова...

III

«Групповой» возраст этого поколения, отказывающегося от наследства отцов своих и от солидарности с ними, должен быть от 20—30 лет и несколько более. Молодежь, принадлежащая к нему, должна была родиться между 1858—1868 гг., кончить гимназию между 1878—1886 гг., а университет — между 1880 и последующими годами. Время, в которое эта молодежь слагалась ум-ственно и вырабатывала себе жизненную программу, совпало как раз с наиболее печальным временем нашей общественной жизни. Тут были и 1 марта 1881 года, и все его дальнейшие острые последствия. Общество заметалось, спуталось; оно и прежде было слабо сознанием, а тут мысль его и совсем очутилась под спудом... Действительно, 70-е годы гимназии и 80-е университета — все впечатления этих лет и впечатление от 1 марта... Припомним же, каковы были эти впечатления, что нас в то время поразило, когда мы, стоя на пороге между гимназией и университетом, переживали эту страшную катастрофу. Нас поразила эта сухость сердца, этот взгляд на человека и отношение к нему. О, забудем, что это был Государь, и Бог с ней, с этой все политикой и политикой... Но разве это не был человек, как и мы, с таким же ощущением простой физической боли, с таким же страхом смерти, с такими же светлыми надеждами, когда был молод, и разочарованиями, когда стал стар? Этот злобный смех на такие страдания, при которых нам всем было бы трудно, это равнодушие и вся политика перетрусившей печати, это холодное безучастие «интеллигентного» общества, когда одному человеку так больно, весь этот цинизм какой-то не то развращенной, не то от рождения не пробуждавшейся души нам был невыносим и отвратителен. Это было главное и самое сильное впечатление, необыкновенное яркое, которое не мешало задумываться, потому что оно было одиноко. Все та же и та же боль умирающего человека и

равнодушное молчание вокруг. Мы тогда учились и все читали, все видели, тем более что никто нас в отдельности не замечал и ничего от нас не скрывали. «Но это было фактом политики, и никакой личной ненависти при этом не было», — говорили нам. Но тогда «цель оправдывает средства»? Тогда зачем же это негодование на костры инквизиции, также жегшей людей не для удовольствия, но для водворения на земле единства веры... то есть «для наибольшего счастья наибольшего числа людей»¹, разумеется счастье по условиям своего времени, своего воспитания, своих умственных способностей — как иначе и не могут разуть счастье люди и никогда не будут его разуть. Этот недостаток универсальности в приложении принципов — было второе, что нас поразило тогда. «Мера одна для нас, которую мы требуем, а для других будет та

мера, которую мы приложим к ним», — это всегдашнее требование эгоизма и несправедливости продолжало действовать и в тот момент, о котором нас хотели уверить, что он открывает собой эру изгнания из истории всякого насилия, эгоизма и несправедливости. Ясно, что не было никакой «эры»; было обыкновенное политическое волнение с взволнованными страстями, с придуманными теориями — момент в излучистом течении истории, но вовсе не ее увенчание... Но, повторяю, это впечатление было лишь

последнее и самое яркое, необыкновенно важное в своем долгом одиночестве, не мешавшем думать. Детальные же, подготовительные впечатления — они шли издали, начались уже давно.

В 70-х и начале 80-х годов мы все учились несколько иначе, чем учатся теперь. Мы все были теоретиками и мечтателями с ранней школьной скамьи. Средняя школа для нас проносилась как в тумане, и мы все смотрели из разных захолустных уголков России в ту неопределенную даль, где для нас и было только одно — сияние милого, овеянного мечтами, нас ожидавшего университета...

IV

Только немногие старые профессора и спасли в нас идеализм к науке. Это были последние эпигоны людей 40-х годов, которых мы видели, которых мы никогда не забудем... «По-моему, где профессор — там и университет», — сказал один из них, вышедший тогда почему-то в отставку (Буслаев).

Тогда в журналах все писали о «кружке молодых профессоров» в нашем университете (Сибирский университет в Томске. — С.Л.); о стариках никто не писал и не говорил — только они сами издавали один ученый труд за другим, и до этого никому не было, по-видимому, дела. Работали в пустыне. Молодые же профессора, за исключением двух-трех, все были какие-то розовые или упитанные и чрезвычайно уморительные в своих усилиях показаться «странными»... Старшие профессора, обросшие седой щетиной, были невзрачны, неуклюжи, сгорблены под тяжестью трудов и лет; но в своих потрепанных вицмундирчиках они были удивительно внутренне изящны, всегда просты — это чувствовалось, возвышены умом и сердцем. Совсем не то было в кружке «молодых профессоров».

V

Итак, что касается идеализма в науке, то мы видели только закат его — последние прощальные лучи, которые бросала нашему времени уходящая в могилу старость. Эти лучи один за другим гасли, и наступала сырая холодная темь, сквозь которую можно было рассмотреть только какие-то скверно-вызывающие улыбки и куда-то зовущие объятия. Мы их оттолкнули: этого цинизма к науке в ее святилище мы не могли вынести. И потом за пределами университета был все тот же цинизм умственный. Строгой, печальной в своих выводах науки мы не находили и в текущих книгах. Нужно было обращаться к кожаным переплетам, к очень старым журналам, чтобы наконец хоть где-нибудь найти серьезную заинтересованность предметами, которые и нас интересовали, и серьезную речь о них... Так далее и далее расходились мы со временем, которое нас вскормило и воспитало.

...Все мы, поколение за поколением, в самих себе не имеем значения: наше значение

обусловливается лишь тем, как относимся мы к вечным идеалам, подле нас стоящим, которые с от-дельными поколениями не исчезают. Сохраняет поколение верность им — и значение его не пропадает; изменяет оно этим идеалам — и его значение тотчас меркнет. В сфере умственной любить одну истину — это не есть ли идеал? В сфере нравственной — относиться ко всем равно, ни в каком человеке не переставать видеть человека — не есть ли для нас долг? И если мы видели, что опять и опять человек рассматривается только как средство, если мы с отвращением заметили, как тем же средством становится и сама истина, могли ли мы не отвратиться от поколения, которое Все это сделало?

В.В. Розанов. В чем главный недостаток «наследства 60—70-х годов»?

I

...Мы все приносим с собою, рождаясь, различное; мир открывается нам в меру того, что мы с собой приносим в этот мир. Поэтому, когда в данное время все идеи суживаются, горизонт становится тесен и люди как будто погружаются в какой-то глубокий колодезь, я думаю, что это только на время и со следующим поколением все станет видно иначе, чем теперь. Во всем дурном или ограниченном виноваты всегда люди, а не природа, которая и безгранична, и всегда останется хороша.

II

...В поколении, которое сетует теперь, что оно оставляется, была эта же главная ошибка. Оно было хлопотливо, зорко, ежеминутно деятельно. Но в том, к чему оно прилагало свою деятель-ность, оно ничего не поняло. И вместо того, чтобы своим неустанным трудом залечить наконец все раны, покрыть тысячелетние страдания, оно разбередило эти раны, увеличило эти страдания. Послышался наконец крик, почувствовалась ненависть — и люди, которые думали, что они станут для человечества как боги, стали только грудой черепков, с презрением отталкиваемых. В жизни, в природе человека, в окружающем его мироздании это поколение поняло только одни подробности и вовсе упустило то главное, что их связует, формирует в разбегающиеся группы и оживляет собой. Неполнота знания при его верности; отсутствие в этом знании самых глубоких и верных частей — это было самое важное, что сходящее с исторической сцены поколение не заметило в себе. И уже из этого, как вторичное, вытекала грубость всех чувств и отношений, в которой так часто и справедливо его упрекают. Все искажающая, все живое мучающая деятельность его была естественным завершением этого поверхностного внимания ко всему живому.

III

В человеке, со стороны должного, они поняли только его потребности; в жизни увидели только игру слепых отношений, которые не могут не улучшиться, если к их направлению будет приложено сознание; в целом мире заметили только протяжения, которые можно измерить, исчислить и, сообразив подробности, — понять остальное в нем как их простую сумму... Общих, разбегающихся и пересекающихся линий, которые бы открыли им главный смысл этого мироздания, они не заметили, все только анализируя его; напротив, себя самих и то, из чего слагается их жизнь, они не поняли и не узнали до конца, все только синтетически слагая и перелагая жизнь человеческую по грубым потребностям человека. Эта неумелость отнестись мыслью к предмету и была главным источником неполноты их знания. И в самом деле, категория мышления, правильно развивающихся понятий есть едва ли единственная, по которой создана природа. В какие логические формы может быть уловлено чувство радости, которое мы порой испытываем?

И, однако, эти акты нашей душевной жизни суть такая же действительность, как и то, что мы видим и осязаем; они суть часть природы, которую мы хотели бы постигнуть только своим умом. И в самой природе этой, которую мы надеемся охватить только научными формулами (то есть подвести всю под категорию мысли), — разве мы можем утверждать, что в ней нет ничего

подобного этим актам, если именно ее продолжительное созерцание и смущает, и тревожит, и неизъяснимо волнует нас? Эти чувства, пробуждающиеся в нас в ответ на впечатления природы, чему в ней отвечают, когда мыслимое в ней только мыслится, опасное — угрожает или, наконец, благотворное — приносит пользу? Не ясно ли, что если всякому ощущению есть соответственное ощущаемое, как следствию есть сообразная причина, то и те особенные, не укладывающиеся ни в какую форму мысли и волнения, которые всегда и всюду испытывали люди при созерцании мироздания и которые они выразили в своей поэзии, в своих религиях, имеют также в самой природе нечто отвечающее себе, хотя бы это отвечающее было так мало уловимо для определения или даже просто выразимо в ясном слове, как, например, то, что выражено в мелодии, мало может быть передано в рассказе или изложено в рассуждении. Мы здесь коснулись одного соответствия, а между тем природа вся состоит из них, и ничто другое, как эти соответствия, не проливает такого света на ее цельность. Упуская их из виду, занимаясь лишь изучением причин и их действий, целая школа мыслителей и за ними наше теперь поколение лишили себя одного из самых могущественных средств проникновения в природу и даже простого знания множества ее подробностей...

IV

Человек как часть природы не составляет в этом отношении исключения; но вместо бедных и однообразных соответствий которые связывают каждый физический предмет с окружающей средой, соответствия человеческой природы со всем миром и многочисленны, и разнородны. Как организм, как ряд сгруппированных веществ, он соотносится со всеми физическими стихиями природы. Но сверх этого грубого соотношения мы находим в нем другое, неизмеримо более глубокое: в его душу как бы вложены завитки всего мироздания, и, повинаясь их естественному расположению, он влечется так своим умом и своим чувством ко всему же мирозданию — воссоздает его в поэзии, понимает чрез науки и философию, стремится разгадать его сокровенную сущность в своих религиях... Мир духовного творчества, вырастающий из человека, есть только последствие этого отношения его к природе.

Понять это особенное существо, и притом будучи им самим, так плоско и бедно, как понят был человек людьми нашего старшего поколения, — это есть одно из самых удивительных явлений истории. Как будто люди эти никогда не задумывались ни над мыслью своею, ни над движениями своего сердца, ни, наконец, над своим рождением и ожидавшею их смертью... Как к песку пустыни, который лепится с глиной в кирпичи и кладется то в основание, то в вершину здания, они относились к живым людям. И себя не жалели они при этой постройке, не лепились, надрывались и падали, как муравьи; не жалели также и других людей, вовсе не знавших, что у них делается. Отсюда — вся боль, которую вызывала эта деятельность. Повторяем, не грубость чув-ства, но ошибка узкого ума есть главное, что причинило все пережитые нами недавно несчастья. Напрасно окружающие люди говорили, что они вовсе не тем живут, что приписывают им «строители», напрасно о том же говорила им вся история — они слышали все это, но ничего в этом не поняли. Им все казалось, что они лучше всех других узнали человеческую природу, хотя в действительности они только беднее всех ее поняли. Они взяли минимум человеческих потребностей, и по этому минимуму, с ним сообразуясь, стали возводить здание, которое для них самих было бы тесно и узко (если бы им пришлось в нем пожить подольше) и куда они хотели бы навеки заключить все человечество...

V

...Простая ошибка в умозаключении была причиной, что мир поэзии, религии и нравственности остался непонятным и навсегда закрытым для поколения, которое должно бы сетовать на себя только, а между тем сетует на других...

«Московские ведомости». 1991. 7 и 15 июля.

Печатается в сокращении по сборнику: Розанов В.В.

Сочинения. М., 1990

В.М. Доршевич. Репортер

Я никогда в жизни не видал такой визитной карточки.

— «Икс Игрек Дзет. Репортер газеты такой-то».

Всегда:

«Корреспондент газеты такой-то».

«Хроникер газеты такой-то».

Иногда даже:

«Интервьюер».

В крайне случае, просто:

«Сотрудник».

И никогда:

— Репортер.

Я даже не знаю, существует ли в русском разговорном языке слово «репортер». Есть слово «репортеришка». Чаще всего с прибавлением слова «всякий».

— Всякий репортеришка, — и туда же смеет писать!

Это слово ругательное, и рассерженный обыватель, если хочет выругать обидевшего его журналиста, делает презрительную гримасу и говорит:

— Репортеришка!

Немудрено, что и сами гг. репортеры стараются избегать своего звания:

— Вы уж напишите, пожалуйста, в редакционном удостоверении «корреспондент», а не «репортер».

— Почему же?

— «Репортер» — это очень плохо звучит.

Если вы видите в афише новой пьесы в числе действующих лиц репортера, — заранее можете быть уверены, что это непременно шантажист, мошенник, человек, готовый за грош «на все».

Какой драматический «лев» не лягнул своим копытом «репортера»?

Если вы встречаете репортера в повести, романе, рассказе, — можете быть спокойны, что это лицо в лучшем случае только комическое, в худшем — самое презренное.

Он залезает под стол, чтоб подслушать чужие разговоры, и берет пять рублей, чтоб не разглашать семейных тайн.

Какой из «орлов», державших в своем копыте когда-либо перо беллетриста, не «живописал» так беднягу репортера?

«Репортер» — это слово, мало отличающееся, по общему мнению, от слова «клеветник».

И всякий по этому случаю считает возможным и удобным клеветать на репортера.

Раз человек клеветник, отчего же на него не клеветать?

Откуда, однако, взялась эта клевета, ставшая «общим мнением»?

Несомненно, это «общее мнение» имеет свою историческую подкладку.

Старые газетные работники помнят еще именно таких «репортеров», каких до сих пор выводят гг. драматурги и описывают гг. беллетристы.

Грязных, нечесаных, невымытых, которых даже в редакциях не пускали дальше передней.

Они подслушивали разговоры, сидя под столом, потому что их никуда не пускали, и их никуда нельзя было пустить.

Это был безграмотный народ, писавший «еще» с четырьмя ошибками и которых мазали за их «художества» горчицей.

Хорошенькие времена! Одинаково хороши были все: и те, кто доводил себя до мазанья горчицей, да и те, кто находил в этом удовольствие и «нравственное удовлетворение».

Но кто и теперь не говорит при виде идущего репортера:

— Вон репортеришка бежит!

И кому какое дело, что он бежит, в сущности, по общественному делу!

Процессом «Владимира» интересовалась вся Россия.

Из всех рефератов, печатавшихся в одесских газетах, лучшим был реферат покойного В.О. Клепацкого.

Этот реферат почти дословно перепечатывался чуть не всеми русскими газетами.

По крайней мере, большинством.

Когда драматург пишет пьесу, — он получает гонорар со всякого театра, где она ставится.

Если бы у нас относились с большим уважением к собственности и перепечатки чужих произведений оплачивались бы точно так же, как оплачивается постановка драматических произведений на сцене, — В.О. Клепацкий получал бы за свой труд, прекрасный, добросовестный, обративший на себя внимание всей русской печати, — тысячи.

А он работал на всю русскую печать, получая только свой обычный, скромный гонорар из редакции своей газеты.

Ежедневно сведения, добываемые репортерами, перепечатываются десятками, иногда сотнями газет.

Если бы репортеры получили вознаграждение от всех газет, которые пользуются их трудом, — вид «бегаящего репортеришки» прошел бы в область преданий.

Пусть это вознаграждение со стороны каждой газеты было бы очень мало, — пропорционально достаткам каждой газеты, — в общем это составило бы солидную сумму и подняло бы благосостояние этих бедняг, получающих гроши за сведения, интересующие всю Россию.

Если хотите составить себе понятие об отношении, которое составляет интерес, возбуждаемый часто репортерскими заметками, и гонораром, который получают авторы за эти сообщения, — я сообщу вам факт из собственной практики.

Лет 15 тому назад, когда я был репортером, мне удалось добыть одно сведение очень сенсационное, которое я, со свойственной репортерам краткостью, изложил в 7 строках.

Эти семь строк обошли решительно все русские газеты.

Так как сведение сообщенное в них, имело большой общественный интерес, то оно вызвало ряд фельетонов, передовых статей во всех больших столичных газетах.

Возникла даже Полемика.

А я мог внимать всему поднятому мною шуму, пересчитывая 21 (двадцать одну) копейку, полученную мною за мои 7 строк!

В особенности, стоя близко к газетному делу, становится обидно и больно: как мало и материального и нравственного вознаграждения получают эти люди за свой честный, за свой добросовестный, часто талантливый, всегда нелегкий труд.

Эти люди, составляющие фундамент газетного дела.

Рассуждения, обобщения фельетонистов и передовиков, это — все соус, в котором подаются факты.

Но самое ценное, самое существенное — факты, это ведь принадлежит репортерам.

И что же за это?

Что — этим безвестным, безыменным труженикам?

Когда умирает репортер, это проходит незаметно.

Его строк больше нет, но вместо них есть другие строки, такие же безыменные.

И эти серые строки смыкаются над его памятью, как смыкаются волны над головой утонувшего человека.

И неизвестно — был ли здесь когда-нибудь человек!

Но пусть так!

Газета, живущая всего один день, очень плохой путь к бессмертию.

Об этом тружениц очень мало думают.

Пусть и это будет Так!

Ведь, покупая в Ювелирном магазине брошь, вы не думаете о тех, кто добывает это золото.

А не будь их, не было бы и великолепной броши.

Репортеры получают такие гроши сравнительно с интересом, который часто возбуждают их заметки, и той пользой, которую эти скромные заметы приносят.

Но пусть и это будет так!

Справедливость — очень редкая птица.

Но за что же это обидное, это незаслуженное отношение к самой профессии, не менее честной, чем все другие профессии, и более полезной, чем многие другие.

Почему репортеру неловко сказать:

— Я репортер!

И ловко сказать доктору, что он доктор, адвокату, что он адвокат, директору банка, что директор банка.

«Во всякой реке есть всякая рыба: и дурная и хорошая».

За что же это обидное обобщение распространяется именно на репортеров?

Почему им приходится быть тем колодцем, из которого все пьют и в который чаще всего плюют.

Репортеры, которые были когда-то и о которых я говорил, умерли как люди и вымерли как тип.

Представлять себе теперешних репортеров в виде тех «типов», которые по трафарету рисуют гг. драматурги и беллетристы, это — все равно, что представлять себе артистов Малого театра или театра г. Соловцова в виде Аркашек, которых перевозят из города в город, завернувши в ковер.

Все изменилось.

Среди репортеров нет более людей, пишущих «еще» с четырьмя ошибками.

Им не нужно залезать под столы, чтоб подслушивать, что происходит в заседаниях, — они желанные гости во всяком учреждении, не боящемся света.

К ним лично относятся, как относились, например, к покойному В.О. Клепацкому, — с таким же точно почтением, как и ко всякому честному человеку, занимающемуся полезным общественным делом.

И только одно, — они все еще не решаются, не могут решиться сказать громко и открыто, с гордостью и достоинством:

— Я репортер!

«Пустяк!» — скажете вы.

Посмотрел бы я, что сказали бы вы, если б вам неловко было назвать ту профессию честную, которою вы занимаетесь!

Вчера хоронили моего дорогого товарища В.О. Клепацкого, и это горькое чувство обиды шевелилось в моей душе; его не могли сгладить даже всеобщие сожаления, которые окружали безвременную могилу этого честного уважаемого газетного труженика.

Мне думалось:

— Да! Ты служил великому делу — гласности. Ты был «только репортер», но ты помогал суду быть «гласным» судом, передавая отчеты об его заседаниях в газете. Ты помогал дать нравственное удовлетворение правым и обиженным, доводя до всеобщего сведения судебные приговоры. Да! Ты пользовался заслуженным уважением как человек. Но почему-то ты, честный слуга честного дела, не мог с гордостью назвать своей профессии: «Я репортер»!

Как скоро умирают люди, и как долго живут предрассудки...

Печатается по:

Дорошевич В.М. Избранные страницы. М., 1986

Н.А. Бердяев. Борьба за идеализм

Ни для кого не тайна, что марксизм, тот самый марксизм, который еще недавно представлялся таким стройным, органически цельным и удовлетворяющим мировоззрением, переживает серьезный кризис. Если несколько лет тому назад умственно общественная жизнь передовой части русского общества вращалась вокруг споров марксистов и народников, то теперь

центр тяжести переместился и на первый план выступают разногласия критического и ортодоксального направления внутри самого марксизма. Теперь мотивами теоретической работы для него является не критика народнического направления, а самокритика и необходимость дальнейшего развития мировоззрения. В Западной Европе этот кризис приурочивается обыкновенно к известной книге Бернштейна, но из моего изложения, может быть, сделается ясным, что новое критическое направление не есть непременно бернштейнианство в собственном смысле этого слова и, во вся-ком случае, не может остаться просто бернштейнианством.

Я хочу рассмотреть современное брожение в марксизме под не совсем обычным углом зрения, я хочу связать его с кризисом во всем мировоззрении XIX века. Для всякого пристально всматривающегося в сложную душу современного интеллигентного человека, в его глубокие нравственные запросы, в современные чтения в области философии и искусства должно быть ясно, что мы живем в эпоху духовного брожения. Отрицать это может только человек, загипнотизированный какой-нибудь догмой. Шаблонное прогрессивное мировоззрение недавнего отшедшего века попало в тупой переулочек, на прежнем пути дальше идти некуда. Необходимо пересмотреть ходячие формулы и искать новых путей. Я беру на себя смелость категорически утверждать, что песенка позитивизма, натурализма и гедонизма¹ спета и по всем линиям объяв-ляется борьба за идеализм, борьба за более радостное и светлое миропонимание, в котором высшие и вечные запросы человеческого духа получают удовлетворение...

Очень характерен этот усиленный интерес современного человека, и именно передового человека, к вопросам философии, искусства и нравственности. Всякая глубокая душа чувствует себя неудовлетворенной в лучших своих запросах и несет на себе тяжесть двойственности переходной эпохи. Можно встретить, конечно, многое множество сытых «позитивников», которых не мучает духовный голод, которым непонятны стремления Фауста, но не такие люди идут в первых рядах нашей исторической эпохи. Буржуазный, филистерский дух живет еще в прогрессивной массе, и предстоит великая работа духовного перерождения...

Теперь, для того чтобы поставить социально-политический диагноз тем духовным стремлениям, на которые я указываю, необходимо прежде всего распутать одно историческое недоразумение. Это историческое недоразумение гласит: теоретический идеализм связан с реакционными социальными вожелениями, с практическим материализмом; практический идеализм и прогрессивные стремления можно связать только с теоретическим реализмом или материализмом; склонность к метафизике почти наводит на мысль об общественной непорядочности, так как будто бы метафизика — мировоззрение господствующих классов. Это недоразумение имеет огромную силу над средним прогрессивным человеком; этот грубый предрассудок внушает очень и очень многим суеверный страх перед теми запросами, которые каждый должен был бы считать наиболее священными, без которых жизнь пуста, сера и бессмысленна. Современный прогрессист ужасно боится некоторых слов, он ломает свою душу во имя обесцвечивающего шаблона, он не осмелится признаться, что по временам жаждет взглянуть на жизнь с точки зрения вечности. Будущим векам покажется чудовищным, что было время, когда духовным убожеством почти гордились, а духовное богатство считали лучшим скрывать на дне своей души². Постараемся открыть исторические корни этого недоразумения, которое было в свое время полезною ложью, но теперь может быть только вредно, так как тормозит создание нового человека для нового общества.

В жизни народов бывают великие эпохи, которые называют «эпохами просвещения». Тут разум человека вступает в свои права, сбросив с себя оковы авторитета, и начинается беспощадная критика догматического мировоззрения прошлого, обветшалых религиозных и общественных идей, суеверий и предрассудков, стоящих на дороге дальнейшего развития человеческого обще-ства. «Эпохи просвещения» часто выставляют своим теоретическим лозунгом «материализм», материализм революционный, который является орудием борьбы с тьмой во имя света, и быть материалистом в такие эпохи — значит быть идеалистом. Реакционные силы общества прикрываются идеалистическими словами, и против этих слов борются силы прогрессивные, прикрывающие из естественной психологической реакции материалистическими словами идеалистическое свое содержание. Так, например, средневековое схоластически-

теологическое мировоззрение и общественные силы, скрывающиеся за этим мировоззрением, усиленно эксплуатировали терминологию абсолютного идеализма, и философы просветительной эпохи нового времени должны были направить свои критические стрелы против всяких теоретических абсолютов, чтобы расшатать средневековую схоластику и опирающийся на него уклад жизни. Величайшая из эпох просвещения была пережита Францией в XVIII веке, и ни одна эпоха не считает в своих рядах такого количества крупных мыслителей, ни одна не дала такой блестящей литературы. Задача предстояла великая: сокрушить средневековое общество и средневековое мировоззрение. Я думаю, что философия французских просветителей XVIII века с ее материализмом, направленным против средневекового абсолютизма, оказывает и до сих пор сильное давление на прогрессивного человека нашего времени. Аналогичная просветительная эпоха пережита Германией как страной более отсталой только к 40-м годам XIX века, ее выразителями были Л. Фейербах и левые гегельянцы. Критика теологии была основным побудительным мотивом тогдашнего «материализма», а гуманистические стремления накладывали на него идеалистическую печать. В России 60-е годы были «эпохой просвещения». Чернышевский и Писарев — наши «просветители», под знаменем материализма они боролись с мраком дореформенного общества во имя свободы, мысли и человеческого достоинства. И мы теперь должны чтить в Чернышевском и Писареве не «материализм», в котором не было ничего оригинального и для нашего времени ничего ценного, мы чтим их «просветительный идеализм». Наши публицисты 60-х годов боролись против метафизики, потому что ее защищали Юркевич и т.п., боролись против культа красоты, потому что за нее цеплялось крепостническое дворянство со своими публицистами, беллетристами, поэтами и поэтиками. Они были исторически правы, и в их материалистическом мировоззрении при всей его философской несостоятельности была заключена огромная практическая правда.

Так было в прошлом, а как теперь?

В XIX веке взаимоотношение общественных сил изменилось, революционный пыл «третьего сословия» поостыл, оно перестало быть «народом» и сделалось «буржуазией», показав свои экс-плуататорские когти. Творческие силы буржуазии, совершив в прошлом веке великую критическую работу, начинают истощаться, и характер ее идеологии резко изменился. К положительной духовной работе она оказалась малоспособной. Буржуазная эпоха истории знаменуется понижением психического типа человеческой личности, сужением ее духовных горизонтов. Господствующая буржуазия, обращая жизнь в лавку, убивает всякий идеализм, она убивает его в жизни, в философии, в искусстве, в нравственности, в политике и держится только за позитивную науку как необходимую для ее практических интересов. Она нивелирует всякую яркую индивидуальность, вытравливает красоту и фаустовские стремления постигнуть тайну бытия. Революционный материализм прошлого века с его идеалистической складкой заменяется позитивизмом с его философской умеренностью и аккуратностью. Позитивизм, как требование приложения научного метода во всех областях знания, вечен; наука может быть только позитивной, и религиозное или метафизическое решение научных вопросов недопустимо. Позитивизм же, как философское мировоззрение, представляется малоценным: оно духовно при-нижает человека, рекомендует воздержание в ответах на сокровеннейшие запросы человеческого духа. Метафизический идеализм изгоняется буржуазией из умственной жизни человечества за практической бесполезностью. В искусстве буржуазия утверждает реализм и создает его крайнее проявление — натурализм. Натурализм верно отражает общество XIX века во всем его безобразии. Красота изгоняется из искусства господствующих классов, так как ее не оказывается в их жизни, и искусство принижается до протокола, теоретики натурализма предлагают обратить худо-жественное творчество в отрасль экспериментальной науки. Идеализм изгоняется из человеческих переживаний, и искусство бессильно его воспроизвести³. В XVIII веке гедонизм боролся с тео-логическими критериями добра и зла, и в этом было его право на существование. В XIX веке эта идеалистическая струя исчезает из теории и практики торжествующего класса и выдвигается утили-тарный взгляд на жизнь, взгляд лавочника, не знающий более высокого нравственного маяка, чем приходно-расходная книга. Нравственная жизнь буржуазного общества, вращающаяся вокруг наживы, дает мало пищи для идеалистических

построений, и этический идеализм не находит себе места в недрах этого общества. XVIII век выдвинул глубоко идеалистическую идею «естественного права» и опирался на нее в политической борьбе; эту идею развенчали эволюционисты нашего века, и либеральный оппортунизм сделался направлением господствующей политики. Словом, наряду с социальной буржуазностью мы должны признать глубокую духовную и культурную буржуазность общества XIX века, буржуазность, обеспечивающую жизнь и понижающую ее ценность...

В русской прогрессивной литературе просветительный материал «идеалистов земли» обратился в мертвящий позитивно-реалистический шаблон, из которого давно уже выдохлось всякое практически-идеалистическое содержание. «Позитивизм», который оберегается нашей традиционно-прогрессивной журналистикой от метафизических набегов, есть бесцветнейший либерализм в философии со всеми признаками либеральной половинчатости. И только какое-нибудь новое слово может удовлетворить духовную жажду лучших людей нашего времени.

Тот же XIX век создал в своих недрах оппозицию буржуазному обществу. И вот оппозиция заразилась буржуазностью, я настойчиво это утверждаю, хотя мои слова прозвучат страшной ере-сью и парадоксом. Угнетенное и пришибленное положение оппозиционной общественной группы, обостренный характер социальной борьбы, направленной на достижение минимума человеческого существования, — все это сузило духовные горизонты личности, ведущей борьбу с буржуазным обществом, и наложило своеобразный отпечаток на ее идеологию. В подобную эпоху не могло быть человека-самоцели, был только кусочек человека, обращенный в средство. Марксизм возник при такой исторической обстановке, что он не мог развить в себе идеалистического антибуржуазного содержания, которое должно быть ему присуще, которое в зачаточном виде в нем есть в большей степени, чем в других течениях. Идеология марксизма остановилась на очень низкой ступени развития, его философское миропонимание не оригинально. Идеологи угнетенных производителей середины XIX века не могли и по выпавшей на их долю задаче не должны были устремлять свой взор в духовную даль, им предстояла более безотлагательная работа, которая фатально заслоняла от них идеальные цели человечества. Я бы формулировал величайшую, неувядаемую заслугу марксизма следующим образом: марксизм впервые установил, что только материальная общественная организация может быть базисом для идеального развития человеческой жизни, что человеческие цели осуществляются лишь при материальном условии экономического господства над природой; практически именно он строит «жилища для людей». И вот по условиям исторического момента вся теоретическая и практическая работа ушла на выработку материальных средств, социально-экономических предпосылок; по психологически понятной иллюзии средства были приняты за цели, сами цели человеческой жизни были поняты слишком материально. Марксизм оказался беден духовно-культурным содержанием, идеальные задачи философии, нравственности, искусства не были им достаточно осознаны, и в своей борьбе с социальной буржуазностью века он не мог еще возвыситься над его духовной буржуазностью. Марксизм как философское мировоззрение примкнул к материализму просветительной эпохи, в частности к германской просветительной философии, из недр которой вышли Маркс и Энгельс. Маркс и Энгельс сказали новое слово и великое слово только в области социально-экономической, вне этой области они не прибавили почти ничего к критической работе буржуазии в период ее революционной борьбы со средневековым обществом и теологическим мировоззрением. Диалектический характер их материализма, заимствованный из гегелевского идеализма, не изменяет сути дела, по своим взглядам на мир и жизнь они материалисты и гедонисты, их духовный кругозор ограничен. Идеалисты по своей социальной задаче — они борются против всякого идеализма и находятся во власти того исторического недоразумения, на которое я старался пролить некоторый свет. Исторический марксизм стал во враждебное отношение к философскому идеализму и метафизике, к художественному идеализму и романтизму, к абсолютной нравственности, ко всякой религии, которую смешивают с теологией и церковностью. «Ученикам» предстояла огромная практическая работа, да кроме того, они популяризировали и защищали от врагов социально-экономическое учение учителя, но до сих пор не прибавили к нему ничего духовно-ценного. А прошло 50 лет, и за это время много воды утекло, мы живем при других общественно-исторических условиях,

жизнь и мысль ушли вперед и поставили новые задачи...

Идеализм в этике признает абсолютную ценность добра и его качественную самостоятельность. Прежде всего и больше всего идеалисты должны настаивать на том, что нравственное совершенство есть цель человеческой жизни, что совершенствование выше всякого довольства. Пора также расстаться с тем софизмом, который видит высшее проявление нравственности в пожертвовании собственной душой во имя блага других. Жизнь свою можно, а иногда и должно отдать, но душу свою нельзя отдать ни за что на свете. Только духовно развитая и совершенная душа может быть настоящим борцом прогресса, может вносить в жизнь человечества свет истины, добра и красоты. Каждая человеческая личность, не забитая и не окончательно пришибленная, должна сознавать свое естественное право на духовное совершенствование, право свободно творить в своей жизни абсолютную истину и красоту. Вульгаризация духа есть величайшее нравственное преступление. Когда оно совершается бессознательно, то за нее бывает ответственна историческая обстановка, но никто не имеет нравственного права сознательно понижать свой духовный уровень. Общественный утилитаризм, поскольку он посягает на фаустовские стремления и унижает дух человека, является реакционным направлением человеческой мысли, какими бы демократическими формами он ни прикрывался. Когда человек приносит жертвы на алтарь своей правды, то дух его возвышается и мы встречаемся с нравственным величием. Но нет величия в идее жертвы собственным духом во имя мещанского благополучия X и Y. Борцы за идеализм должны прежде всего признать за самоценность нравственное содержание жизни и понять демократизацию общества как его аристократизацию. Отсюда вытекает великая задача нашего времени: влить идеальное нравственное содержание в те соци-альные формы, которые несут за собой прогрессивные силы общества. Это значит поднять четвертое сословие до «идеи» четвертого сословия. Это значит также создать нравственно-совершенного человека, дух которого будет чужд всякой буржуазности и разовьет все заложенные в него великие возможности и силы, — образ более высокий, более способный вдохновить к борьбе, чем образ просто довольного человека. Материальное довольство есть средство, элементарно необходимое условие, идеальное совершенствование — цель.

В искусстве начинают возрождаться идеализм и романтизм как реакция против реализма, дошедшего до самого пошлого, до самого мелочного натурализма. Искусство стремится к новой красоте и новой постановке вечных вопросов, выражая более утонченную и сложную психику, необыкновенно тонкие настроения. Здоровое зерно «декадентства» я вижу в воспроизведении необыкновенно тонких индивидуальных оттенков человеческой души и в протесте против буржуазной грубости и полного отсутствия красоты в жизни. Символизм находит себе оправдание в теоретической эстетике, которая ни в коем случае не может считать искусство отражением действительности. Идеалистическое мировоззрение должно признать самостоятельное значение красоты и художественного творчества в жизни человечества. Красота есть идеальная цель жизни, возвышающая и облагораживающая человека. Мы признаем идею самостоятельного значения красоты, понимая под этим самоцельность красоты, и таким образом мы только подходим к полноте человеческих переживаний...

Таким образом искусство способствует решению великой проблемы нашего времени: созданию прекрасной человеческой индивидуальности. Идеал красоты должен быть начертан на нашем знамени, так как красота есть неотъемлемая сторона единой правды, реализующейся в человеческом прогрессе. Человек будущего должен быть прекрасен, только для такого человека стоит строить «жилища». С этой точки зрения мы можем сказать, что этическая и эстетическая критика Фр. Ницше имеет огромное значение, несмотря на его социальную наивность. В новую культуру необходимо внести струю «трагической красоты».

В последнее время начинает возрождаться несправедливо забытая теория «естественного права», а идея «естественного права» и есть настоящая основа идеализма в политике. Этого идеализма нет и не может быть ни в плоской идее общественного утилитаризма, ни в логически нелепой теории необходимости социальной катастрофы. С точки зрения общественного благополучия можно все оправдать, любое бесправие. Общественный утилитаризм не может осудить идиллической картины крепостного права, в которой помещики идеальны, а крестьянству

живется хорошо. Для сторонника идеалистической идеи «естественного права» бесправное счастье есть величайший позор, а прогресс, который хотя и нарушает данную систему благополучия, но ведет к торжеству человеческого права, есть величайшее благо. Самые прекрасные цветы практического социального идеализма вырастают из идеи «естественного права» человека и гражданина. Идеализм видит в правах человека, в равенстве свободных индивидуальностей — самоценность, а не полезное для благоденствия средство. «Естественное право» человеческой личности есть святыня, на которую никто и ничто не может посягать, оно имеет метафизические корни, но человечество доходит до него лишь путем социального развития. Нет такого счастья и такой пользы, во имя которых можно было бы отнять у человека его «естественное право». Перед лицом «естественного права» нравственно бессильны и большинство голосов, и благополучие народа. Нужно бороться за новое общество под знаменем «естественного права», возвышающимся над всякими «мелкими делами». И эта мысль должна иметь особое значение у нас, в нашей стране...

Но есть одна идея, в которую упирается идеалистический взгляд на мир и жизнь, — это идея нравственного миропорядка. Если наука переходит в философию, то философия переходит в религию. Без религиозной веры в нравственный миропорядок, в кровную связь индивидуального с всеобщим и неумирающее значение всякого нравственного усилия — жить не стоит, так как жизнь бессмысленна... У многих живет суеверный страх перед религией, так как им все мерещатся ее исторические формы. Но пора признать, что религия, несмотря на текучесть своего содержания, есть вечная, трансцендентальная функция сознания и что всякое цельное понимание и отношение к миру есть религия. Величественный подъем духа и идеалистический энтузиазм возможны лишь в том случае, если я чувствую всем своим существом, что, служа человеческому прогрессу в его современной исторической форме, я служу вечной правде, что мои усилия и мои труды бессмертны по своим результатам и учитываются в миропорядке. И я думаю, что новый человек, стряхнув с себя старый мир с его суевериями, проникнется новой религией. Глубоко осмысленный и глубоко прогрессивный этический пантеизм с его верой в окончательное торжество Правды будет заключительным аккордом в идеалистическом миропонимании и идеалистическом настроении.

Задача борьбы за идеализм выпадает на долю той общественной группы, которая является в современную эпоху носителем идеи общечеловеческого прогресса. Эта задача не может быть выполнена целиком социально-политической партией, которая преследует более специальные цели. «Идея» будущего осуществляется не только борьбой социально-политических партий, способы ее осуществления сложнее и многообразнее. Следует все время иметь в виду, что борьба за идеализм не есть борьба против реализма. Идеалистическая философия не может посягнуть на позитивную науку, социальный идеализм — на социальный реализм. Позиция трезвого социального реализма твердо установлена, он одержал верх над старой романтикой, и идеалисты новейшей формации должны присоединиться к его традициям. Мы прекрасно помним, что прежде всего должны быть удовлетворены материальные потребности человеческой массы, как наиболее безотлагательные, и что только сила может быть акушером при рождении новой идеи. Вообще я думаю, что должен быть усилен как наш идеализм, так и наш реализм, но теперь особенно нужно настаивать на идеалистическом моменте, так как до сих пор он слишком оставался в тени. Ибсеновский строитель Сольнес совершает реалистическую работу, это символ научного реализма в теории и трезвого социального реализма на практике. Прекрасный образ Гильды символизирует собой философский идеализм в теории и идеалистический дух практики жизни. Отныне Сольнес и Гильда пусть творят вместе и строят самое великое, самое чудное в мире — «воздушные замки на каменных фундаментах». Сольнес — слуга Гильды, он ее строитель, и, повинувшись приказу, он должен добраться до самой верхушки «башни». Когда Сольнес начнет строить высокую «башню» и Гильда получит наконец свое «королевство» — золотые мечты человека осуществляются. Мы нуждаемся в захватывающих наш дух настроениях, чтобы подняться над безобразной пошлостью серенькой жизни, чтобы проникнуться тем энтузиазмом, без которого ничто великое в истории не совершалось. Борьба за идеализм — завещание девятнадцатого века двадцатому. Наступающий XX век принадлежит идеалистам, которые не только осуществят социальные идеалы второй

половины XIX века, но и вольют в новые формы возвышенное духовное содержание.

«Мир Божий». 1901. №6-
Печатается по тексту журнала,
первый и последний разделы статьи.

А.В. Амфитеатров. Господа Обмановы

I

Когда Алексей Алексеевич Обманов, честь честью отпетый и помянутый, успокоился в фамильной часовенке при родовой своей церкви в селе Большие Головотяпы, Обмановка тож, впечатления и толки в уезде были пестры и бесконечны. Обесхозяилось самое крупное имение в губернии, остался без предводителя дворянства огромный уезд.

На похоронах рыдали:

— Этакого благодетеля нам уже не нажить.

И в то же время все без исключения чувствовали:

— Фу, пожалуй, теперь и полегче станет.

Но чувствовали очень про себя, не решаясь и конфузясь высказать свои мысли вслух. Ибо — хотя Алексея Алексеевича втайне почти все не любили, но и почти все конфузились, что его не любят, и удивлялись, что не любят.

— Прекраснейший человек, а вот поди же ты... Не лежит сердце!

— Какой хозяин!

— Образцовый семьянин!

— Чады и домочадцы воспитал в стразе Божиим!

— Дворянство наше только при нем и свет увидало! Высоко знамя держал-с!

— Да-с, не то что у других, которые! Повсюду теперь язвы-то эти пошли: купец-каналья, да мужикофилы, да оскудение.

— А у нас без язвов-с.

— Как у Христа за пазухой.

Словом, казалось бы, все причины для общественного восторга соединились в лице покойника, и все ему от всего сердца отдавали справедливость, и, однако, когда могильная земля забарабанила о крышку его гроба, на многих лицах явилось странное выражение, которое можно было толковать двусмысленно — и как:

— На кого мы, горемычные, остались,

и:

— Не встанет. Отлегло.

Двусмысленного выражения не остались чуждыми даже лица ближайших семейных покойного. Даже супруга его, благодетельствованная им, ибо взятая за красоту из гувернанток, Марина Филипповна, когда перестала валяться по кладбищу во вдовьих обмороках и заливаться слезами, положила последние кресты и последний поклон перед могилой с тем же загадочным взглядом:

— Конечно. Теперь совсем другое пойдет.

Сын Алексея Алексеевича, новый и единственный владелец и вотчинник Больших Головотяпов, Никандр Алексеевич Обманов, в просторечии Ника-милуша, был смущен более всех.

Это был маленький, миловидный, застенчивый молодой человек с робкими, красивыми

движениями, с глазами то ясно-доверчивыми, то грустно-обиженными, как у серны в зверинце.

Перед отцом он благоговел и во всю жизнь свою ни разу не сказал ему: нет. Попросился он, кончая военную гимназию, в университет — родитель посмотрел на него холодными, тяжелыми глазами навывкате:

— Зачем? Крамол набираться?

Никандр Алексеевич сказал:

— Как вам угодно будет, папенька.

И так как папеньке было угодно пустить его по военной службе, то не только безропотно, но даже как бы с удовольствием проходил несколько лет в офицерских погонах. В полку им нахва-литься не могли, в обществе прозвали Никою-милушею и прославили образцом порядочности; все сулило ему блестящую карьеру. Но как скоро Алексей Алексеевич стал стареть, он приказал сыну выйти в отставку и ехать в деревню. Сын отвечал:

— Как вам угодно будет, папенька.

И только Марина Филипповна осмелилась было заикнуться перед своим непреклонным повелителем:

— Но ведь он может быть в тридцать пять лет генерал!

На что и получила суровый ответ:

— Прежде всего, матушка, он дворянин и должен быть дворянином. А дворянское первое дело — на земле сидеть-с! Да-с! Хозяином быть-с! И когда я помру, желаю, чтобы сию священную традицию мог он принять от меня со знанием и честью.

И сидел Ника-милуша в Больших Головотяпах, Обмановка тож, безвыходно, безвыездно — к хозяйству не приучился, ибо теории-то дворянско-земельные старик хорошо развивал, а на практике ревнив был и ни к чему сына на допускал:

— Где тебе! Молод еще! Приглядывайся: коли голова на плечах, когда-нибудь и хозяин будешь.

— Слушаю, папенька. Как вам угодно, папенька.

За огромным деревенским досугом, совершенно бездельным, ничем решительно не развлеченным и не утешенным, Ника непременно впал бы в пьянство и разврат, если бы не природная опрятность натуры и опять-таки не страх родительского возмездия. Ибо — каких-каких обвинений ни возводили на Алексея Алексеевича враги его, а тут пасовали:

— Воздержания учитель-с.

— Распутных не терплю! — рычал он, стуча по письменному столу кулачищем. И, внемля стуку и рыку, все горничные в доме спешили побросать в огонь безграмотные цидулки, получаемые от «очей моих света, милаво предмета», так как достаточно было барину найти такую записку в сундуке одной из домочадиц, чтобы мирная обмановская усадьба мгновенно превратилась в юдоль плача и стенаний и преступница с изрядно нахлестанными щеками и с дурным расчетом очутилась со всем своим скарбом за во-

ротами:

— Ступай жалуйся!

И все трепетали, и никто не жаловался.

Целомудрие Алексея Алексеевича было тем поразительнее и из ряду вон, что до него отнюдь не могло считаться в числе фамильных обмановских добродетелей. Наоборот. Уезд и по сей час еще вспоминает, как во времена оны налетел в Большие Головотяпы дедушка Алексея Алексеевича, Никандр Памфилович, — бравый майор в отставке с громовым голосом, с страшными усищами и глазами навывкате, с зубодробительным кулаком, высланный из Петербурга за похищение из театрального училища юной кордебалетной феи. Первым делом этого достойного деятеля было так основательно усовершенствовать человеческую породу в своих тогда еще крепостных владениях, что и до сих пор еще в Обмановке не редкость встретить бравых пучеглазых стариков с усами как лес дремучий, и насмешливая кличка народная всех их зовет «майорами». Помнят и наследника Майорова, красавца Алексея Никандровича. Этот был совсем не в родителя: танцовщиц не Похищал, крепостных пород не усовершенствовал, а, явившись в Большие Головотяпы как раз в эпоху эмансипации, оказался од. ним из самых деятельных

мировых посредников. Имел грустные голубые глаза, говорил мужикам «вы» и развивал уездных львиц читая им вслух «Что делать?». Считался красным и даже чуть ли не корреспондентом в «Колоколе». Но при всех своих цивилизных добродетелях обладал непостижимой способностью — вовлекать в амуры соседних девиц, предобродушно — и, кажется, всегда от искреннего сердца — обещая каждой из них непременно на ней жениться. Умер двоеженцем — и не под судом только потому, что умер.

И вот, после таких предков, — вдруг Алексей Алексеевич!

Алексей Алексеевич, о котором вдова его Марина Филипповна, по природе весьма ревнивая, но в течение всего супружества ни однажды не имевшая повода к ревности, до сих пор слезно причитает:

— Бонне глазом не моргнул! Горничной девки не ущипнул! Картины голые, которые от покойника папеньки в доме остались, поснимать велел и на чердак вынести.

Так выжил Алексей Алексеевич в добродетели сам и сына в добродетели выдержал.

Единственным органом печати, проникавшим в Обмановку, был «Гражданин» князя Мещерского. Хотя в юности своей и воспитанник катковского лицея, Алексей Алексеевич даже «Московских ведомостей» не признавал:

— Я дворянин-с и дворянского чтения хочу, а от них приказным пахнет-с.

— Но ведь Катков... — пробовали возразить ему другие, столь же охранительные «красные околыши».

— Катков умер-с.

— Но преемники...

— Какие же преемники-с? Не вижу-с. Земская ярыжка-с. А я дворянин.

И упорно держался «Гражданина». И весь дом читал «Гражданина». Читал и Ника-милуша, хотя злые языки говорили, и говорили правду, будто подговоренный мужичок с ближайшей же-лезнодорожной станции носил ему потихоньку и «Русские ведомости». И — будто сидит, бывало, Ника, якобы «Гражданина» изучая, — ан под «Гражданином»-то у него «Русские ведомости»-Нет папаши в комнате — он в «Русские ведомости» вопьется. Вошел папаша в комнату — он сейчас страничку перевернул и пошел наставлять от князя Мещерского, как надлежит драть кухаркина сына в три темпа. И получилось из такой Никиной двойной читанной бухгалтерии два невольных самообмана.

«Твердый дворянин из Ники будет!» — думал отец.

На станции же о нем говорили:

— А сынок-то не в папашу вышел. Свободомыслящий! Это ничего, что он тихоня. Не смотрите! Вот достанутся ему Большие Головотяпы, он себя покажет! От всех этих дворянских папашиних затей-рацей только щепочки полетят.

И отец, и станция равно глубоко ошибались. Из всего, что было Нике темно и загадочно в жизни, всего темнее и загадочнее оставался вопрос:

— Что, собственно, я, Никандр Обманов, за человек, каковы суть мои намерения и убеждения?

От привычки урывками читать «Гражданина» не иначе как вперемежку с потаенными «Русскими ведомостями» в голове его образовалась совершенно фантастическая сумятица. Он совершенно потерял границу между дворянским охранительством и доктринерским либерализмом и с полной наивностью повторял иногда свирепые выражения князя Мещерского, воображая, будто цитирует защиту земских учреждений в «Русских ведомостях», либо, наоборот, пробежав из-под листа «Гражданина» передовицу московской газеты, говорил какому-нибудь соседу:

— А здорово пишет в защиту всеобщего обучения грамоте князь Мещерский!

Смерть Алексея Алексеевича очень огорчила Нику. Он искренне любил отца, хотя еще искреннее боялся. И теперь, стоя над засыпанною могилою, с угрызениями совести сознавал, что в этот торжественный и многозначительный миг, когда отходит в землю со старым барином старое поколение, чувства его весьма Двоятся, и в душе его, как богатырю скандинавскому Фритьюфу, поют две птицы, белая и черная...

«Жаль папеньку!» — звучал один голос.

«Зато теперь вольный казак!» — возражал другой.

«Кто-то нас теперь управит!»

«Можешь открыто на «Русские ведомости» подписаться, а «Гражданин» хоть ко всем чертям послать».

«Все мы им только и жили!»

«Теперь mademoiselle Жюли можно и колье подарить...»

«Что с Обмановкой станется?»

«Словно Обмановкою одной свет сошелся. Нет, брат, теперь ты в какие заграницы захотел, в такие и свистнул».

«Сирота ты, сирота горемычная!»

«Сам себе господин!»

Так бес и ангел боролись за направление чувств и мыслей нового собственника села Большие Головотяпы, Обмановки тож, и так как брал верх то один, то другой, полного же преферанса над соперником ни один не мог возыметь, то физиономия Ники несколько напоминала ту карикатурную рожицу, на которую справа взглянуть — она смеется, слева — плачет. Но что в конце концов слезный ангел Ники должен будет ретироваться и оставить поле сражения за веселым бесенком, в этом сомневаться было уже затруднительно.

*Газета «Россия». 13 января 1902 г. Опубликовано 1-я часть
с подзаголовком «Провинциальные впечатления».*

*Печатается по: Русская сатира XIX—начала XX века.
М.; Л., 1960. С. 337-351*

А.В. Амфитеатров. Горестные заметы

Поищем современного ответа на старый некрасовский вопрос («Кому на Руси жить хорошо?») — Сост.).

Интеллигенции живется нестерпимо скверно. Не жизнь, а медленная смерть для каждой отдельной личности, быстрое вымирание для класса. На общем собрании Дома литераторов, последнего сравнительно независимого союза интеллигентных сил Петрограда... председатель, академик Н.А. Котляревский, огласил некролог на 250 сотоварищей наших, погибших за два с половиной года жертвами голода, холода, непосильной физической работы, тюрьмы, тифа, расстрела, самоубийства. Список этот был в свое время опубликован в петроградском «Вестнике литературы» А.Е. Кауфмана, единственном периодическом издании, как-то умудрившемся влачить нейтральное существование под ревнивым и всеуничтожающим «недреманым оком» советской цензуры, твердо зазубрившей к руководству своему лишь одно беспощадное правило: «Кто не с нами, тот против нас». Теперь угрюмый синодик избиенных литераторов увеличился еще доброю сотней покойников, в числе их обозначаются такие имена, как расстрелянные поэты, Гумилев, профессора Таганцев, Лазаревский и Тихвинский, самоубийца А.Н. Чеботаревская, уморенный голодным истощением лучший наш поэт Александр Блок, В.Г. Короленко и только что упомянутый А.Е. Кауфман, скончавшийся от грудной жабы, нажитой в беспрестанных волнениях и хлопотах за погибающих от голода и чрезвычайки собратьев.

Рабочим в советской России, хоть она и величается «рабоче-крестьянскою республикою», живется тоже безрадостно. Кормят их усердно, но не материальной пищею, а больше лестью да обещаниями, исполнимыми после дождичка в четверг, да неутомимым красноречием товарища Анцеловича, давно уже заслужившего от рабочего класса прочную репутацию «надувалы». От работы они совершенно отбились за технической невозможностью работать. Дельное большинство тоскует о правильном труде, бездельное меньшинство развращается с каждым днем все больше и хуже, погружаясь в праздное политиканствующее хулиганство. Число рабочих уменьшается с поразительной быстротой, обгоняя общее уменьшение населения... Значительную часть их уничтожила страшная смертность — война, эпидемии и туберкулез, свирепо развившийся на почве общего голодного изнурения. Некоторую часть поглотила колоссальная бюрократия

«рабоче-крестьянской республики». Главная же, подавляюще численная масса исчезнувших из Петрограда рабочих просто ушла вразброд: сбежала из города, где нечего делать, домой в деревню, к земле, поворотила обратно в мужичество.

На солдатчину советское государство тратит чуть ли не все средства, которые успевают награть. Однако красный гарнизон в Петрограде в зиму 1920—1921 гг. голодал, холодал, нищенствовал по улицам и частным квартирам, был оборван, разут, недоволен, ворчал, шумел. Власть считала его настолько ненадежным, что, когда в феврале перед Кронштадтским восстанием вспыхнули рабочие беспорядки на Балтийском заводе, на табачном заводе Лаферма и на Трубочном, первым распоряжением Смольного было — не выпускать красноармейцев из казарм на улицу и для того окружить их верною советскою опричниною — «красными курсантами» (юнкерами). В матросских казармах 2-го Балтийского и Гвардейского экипажей у спящих рядовых ночью были выкрадены штаны и обувь, возвратившиеся на место, как скоро был выяснен безоружный характер рабочего движения. А когда оно замерло, из финляндских казарм, соседних с моей квартирой и близких к местности беспорядков, приходили ко мне красноармейцы и тосковали, что эти тревожные дни им пришлось просидеть под стражею разутыми и, главное, не зная, где находится их цейхгауз, безоружными. «А то, мол, мы бы себя большевикам показали!» Ну, в это-то, что показали бы себя, я плохо верю, потому что вся эта недовольная красноармейская масса не имела даже и тени организации и с большою подозрительностью относилась ко всякой внешней попытке организовать ее, не доверяя никаким партиям, ничьей пропаганде. То же самое было ведь и в Кронштадте. Арестованный в самом начале Кронштадтского восстания, я сидел на Шпалерной множеством кронштадтцев, и все они на расспросы мои одинаково отрицали ту мнимую пропаганду эсеров и меньшевиков, на которую сваливали вину восстания большевики.

— Никаких эсеров и меньшевиков мы не видали и не слыхали, да и ни за кем не пошли бы, если бы самим от этих окаянных не стало тошно...

Заключенные рабочие-балтийцы тоже настаивали на совершенно самостоятельном происхождении и развитии своего движения, независимом от противобольшевистских партий...

Итак, всюду недовольство, ненависть, презрение, отвращение, проклятия. Между тем власть большевиков, насквозь прогнившая, трупная, разложившаяся власть, сама удивляющаяся своему существованию, держится — и даже побеждает, крепнет. Что за чудо? Не одними же красными курсантами спасается «социалистическое отечество»? Штыки у них крепкие, неразборчивые и безжалостные, но ведь на одних штыках среди всеобщего недовольства, казалось бы, не усидишь. А они сидят.

Причин к этому очень много, но я остановлюсь только на одной, которую, по-моему, еще мало замечают или, замечая, придают ей меньше значения, чем она заслуживает.

Большевикам не удалась ни одна из их сознательных реформ, но в высшей степени удалась одна — бессознательная. Они ее не чаяли, не гадали и, уж конечно, в качестве марксистов принципно никак не желали, не могли желать... А именно: они, ревностные истребители старой буржуазии во всех разветвлениях третьего сословия, теперь поставлены в необходимость убедиться, что совершенно напрасно тратили силы свои, истребляя неистребимое. Потому что как раз процессом истребления, вооруженного девизом «грабь награбленное», большевики незаметно создали новый средний класс, новую буржуазию, судьбы которой тесно связаны с их судьбами. И по историческому правилу, что средний класс всюду составляет лучшую опору правительства, она уже становится оплотом советского государства, оказавшегося отнюдь не социалистическим, не рабочим, не крестьянским, но просто полицейско-хищническим. Грабеж имущества рухнувшей империи и старой буржуазии, спекуляция при чудовищном падении денежного курса и таком же чудовищном росте вещевых ценностей, бюрократическое взяточничество и хищничество, совместительство многих должностей и доходностей в одном лице... контрабанда, тайная игра на валюте и прочее образовали новый пласт зажиточного обывательства, которому совершенно невыгодно падение большевиков. Бессознательные творцы этого пласта, большевики сознательно ему не мирволили. Напротив: ведь официальное название страшной Чрезвычайки — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, а спекуляция и преступления по должности суть главные орудия населения новой

буржуазии. Число ею расстрелянных и тюрьму изведавших зиждителей, конечно, значительно меньше, чем число погибших и пострадавших за контрреволюцию, однако очень крупно и выражается в тысячных цифрах. Но выдвигаемая не искусственным вымыслом, а естественностью жизни, она оказалась непобедимой и в конце концов восторжествовала — заставила-таки коммунистическую власть признать ее если не *de jure*, то *de facto*. Настолько, что когда голод принудил большевиков капитулировать перед «свободной торговлей», то «свободная торговля» возвратилась в Петроград исключительно в форме разрешенной спекуляции и вместо ожидаемого падения цен взвинтила их до баснословия. И ни для кого не стало тайной, что огромное большинство продуктов поступает на рынок из правительственных складов, обираемых советскими служащими, верными коммунистическому призыву «грабь награбленное». Коммуна ограбила частную собственность, чиновники коммуны грабят ее самое.

Новобуржуазный класс, многочисленный и крепкий, тоже весьма и весьма не прочь ругать и клясть большевиков, от которых он немало натерпелся в период своей формировки, еще терпит, да и будет терпеть, пока окончательно не сделается хозяином положения. Однако, за исключением весьма немногих своих представителей — из людей старого закала, движимых религиозными побуждениями, — никогда он не выступит против большевиков активно... Потому что он слишком хорошо понимает, что всякая перемена правительства, за исключением анархической, для него будет равносильна требованию к отчету во всей той собственности, которую он ухитрился завладеть при власти, частную собственность отрицавшей...

Сплошь хищнический, новобуржуазный класс стоит на очень низком уровне образования и морали. Составлен он наполовину из маленьких спекулянтов, нахлынувших в Питер в последние годы войны, когда настоящие большие военные спекулянты... уже удрали из Питера за границу и, благополучно унеся награбленные миллиарды, преуспешно торговали Россией оптом и в розницу на всех биржах Европы и Америки. В этой второй половине подавляющее большинство образуют бывшая домовая и комнатная прислуга, швейцары, дворники, приказчики, конторщики, мелкие торговцы, уцелевшие полицейские и т.п. «демократические элементы», ныне заседающие в домкомбедах и, следовательно, сознательно или бессознательно, вольно или невольно являющиеся глазами и ушами Чрезвычайка. Сюда же примыкают налетчики, променявшие свой опасный промысел на теплое советское местечко, проститутки на той же стезе. А также множество тех самодельных и самозванных лжеартистов и артисток, которых бесчисленно плодит советская театральная мания...

Наконец, последним элементом в новой буржуазии, еще немногочисленным, но, к сожалению, быстро размножающимся, оказываются те слабые из интеллигенции, которые, по выражению поэта, устали

Свой крест нести:

Покинул их дух мести и печали

На полпути...

Люди, загнанные в соглашательство если не с политикою большевиков (такие гуси все наперечет по именам известны!), то с бытовыми условиями, большевизмом продиктованными, после долгой маяты в крайней нужде, холоде и голоде, переутомленные физическим трудом, а главное, утратившие надежду на избавление, не могут больше — истосковались по сытому желудку, по теплomu углу, а кто молод, то жалеет и юности своей проходящей, не зная веселья и радостной жизни. Ну и склоняют головы, принижаются... На почве классовых компромиссов возникают удивительные сближения, страннейшие союзы — трудовые, промышленные, торговые, семейные...

*Печатается по тексту,
опубликованному в газете «Куранты»
26 мая 1993 г., с небольшими сокращениями*

Д.С. Мережковский. Грядущий хам

I

«Мещанство победит и должно победить», — пишет Герцен в 1864 году в статье «Концы и начала». «Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что мещанство — окончательная форма западной цивилизации».

Трудно заподозрить Герцена в нелюбви к Европе. Ведь это именно один из тех русских людей, у которых, по выражению Достоевского, «две родины: наша Русь и Европа». Может быть, он сам не знал, кого любит больше — Россию или Европу. Подобно другу своему Бакунину, он был убежден, что последнее освобождение есть дело не какого-либо одного народа, а всех народов вместе, всего человечества и что народ может освободиться окончательно, только отрекаясь от своей национальной обособленности и входя в круг всечеловеческой жизни. «Всечеловечество», которое у Пушкина было эстетическим созерцанием, у Герцена, первого из русских людей, становится жизненным действием, подвигом. Он пожертвовал не отвлеченно, а реально ради своей любви к Европе своей любовью к России. Для Европы сделался вечным изгнанником, жил для нее и готов был умереть за нее. В минуты уныния и разочарования жалел, что не взял ружья, которое предлагал ему один работник во время революции 1848 года в Париже, и не умер на баррикадах...

В подтверждение своих мыслей о неминуемой победе мещанства в Европе Герцен ссылается на одного из благородных представителей европейской культуры, на одного из ее «рыцарей без страха и упрека» — на Дж. Ст. Милля.

«Мещанство, — говорит Герцен, — это та самодержавная толпа сплоченной посредственности... которая всем владеет, — толпа без невежества, но и без образования... Милль видит, что все около него пошлеет, мельчает; с отчаянием смотрит на подавляющие массы какой-то паусной икры, сжатой из мириад мещанской мелкоты... Он вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей, о постоянном мельчании жизни, о постоянном исключении из нее общечеловеческих интересов, о сведении ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния. Милль прямо говорит, что по этому пути Англия делается Китаем, — мы к этому прибавим: и не одна Англия». Ни Милль, ни Герцен не видели последней причины этого духовного мещанства. «Мы вовсе не врачи! Мы — боль», — предупреждает Герцен. И действительно, во всех этих пророчествах — не только для Милля, но отчасти и для Герцена, пророчествах на собственную голода — нет никакого вывода, а есть лишь крик неизвестной боли, неизвестного ужаса. Причины мещанства Герцен и Милль не могли видеть, как человек не может видеть лицо свое без зеркала. То, чем они страдают и чего боятся в других, находится не только в других, но и в них самих, в последних непереступаемых и даже невидимых для них пределах их собственного религиозного, вернее, антирелигиозного сознания.

Последний передел всей современной европейской культуры — позитивизм, или, по терминологии Герцена, «научный реализм», как метод не только частного научного, но и общего философского и даже религиозного мышления. Родившись в науке и философии, позитивизм вырос из научного и философского сознания в бессознательную религию, которая стремится упразднить и заменить собою все бывшие религии. Позитивизм в этом широком смысле есть утверждение мира, открытого чувственному опыту, как единственно реального, и отрицание мира сверхчувственного: отрицание конца и начала мира в Боге и утверждение бесконечного и безначального продолжения мира в явлениях, бесконечной и безначальной, непроницаемой для человека среды явлений, середины, посредственности, той абсолютной, совершенно плотной, как Китайская стена, «сплоченной посредственности»... того абсолютного мещанства, о котором говорят Милль и Герцен, сами не разумея последней метафизической глубины того, что говорят.

В Европе позитивизм только делается — в Китае он уже сделался религией...

Китайцы — совершенные желтолицые позитивисты, европейцы — пока еще несовершенные белолицые китайцы. В этом смысле американцы совершеннее европейцев. Тут крайний Запад сходится с крайним Востоком.

Для Герцена и Милля то столкновение Китая с Европой, которое начинается, но, вероятно,

не кончится на наших глазах, имело бы особенно вещий, грозный смысл. Китай довел до со-вершенства позитивное созерцание, но позитивного действия всей прикладной технической стороны положительного знания недоставало Китаю. Япония, не только военный, но и культурный авангард Востока, взяла у европейцев эту техническую сторону цивилизации и сразу сделала для них непобедимой.

...Кто верен своей физиологии, тот и последователен, кто последователен, тот и силен, а кто силен, тот побеждает. Япония победила Россию. Китай победит Европу, если только в ней самой не совершится великий духовный переворот, который опрокинет вверх дном последние метафизические основы ее культуры и позволит противопоставить пушкам позитивного Востока не одни только пушки позитивного Запада, а кое-что более реальное, более истинное.

Вот где главная «желтая опасность» — не извне, а внутри; не в том, что Китай идет в Европу, а в том, что Европа идет в Китай...

У Герцена были две надежды на спасение Европы от Китая.

Первая, более слабая, на социальный переворот. Герцен ставил дилемму так:

«Если народ сломится — новый Китай неминуем. Но если народ сломится — неминуем социальный переворот».

Спрашивается: чем же и во имя чего народ, сломивший социальный гнет, сломит и внутреннее духовное начало мещанской культуры? Какою новою верою, источником нового благородства? Каким вулканическим взрывом человеческой личности против безличного муравейника?..

Итак, на вопрос, чем народ победит мещанство, у Герцена нет никакого ответа. Правда, он мог бы позаимствовать ответ у своего друга, анархиста Бакунина, мог бы перейти от социализма к анархизму. Социализм желает заменить один общественный порядок другим, власть меньшинства — властью большинства; анархизм отрицает всякий общественный порядок, всякую внешнюю власть во имя абсолютной свободы, абсолютной личности — этого начала всех начал и конца всех концов. Мещанство, непобедимое для социализма, кажется (хотя только до поры до времени, до новых, еще более крайних, выводов, которых, впрочем, ни Герцен, ни Бакунин не предвидели) победным для анархизма. Сила и слабость социализма как религии в том, что он предопределяет будущее социальное творчество и тем самым невольно включает в себя дух вечной середины, мещанства, неизбежное метафизическое следствие позитивизма как религии, на котором и сам он, социализм, построен. Сила и слабость анархизма в том, что он не предопределяет никакого социального творчества, не связывает себя никакой ответственностью за будущее перед прошлым, и с исторической мели мещанство выплывает в открытое море неизведанных исторических глубин, где предстоит ему или окончательное крушение, или открытие нового неба и новой земли. «Мы должны разрушать, только разрушать, не думая о творчестве, — творить не наше дело», — проповедует Бакунин. Но тут уже кончается сознательный позитивизм и начинается скрытая, бессознательная мистика, пусть безбожная, противобожная, но все же мистика... Бакунинский «абсолютно свободный человек» слишком похож на фантастического «сверхчеловека», нечеловека, чтобы со спокойным сердцем мог его принять Герцен, который боится всякой мистики больше всего, даже больше самого мещанства, не сознавая, что этот суеверный страх мистики уже имеет в себе нечто мистическое. Как бы то ни было, правоверный социалист Герцен отшатнулся от впавшего в ересь анархиста Бакунина.

В конце жизни Герцен потерял или почти потерял надежду на социальный переворот в Европе, кажется, впрочем, потому, что перестал верить не столько в его возможность, сколько в спасительность.

Тогда-то загорелся последний свет в надвигавшейся тьме, последняя надежда в наступавшем отчаянии — надежда на Россию, на русскую сельскую общину, которая будто бы спасает Европу.

II

...Когда Герцен бежал из России в Европу, он попал из одного рабства в другое, из материального в духовное. А когда захотел обратно бежать из Европы в Россию, то попал из европейского движения к новому Китаю — в старую «китайскую неподвижность» в России...

Если так, то, казалось бы, прежде чем произносить смертный приговор европейской культуре и бежать от нее к русскому варварству в отчаянии последнего безверия, следовало подумать, нельзя ли эти два обмелевших начала всемирной культуры — религию и общественность — как-нибудь сдвинуть с их общей позитивной мели в их общую религиозную глубину. Почему же Герцен об этом не думает? Кажется, все потому же: религиозных глубин боится он еще больше, чем позитивных мелей; ему мерещится в глубине всякой мистики свирепое чудовище реакции, своего рода апокалиптический зверь, выходящий из бездны.

За осторожного Герцена подумал и ответил неосторожный Бакунин... В 1869 году Бакунин предложил принять в основу социалистической программы отрицание всех религий и признание, что «бытие Бога несогласно со счастьем, достоинством, разумом, нравственностью и свободой людей».

Когда большинство отвергло эту резолюцию, Бакунин с некоторыми членами из меньшинства образовал новый союз... первый параграф коего гласил: «Союз объявляет себя безбожным».

Этот яростный «антитеологизм» есть уже не только отрицание религии, но и религия отрицания, какая-то новая религия без Бога, полная не менее фанатической ревностью, чем старые религии с Богом. Тургенев удивился, услышав о выходке Бакунина на Бернском конгрессе. «Что с ним случилось? — спрашивал у всех Тургенев. — Ведь он всегда был верующим, даже Герцена бранил за атеизм. Что же с ним такое случилось?»

Бакунин и Герцен, желая бороться с метафизической идеей о Боге, на самом деле борются только с историческими призраками, искажающими преломлениями этой идеи в туманах политический низин... Неужели Бакунин и Герцен никогда не думали о том, что значит и это слово Христа: Я научу вас истине, а истина сделает вас свободными.

...В первом царстве — Отца, Ветхом Завете, открылась власть Божия как истина; во втором царстве — Сына, Новом Завете, открывается истина как любовь; в третьем, и последнем царстве — Духа, в Грядущем Завете, откроется любовь как свобода. И в этом последнем царстве произнесено и услышано будет последнее, никем еще не произнесенное и не услышанное имя Господа Грядущего: Освободитель.

Но здесь мы уже сходим не только с этого берега, на котором стоит европейская культура — со своим мещанством прошлого и настоящего, — но и с того берега, на котором стоит Герцен перед мещанством будущего; мы выплываем в открытый океан, в котором исчезают все берега, в океан грядущего христианства как одного из трех откровений всеединого Откровения Троицы...

Предсмертное видение Герцена — Россия как «свободной жизни край» и русская крестьянская община как спасение мира. Старую любовь свою он принял за новую веру, но, кажется, в последнюю минуту понял, что и эта последняя вера — обман. Если, впрочем, обманула вера, то любовь не обманула; в любви его к России было какое-то истинное прозрение: не крестьянская община, а христианская общественность, может быть, в самом деле будет новой верой, которую принесут юные варвары старому Риму.

В судьбе Герцена, этого величайшего русского интеллигента, предсказан вопрос, от которого зависит судьба всей русской интеллигенции: поймет ли она, что лишь в грядущем христианстве заключена сила, способная победить мещанство и хамство грядущее? Если поймет, то будет первым исповедником, мучеником нового мира, а если нет, то, подобно Герцену, — только последним бойцом старого мира, умирающим гладиатором.

III

...Когда вглядываешься в лица тех, от кого зависят ныне судьбы Европы, вспоминаются предсказания Милля и Герцена о неминуемой победе духовного Китая. Прежде бывали в истории изверги — Тамерланы, Аттилы, Борджиа. Теперь уже не изверги, а люди как люди. Вместо скипетра — аршин, вместо Библии — счетная книга, вместо алтаря — прилавок. Какая самодовольная пошлость и плоскость в выражении лиц! Смотришь и «дивисься удивлением великим», как сказано в Апокалипсисе, откуда взялись эти коронованные лакеи, эти торжествующие хамы? Да, со времени Герцена и Милля мещанство делало в Европе страшные

успехи.

Все благородство культуры, уйдя из области общественной, сосредоточилось в уединенных личностях, в таких великих отшельниках, как Ницше, Ибсен, Флобер и все еще самый юный из юных — старец Гёте. Среди плоской равнины мещанства эти бездонные артезианские колодцы человеческого духа свидетельствуют о том, что под выжженной землею еще хранятся живые воды. Но нужен геологический переворот, землетрясение, чтобы подземные воды могли вырваться наружу и затопить равнину, снести муравьиные кучи, опрокинуть старые лавочки мещанской Евро-пы. А пока — мертвая засуха...

Но тут невольно, с последним отчаянием или с последней надеждой, наш взор, так же как предсмертный взор «сраженного гладиатора», Герцена, обращается от одной из «двух наших ро-дин» к другой, от Европы к России, от мрачного Запада к Востоку, еще более мрачному, хотя уже окровавленному не то зарей, не то заревом. Для Герцена этим «светом с Востока» было возрождение «крестьянской общины», для нас это — возрождение христианской общественности. И тут опять возникает в начале XX века вопрос, поставленный в середине XIX: мещанство, не побежденное Европой, победит ли Россия?

IV

«Русская интеллигенция — лучшая в мире», — объявил недавно Горький.

Я этого не скажу не потому, чтобы я этого не желал и не думал, а просто потому, что совестно хвалить себя. Ведь и я, и Горький, оба мы — русские интеллигенты... Итак, я не берусь решить, что такое русская интеллигенция, чудо ли она или чудовище, — я только знаю, что это в самом деле нечто единственное в современной европейской культуре.

Мещанство захватило в Европе общественность; от него спасаются отдельные личности в благородстве высшей культуры. В России — наоборот: отдельных личностей не ограждает от мещанства низкий уровень нашей культуры; зато наша общественность насквозь благородна.

«В нашей жизни в самом деле есть что-то безумное, но нет ничего пошлого, ничего мещанского».

Ежели прибавить: не в нашей личной, а в нашей общественной жизни, то эти слова Герцена, сказанные полвека назад, и поныне остаются верными.

Русская общественность — вся насквозь благородна, потому что вся насквозь трагична...

Кажется, нет в мире положения более безвыходного, чем то, в котором очутилась русская интеллигенция, — положение между двумя гнетами: гнетом сверху, самодержавного строя, и гне-том снизу, темной народной стихии, не столько ненавидящей, сколько непонимающей — но иногда непонимание хуже всякой ненависти...

Что же это за небывалое, единственное в мире общество, или сословие, или каста, или вера, или заговор? Это не каста, не вера, не заговор, это все вместе в одном — это русская интелли-генция.

Откуда она явилась? Кто ее создал? Тот же, кто создал или, вернее, родил всю новую Россию, — Петр.

Я уже раз говорил и вновь повторяю и настаиваю: первый русский интеллигент — Петр. Он отпечатал, отчеканил, как на бронзе монеты, лицо свое на крови и плоти русской интеллигенции. Единственные законные наследники, дети Петровы, — все мы, русские интеллигенты. Он — в нас, мы — в нем. Кто любит Петра, тот и нас любит; кто его ненавидит, тот ненавидит и нас.

Что такое Петр? Чудо и чудовище? Я опять-таки решать не берусь. Он слишком родной мне, слишком часть меня самого, чтобы я мог судить о нем беспристрастно. Я только знаю: другого Петра не будет, он у России один, и русская интеллигенция у нас одна, другой не будет. И пока в России жив Петр Великий, жива и великая русская интеллигенция.

Мы каждый день погибаем! У нас много врагов, мало друзей. Велика опасность, грозящая нам, но велика и надежда наша: с нами Петр.

V

Среди всех печальных и страшных явлений, которые за последнее время приходится

переживать русскому обществу, самое печальное и страшное — та дикая травля русской интеллигенции, которая происходит, к счастью, пока только в темных и глухих подпольях русской печати...

Беда русской интеллигенции не в том, что она недостаточно, а скорее в том, что она слишком русская, только русская. Когда Достоевский в глубине русского искал «всечеловеческого», все-мирного, он чуял и хотел предупредить эту опасность.

«Беспочвенность» — черта подлинно русская, но, разумеется, тут еще не вся Россия. Это только одна из противоположных крайностей, которые так удивительно совмещаются в России. Рядом с интеллигентами и народными рационалистами духоборами есть интеллигентные и народные хлысты мистики.

Рядом с чересчур трезвыми есть чересчур пьяные. Кроме равнинной, вширь идущей, несколько унылой и серой, дневной России Писарева и Чернышевского... есть вершинная и подземная, ввысь и вглубь идущая, тайная, звездная, ночная Россия Достоевского и Лермонтова...

Какая их этих двух России подлинная? Обе одинаково подлинные.

Их разъединение дошло в настоящем до последних пределов. Как соединить их — вот великий вопрос будущего.

VI

Второе обвинение, связанное с обвинением в «беспочвенности», — «безбожие» русской интеллигенции...

Вера и сознание веры не одно и то же. Не все, кто думает верить, — верят; и не все, кто думает не верить, — не верят. У русской интеллигенции нет еще религиозного сознания, испо-ведания, но есть уже великая и все возрастающая религиозная жажда...

Иногда кажется, что самый атеизм русской интеллигенции — какой-то особенный, мистический атеизм. Тут у нее такое же, как у Бакунина, отрицание религии, переходящее в религию отрицания; такое же, как у Герцена, трагическое раздвоение ума и сердца: ум отвергает, сердце ищет Бога...

Достоевский, вспомнив как-то, лет через тридцать, один из своих разговоров с Белинским, восклицает с таким негодованием, как будто разговор происходил только вчера: «Этот человек ругал при мне Христа»... Когда Белинский восстал на Гоголя за то, что в «Переписке с друзьями» Гоголь пытался освятить рабство именем Христовым, то Белинский, Христа «ругавший», был, конечно, ближе к нему, нежели Гоголь, Христа исповедовавший.

О русской интеллигенции иногда можно сказать то же, что о Белинском: она еще не со Христом, но уже с нею Христос.

VII

...Сила русской интеллигенции не в intellectus'e, не в уме, а в сердце и совести. Сердце и совесть ее почти всегда на правом пути; ум часто блуждает. Сердце и совесть свободны, ум связан. Сердце и совесть бесстрашны и «радикальны», ум робок и в самом радикализме консервативен, подражателен. При избытке общественных чувств — недостаток общих идей...

Взять хотя бы наших марксистов. Нет никакого сомнения, что это — превосходнейшие люди. И народ любят они, конечно, не меньше народников. Но когда говорят о «железном законе эконо-мической необходимости», то кажутся свирепыми жрецами Маркса — Молоха, которому готовы привести в жертву весь русский народ. И договорились до чертиков. Не только другим, но и сами себе опротивели...

Тянулась, тянулась канитель марксистская, а потом потянулась босяцкая.

Сначала мы думали, что босяки-то уж по крайней мере самобытное явление. Но когда пригляделись и прислушались, то оказалось, что так же точно, как русские марксисты повторяли немца Маркса, и русские босяки повторяли немца Ницше. Одну половину Ницше взяли босяки, другую наши декаденты-оргиасты...

От умственного голода лица стали унылы и бледны, и постны. Все чеховские «хмурые люди». В сердцах уже солнце восходит, а в мыслях все еще «сумерки»; в сердцах огонь

пламенеющий, а в мыслях стынущая теплот, тепленькая водица... в сердцах буйная молодость, а в мыслях смиренное старчество.

Иногда, глядя на этих молодых стариков, интеллигентных аскетов и постников, хочется воскликнуть:

— Милые русские юноши! Вы благородны, честны, искренни. Вы — надежда наша, вы — спасение и будущность России. Отчего же лица ваши так печальны, взоры потуплены долу? Развеселитесь, усмехнитесь, поднимите ваши головы, посмотрите черту прямо в глаза. Не бойтесь глупого старого черта политической реакции, который все еще мерещится вам то в языческой эстетике, то в христианской мистике. Не бойтесь никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы, не только внешней, общественной, но и внутренней, личной, потому что без второй невозможна и первая. Одного бойтесь — рабства, и худшего из всех рабств — мещанства, и худшего из мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и стал хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам.

VIII

...У этого Хама в России — три лица.

Первое, настоящее — над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви.

Второе лицо, прошлое — рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие, той церкви, о которой Достоевский сказал, что она «в параличе»... Мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной.

Третье лицо, будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу, — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц.

Эти три начала духовного мещанства соединились против трех начал духовного благородства: против земли, народа — живой плоти, против церкви — живой души, против интеллигенции — живого духа России.

Для того чтобы в свою очередь три начала духовного благородства и свободы могли соединиться против трех начал духовного рабства и хамства, нужна общая идея, которая соединила бы интеллигенцию, церковь и народ; а такую общую идею может дать только возрождение религиозное вместе с возрождением общественным. Ни религия без общественности, ни общественность без религии, а только религиозная общественность спасет Россию. И прежде всего должно пробудиться религиозно-общественное сознание там, где есть уже сознательная общественность и бессознательная религиозность — в русской интеллигенции, ко-торая не только по имени, но и по существу своему должна сделаться интеллигенцией, т.е. разумом, сознанием России. Разум, доведенный до конца своего, приходит к идее о Боге. Интели-генция, доведенная до конца своего, придет к религии.

И когда это свершится, тогда русская интеллигенция уже перестанет быть интеллигенцией, только интеллигенцией, человеческим, только человеческим разумом, — тогда она сделается Разумом Богочеловеческим, Логосом России...

Не против Христа, а со Христом — к свободе. Христос освободит мир — и никто, кроме Христа. Со Христом — против рабства, мещанства и хамства.

Хама Грядущего победит лишь Грядущий Христос.

*Сборник статей Д.С. Мережковского
«Грядущий Хам». СПб., 1906.*

*Печатается с сокращениями по кн.:
Д.С. Мережковский.*

«14 декабря. Николай Первый». М., 1994.

9 января в Петербурге

I

Бывают дни и бывают события, в которых, как в фокусе, сосредоточивается значение самых глубоких сторон данной исторической минуты. Разгадать их — значит найти верное направление для самых, быть может, определяющих шагов ближайшего будущего. Не разгадать, ответить слишком спешно и неправильно — значит дать ошибочный ответ на роковую загадку сфинкса. А ведь такой ответ, если верить мудрецам древних, — значит возможность гибели.

Таково, по нашему глубокому убеждению, значение январских событий в Петербурге...

В одном рассказе нашего гениального писателя Л.Н. Толстого («Казачьи») есть образ, очень идущий к нашему теперешнему настроению. Герой его едет степными дорогами на почтовых по направлению к Кавказу. Где-то вдаль его ждут Кавказские горы, о которых он, житель равнин, слышал так много шаблонных отзывов, что ему, скептику, начинает казаться, что никаких, в сущности, гор, способных вызвать такие впечатления, совсем нет на свете... Всюду та же ровная степь, томительная и скучная, с однообразным и бедным простором и с туманною мглой... А если появятся неровности, то... Только для подтверждения старой истины, что ничего в сущности резко отступающего от этой плоской равнины и быть не может...

Читатель помнит, наверное, то ощущение резкого нервного подъема, можно сказать, пожалуй, удара по нервам, который пришлось пережить толстовскому герою, когда, проснувшись наутро, он увидел, что дорога его, еще бегущая по степи, уже упирается вдаль в необычайно изломанные очертания горных громад... И дальше все время его впечатления уже расстилаются у их подножия. Он продолжает вспоминать свое прошлое, столицу, знакомых, а в душе все стоит один припев... «А горы!»... Читатель помнит, вероятно, и впечатление этого припева, шероховатого, резкого, не укладывающегося ни в какой ритм остальных ощущений, которым Толстой выразил смущенное состояние духа своего равнинного жителя... «А горы!»

Предо мной все время, все эти дни и в ту минуту, когда я пишу эти строки, стоит неотвязно этот образ гениального художника... И мне кажется, что теперь все впечатления от нашего «общественного дня» так же расстилаются у подножия чего-то необычайного, большого, мрачного, встающего туманной громадой угрюмых диссонансов над равнинами нашей жизни... И над всем — над отставками и переменами министров, над известиями с театра войны, над «предначертаниями» комитета министров — высится этот угрюмый фон, залегая в душе неотвязным припевом... «А девятое января 1905 года»...

Да, это девятое января поднялось над однообразием нашей «равнинной истории», над ее буераками и оврагами, над холмиками «доверия» и извилинами бюрократической реакции — как первый крутой излом нашего горизонта, за которым, быть может, в загадочном тумане уже рисуются другие — и выше, и обрывистее, и круче...

И невольно взгляд приковывается к этому явлению с естественным желанием — разглядеть, определить очертания, найти перевалы и дороги.

II

Но разглядеть нелегко...

Так уж сложились традиции и привычки нашей жизни, что как только в ней появляется что-нибудь значительное, что-нибудь с необычайным и, быть может, угрожающим значением, то первым и самым насущным лозунгом дня провозглашается молчание вместо свободного обсуждения, освещения и критики...

Прошло около двух недель, и мы не имеем еще ни полной картины рокового события, ни его размеров. Пока у нас есть лишь официальное сообщение первых дней — уже по своей спешности страдающее неполнотой, односторонностью и, конечно, неизбежным пристрастием — и несколько отрывочных дополнений того же происхождения...

Из этого сообщения мы узнаем прежде всего, что «в Петербурге, в начале 1904 года, по ходатайству нескольких рабочих фабрик и заводов был учрежден устав «С. Петербургского

Общества фабричных и заводских рабочих», имевшего целью удовлетворение их духовных и умственных интересов и отвлечение рабочих от преступной пропаганды».

В последней фразе курсив принадлежит нам, и мы позволим себе остановиться на ее значении. Итак, фабричное общество было основано, кроме обычных органических потребностей рабочей среды, еще со специально политической целью; другими словами, органические потребности рабочей среды и естественное стремление к их удовлетворению отдавались под особое воздействие бюрократически-политического начала и должны были служить также и полицейским целям. Этот опыт уже не первый, из многих других правительственных сообщений, появившихся в разное время, мы знаем о такой же попытке в Москве и других городах. Особенно ярко последствия такого сочетания проявились, как всем известно, два года назад в Одессе, и в газетах среди арестованных за «беспорядки» лиц значились имена людей, до тех пор несомненно пользовавшихся поощрением и покровительством официальных сфер. В этом, очевидно, есть нечто знаменательное, на что в то время не было обращено достаточного внимания. Пресса пыталась отметить эту черту и ее значение, чреватое многими неожиданностями для обеих сторон, но, разумеется, не она виновата в скудости и неполноте этого освещения...

Теперь эту любопытную черту мы встречаем в самом начале официального сообщения. При этом мы вспоминаем невольно, как еще недавно «Московские ведомости», а за ними «Свет» и «Гражданин» радостно оповещали о возникновении благонамеренных рабочих организаций, инициаторы которых встречали радушный прием в тех самых сферах, которые незадолго отрицали само существование рабочего вопроса и возлагали все упования на добровольное патриархально-отеческое попечение гг. фабрикантов...

Но рабочая среда — не кружок этих «инициаторов», которые по недоразумению говорили от ее имени и давали радужные обещания, и «рабочий вопрос» — не мелкая служебная подробность той или другой полицейской политики. Для рабочей среды, в первые минуты, быть может, искренно увлеченной заманчивыми перспективами, это — не игра и не праздничная феерия, а самый насущный жизненный вопрос, к решению которого она стремится с суровой правдивостью и понятным нетерпением. И вот, всякий раз, когда дело от эффектных демонстраций... переходит к общим наболевшим вопросам рабочей жизни, тотчас же вскрывается внутренний разлад неестественного союза: рабочая масса требует исполнения обещаний и заметного реального изменения условий своего существования. В этом ее главная и единственная цель. Но цель «союзной» администрации совсем другая. Центр тяжести «общего дела» она видит лишь в эффектных доказательствах массовой покорности и доверчивого «упования»... И когда эти доказательства даны, возможно даже с примесью некоторых угроз по адресу «либеральной части общества», то административный союзник склонен считать свою задачу исполненной...

И очень скоро феерия переходит в трагедию, и вместо громов бутафорских над сценой начинают раздаваться раскаты настоящей грозы...

III

Обращаемся к дальнейшему наложению событий.

Итак, одною из целей общества являлась «борьба с крамолой». По-видимому, дело начиналось при хороших предзнаменованиях, так как во главе новой организации стало духовное лицо, священник о. Георгий Гапон с самыми лучшими рекомендациями.

Мы позволим себе несколько остановиться на этой замечательной личности, которая теперь выставляется одними как настоящее исчадие ада, у других, быть может, вызывает мистическое удивление. Нет сомнения, что и то, и другое далеко от истины. Священник Гапон является лишь одним из тех «провинциальных людей», которые порой в бурные периоды как-то вдруг обнаруживаются на поверхности общественной жизни. Все их значение в том, что и их личные добродетели, и их недостатки, вообще все стороны их личности совпадают по тону с господствующим настроением среды, усиливая это настроение, как резонаторы усиливают звуки...

Газеты дают о нем следующие сведения. Уроженец Полтавской губернии, местечка Велики, Кобелякского уезда, о. Георгий Гапон родился в простой семье украинского казака.

Поступив в полтавскую семинарию, окончил в ней курс не без некоторых отклонений. Страстная, импульсивная натура и склонность к шероховатой несдержанности, правдивости создавали ему много затруднений, и он был исключен. Но затем, по-видимому, он пережил столь же порывистые приступы смирения, которое привлекли к нему благосклонное покровительство покойного ныне полтавского епископа Иллариона. Он был опять принят в семинарию, где благодаря незаурядным способностям блестяще окончил курс. Вероятно, в период увольнения Георгий Гапон для заработка участвовал в статистических работах земского бюро, но это было недолго, и, кажется, прочной связи с так называемой «интеллигентной средой» у этого своеобразного человека не завязалось. Затем благодаря протекции епископа Иллариона по окончании семинарии и после женитьбы о. Гапон получил место в кладбищенской церкви. Смерть любимой жены вызвала новый поворот в его жизни. Он решил сначала поступить в монахи, но потом определился в духовную академию.

Здесь, в столице, он опять обратил на себя внимание в высших духовных сферах, получил место священника в пересыльной тюрьме и, наконец, был избран и утвержден председателем нового общества рабочих с его двойственной задачей и со всеми вскрывшимися впоследствии противоречиями разнородных стремлений его «учредителей»...

Нет ничего легче, как окрашивать человека каким-нибудь одним простым и слишком определенным цветом, и мы слишком часто прибегаем к таким одноцветным квалификациям, как «злодей, лицемер и крамольник». Но как на примере внешней войны мы видим, что априорные патриотические квалификации противника оказались совершенно негодными к употреблению и к руководству, так и в осложнениях внутренних полезнее искать истину, чем успокаиваться на лубочных шаблонах. Несомненно, что фигура священника Гапона, метавшегося в странных порывах между семинарскими мятежами и покаяниями, из статистики переходившая к алтарю и от алтаря на площадь, представляет психологию необыкновенно сложную и не укладывающуюся в простые клички.

И именно двойственный характер того «рабочего движения», о котором мы говорили выше, является наиболее подходящей атмосферой для расцвета подобных натур: здесь является простор одновременно и для гуманных стремлений, удовлетворяющих порывам неуравновешенной филантропии бывшего семинарского строптивца, и для его смирения, ведущего «к благополучию масс» путями, предначертанными светским начальством с благословения начальства духовного. По-видимому, здесь находят примирение все стороны неустойчивой натуры, и вдобавок она начинает еще дышать атмосферой каких-то таинственных стремлений того великого целого, которое носит название человеческой толпы и живет особенно коллективную жизнью.

Нет необходимости непременно отрицать искренность первоначальных намерений, чтобы понять конечные противоречия, залог которых лежал уже в недрах самой организации... Эти противоречия вскрылись, и бурная натура довершила остальное. Св. Гапон стал отголоском широкого массового движения — увлекающий массу и сам ею увлеченный...

IV

«По мере своего распространения, — говорило далее официальное сообщение, — на все фабричные районы Петербурга общество стало заниматься обсуждением существовавшего на отдельных фабриках и заводах отношения между рабочими и хозяевами, а затем, в декабре минувшего года, побудило рабочих Путиловского завода вмешаться в вопрос об увольнении с завода четверых рабочих...». Из этого краткого изложения мы не можем, разумеется, судить о всей деятельности общества и о том предварительном брожении в его среде, которое привело к началу стачек. Мы видим только, что общество рабочих приступает к обсуждению вопросов рабочей жизни, то есть именно тех вопросов, для которых оно и основано. Долгая, трудная и обширная практика таких обществ за границей показывает, с какими сложными запутанностями приходится иметь дело рабочим и организациям и какие учреждения способны поставить эти вопросы на нейтральную почву, на которой ведется подсчет взаимно перепутавшихся интересов. При этом бывают случаи, когда уступают рабочие, и бывает, наоборот, что уступают фабриканты... Наша практика, по общим причинам и по общим свойствам нашего уклада, особенно бедна такими

формами, которые создавали бы нейтральную почву для разумных соглашений под авторитетной эгидой прочной законности, обязательная сила которой простиралась бы одинаково над данными общественными группами. По самым свойствам нашей жизни массы, во-первых, слишком ясно чувствуют, что «сила закона» фактически и на всяком шагу давит на чашки весов в пользу их более сильных противников. А с другой стороны, практика новейшей «рабочей политики», получившей начало в зубатовских организациях Москвы, слишком неосторожно и легкомысленно обнадеживала массы, что в один прекрасный день бесконтрольное и не связанное законами административное усмотрение может перейти на их сторону, и тогда внезапными благодетельными приказами начальства социальный вопрос, так трудно поддающийся даже усовершенствованным формам европейского строя, будет разрешен легко, просто, внезапно и бесповоротно нашей «патриархальной» бюрократией... Но, разумеется, с другой стороны, и фабрикантам, в совершенном согласии с существующим значительно обветшалым законодательством, даются обещания, что интересы «священной собственности» и капитала останутся неприкосновенны и получают твердую, строгую и полную охрану...

И вот над взволнованной и без того поверхностью русской жизни взываются эти волны противоположных надежд и противоположных стремлений... И в то время, как и те и другие одинаково ждут своего полного разрешения от всемогущей бюрократии, последняя видит, что единственная ее собственная цель... то есть массовые доказательства благонамеренной покорности и упования... безнадежно исчезает. И над ареной недавнего единения водворяется не феерия, а трагедия...

«Требования рабочих, — говорит официальное сообщение, — постепенно возрастали...» Правда, это возрастание было все еще довольно скромно: помимо требования о возвращении их товарищей они предъявили требования об изменении порядка назначения расценки работ и увольнения рабочих... «Меры увещания со стороны фабричной инспекции оказались безуспешными, и к стачке под влиянием агитации присоединились поголовно рабочие некоторых других заводов Петербурга; затем стачка стала быстро распространяться, охватив почти все фабрично-заводские предприятия столицы, причем по мере распространения стачки возрастали и требования рабочих...»

Все это совершенно понятно и, можно сказать, даже совершенно обычно в таком явлении, как рабочая стачка, которая всегда предъявляет требования сокращения рабочего дня и регулирования расценок... Нет на свете ни одного рабочего общества, открываемого хотя бы и на законнейших основаниях, которое не ставило бы себе этих целей. Между тем уже в этом изложении официального документа читатель чувствует, что настроение его как бы изменилось и раз выступили те или другие «требования рабочих», то все остальное уже рассматривается как преступление. Здесь сказалось опять губительно, к сожалению, привычное у нас настроение. Мы готовы платонически примириться со всем, что составляет принадлежность развитой гражданской жизни. Свобода печати? У нас есть много приверженцев свободы печати даже в высших сферах, и князь Мещерский приводит недавно восторженные отзывы об этом прекрасном предмете нескольких покойных министров. Мы не сомневаемся, что эти отзывы были совершенно искренни, но опасаемся, что «освобожденная печать» рисовалась при этом в умах говоривших в виде кроткой овечки, которая уже из благодарности за свое освобождение от цепей будет следовать за освободителями на шелковой ленточке и по временам кротко и благодарно лизать освободившую их руку, издавая лишь ласкающее слух мелодичное блеяние...

Разумеется, безжалостная действительность всегда разрушает эти прекраснотушнные мечтания. Печать, только почувствовав первые признаки облегченного режима, по самому органическому свойству гласности немедленно стремится стать независимым фактором общественной жизни, и нередко благодушному освободителю ее приходится встретить первому все неудобство резкого, хотя и оздоравливающего веяния... И совершенно так же широкая рабочая организация, кем бы и с какими бы целями она ни была основана, немедленно и неизбежно становится орудием для выражения настоящих жизненных нужд среды и считается только с ними; а если от нее ждали другого и если ей самой подавались надежды, не вытекавшие из жизненных соотношений и свойств действующих в обществе сил, то совершенно понятно, что для

обеих сторон наступает разочарование. Администрация не находит покорной массы, готовой покорно ограничиться одним упованием на светлое будущее, рабочая масса страстно требует действительного удовлетворения своих наболевших требований...

На этой почве двух разносторонних разочарований и разыгрываются дальнейшие события...

Сначала стачка не сопровождалась нарушением порядка. Но затем, по словам официального сообщения, «к агитации, которую вело Общество фабричных и заводских рабочих, присоединились подстрекательства подпольных революционных кружков, а с 8 января и само вышеупомянутое общество со священником Гапоном во главе перешло к пропаганде явно революционной. В этот день священником Гапоном была составлена и распространена петиция от рабочих на Высочайшее имя, в которой уже, наряду с пожеланием об изменении условий труда, были изложены дерзкие требования политического свойства».

Так самым ходом вещей назревали элементы петербургских событий. Весь эксперимент логически был закончен. На сцене выступили «факты». Когда-нибудь, быть может даже в скором времени, история даст нам трагические черты того настроения, в котором находился Петербург накануне 9 января, когда всем было известно, что массы рабочих готовятся назавтра представить свою петицию... К явлениям подобного рода давно уже привычны общества, живущие развитою гражданской жизнью, и там есть формы, в которые могло бы отлиться это петиционное движение, без экстренного нарушения порядка и без трагических событий. Но наша жизнь, только мечтающая о «единении власти с народом» и о формах этого единения, была застигнута врасплох огромным, небывалым движением, охватившим сотни тысяч рабочего населения... И весь взволнованный предстоящей драмой Петербург сознавал, что наша суровая «практика» не выдвинет ничего, кроме привычных «воздействий»...

Дальше мы будем точно следовать официальному изложению события в надежде, что и оно даст читателю — особенно русскому читателю, привычному к условностям официального стиля, — достаточно яркую картину петербургской трагедии.

«Фанатическая пропаганда, — говорит все то же правительственное сообщение, — которую в забвении святости своего сана вел священник Гапон, и преступная агитация злоумышленных лиц возбудили рабочих настолько, что они 9 января огромными толпами стали направляться к центру города. В некоторых местах между ними и войсками вследствие упорного сопротивления толпы подчиниться требованию разойтись, а иногда даже нападения на войска произошли кровопролитные столкновения. Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургском тракте, у Нарвских ворот, у Троицкого моста, по 4-й линии, на Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта, на улице Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади... На 10 января в охране города приняты меры, которые были приняты 9-го числа».

V

Так заканчивается это первоначальное сообщение о событии, еще небывалом в новейшей русской истории по характеру и размерам. Всякий, для кого названия петербургских площадей и улиц не простой отвлеченный термин, представит себе это кольцо, в которое стягивались огромные и безоружные рабочие массы, направлявшиеся от окраин к центру. Нетрудно также представить в воображении это море людей, двигавшихся нередко с женщинами и детьми... Местами впереди несли иконы и хоругви. И в заключение по всему этому кольцу в разных местах вспыхнули огни ружейных залпов, и мостовая обагрилась родною кровью.

Мы не станем воспроизводить подробностей ужасающей картины. Она, может быть, скоро будет восстановлена «нелицеприятной историей»... Не станем также устанавливать ее истинные размеры. Для этого нет еще полных сведений, хотя в официальных «Ведомостях С.-Петербургского Градоначальства» уже появились именные списки убитых и умерших от ран, тоже еще не полные, но уже значительно превысившие первоначальные цифры. Все это может расширить размеры, но не изменить характер самой картины... По весьма понятным причинам мы воздержимся также от оценки всего происшедшего...

Бедствие огромное, тяжкое, непоправимое. Мрачным призраком, грозным предзнаменованием оно стало на рубеже, который должен был обозначить перелом застоявшейся русской жизни, начало ее новой эры. Так мало прожито с тех пор, когда начались многообещающие разговоры о единении и доверии, и так много пережито до этих выстрелов и кавалерийских атак на улицах столицы...

Вся русская жизнь представляется нам как бы остановившейся в раздумье и ужасе, точно сказочный богатырь, перед которым на распутье встал внезапно грозный призрак. Куда идти дальше?.. И идти ли?.. И можно ли верить в будущее, можно ли повторять недавние еще радостные формулы?..

Неужели все это может стать опять вопросом?

Трагедия нашей жизни за последние десятилетия состоит в бессилии всех попыток разорвать волшебный круг бюрократической реакции. Когда в устающем обществе водворяется наружное спокойствие, то его безнадежное молчание принимается за признак благоденствия и довольства. И тогда мы слышим, что никакие реформы не нужны, потому что все обстоит благополучно... И даже именно потому все благополучно, что никаких «реформ» на горизонте не видно. А когда же наружное благополучие переходит в признаки недовольства и тревоги, то первые же попытки ре-форм немедленно прекращаются, потому что они признаются несвоевременными. Не нужно — потому что еще все спокойно... Нельзя, потому что уже начинается брожение, — такова философия нашей новейшей истории, таковы альфа и омега бюрократического творчества...

А между тем жизнь не ждет... В ее глубинах назревают не находящие исхода потребности... Давно уже из боязни живой работы у нас прекращены не только попытки аграрных реформ, но даже статистика — необходимая подготовительная стадия всякой серьезной работы. Мы то слышали убаюкивающие сказки о «патриархальности» русского капитализма, устраняющего необходимость коренных реформ фабричного законодательства, то видели попытки запрячь молодое рабочее движение в полицейскую колесницу. И все время мы встречали боязнь перед развивающимся сознанием народных масс и перед естественным их стремлением к организации для правомерного отстаивания своих интересов... Между тем как это растущее сознание является лучшим залогом спокойного общественного развития и общественного здоровья, если только отнестись к нему правдиво и искренне...

И вот наша жизнь стала похожа на гигантский котел, в котором закипает сдавленная живая сила, требующая законного исхода. Но лишь только мы пытаемся открыть предохранительный клапан, как резкий шум вырывающегося пара пугает наших машинистов, они торопятся опять закрыть и даже замазать все щели... И когда после этого наступает тишина, лишь изредка нарушаемая глухими внутренними толчками, то это принимается за признаки благополучия и безопасности...

И вот... еще один опыт... И неужели клапаны опять будут закрыты?

Жизнь не ждет. Перед русским обществом и перед русским народом все явственнее встает загадка его существования, и возврата уже нет и быть не может.

Это ясно, и что касается русского общества, то оно создало это бесповоротно!

«Русское богатство». 1905. № 1.

*Печатается по тексту журнала
с небольшими сокращениями.*

А.С. Суворин. Маленькие письма

В Москве открылась еженедельная трибуна «Русское дело». На ней стоит известный публицист г. Шарапов, бывший противник С.Ю. Витте как министра финансов. В финансовые «комбинации» г. Шарапова я никогда не верил, а теперь не верю и в его политические «комбинации». Вернувшись из Петербурга напуганным и возмущенным «мятежом», он написал несколько горячих строк против Петербурга и возложил надежды на Москву, которая, по его выражению, «хранит и бережет русское государство». В исторически сложившуюся способность

Москвы хранить и беречь если не русское государство, то первопрестольную столицу можно верить тем охотнее, что Москва — торговый город, город именитого и богатого купечества, которое доказало, что оно не только умеет накапливать богатства, но и развило в себе способность управлять широкими делами. Однако г. Шарапов совершенно забыл историю Москвы, ибо напечатал следующие строки:

«Спасет ли нас не только парламентаризм, но даже и Земский собор, о котором говорит в последнем «Маленьком письме» А.С. Суворин? Не будет ли этот Земский собор тем же, чем стала наша нынешняя печать?.. Нет, избави нас, наконец, Господи, от лжи, в какую бы форму она ни облекалась и какие бы громкие имена себе ни присваивала. Нынешняя Россия еще долго не может дать Земского собора. Дай Бог, чтобы она дала теперь несколько на что-нибудь похожих земских областных собраний».

Думаю, что эти строки, полные скороспелого отчаяния, соединенного с уверенностью в непогрешимости своих выводов, продиктованы последователю славянофилов, каким считал себя г. Шарапов, крайней растерянностью и легкомыслием. Можно с клятвой утверждать, что ничего подобного, ни при каких политических обстоятельствах, не сказал бы И.С. Аксаков, поклонник самодержавия, укрепляемого представительством Земского собора. На страницах истории Москвы написаны деяния Земских соборов, которых было в течение 150 лет 32. Эти соборы давали дельные советы московским царям; смутное время, можно сказать, полно было ими, хотя они не записаны и происходили по разным городам; в безгосударное время ими же держалась русская земля; Земский собор, самый полный из всех, ибо в нем участвовали и «уездные люди», т.е. крестьяне, избрал на царство Михаила Феодоровича Романова, и он же содействовал юному и неопытному царю в разоренном, обедневшем и расшатанном государстве устроить порядок и освободить Россию от внешних врагов и внутренних. Первый император покончил с ними. Первый император старался вдвинуть Россию в Европу. Его гению все было возможно. Он мог повторить слова Гёте: «Невозможное возможно только человеку». Он сделал так много, что Россия и теперь еще живет положенными им началами. Но он же создал у нас и бюрократию по европейскому образцу. Он же внушил и уверенность бюрократии, что она все может, что она всесильна, что своим трудом и властью она может продолжать созидание и утверждение государства, не обращаясь к содействию представителей народа. Его гениальная способность к творчеству, его несокрушимая энергия увлекли бюрократию на самостоятельный путь одиночного строительства. Сильная его духом, она поверила в свои силы и ревниво стала оберегать свою власть. Но Екатерина Вторая снова прибегла к Земскому собору, ибо созванная ею законодательная комиссия была не что иное, как Земский собор. Земские соборы не повторяли друг друга своим составом и задачами, а соотносились с современными нуждами, с взаимными отношениями сословий...

Что император Александр III сочувствовал идеалу самодержавия, стоящего в тесном единении с представителями народа, доказывается тем, что именно ему, когда он был наследником престола, принадлежит незабвенная заслуга обнародования работ екатерининской комиссии, которые держались целые сто лет в секрете, под замком. Что с его стороны это было не любопытством только к важному историческому документу, ясно из того, что он готовился собрать Земский собор. Он стремился обновить самодержавие, sprysnut' его живой водой единения с подданными, которому мешало «средостение» — так называли тогда бюрократию. Проект выработывался в Министерстве внутренних дел нарочито приглашенным туда Голохвастовым, который занимался русской историей, но не принимал участия в проведении проекта. Было несколько заседаний министров, обсуждавших этот проект. Но оказалось, что само Министерство внутренних дел так плохо знало историю этого учреждения, его личный состав, его права и обязанности, что не могло защищать своего проекта с тем авторитетом, который требовался для такого серьезного дела...

Я писал уже недавно, что в апреле 1902 г. я говорил о Земском соборе В.К. Плеве, но он находил его несвоевременным. Я всегда оставался неизменным поклонником этого родного учреждения и остаюсь им и ныне. Я убежден, что новый порядок не должен прерывать своей связи с историей, я знаю, что французские историки указывают на то, что Франция в 1789 г. сделала

непоправимую ошибку, созвав свое национальное учреждение — генеральные штаты, не сзывавшиеся уже 175 лет, обратилась вслед за тем вследствие хитрого маневра слишком многочисленного третьего сословия к образованию Национального собрания, потом учредительного и к английской конституции и тем порвала со всем со своим прошлым. Конституции следовали за конституциями (целых девять с 1791 по 1875 г.) и заставили государство пережить чрезвычайно тревожный и неустойчивый век. Английская конституция — родное учреждение. Она не существует в виде «хартии» или особого основного закона, организующего власти и основания публичного права. Она образовалась постепенно и вошла в нравы страны. Правда, Кромвель собирался написать ее, но она так и осталась неписаной и остается самой прочной в Европе. Конечно, существуют знаменательные акты, по которым можно проследить постепенное развитие конституции. Но ни один из них не выдавался правительством как нечто новое. Напротив, постоянно повторялось с настойчивостью, почти курьезною, что ни-чего нового не давалось, а это все старые права, которыми английский народ постоянно пользовался.

Я желал бы, чтобы и мы делали так. Дело не в канцелярских бумагах, не в параграфах, которые легко изменяются, а в сущности жизни, в ее свободе. Нам надо то, чем пользовались наши предки. Само 19 февраля было совсем не ново. Оно было возвращением к старым формам, которые должны были раздвинуться, чтобы обнять новую жизнь, новые русские души. Рядом с сильной властью, непременно сильной, которая не дала бы себя обмануть или провести, могут существовать такие учреждения, как Земский собор — как опора этой самой власти и ее свободный союзник, критик и работник для развития родины.

Обвиняют в смуте печать, обвиняют ее в измельчании, в пошлости, в подстрекательстве. Но на что же может опереться печать, когда она не имеет под собой твердой почвы? Она может быть правдива только тогда, когда представляет общественное мнение рядом с представительством, которое может руководить ею и направлять ее. Почему она выражает голос страны, когда сама страна его не выражает? Почему она имеет это преимущество перед страной, которая представителей печати не выбирала? А эти неизбранные представители печати обсуждают важнейшие вопросы. Почему бюрократия может выделять из себя способных и талантливых людей для управления, а общество не может, ибо оно в этом направлении не воспитывается? Я вовсе не принадлежу к ненавистникам бюрократии, я знаю, что бюрократия сделала много полезного и прочного, что без нее обойтись никак невозможно, но я думаю, что она не в силах более справиться с тем громадным организмом, в который обратилась наша Империя. Всякой силе, всякой способности положен предел, и этот предел настал уже явно для всех с началом великой реформы 19 февраля. Бюрократия была так завалена громадностью работы, что не могла ее выполнить. Сами реформы останавливались от этого бессилия «обнять необъятное». Вращаясь в своем заколдованном круге, она не может обновиться и не обновиться, пока не явится обновление в том призыве народных сил, о котором я говорю. Отрицающий Земский собор журналист говорит, как власть имеющий, говорит приказательным тоном, как говорил он о финансах, к которым потом, однако, прибег. Приказательного тона довольно. Он нужен для служебной дисциплины, но он ровно ничего не дает для блага родины в тех сложных и тяжелых условиях, которые мы переживаем. Я обратился к истории, я имею за собой массу русских людей, которые думают так же, как я, у которых, может быть, еще больше, чем у меня, веры в историческую преемственность родных учреждений. Земский собор не значит собор из земских собраний, из председателей земских управ и гласных. Земство имеет в себе до 70 процентов дворянства и не может, не имеет права считать себя выразительницей Империи.

У нас есть сословия: дворянство, духовенство, купечество (в широком практическом составе), крестьянство. Хоть по сто человек от каждого сословия, но все они должны быть представлены в той или иной пропорции. Это дело разработки серьезной и внимательной, в которой должны принять участие люди науки. Я этими немногими строками отвечаю тем, которые почему-то связывают Земский собор с тем законом, установленным земством, которое и существует только в 34 губерниях.

Надоедает критика, одна критика существующего порядка, переходящая к явлениям

революционного порядка; дикие отбросы толпы городской, не имеющие ничего общего с рабочим классом, готовые принять участие во всяком беспорядке и довести его до ужасов бессмысленного бунта, мы их теперь видели. Этого не могут хотеть добрые граждане, все те, кто работает и хочет работать. В души многих закрадывается страх за будущее, и началось то шатание, которое может обратиться в смуту. Хотят порядка... чтоб можно было свободно и спокойно работать. Хотят школы государственного управления, чтобы люди из общества могли проходить ее и работать на пользу страны вместе с правительством... Хотят, чтобы к царскому престолу доходил голос страны в своем искреннем, правдивом выражении. Хотят, чтобы пред государем стояла вся страна, покорная его державной власти и готовая стоять на страже внутреннего законного порядка и упрочивать его до полной гармонии с характером русского народа и до красоты великолепного русского богатыря, сильного благородной и честной любовью к царю и Родине, сильного разумом и свободой духа.

«Новое время». 16 (29) января 1905 г.

*Печатается по тексту газеты
с небольшими сокращениями*

А.В. Пешехонов. Русская политическая газета

(Статистический очерк)

С каждым годом газета становится все более видной частью нашей литературы, все более важным фактором нашей общественной жизни. Вместе с тем нарастает и потребность в объективном изучении как исторического развития нашего газетного дела, так и современного его состояния. Методы такого изучения могут быть различны, и в числе их метод статистический, по нашему мнению, также должен иметь место.

Настоящий очерк не первая уже попытка подвергнуть цифровому учету некоторые явления в сфере периодической печати...

Материал, который будет предложен читателю в настоящем очерке, — иного свойства. Он касается не истории периодической печати, а ее современного состояния. Получен этот материал, если употребить статистический термин, посредством переписи, которой были подвергнуты газеты, вышедшие 5 октября 1900 года или в ближайший следующий, соответствующий обычному их выходу, день... Переписи были подвергнуты частные русские политические газеты ежедневного типа...

I

В начале октября 1900 года в России фактически выходили (а не числились лишь имеющими право на существование) 86 газет вышеописанного типа. Из них две (Биржевые Ведомости и Ново-сти) выходили в двух существенно различных между собою по цене и объему изданиях. Таким образом, наш очерк коснется 88 частных политических газет. Велика или мала эта цифра, — во всяком случае нелишне будет напомнить, что выражаемое ею газетное наследство, полученное начавшимся столетием от XIX века, всецело нажито последним. Из XVIII века в XIX перешли лишь две газеты — С.-Петербургские и Московские Ведомости, — обе казенные, хотя и сдававшиеся в аренду. Окончательно же тип ежедневной газеты установился и получил довольно широкое распространение лишь во второй половине минувшего столетия.

Всех губерний и областей в России 97, а если не считать Финляндии, находящейся в совершенно особых условиях, и о. Сахалина, не представляющего в сущности губернской или областной единицы, то 88. Последнее число вполне совпадает с числом частных политических газет, т.е. в среднем на каждую губернию (или область) приходится ровно по одной газете... В действительности из 88 частных газет 21 или почти четверть издавалась в двух столичных губерниях, а именно: в С.-Петербурге — 11, в С.-Петербургской губернии (в Кронштадте и Нарве) — 3, в Москве — 7. В остальных 86 губерниях издавалось 67 газет, т.е., если бы они даже были разделены поровну, то 19 губерний все-таки остались бы без газет. В действительности не имели частных газет 42 губернии. Между остальными газетными изданиями распределялись так: в 26 губерниях было

по одной газете, в 11 — по две, в 3 — по три; Таврическая губерния располагала четырьмя газетами, Херсонская — семью.

Наибольшего развития провинциальная политическая пресса достигла на юге России... Второе место занимает Поволжье, где издается 12 газет, причем из 9 Поволжских губерний не имеют частных газет лишь две (Тверская и Симбирская)... Продолжение этой полосы можно проследить в западной части России. Следующее место по числу политических изданий (по одной газете на губернию) занимают юго-западный край (с находящейся в районе юго-западных газет Черниговской губернией) и Прибалтийский. Внутри этой дугообразной полосы, заметно ослабленной лишь в пределах северо-западного края (3 газеты на 6 губерний), и вне ее провинция значительно хуже обеспечена газетами...

Наше исследование, как мы уже сказали, коснулось газет ежедневного типа. С внешней стороны эти газеты имеют между собой много общего: все они издаются в форме листков, а не тетрадей, во всех них имеются однородные отделы; они похожи друг на друга также распределением материала по отделам и даже отделов на пространстве газетного листа. Но можно указать внешние признаки, которыми и однородные по типу газеты существенно разнятся между собою. Из таких признаков необходимо, прежде всего, остановиться на сроках выхода, т.е. на числе номеров, даваемых каждой газетой за неделю. Среднее количество номеров, даваемых провинциальной газетой в неделю, заметно разнится по отдельным местностям...

Наиболее развитой политическая газета оказывается в столицах и на некотором расстоянии от них — в губерниях, расположившихся по отношению к столицам дугообразной полосой. Чем ближе к этой полосе с внешней и внутренней стороны, тем чаще выходит газета, и чем дальше от нее по направлению к столицам или окраинам, тем меньше номеров дает она в неделю.

Еще нагляднее, чем срок выхода, характеризует газету ее размер. Для определения последнего мы измерили длину столбцов, данных газетами в тех номерах, по которым была произведена перепись... Оказалось, что всеми 88 частными политическими газетами дается ежедневно свыше 123 000 сантиметров или более версты; в том числе 18 столичных газет дают свыше 36 тыс. см. или 30% и 70 провинциальных около 86 тыс. или 70%. Средняя длина столбцов, даваемых одною газетою за день, равна 1400 см., а за год — больше 4 верст...

II

Газетный материал и с издательской и с читательской точки зрения представляется далеко не однородным. Всяческая газета резко распадается на две части: в одной хозяином является редак-тор, в другой — издатель. Сейчас достаточно будет отметить, что отделы, которыми заведует редакция, сопряжены для издателя с оплатою редакторского и авторского гонорара, т.е., они в газетном бюджете являются по преимуществу расходными. Среди издательских отделов важнейшим нужно считать отдел объявлений, который не только не требует расходов на авторский и редакторский гонорар, но сам оплачивается клиентами и нередко является одним из важнейших источников газетного дохода. Другой отдел, находящийся в распоряжении издателя, — это справки (календарные сведения, расписания поездов и т.п.). Не представляя из себя доходной статьи и не будучи сопряжен в то же время с расходами на оплату авторского и редакторского труда, этот отдел нередко служит для сбалансирования газетного номера, позволяя поддерживать равновесие между расходными редакционными отделами и доходным отделом объявлений. Наконец, третий отдел, остающийся по установившемуся в русских газетах порядку в распоряжении издателя, — это биржевые и торговые известия. Заполнение этого отдела сопряжено уже с известными расходами, хотя и меньшими, нужно думать, чем на редакционные отделы. С читательской точки зрения, во всяком случае, между редакционными отделами, которые дают материал для чтения, и издательскими, которые годятся лишь для справок, существует резкая разница. Характеризуя газеты со стороны их размера, необходимо, так или иначе, принять во внимание эту разницу.

Сравнивая в этом отношении столичные газеты с провинциальными, мы найдем, что соотношение в них между редакционными и издательскими отделами почти тождественно, а именно редакционными отделами в столичных газетах занято 58%, а в провинциальных — 57%

всей ежедневной длины газетных столбцов.

С данными об общих размерах газет и, в частности, их редакционных и издательских отделов интересно сопоставить сведения о подписной плате.

Для всех 88 частных газет годовая подписная цена с пересылкой определялась в 720 рублей 50 копеек, т.е., в среднем, газета обходится иногороднему подписчику в 8 рублей 19 копеек. Сто-личная газета стоит дороже, чем провинциальная: в то время, как средняя цена первой достигает 10 рублей 28 копеек, для последней она равна 7 рублей 65 копеек. Но если мы примем во вни-мание указанные выше различия в средних размерах столичной и провинциальной газеты, то придем как раз к обратному выводу, а именно, что столичная газета дешевле провинциальной. Так по расчету на рубль подписной платы столичная газета дает ежедневно 202 см. печатного материала, а провинциальная лишь 160 см. Но мы уже указали, что газетный материал далеко неравноценен и для издателя и для читателя. Для читателя важны размеры редакционных отделов, представляющих материал для чтения; для издателя важнее всего отдел объявлений, составляющих подчас не менее важную доходную статью, чем и подписная плата...

IV

Редакционные отделы в русской политической газете занимают, как мы видели, несколько больше половины ее столбцов... Центр тяжести ее лежит в известиях, т.е. в фактическом материале, предлагаемом ею читателю, в большинстве случаев, без какой-либо литературной его обработки. Известия занимают 61% той части газеты, которая находится в распоряжении редакции. Наиболее видное место среди них занимает хроника, т.е. мелкие известия репортерского характера. Хронику приходилось различать: общую, т.е. содержащую известия, имеющие значение с общерусской точки зрения; местную, т.е. новости того города, где издается газета; иногороднюю или хронику близ лежащих пунктов, если для них в газете заведены особые репортерские отделы, и, наконец, специальную, как, например, морскую — в одесских и кронштадтских газетах, нефтяную — в некоторых кавказских, волжскую — в поволжских и т.п. Противопоставлять приходится, в сущности, общую хронику всей остальной. Соотношение между ними оказалось таково: общие известия занимают в отделе хроники около 25%, местные и специальные — 75%.

Следующими по размерам среди известий оказались отделы: телеграфный, корреспонденции (своих и перепечаток) и отчетов... Материал литературно обработанный — статьи, беллетристика и т.д. — составляет несколько больше четверти (28%) даваемого газетами материала для чтения. Наименее значительными в этой части газеты оказались отделы передовых статей и статей под заголовками. Эти руководящие, так сказать, отделы составили лишь 8%. В 2,5 раза оказались больше фельетонные отделы, в совокупности занимающие 20%, т.е. пятую долю читаемой части газеты. Наконец, отделы смешанного характера занимают 11%. Наибольшее значение среди них принадлежит обзору газет и журналов, имеющему чаще всего руководящий характер...

Столичная газета уделяет относительно больше места литературно обработанным' статьям и меньше фактическим известиям, чем провинциальная, хотя в той и другой отделы известий остаются важнейшими, а первое место среди них занимает хроника. В частности, в отделе хроники известия общего характера в провинциальной и столичной газетах составляют почти одинаковую часть (25%). Из других фактических отделов в столичной газете оказались сравнительно более развитыми телеграфный и официальный, а в провинциальной — отделы хроники, отчетов и кор-респонденции. Среди литературно обработанного материала руководящие отделы в провинциальной и столичной газете оказались почти тождественными по своим относительным размерам. Зато отделы фельетонов в столичной газете оказались в полтора раза больше, чем в провинциальной.

Таким образом со стороны содержания, важнейшие различия между той и другой газетами сводятся, главным образом, к тому, что в столичной мы встречаем широкое развитие фельетонов, а в провинциальной — внутренних известий, понимая последний термин в широком смысле, т.е. объединяя под ним хронику, корреспонденции и отчеты.

V

На предыдущих страницах столичную прессу, разумея под нею петербургскую и московскую, мы, как нечто однородное, противопоставляли провинциальной. В действительности, столичные газеты резко разнятся между собой, как по внешним признакам, так и по содержанию. Необходимо отметить, прежде всего, некоторую разницу между петербургскими и московскими газетами: московская газета занимает среднее место между петербургской и провинциальной. Лишь по количеству объявлений, приходящихся на рубль подписной платы, она превзошла в день переписи петербургскую.

Еще большую разницу, чем между средней петербургской и московской газетами, найдем мы, если станем сравнивать между собой газеты различных типов, издающихся в той или другой сто-лицах. Наиболее дифференцированной в смысле газетных типов является петербургская пресса. Среди петербургских изданий можно различать три рода газеты. Это, во-первых, большая пресса, т.е. серьезные политические издания, к каковым можно отнести: С.-Петербургские Ведомости, Новости (1 изд.). Новое Время, Биржевые Ведомости (1 изд.), Россию и уже не существующий те-перь, но захваченный нашей переписью, Северный Курьер. Второй тип составит, так называемая, малая или уличная пресса, представленная в Петербурге двумя изданиями — Петербургской Газетой и Петербургским Листком. К третьему типу необходимо отнести дешевую прессу — две газеты, резко отличающиеся от остальных своею ценой, а именно: Свет и Биржевые Ведомости (2 изд.).

Московская пресса менее дифференцирована, чем петербургская, и в ней можно наметить лишь два типа: большую прессу (Русские Ведомости, Московские Ведомости и Курьер) и малую (Московский Листок, Новости Дня, Русское Слово и Русский Листок). Что касается дешевой прессы, то ее функции, нужно думать, выполняются в Москве некоторыми изданиями отчасти большой, отчасти малой прессы.

И в Москве и в Петербурге наибольшими по размерам и наиболее дорогими, как по подписной цене, так и по количеству чтения, даваемого за рубль подписной платы, являются органы большой прессы. Что касается объявлений, то наибольшее количество по расчету на рубль подписной платы в обеих столицах получают органы малой прессы. Наименьшей по размерам, наиболее дешевой не только по годовой плате, но и по количеству ежедневного чтения, даваемого за подписной рубль, и наименее, наконец, обеспеченной объявлениями является дешевая пресса. В то же время московские органы и большой и малой прессы меньше размером, дешевле по подписной плате, но дороже по количеству даваемого ими материала для чтения и в то же время богаче по расчету на подписной рубль объявлениями, чем петербургские газеты соответствующего типа.

Различия между столичными газетами разных типов далеко не ограничиваются внешними признаками. Еще более существенна разница между ними со стороны содержания, насколько о последнем можно судить по распределению редакционного материала по отделам.

Так, количество руководящего материала (передовых статей, статей под заголовками и обзора печати), данного газетами разных типов в день переписи, оказалось резко различным...

Наиболее сильно руководящая роль выражена у дешевой газеты. Малая пресса — и московская и, в особенности, петербургская — оказалась поразительно бедна руководящим материалом. Зато и в С.-Петербурге, и в Москве газеты малой прессы дали обширные фельетонные отделы.

Малая пресса развивает, главным образом, маленький фельетон, тогда как большая отводит ему лишь пятую часть всего места, отдаваемого фельетонному чтению. Дешевая пресса, резко разнящаяся в остальных отношениях от малой, в данном отношении стоит ближе к последней, чем к большой столичной прессе или провинциальной.

В газетах различных типов известия заняли приблизительно одинаковую часть редакционной половины газеты. Исключение представила лишь петербургская малая пресса, отводящая им меньшее место, чем даже фельетонам. Это объясняется отчасти тем, что новости петербургские уличные газеты подносят своим читателям нередко под фельетонным соусом. Что

касается московской малой прессы, то, отдавая меньше места, чем петербургская, фельетонным отделам, она развила отдел известий и превзошла в этом случае даже дешевую прессу. Из приведенных данных видно, что московская малая пресса и в других отношениях стоит ближе к дешевой, чем петербургская. Это объясняется, конечно, тем, что, за отсутствием дешевых газет в Москве, она выполняет некоторые функции последних и обслуживает не только городского читателя, но и провинциального...

Наиболее далеко отходит от остальных газет составом своего фактического материала дешевая пресса. Наибольшее место она отдала телеграммам; известия этого рода оказались, очевидно, наиболее важными и заполнили две трети того места, которое маленькие газетки отводят под фактический материал. Сравнительно с органами большой прессы, они очень сжимают местную хронику, внешние известия и отчеты. Малая пресса выделяется крайне слабым развитием официального отдела, общей хроники, внутренних и внешних известий. Большое место, отведенное в ней телефонным известиям и отчетам, падает почти всецело на долю московских органов. За исключением этой разницы, характерные черты малой прессы свойственны как петербургским, так и московским ее представителям: у последних они выражены лишь несколько слабее, чем у первых, т.е. московские газеты этого типа и по составу фактического материала больше приближаются к дешевым и провинциальным, чем петербургские.

Органы различных типов имеют, в сущности, совершенно разных читателей. Серьезный читатель большой прессы интересуется, очевидно, всей жизнью, отражаемой газетой, что и сказывается наиболее равномерным распределением в ней материала по отделам. Главным образом, городской (особенно у петербургских органов) и малоразвитый читатель уличной прессы интересуется по преимуществу местными новостями и экстраординарными событиями, совсем почти игнорируя новости общерусского характера, внутреннюю жизнь страны и текущую жизнь других народов... Почти исключительно провинциальный читатель дешевой прессы, отличаясь также пристрастием к известиям об экстраординарных событиях, предъявляет, кроме того, спрос на общерусские известия и провинциальные, поступаая заграничными. Эти отличия между провинциальным и городским читателями еще резче сказываются в их спросе на литературно обработанный материал: первый ищет руководящих статей, второй фельетонного чтения. Серьезный читатель большой прессы занимает в этом отношении среднее место. Он потребляет больше руководящих статей, чем уличный городской читатель, и больше фельетонов, чем деревенский читатель дешевых газет.

*«Русское богатство». 1901. № 3.
Печатается по тексту журнала с сокращениями*

А.И. Богданович. Критические заметки

Я пишу без цензуры. Облик цензора не витает предо мною в эту минуту. А между тем, между тем... я не испытываю ни малейшего радостного чувства. В первую минуту я хотел было воспеть радость освобожденного раба. Но это был только минутный порыв. Он быстро прошел, и его сменило смешанное чувство — тревоги, недоверия и гнева.

Что же произошло?

Было три часа дня. Солнце светило так ярко, все ликовало и пело, красные флаги, как цветы, венчали радостно и торжественно настроенную многотысячную толпу. Кого-кого тут только не было! Были юноши, старцы и дети, женщины, рабочие, студенты, военные, чиновники, солдаты — словом, все живое высыпало на улицу, а кто не мог — из окон приветствовали шествие, первый праздник свободы на улицах Петербурга.

И вдруг... Как гром с ясного неба, без сигнала, без предупреждения, без промежутка — три залпа со стороны казарм Семеновского полка... Я был там, вместе с толпой окаменев на месте, видел паническое бегство, видел конную гвардию, ринувшуюся неизвестно откуда на бежавших людей... А в редакции, куда я пришел потрясенный совершившимся преступлением — расстрелом людей, повинных только в доверчивости, — я узнал, что товарищ наш по долголетней совместной

работе в журнале — Ев. Вик. Тарле — лежит в ближайшей лечебнице при смерти, с разрубленной головой...

Так было в первый день русской «свободы». А потом — этот сплошной поток крови, в течение недели заливавшей улицы всех городов России, известия о смерти Гольдштейна, тоже старого товарища по журналу, и других товарищей по тюрьме и ссылке, арест товарища-сотрудника Серошевского, черносотенно-казацкие погромы евреев, интеллигенции, учащихся, учеников-подростков, — наконец объявление всего царства Польского на военном положении, — всякая радость исчезла.

Что это? Сознательный обман или дикое недоразумение?

Надо разобраться, вдуматься в этот кошмар «безумия и ужаса», найти руководящую нить. Иначе отвращение к жизни овладевает умом и чувствами.

До 17 октября все было ясно. Народ и власть стояли друг против друга, оба готовые бороться на жизнь и смерть. Власть без нравственного авторитета, без доверия, без веры в ее силу, оли-цветоренную исключительно в штыке и нагайке. Народ — сознательно противопоставивший лесу штыков отказ от всякой работы, сознательно прекративший всякую связь с властью, создавший вокруг нее пустоту, уединивший власть как зачумленную. В результате — Манифест 17 октября... Власть сдалась, признала себя побежденной и обещала народу права человека и гражданина. Но при первой же попытке «свободных и полноправных граждан» осуществить эти права на деле — расстрел, черносотенно-казацкие погромы, военное положение.

Что это — обман? Разберем первое положение.

Мы не думаем, что это был сознательный обман со стороны власти: это — бюрократический недосмотр одной простой вещи. Бюрократия в лице графа С.Ю. Витте искренне думала, что обе-щание свобод вполне удовлетворяет потребности момента. Лишенная государственного понимания всей опасности переживаемого страной кризиса, бюрократия искренне думала отписаться канцелярским отношением: «В ответ на заявленные страной требования имею честь уведомить, что таковые будут удовлетворены, для чего образовано объединенное правительство, на обязанность коего возлагается разработка мероприятий в указанном направлении. А посему все благомыслящие элементы страны да успокоятся». И бюрократия не могла не вознегодовать, когда в ответ на такое, с ее точки зрения, многообещающее заявление она услышала громовой клик: «Да здравствует свобода!» В этом ликование бюрократия усмотрела «бесчинство и беспорядок» и ответила залпами, штыками, нагайками и призывом к содействию подонков из народа.

Тут не было сознательного обмана, а одно дикое, громадное недоразумение. Народ в Манифесте 17 октября увидел признание свободы как необходимой потребности переживаемого момента, а бюрократия понимала его как обещание, осуществление которого обусловлено успокоением страны. Если народ успокоится, тогда в тишине и на досуге бюрократия займется разработкой обещанных свобод. А до тех пор все должно пребывать по-старому — и усиленная охрана, и военное положение, и цензура, и политические тюрьмы. Для успокоения же нетерпеливых «беспокойных» — залпы, штыки, нагайки и погромы.

Словом, в большем только масштабе, соответственно потребностям минуты, разыгралось то же, что было после эры доверия и указа 12 декабря. Этот указ провозгласил законность, а вслед за ним настало царство треповщины. На протяжении десяти месяцев в стране царили неудержно произвол и насилие, тень законности исчезла, страна покрылась виселицами, тюрьмы переполнились политическими, места ссылки увидели в числе государственных преступников таких «злодеев», как бывший одесский городской голова Ярошенко или окулист Лурье, генералы Карангозовы вершили одним манием руки судьбы сотен тысяч людей. Комиссия Кобеко трудолюбиво разрабатывала устав для печати на началах законности, а цензоры прекращали само существование печати...

Народ, изверившийся, наученный горьким опытом за эти только десять месяцев царства треповщины, уставший ждать и переставший надеяться, принял Манифест 17 октября как действие, как акт свободы, как осуществление его прав. Со стороны народа тут не было ошибки в понимании: когда голодному подносят хлеб, он берет его и ест. Ошиблась бюрократия. В лице

графа Витте она понесла страшное поражение, еще раз доказывающее, что не бюрократии суждено успокоить и устроить Россию. «Прямота и искренность», о которых говорит граф Витте в объяснительной записке к Манифесту, доказаны ею в течение двух ближайших недель после Манифеста — с такой убедительностью, что если еще была искра доверия в робких сердцах, то теперь она залита бесповоротно потоками крови. И как не воскресить никакому чудодею бесчисленных жертв, павших в роковые дни этих двух кровавых недель, так не зажжется никакое доверие к бюрократическому правительству, под чьей бы эгидой оно ни объединялось.

И что для нас это объединенное правительство? Это — визират. Когда вся страна превращена в военный лагерь, где корнет Фроловы безнаказанно палачествуют над мирными профессорами, когда амнистированных политических безнаказанно истребляют Хрипуновы, когда весь Петербург — столица, местопребывание высшей власти — два дня и две ночи трепещет под угрозами раз-грома интеллигенции, евреев и учащихся, — тогда «объединенное правительство» не обещание свобод, а новая страшнейшая угроза культуре, свободе, праву. Что нам до того, что во главе визирата стоит граф Витте? Разве в этом имени скрыт залог великой освободительной силы и значения? Разве граф Витте не главный виновник гибели и позора, переживаемого Россией? Разве за десять лет своего министерства он не сделал всего, чтобы растлить правительство и администрацию? Разве не ему принадлежит известная записка о самодержавии и самоуправлении, в которой он так доблестно топчет последнее? В чем же залог его освободительных стремлений? Пусть в его деятельности укажут нам хоть один факт, рисующий его как борца за право и свободу. Таких фактов мы не знаем. Поэтому видеть какую-либо гарантию в имени графа Витте — значит быть слепым. Визират, кто бы ни стоял во главе него, есть только визират, не больше. Для гибнущей бюрократии в нем, быть может, лишний шанс — не спасения, а некоторой отсрочки, и только. Для народа — новое препятствие на тернистом пути к свободе и праву...

В тот момент, когда мы пишем эти не столько «критические», сколько печальные заметки (1 ноября), мрак и тучи сгущаются над нашей многострадальной родиной. Манифест 17 октября не дал ничего реального, на чем мы могли бы строить будущее. Даже обещания, торжественно в нем высказанные, берутся назад фактами деятельности объединенного правительства. Поэтому возлагать какие бы то ни было надежды на Манифест и на правительство мы не можем... Если год тому назад мы с некоторой радостью встречали эру доверия и говорили о весне, то ныне ни о какой весне не мечтаем. Мы стоим перед роковой загадкой, что нас ждет. Всю веру нашу мы полагаем только в силу движения народа, который не даст загнать Россию снова в «дортуар участка» и на реакцию сверху ответит действиями снизу.

Вся сила — в единении народных масс и общественных групп. Иначе то, что мы вырвали уже у растерянной бюрократии, будет отнято, и бюрократия, объединенная в визират, в союзе с хули-ганами справит кровавую тризну на своем манифесте, как справила кровавую баню первых дней русской свободы.

Единение всех, кому дороги культура, право, свобода, — такова задача момента. Всем этим устоям порядка грозит разгром. Бюрократии терять нечего. Она все уже потеряла — честь, достоинство, силу. Ей еще остались хулиганы, черная сотня, руководимая известной частью духовенства, и казацкие орды. Общество и народ должны противопоставить им союзы всех сознающих опасность элементов, рабочие организации и комитеты общественной безопасности. Самооборона во имя права и свободы — вот лозунг ближайших дней. Только вера в себя даст нам силы выдержать борьбу и победить. Настал час, когда никто не вправе отказываться от участия в борьбе. Ужасы пережитых дней на всем пространстве нашей родины — от Крыма до Архангельска, от Томска до Одессы — вот что ждет впереди, если положившись на «прямоту и искренность» объединенного правительства, мы доверчиво сложим руки и будем спокойно ждать обещанных свобод. Польша уже дождалась военного положения. Что это значит, мы знаем. Похоронившие свою воинскую честь, герои Мукдена — все эти Каульбарсы, Церпицкие, Вильдерлинги, Мейендорфы и как их там еще — начнут свою кровавую работу в наших городах, в наших домах, в наших семьях. Уже отправлены храбрые генерал Сахаров и адмирал Дубасов в Саратовскую и Черниговскую губернии усмирять и насаждать порядок. В Кронштадте военные суды угрожают сотнями смертных приговоров. Вот что нас ожидает в ближайшие дни.

В единении — сила. В ряды и колонны, если мы не хотим повторения ужасов в Одессе, Томске, Минске, Москве, Петербурге и т.д.

«Мир Божий». 1905. № 11.

Печатается по тексту журнала с сокращениями

К.К. Арсеньев. Внутреннее обозрение

...Правила 24 ноября предусматривают целый ряд специфических поступков печати, и притом таких, совершению которых особенно способствуют условия переживаемого нами времени (возбуждение к стачкам, к прекращению занятий, к устройству запрещенных законом скопищ, распространение ложных сведений или слухов). Еще важнее то, что суду предоставлено не только право приостановить или запретить осужденное повременное издание, но и право приостановить, в случае наложения ареста на тот или другой отдельный номер периодического издания выход в свет дальнейших его номеров до воследствования судебного приговора. Мера несомненно карательного свойства налагается, таким образом, в то время, когда еще не разрешен вопрос о преступности или непроступности инкриминированной статьи; заранее предполагается не только виновность обвиняемого, но и преступность того, что могло бы впоследствии появиться в его издании. Это противоречит самым элементарным началам права. Правда, при явочном порядке приостановка издания не так опасна, как при концессионном: приостановленное издание может быть заменено другим, под той же редакцией и при том же составе сотрудников, продолжающим то же самое дело... Нельзя не заметить, однако, что если на наших глазах приостановленные издания почти немедленно возникали вновь под другим именем, то это объясняется игнорированием требования, устанавливающего двухнедельный промежуток между заявлением о новом издании и выходом его в свет. Этого не предвидели составители временных правил; в их глазах приостановка издания до судебного приговора представлялась мерой гораздо более серьезной, чем она оказалась на самом деле... Без действия остается во многих случаях и та статья временных правил, по которой каждый номер периодического издания одновременно с выпуском его из типографии представляется издателем местному установлению или должностному лицу в определенном числе экземпляров. В более спокойное время исполнение этой статьи едва ли встретило бы какие-либо затруднения... Весьма целесообразно также доставление всех вновь выходящих произведений печати в главные книгохранилища государства...

Много ценного принес минувший год России — но многого и лишил ее. Он положил начало давно желанной перемене государственного строя, давно желанной политической свободе; он пре-кратил тяжелую войну, обессиливавшую народ и не обещавшую ничего, кроме новых неудач и новых бедствий. Но еще раньше восстановления внешнего мира был нарушен мир внутренний — и нарушения его, захватывая все более и более широкую область, становились все более и более интенсивными. Несчастный день 9 января и ужасные декабрьские московские дни — вот две крайние точки, между которыми лежат весенние и осенние аграрные беспорядки, еврейские погромы на юге России, трагические события в Одессе, Севастополе, Варшаве, избиения в Томске, Твери, Феодосии, открытое восстание в остзейских губерниях, железнодорожные и почтово-телеграфные забастовки... Расстраиваются государственные финансы, останавливается промышленность, беднеет народ, голодают крестьяне — вследствие неурожая, рабочие — вследствие безработицы. На всем громадном протяжении страны нет уголка, где бы царил полная тишина. Утрачено взаимное доверие, поколеблена надежда на лучшее будущее; впереди виднеется целый ряд новых осложнений. Когда наступит конец беспрестанно повторяющимся стачкам? Как пройдет весна в взбаламученной до дна деревне? Водворится ли спокойствие на окраинах государства, близких и далеких? Соберется ли беспрепятственно Государственная Дума, найдет ли она необходимую поддержку во всех слоях населения? Удастся ли ей трудное дело создания форм и условий для обновления государственной и общественной жизни? Войдет ли в нормальную колею движение, разлившееся бурной волной? Ни на один из этих вопросов нельзя дать определенного ответа; в нависшей над нами мгле просветов еще

слишком мало.

Ни в одной войне — кроме, быть может, той, которая велась в шестидесятых годах между северными и южными штатами Америки, — не было таких продолжительных многодневных сражений, как битвы при Лаояне и Мукдене. Как бы в параллель с ними необыкновенно продолжителен был и только что прекратившийся уличный бой в Москве. Столько же приблизительно времени длилась лишь битва на улицах Парижа в мае 1871 года — но там регулярные войска имели перед собой целую армию национальных гвардейцев, привыкшую к военным действиям во время двукратной осады Парижа и располагавшую всеми средствами для отчаянного сопротивления... Совершенно иным было положение дел в Москве, где никогда не переставала действовать правительственная власть и революционеры, не прошедшие через боевую школу, были не только обороняющейся, но и нападающей стороной. При таких условиях продолжительность борьбы имеет несомненное симптоматическое значение: оно указывает на слабость морального противодействия, встреченного инсургентами в окружающей среде. Весьма велико, с другой стороны, различие в общей обстановке сравниваемых нами явлений. В мае 1871 года французское правительство имело перед собой только один восставший Париж: волнения, раньше происходившие в немногих больших провинциальных городах, были без труда подавлены, и масса населения, особенно сельского, нимало не сочувствовала нарушителям мира, только что восстановленного после бедственной войны. Наоборот, революционное движение в Москве совпало с гражданской войной в Лифляндии и Курляндии, с серьезными беспорядками в Харькове и многих других городах, с непрекращающимися аграрными волнениями, с частичными железнодорожными и почтово-телеграфными забастовками, с тревогой среди значительной части петербургских рабочих. Мы подчеркиваем этот контраст потому, что он подсказывает, как нам кажется, важные практические выводы. Не только гуманность, но и простое благоразумие говорят против репрессий вроде тех, какие следовали за усмирением парижских восстаний 1848 и 1871 гг. Всегда осуждаемая нравственным чувством, чрезмерная строгость становится опасной, когда настроение, против которого она направлена, широко распространено по всей стране. И во Франции память о том, что творилось после торжества Ковеньяка и Мак-Магона, долго висела мрачной тенью над народом, медленно уступала место забвению; чего же можно было бы ожидать у нас, при всеобщей нервности, при страшно ускоренном биении общественного пульса? Нам нужны не военные суды, не казни и ссылки — нам нужны решительные шаги вперед по пути к политическим и социальным реформам. Это прекрасно поняла московская городская дума, принявшая, еще до окончания уличных столкновений, следующее постановление: «Признать, что события, имевшие место в Москве за последние дни, нашли себе, к сожалению, благоприятную почву в отсутствии законов, регулирующих свободы, возведенные Манифестом 17 октября, и в чувстве недоброжелательности и недоверия к действиям правительства, каковое создано в населении замедлением выполнения обещаний, возведенных правительством. Дума выражает твердую уверенность, что эти события не задержат и не помешают проведению либеральных реформ, которые одни в состоянии вывести страну на путь мирного развития».

Громко говоря об умеренности после победы, московские события напоминают, с другой стороны, об условиях, которые следовало бы соблюдать во время самого боя. Понятие о превышении необходимой обороны, выработанное уголовным правом, применимо и к войне, в особенности к войне гражданской. Оно обнимет собою, например, такие факты, как артиллерийский разгром домов, из которых были сделаны единичные выстрелы. Недопустимость такого образа действий признали и высшие московские власти, но, к сожалению, слишком поздно. Бесспорно, уличный бой создает почву для взаимного озлобления, доводя его до еще более высокой степени, чем международная битва; но и для него может и должен быть предел, охранение которого сравнительно легче для власти при высоком развитии воинской дисциплины... Столь же недопустимы стеснения помощи, подаваемой раненым. Обезоруженный, бессильный, окровавленный противник перестает быть врагом и вызывает только сострадание.

* * *

Между кем и как распределяется ответственность за все пережитое Россией в течение последних месяцев 1905 года — это вопрос, беспристрастное решение которого пока еще

немыслимо. С полной уверенностью можно только указать — если не идти дальше 17 октября — две главные причины разразившихся над нами бедствий: ошибки кабинета гр. Витте и переход крайних партий к революционным действиям. О первых мы подробно говорить не будем: запоздалость и недостаточность мер, направленных к осуществлению Манифеста 17 октября, далеко не полный разрыв с традициями и порядками прежнего режима, оставление у власти многих его представителей — все это слишком хорошо известно. Не подлежит никакому сомнению, что каждый неверный шаг правительства подбавлял воды на революционную мельницу — но отсюда еще не следует, чтобы ее работа остановилась при другом, более целесообразном образе действий. В широких кругах решимость прибегнуть к оружию созрела уже давно и в последнее время только окрепла: чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы резолюцию Совета рабочих депутатов, состоявшуюся 22 октября, т.е. в такое время, когда еще не определилась политика нового кабинета («петербургский пролетариат даст царскому правительству последнее сражение тогда, когда это будет выгодно вооруженному и организованному пролетариату»). Вооруженное восстание — страшное зло по тем жертвам, которых оно требует, по тем семенам ненависти и злобы, которые оно оставляет, по невозможности, наконец, предвидеть его исход, его ближайшие и отдаленные результаты... Есть ли с точки зрения наиболее обездоленных слоев русского народа достаточный повод для такого отчаяния, для внушаемых им крайних решений? Ответ на этот вопрос мог казаться спорным во время первых фазисов освободительного движения, даже после августа, но не после 17 октября. Манифест, возвестивший превращение России в конституционное государство, открыл дорогу для правомерного заявления всех требований, как бы далеко они ни отступали от существующего общественного строя. Если бы Государственная Дума, вследствие недостатков избирательного закона, и оказалась неверной истолковательницей народной мысли, политическая свобода должна открыть легальные пути к воздействию на народное представительство, к изменению его состава, к более целесообразному его устройству. По меньшей мере преждевременным является поэтому обращение к насилию, особенно в такую минуту, когда еще не изглажены следы несчастной войны, когда сводятся национальные счета, когда народ страдает от стихийных бедствий. Ничто не изменилось и не может измениться к лучшему оттого, что к развалинам домов и к сотням трупов в разных городах и деревнях прибавились еще более грандиозные развалины и еще более многочисленные трупы в Москве. Если события будут идти в том же направлении и тем же темпом, если не водворится, хотя бы на время, порядок, необходимый для созыва народных представителей, Россия вступит в новый период своей истории истощенной, озлобленной, неспособной к творческой работе.

Мы говорили месяц тому назад о новых формах тирании, идущих на смену старым. Опасность, указанная нами, остается в полной силе. Печати, освобожденной от правительственного гнета, грозит произвол, зарождающийся в собственной ее среде. Выход «С.-Петербургских ведомостей» был прерван на несколько дней несогласием наборщиков с содержанием статьи, принятой редакцией. Однородная причина привела к временной приостановке «Рассвета». Газеты «Право», «Россия», «Дэр Фрайвд» несколько дней не могли выходить в свет из-за отказа набирать их, пока в них не будет помещен известный «манифест» крайних партий...

Если бы в нашей печати получили право гражданства приказы, идущие от рабочих — а им, конечно, внушаемые извне, — то положение ее стало бы худшим, чем при правительственной цензуре. Последняя запрещала говорить то-то или о том-то, но ничего не диктовала, ничего не заставляла печатать (кроме официальных опровержений), а теперь мы присутствуем при попытках сделать газеты и журналы проводниками не разделяемых ими взглядов. Нужно надеяться, что эти попытки прекратятся сами собой, не находя более поддержки в среде самих деятелей периодической печати.

Только что указанная опасность — не единственная, созданная новыми условиями нашей общественной жизни. Больше чем когда-либо теперь необходима не только внешняя, но и внутренняя реакция против печального наследства, завещанного нам веками материального и умственного гнета. Нужно воскресить свободу мысли и оградить ее от посягательств, откуда бы

они ни исходили; нужно восстановить утраченную привычку действовать по собственному усмотрению, не отдавая себя во власть чужой воли, единичной или коллективной. Между тем вразрез со стремлениями, направленными к этой цели, идут некоторые черты, замечаемые в образовании столь многочисленных в последнее время партий и союзов. И партии, и союзы имеют, бесспорно, крупное значение как орудия борьбы в настоящем и будущем, но не слишком ли велики требования, предъявляемые ими к своим членам? Уставами многих партий прямо предписывается подчинение не только программе, но и партийной дисциплине. Не знаем, содержат ли в себе аналогичное предписание уставы или руководящие правила союзов, но думаем, что оно лежит большею частью в основе союзной деятельности, хотя бы и не было выражено прямо и открыто. Партийная дисциплина — понятие, заимствованное из практики западноевропейских государств, давно живущих полной политической жизнью. Сложившиеся в прочные единицы, состоящие из лиц, близко знакомых между собою, непосредственно ведущие борьбу с противниками, парламентские группы без больших неудобств и затруднений могут устанавливать тактические приемы, обязательные в данную минуту для каждого их участника. За своими представителями могут следовать и внепарламентские члены партии, т.е. избиратели, примыкающие к ее программе и поддерживающие общение с нею на периодических, правильно организованных съездах. Каждый член партии знает ее вождей, следит — или может следить — за всеми их действиями и словами; доверие, если можно так выразиться, никем и никому не отпускается в кредит. Совсем иное дело — партии только что организующиеся, только что вступающие в жизнь. В организации их неизбежно играет большую роль элемент случайности: привлекает программа, составленная несколькими лицами, а не доверие к этим лицам. Принимая ту или другую партийную программу, вступающий в партию знает, чего она требует, чего не допускает; подчиняясь партийной дисциплине, он идет навстречу неизвестному будущему и рискует сделаться невольным исполнителем таких решений, с которыми, будь они ему заранее известны, он никогда бы не согласился. Ограничение свободы, которому он себя подвергает, является и ненужным, да и опасным: ненужным, потому что партия, находящаяся в периоде формирования и не выступившая еще на политическую арену, может без вреда для себя не быть единодушной по отдельному тактическому вопросу; опасным, потому что приходится жертвовать только что приобретенной свободой и надевать на себя новые путы, в иных отношениях более тяжелые, чем прежние. Создание «партийной дисциплины» кажется нам поэтому по меньшей мере преждевременным; совершенно достаточно соглашение по личным вопросам, т.е. готовность подавать голос на выборах за кандидатов, намеченных свободно избранными представителями партии. Возможно менее стеснительными должны быть и сами партийные программы, обнимая собою сравнительно небольшое число существенных пунктов и допуская разномыслие во всем остальном. Не такое теперь время, чтобы расходиться из-за частных разногласий. Желательны, наконец, соглашения между партиями, близко подходящими одна к другой, — соглашения, которые, не нарушая самостоятельности партии, позволили бы им действовать заодно в особенно критические моменты.

*«Вестник Европы». 1906. № 1.
Печатается по тексту журнала,
второй и третий пункты обозрения*

С.Н. Кривенко. Газетное дело и газетные люди

Несмотря на цензурные и разные другие неблагоприятные условия, газетное дело у нас замечательно быстро растет и развивается. Число столичных и в особенности провинциальных газет с каждым годом увеличивается, потому что увеличивается число читателей и растет спрос на газеты, в особенности на газеты дешевые. Значительная часть больших газет увеличивает формат до размера больших английских и американских газет, вводит иллюстрированные и другие приложения и начинает попутно издавать маленькие дешевые издания «Новости», «Биржевые ведомости», «Сын Отечества», «Слово» и др., которые расходятся в десятках тысяч экземпляров. Одна из таких маленьких газет, говорят, расходится теперь в 150 тыс. экз. И это в каких-нибудь

три-четыре года.

Все это указывает на прилив совершенно нового читателя, который прежде газетами «не занимался». Сообразно с этим и газеты начали дифференцироваться на большую и так называемую малую прессу. Пяти- и четырехрублевые газеты приспособляются уже на всякую потребу, стараясь больше всего о разнообразии содержания, а специально уличные листки с их совершенно особой разухабистостью, сенсационными заглавиями, описанием убийств и уголовными романами имеют в виду городскую полуинтеллигенцию, до приказчиков, швейцаров и дворников включительно. Четырехрублевую ежедневную газету без значительного числа подписчиков и розничной продажи, как увидим ниже, издавать уже трудно; но теперь появилась недавно в Петербурге даже трехрублевая газета, предлагая которую газетчики кричат: «Русская газета, стоит только одну монету!» (т.е. 1 копейку).

Несмотря на недостаточное число школ, рост читателя несомненен, и несомненно также, что газета становится все более и более предметом насущной потребности не одних только богатых классов и интеллигенции, но и простого народа. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, с каким нетерпением и какою разнообразною публикою ждуться на железнодорожных станциях поезда с газетами и как эти газеты быстро расхватываются. То же самое происходит и около почтовых контор в глухих городках, в стороне от железных дорог. Газеты сплошь и рядом выписываются вскладчину и читаются по очереди или вслух целыми группами. Положим, что главный притягивающий интерес представляла война, но та же война, после того как кончилась, несомненно подействует не уменьшению, а лишь увеличению читателя, так как за это время образуется в массе людей привычка знать и следить за тем, что делается на белом свете.

Вообще эволюция газетного дела во многих отношениях чрезвычайно интересна и заслуживала бы не такой небольшой статейки общего характера, какую я пишу, а более обстоятельного исследования. Тут представляют интерес и читатель, приспособляющийся к газетному чтению и начинающий требовать известного материала, и само издательство с его спешными процессами и значительным материальным риском, и газетные люди с их характерными особенностями и т.д. В газетном деле, например, гораздо ярче, чем в других областях, выразился процесс капитализации нашей литературы. В то время как одна группа экономистов доказывала, что этот процесс охватывает все больше и больше нашу народную жизнь и все экономические отношения, а другая возражала против этого, указывая, что капитализм насаждается у нас в значительной степени искусственно, в области наиболее близкой к нам, — наше газетное, журнальное и книжное издательство все более и более капитализировалось. Тут все условия были налицо: значительный и все более возрастающий интеллигентный пролетариат, нуждавшийся в заработке, значительный и все увеличивавшийся спрос на печатное слово и близкий внутренний рынок, который также с каждым годом все расширялся. Теперь сами могут издавать свои произведения только авторы книг и брошюр, но и то далеко не все, вследствие необходимости затрат на издание и значительности комиссионных скидок, которых требуют книготорговцы (прежняя 20-процентная скидка теперь поднялась до 40% и более); издавать же такое периодическое издание, как ежедневная газета, совсем нельзя без более или менее значительного капитала. Например, маленькая четырехрублевая газета, уплачивая из этой суммы 80 коп. почтамту и неся другие обязательные расходы (на экспедиции, контору и проч.), должна уже оперировать собственно в издательском процессе (печать, бумага, гонорар) меньше чем на 3 руб. Очевидно, что для покрытия расходов ей необходим известный и довольно значительный минимум подписчиков и розничной продажи; а на большую газету расходов, конечно, еще больше. Всякой новой газете прежде всего необходимо рекламировать себя или хотя заявить о своем существовании, направлении, сотрудниках и условиях подписки. Объявления в других наиболее распространенных газетах стоят очень дорого. Если она пожелает сама разослать свои объявления, ей понадобятся адреса, которые, при всем их сомнительном достоинстве и происхождении (часто их похищают из типографий), находятся в руках торгующих ими предпринимателей, и за них приходится платить довольно дорого. Затем ей нужны телеграммы, которые также захвачены и монополизированы отчасти своими, а отчасти заграничными компаниями и предпринимателями и за которые также приходится недешево платить. Затем ей необходимо заручиться «бойкими

перьями», которые создают успех газетам, а эти «бойкие перья» отлично умеют котировать себя на литературной бирже и обходятся дороже телеграмм и объявлений.

Можно поистине удивляться росту литературных гонораров за последние десять лет. Впереди всех идут некоторые беллетристы и фельетонисты. Лишь недавно мы видели в одной провинциальной газете почтительный расчет, что одному современному беллетристу за проданную им оптом какую-то вещь пришлось по 1500 р. за лист. Снилось ли что-нибудь подобное не только нуждавшемуся всю жизнь Достоевскому, но даже и получавшему хорошие гонорары Тургеневу и другим прежним писателям? С беллетристами идут голова в голову и некоторые фельетонисты, и еще неизвестно, кто побьет рекорд. Правда, таких гонораров немного, а гонорары остальных работников остаются на прежнем уровне или поднялись весьма мало; но рядом с прежними пятачками мы видим платы в 20-30 коп. за строку и другим «бойким перьям». Иначе не отдадут или грозят отдавать свои произведения в другие редакции.

...Объявления представляют несомненно очень важную статью газетного дохода. Передо мной лежит брошюра г. Дигаммы «Зло нашей прессы», где автор высчитывает, что «Новое время» ежегодно «дерет с трудящейся бедноты» 130.291 р., с покойников 11.556 руб., с казны и общественных учреждений 378.144 р. и с остальных 462.664 руб., а всего «1.082.665 р. в год». Помнится, г. Суворин доказывал, что объявления выгодны только до известного предела, а затем начинают будто бы не окупать стоимости бумаги и обращаются в убыток. Допуская возможность подобного убытка, при известном количестве экземпляров газеты и данной таксе за объявления, я полагаю в то же время, что по воле издателя, приближаясь к этому рубежу, или приостановить дальнейший прием объявлений, или повысить таксу, что издатели и делают. Но в данном случае дело не в этом, а в том, что новая газета не может в первый же год рассчитывать на такое количество платных объявлений, какое могло бы составить существенную доходную статью, а потому довольствуется обыкновенно объявлениями, печатаемыми со значительной скидкой и иной раз совсем бесплатно (в видах привлечения платных объявлений), да объявлениями обменными с провинциальными газетами. Такого рода объявления, конечно, приносят только убыток. Я помню расчет покойного Д. К. Гирса для газеты «Русская правда» в 80-х годах: он полагал, что газету можно начинать с 40—50 тыс. руб. Приблизительно с такую же или даже меньшую суммой начинались в то время и другие газеты. Теперь не то: теперь считается рискованным приступать к большой газете, не имея 200—300 тыс. руб., да и этого может оказаться недостаточно. Одним словом, газеты становятся чисто капиталистическими предприятиями и требуют не меньших сумм, чем заводы и мануфактуры.

У нас в печати не раз встречались описания больших американских газетных фабрик с их огромными собственными домами, громадными типографиями и блестящей редакционной обстановкой; но, к сожалению, не было еще описания нашей крупной газетно-издательской промышленности, а между тем такие фабрики у нас есть, и число их обещает все больше и больше увеличиваться. Разве издания «Нивы», печатающейся с приложениями в сотнях тысяч экземпляров, не есть фабричное предприятие? Разве «Новое время» с его громадными ротационными и другими машинами, с его многочисленным контингентом служащих (конторщиков, метранпажей, корректоров и т.д.) и рабочих с разными учреждениями для них (пенсионная касса, школа и т.п.) не есть хорошо устроенная фабрика? Это — предприятия единоличные, но есть и акционерные; таковы, например, «Новости» и «Сын отечества», издававшийся акционерным обществом печатного дела «Издатель», к которому непосредственно примыкало крупное писчебумажное производство Пализена. Бумага собственного производства тотчас же шла в дальнейший оборот — в громадную собственную типографию, где перерабатывалась в две газеты, в «Живописное обозрение» и в книги. Других, меньших фабрик и заводиков сколько угодно как в обеих столицах, так и в провинции. Не пошли у нас только артельные, товарищеские предприятия, а те немногие из них, которые уцелели, к сожалению, совершенно утратили артельный характер и превратились также в предприятия в сущности чисто капиталистические: учредители превратились в хозяев, получающих правильную ренту и оклады, а настоящие работники и сторонние сотрудники — в простых рабочих, получающих сдельную или поденную рыночную плату (выдаваемую только по субботам, а по большей части ежемесячно),

причем плата эта нередко ниже, чем в других изданиях.

Капитализация литературы имеет немало отрицательных сторон, так что даже и на то хорошее, что при этом делается, ложится какая-то особая тень сомнения или же прямо накладывается коммерческое клеймо. Так, например, Маркс, покойный издатель «Нивы», сделал очень хорошее дело: издал по очень дешевой цене целый ряд русских классиков и сделал таким образом их доступными широкому кругу читателей; но при этом он предварительно скупил у самих авторов или их наследников авторские права на изданные произведения и обратил их в личную собственность; а при таком условии правопреемники его вольны ограничиться изданным количеством экземпляров и новых изданий либо совсем не делать, либо приступить к ним лишь тогда, когда их личный издательский интерес опять совпадет с общественным, т.е. когда из первого издания на рынке ничего не останется и явится усиленный спрос на второе. Хотя издания делались на самой простой и недолговечной бумаге, но читатель их все-таки бережет. Затем, выпуская эти издания приложениями к «Ниве», издатель обратил их в приманку для совсем другого товара, который без этого не шел бы так ходко, а с этой стороны едва ли есть расчет повторять одни и те же приложения. Между тем через известное число лет к некоторым авторам может ослабеть или даже совсем пропасть в обществе необходимый интерес, может быть утрачена всякая живая связь с ними, наконец и сами они могут устареть и слишком далеко отстать от современности, так что за ними останется только исторический интерес. Вообще скупка авторских прав в одни руки да еще на столь продолжительные сроки (до 50 лет) едва ли желательна, как и всякая монополия...

А особенно неприятно в нашем новом газетном обиходе то, что большинство газет начинает все меньше и меньше придавать значение высшей литературной стороне дела — внутреннему идейному содержанию и последовательности убеждений (чем так дорожат журналы), отдавая предпочтение газетной бойкости, так называемой злободневности, стремлению угодить публике и т.п., чисто практическим целям и соображениям...

Газеты у нас читаются или, вернее, просматриваются по большей части на лету, между чаем и утренними делами, и главным образом для того, чтобы стоять в курсе дня. Прежде всего читатель ищет телеграмм или покойников, затем заглядывает в действия или распоряжения правительства, потом просматривает хронику и заголовки статей и отделов. Чтобы не пропустить какого-нибудь «белого слона», т.е. чего-нибудь выдающегося, сенсационного, о чем будут говорить...

Газетный писатель также человек совсем особый, если не по темпераменту и складу ума, то по свойству самого дела, которому служит, и по привычке к нему. С развитием железных дорог, телеграфов, телефонов и прочего, сфера человеческих сношений расширяется и вместе с тем ускоряется темп жизни. Тут долго думать и раздумывать нельзя, некогда наводить справки и по Гоголевски несколько раз исправлять слог. Статьи пишутся и посылаются в типографию буквально с непросохшими еще чернилами. Театральные отчеты, ночные телеграммы и некоторые репортерские заметки сдаются иногда во 2-ом или даже в 3-ем часу ночи, а газете к 5 часам нужно уже быть готовой, то есть нужно успеть все это набрать, дать просмотреть корректору, послать редактору, сделать исправления, поставить на место в готовящуюся полосу и сверстать ее, сделать с нее несколько оттисков и опять дать их просмотреть корректору и ночному дежурному по редакции (для подписи), причем могут быть новые поправки, затем, нужно сделать и отлить с полосы стереотип и потом уже, наконец, приступить к печатанию. Когда же тут думать о какой-нибудь запятой, неудачной фразе или небольшой (а может быть и очень большой) неточности. Вместе с навыком быстро работать понемногу и незаметно образуется привычка небрежно относиться к работе и к печатному слову вообще. Отношение это становится все более и более ремесленным, когда работник интересуется не столько качеством, сколько количеством работы. Играет при этом очень большую роль также состав газетных работников, среди которых людей по призванию, знающих и образованных, сравнительно гораздо меньше, чем людей случайных, которые смотрят на газетную работу, главным образом, как на источник заработка...

Репортаж — это один из труднейших и неприятнейших газетных вопросов. Без репортерских сведений нельзя обойтись, а подобрать безупречный контингент репортеров

чрезвычайно трудно. В репортерском деле сомнительные элементы, к сожалению, преобладают над порядочными, а последние оказываются недостаточно опытными и юркими. Многие, вероятно, помнят бывший несколько лет тому назад случай, когда из Петербурга были высланы несколько человек репортеров за взятки в летних театрах и садах, но, само собой разумеется, и в данном случае, как в других, подобная административная мера зла не прекратила...

Репортеры в газете — это нечто вроде разведочной команды, за которою нужно смотреть в оба, чтобы не попасть в какой-нибудь самый неприятный просак. И подводят по большей части газету не столько плохие, сколько порядочные люди — своим легковерием, поспешностью, недостаточною обстоятельностью, незнанием предмета и т.п. Отчеты о лекциях и заседаниях так называемых ученых обществ сплошь и рядом так передаются, что лекторы и докладчики не узнают того, что говорили. Некоторые репортеры так наловчились писать, что вы не сразу узнаете, что пишет человек, совершенно не знающий вопроса, о котором пишет. Прежде чем писать, он прислушивается к тому, что говорят, спросит кого-либо из знающих людей, и выходит нечто по-хожее на действительность, а затем, для пушей убедительности, блещет латынью...

Вообще то, что приносят даже самые добросовестные репортеры, нуждается во внимательной проверке. В собираемых при таких условиях сведениях бывает столько лишнего и сомнительного, что редакции оказываются вынужденными некоторые сообщения значительно сокращать, а другие совсем выбрасывать, к великому огорчению собирателя, для которого каждая строка дорога...

Репортерский заработок для начинающего добросовестного человека — очень горек, пока он не напрактикуется и не научится даже самого о. Иоанна Кронштадтского превращать в строчки. Строки в газетном деле играют весьма большую роль. К ним чувствуют слабость не только злополучные репортеры, но и передовики, и хроникеры, и фельетонисты, и даже беллетристы. Обратите внимание, какое распространение получила теперь красная строка и сколько расплодилось писателей, которые не только каждое предложение, но и чуть ли не каждое междометие и предлог пишут с красной строки, сопровождая их многоточиями. Тут со стороны самой пишущей братии как нельзя нагляднее сказывается чисто товарное отношение к своей работе. Процесс капитализации крестьянской жизни и хозяйства, о котором спорила интеллигенция, не только еще не выразился, но, вероятно, и не так скоро еще выразится с такою рельефностью и полнотою, как процесс капитализации литературы. Если тут и происходит неко-торая смесь и недостаточная определенность положений (вроде того, например, что в то время, как известные группы интеллигенции, по источникам существования и характеру заработка, соприкасаются с четвертым сословием, в преобладающем своем большинстве наша интеллигенция — и по источникам существования, и по привычкам, и по образу жизни — ближе всего подходит к третьему сословию), то сущность дела от этого не изменяется: литературный труд остается сдельной, поштучной или поденной работой, а литературное произведение — товаром. Так начинают смотреть на дело не только издатели, но и авторы...

Следует сказать несколько слов еще об одном явлении, также весьма характерном для газетного дела. Только что указанное отношение самой пишущей братии к печатному слову, которое чувствуется читателем в оттенках мысли и между строк, как и вся вообще экономическая и литературная постановка газетного дела, не могут внушать к себе необходимого уважения. И газеты и газетные люди, в большинстве случаев, действительно, не пользуются таким общественным уважением, каким должны были бы пользоваться. В этом отношении чрезвычайно интересно было бы сравнить читательские письма, которые пишутся в журналы и газеты. Пишем этих очень много, их пишут по разным поводам как культурные, так и простые, еле грамотные люди, и мне кажется, что и в поводах и в самом тоне этих писем есть значительная разница. Вот, например, какое грубое и развязное письмо было недавно получено одной петербургской газетой: «М. г.г. редакторы! Газета ваша все подъезжает под земских начальников и хочет их обремизить. И то не так, и другое не так. А по нашему: не тваво ума это дело. Коли они заведены и поставлены, то не смеешь рассуждать. Я городской мещанин, но живу всегда в деревне по коммерческой части и могу засвидетельствовать хоть под присягой, что мы свет Божий увидели с тех пор, как стали земские начальники. В деревнях стало тихо, есть кому пожаловаться и есть кому взыскать. А по

вашему это не хорошо... А кулаком по языку за это хочешь? Прямо по харе» и т.п.

Журналы, насколько мне известно, таких грубых писем не получают. Хотя там другой читатель, но я думаю, что и столь развязный «мещанин» не во всякое место пошлет такое письмо. Вопрос об отношении читателя к газетам очень важен, гораздо важнее, чем, может быть, покажется с первого взгляда. Неуважительное отношение началось не со вчерашнего дня и к большинству наших газет, в особенности вновь возникающих, совершенно не заслуженно. Этому предшествовал многолетний горький опыт и целый длинный ряд самых невозможных положений, в каких находилась наша периодическая печать.

Вспомните наших первых газетчиков, вроде Булгарина и Греча, наши епархиальные и губернские ведомости с их неофициальным отделом, наших официозов в западном крае, вспомните целый ряд газет, вроде «Вести», «Берега», «Минуты», «Светочи» и т.д., целый ряд изданий, получивших прямые или косвенные (в виде газетных объявлений) субсидии, вспомните знаменитые щедринские газеты «Чего изволите» и «Красу Демидрона» с их девизом — «можно не соглашаться, но должно признаться» и с их корреспондентами и сотрудниками — Подхалимовыми, Тряпич-киными и т.д.; вспомните, наконец, как недавно еще газеты разрешалось издавать только совершенно особого рода «патриотам» и как профессора и настоящие писатели в редакторском звании не утверждались, а ростовщики, ломбардные деятели и даже чиновники сыскного отделения утверждались. Разве при таких условиях могло создаться уважение к печатному слову? Нужно поистине удивляться, что наша печать сохранила еще душу живую и ту долю порядочности, какою отличается большая часть газет. Процесс капитализации литературы также нельзя считать моментом безусловно благоприятным в этом отношении. Капиталист прежде всего видит в газете деловое предприятие или орудие для поддержания других своих дел и может, конечно, оказывать известное давление на независимые мысли. Сообразно с этим и известная часть читателей начинает видеть в газете прежде всего коммерческое предприятие, а в пишущей братии — наемников, которые, как мельницы, сегодня могут вертеться в одну сторону, а завтра в другую, которые, обличая какую-нибудь неправду, на самом деле имеют в виду нечто другое или сводят личные счеты и которых всегда можно купить. Отсюда гонение на корреспондентов и других представителей печати, несмотря на то, что когда дело доходит до сути, то разве только в редких, исключительных случаях печать оказывается неправой. Трудно со всем этим бороться, но бороться необходимо, и газетные работники должны вести эту борьбу, ни на одну минуту не забывая завещания Салтыкова относительно высокого значения «писательского звания».

«Русская мысль». 1906. № 10.

Печатается по тексту журнала с сокращениями.

П.Б. Струве. Великая Россия

*Из размышлений о проблеме русского могущества
Посвящается Николаю Николаевичу Львову*

Одну из своих речей в Государственной Думе, а именно программную речь по аграрному вопросу, П.А. Столыпин закончил следующими словами: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».

Мы не знаем, оценивал ли г. Столыпин все то значение, которое заключено в этой формуле: «Великая Россия». Для нас эта формула звучит не как призыв к старому, а, наоборот, как лозунг новой русской государственности — государственности, опирающейся на «историческое прошлое» нашей страны и на живые «культурные традиции», и в то же время творческой и, как все творческое, в лучшем смысле революционной.

Обычная, я бы сказал, банальная точка зрения благонамеренного корректного радикализма рассматривает внешнюю политику и внешнюю мощь государства как досадные осложнения, внешние расовыми, национальными или даже иными историческими моментами в подлинное

содержание государственной жизни, в политику внутреннюю, преследующую истинное существо государства, его «внутреннее» благополучие.

С этой точки зрения всемирная история есть сплошной ряд недоразумений довольно скверного свойства.

Замечательно, что с банальным радикализмом в этом отношении совершенно сходится банальный консерватизм. Когда радикал указанного типа рассуждает: внешняя мощь государства есть фантом реакции, идеал эксплуататорских классов; когда он, исходя из такого понимания, во имя внутренней политики отрицает внешнюю, он в сущности рассуждает совершенно так же, как рассуждал В.К. фон Плеве. Как известно, фон Плеве был один из тех людей, которые толкали Россию на войну с Японией, толкали во имя сохранения и упрочения самодержавно-бюрократической системы.

Государство есть «организм» — я нарочно беру это слово в кавычки, потому что вовсе не желаю его употреблять в доктринальном смысле так называемой «органической» теории, — совершенно особого свойства...

Для государства верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, то есть не только юридическое «самодержавное» или «суверенное», но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным — значит обладать непременно «внешней» мощью. Ибо из стремления государства к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборством интересов государств сильных, является в возможности (потенциально) и в действительности (*de facto*) добычей для государства сильного...

Русско-японская война и русская революция, можно сказать, до конца оправдали это понимание. Карой за подчинение внешней политики соображениям политики внутренней был полный разгром старой правительственной системы в той сфере, в которой она считалась наиболее сильной, — в сфере внешнего могущества. А с другой стороны, революция потерпела поражение именно потому, что она была направлена на подрыв государственной мощи ради известных целей внутренней политики. Я говорю: «потому, что»; но, быть может, правильное было бы сказать: «постольку, поскольку».

Таким образом, и в этой области параллелизм между революцией и старым порядком обнаруживается прямо поразительный!..

Оселком и мерилom всей так называемой «внутренней» политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует так называемому внешнему могуществу государства? Это не значит, что «внешним могуществом» исчерпывается весь смысл существования государства; из этого не следует даже, что внешнее могущество есть верховная ценность с государственной точки зрения; может быть, это так, но это вовсе не нужно для того, чтобы наш тезис был верен. Но если верно, что всякое здоровое и держащееся самим собой государство желает обладать внешней мощью — в этой внешней мощи заключается безошибочное мерило для оценки всех жизненных отправлений и сил государства, и в том числе и его «внутренней политики».

Относительно современной России не может быть ни малейшего сомнения в том, что ее внешняя мощь подорвана. Весьма характерно, что руководитель нашей самой видной «националистической» газеты в новогоднем «Маленьком письме» утешается тем, что нас никто в предстоящем году не обидит войной, так как мы «будем вести себя смиренно». Трудно найти лозунг менее государственный и менее национальный, чем это: «будем вести себя смиренно». Можно собирать и копить силы, но великий народ не может — под угрозой упадка и вырождения — сидеть смиренно среди движущегося вперед, растущего в непрерывной борьбе мира. Давая такой пароль, наша реакционная мысль показывает, как она изумительно беспомощна перед проблемой возрождения внешней мощи России. Для того чтобы решить эту проблему, нужно ее поставить правильно, то есть с полной ясностью и в полном объеме.

Ходячее воззрение обвиняет русскую внешнюю политику, политику «дипломатическую» и «военно-морскую», в том, что мы были не подготовлены к войне с Японией. Мне неоднократно, во время самой войны на страницах «Освобождения» и позже, приходилось указывать, что ошибка

нашей дальневосточной политики была гораздо глубже, что она заключалась не только в методах, но — что гораздо существеннее — в самых целях этой политики. У нас до сих пор не понимают, что наша дальневосточная политика была логическим венцом всей внешней политики царствования Александра III, когда реакционная Россия, по недостатку истинного государственного смысла, отвернулась от Востока Ближнего.

В перенесении центра тяжести нашей политики в область, недоступную реальному влиянию русской культуры, заключалась первая ложь нашей внешней политики, приведшей к Цусиме и Портсмуту. В трудностях ведения войны это сказалось с полной ясностью. Японская война была войной, которая велась на огромном расстоянии и исход которой решался на далеком от седалища нашей национальной мощи море. Этими двумя обстоятельствами, вытекшими из ошибочного направления всей приведшей к войне политики, определилось наше поражение.

Те же самые обстоятельства, которые в милитарном отношении обусловили конечный итог войны, определили полную бессмысленность нашей дальневосточной политики и в экономическом отношении. <...> Совершенно ясно, что, производя товары в Москве (подразумеваю под Москвой весь московско-владимирский промышленный район), в Петербурге, в Лодзи (подразумеваю под Лодзью весь польский район), нельзя за тысячи верст железнодорожного пути конкурировать не только с японцами, но даже с немцами, англичанами и американцами. Гг. Абаза, Алексеев и Безобразов «открывали» Дальний Восток не для России, а для иностранцев. Это вытекало из географической «природы вещей». В своем заграничном органе я категорически восставал против дискредитирования нашей армии на основании тех неудач, которые она терпела, указывая на то, что политика задала армии, как своему орудию, задачу по существу невыполнимую.

Теперь пора признать, что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, то есть все европейские и азиатские страны, «выходящие» к Черному морю.

Здесь для нашего неоспоримого хозяйственного и экономического господства есть настоящий базис: люди, каменный уголь и железо. На этом реальном базисе — и только на нем — неустанной культурной работой, которая во всех направлениях должна быть поддержана государством, может быть создана экономически мощная Великая Россия. <...> Из Черноморского побережья мы должны экономически завоевать и наши собственные тихоокеанские владения.

Основой русской внешней политики должно быть, таким образом, экономическое господство России в бассейне Черного моря. Из такого господства само собой вытечет политическое и культурное преобладание России на всем так называемом Ближнем Востоке. Такое преобладание именно на почве экономического господства осуществимо мирным путем. Раз мы укрепимся экономически и культурно на этой естественной базе нашего могущества, нам не будут страшны никакие внешние осложнения, могущие возникнуть помимо нас. В этой области мы будем иметь великолепную защиту в союзе с Францией и в соглашении с Англией, которое в случае надобности может быть соответствующим образом расширено и углублено...

Из такого понимания проблемы русского могущества вытекают важные выводы, имеющие огромное значение для освещения некоторых основных вопросов текущей русской политики. Это относится как к вопросам внутриполитическим, в том числе так называемым «национальным», а в сущности «племенным», так и к вопросам внешнеполитическим с вытекающими из них проблемами военно-морскими. Вся область этих вопросов освещается совершенно новым светом, если ее рассматривать под углом зрения Великой России. Этот угол зрения позволяет видеть лучше и дальше, чем обычные позиции враждующих направлений и партий.

Сперва — о политике общества, а потом — о политике власти.

Политика общества определяется тем духом, который общество вносит в свое отношение к государству. В другом месте я покажу, как в связи с разными влияниями в русском обществе развивался и разливался враждебный государству дух. Дело тут вовсе не в революции и «революционности» в полицейском смысле. Может быть революция во имя государства и в его духе; таким революционером-государственником был Оливер Кромвель, самый мощный творец

английского государственного могущества. Враждебный государству дух сказывается в непонимании того, что государство есть «организм», который во имя культуры подчиняет народную жизнь началу дисциплины, основному условию государственной мощи. Дух государственной дисциплины был чужд русской революции. Как носители власти до сих пор смешивают у нас себя с государством, так большинство тех, кто боролся и борется с ними, смешивали и смешивают государство с носителями власти. С двух сторон, из двух, по-видимому, противоположных исходных точек, пришли к одному и тому же противогосударственному выводу.

Это обнаружилось в «забастовочной» тактике, усвоенной русской революцией в борьбе с самодержавно-бюрократическим правительством. Основываясь на успехе, который имела стихийная «забастовка», повлекшая за собой Манифест 17 октября, стали паралич хозяйственной жизни упражнять как тактический прием. Что означала эта «тактика»? Что средством в борьбе с «правительством» может быть разрушение народного хозяйства. Известный манифест Совета рабочих депутатов и примкнувших к нему организаций призывал прямо к разрушению государственного хозяйства.

Теперь должно быть ясно, что эти действия и лозунги не были «тактическими ошибками», «нерассчитанной» пробой сил и т.п. Они были внушены духом, враждебным государству как таковому, потому что они подрывали не правительство, а ради подрыва правительства разрушали хозяйственную основу государства и тем самым государственную мощь.

Эти действия и лозунги были внушены духом, враждебным культуре, ибо они подрывали самую основу культуры — дисциплину труда. Если можно в двух словах определить ту болезнь, ко-торою поражен наш народный организм, то ее следует назвать исчезновением или ослаблением дисциплины труда. В бесчисленных и многообразных явлениях жизни обнаруживается эта болезнь.

Политика общества и должна начать с того, чтобы на всех пунктах национальной жизни противогосударственному духу, не признающему государственной мощи и с нею не считающемуся, и противокультурному духу, отрицающему дисциплину труда, противопоставить новое политическое и культурное сознание. Идеал государственной мощи и идея дисциплины народного труда — вместе с идеей права и прав — должны образовать железный инвентарь этого нового политического и культурного сознания русского человека.

Характеризуемая таким образом правильная политика общества есть проблема не тактическая, а идейная и воспитательная, на чем я уже настаивал в своей статье «Тактика или идеи?». Великая Россия для своего создания требует от всего народа и прежде всего от его образованных классов признания идеала государственной мощи и начала дисциплины труда. Ибо созидать Великую Россию — значит созидать государственное могущество на основе мощи хозяйственной.

Политика власти начертана ясно идеалом Великой России. То состояние, в котором находится в настоящее время Россия, есть — приходится это признать с величайшей горечью — состояние открытой вражды между властью и наиболее культурными элементами общества. До событий революции власть могла ссылаться — хотя и фиктивно — на сочувствие к ней молчаливика-народа. После всего, что произошло, после первой и второй Думы, подобная ссылка невозможна. Разрыв власти с наиболее культурными элементами общества есть в то же время разрыв с народом. Такое положение вещей в стране глубоко ненормально; в сущности, оно есть тот червь, который всего сильнее подтачивает нашу государственную мощь. Неудивительно, что политика, которая упорно закрывает глаза на эту основную язву нашей государственности, вынуждена давать лозунг: «будем вести себя смирно». Государство, которое разъедаемо такой болезнью, может сказать еще больше: «будем умирать». Но государство сильного, растущего, хотя бы больного народа не может умереть. Оно должно жить.

Положение осложняется еще разноплеменностью населения, составляющего наше государство. С одной стороны, если бы население России было одноплеменным, чисто русским, существование власти, находящейся в открытом разрыве с народом, вряд ли было бы возможно. С

другой стороны, наших «инородцев» принято упрекать в том, что они заводчики революции. Объективно-психологически следует признать, наоборот, что вся наша реакция держится на существовании в России «инородцев» и им питается. «Инородцы» — последний психологический ресурс реакции...

Всякое здоровое, сильное государство — сказали мы выше — желает быть могущественным. Австрия с великой избирательной реформой вступила в период своего внутреннего укрепления, которое будет означать и рост внешней мощи Австро-Венгрии. Славянский характер Австрии вовсе не гарантирует от нападения с ее стороны, если мы будем оставаться слабы, так же как куль-турное и политическое преобладание германского элемента в Австрии до 1866 г. не спасло ее от разгрома Пруссией. Если русская Польша будет по-прежнему очагом недовольства, имеющим тес-нейшую морально-культурную связь с австрийскими поляками, если Россия, вместо того чтобы экономически и культурно укрепляться в бассейне Черного моря, будет строить ни для чего не нужный линейный флот, предназначенный для Балтийского моря и Тихого океана, в один прекрасный день в Европе на западной границе может назреть для нас великая беда.

...Не следует... упускать из виду, что вообще крушение реакции и торжество либерализма во внутренней политике Германии должно наступить с безошибочностью естественного процесса. В этот момент, если мы... не создадим по всей... стране действительного, прочного примирения власти с народом, мы можем и неизбежно получим жестокий удар уже не с Востока, а с Запада. У нас в широкой публике, а также в военных сферах существует к Австрии такое же легкомысленное отношение, какое до войны было к Японии. Мы склонны упиваться суворовской фразой: «Ав-стрийцы имеют проклятую привычку быть всегда битыми» — и можем на собственном теле испытать всю условность подобных афоризмов. Неудачная война с Австрией — при недоброжелательном нейтралитете Германии — в лучшем случае будет иметь для России своим результатом потерю Царства Польского, которое отойдет к Австрии, и потерю Прибалтийского края, который отойдет к Германии.

Можно сказать, что все нарисованные нами перспективы суть только комбинации и предположения. Но то, что слабые государства делаются добычей государств более сильных, если они не ограждены противоборством их интересов, это есть не комбинация, а своего рода «закон истории»...

Из международно-политических перспектив, которые мы начертали, вытекает тот вывод, что наша «внутренняя» политика должна быть поставлена так, чтобы — без ущерба для наших интересов, нашей мощи и нашего достоинства — психологически устранить самую возможность войны с Австро-Венгрией или (худший для нас случай!) войны с Австро-Венгрией и Германией. Конечно, Россия может просто добровольно сделаться вассалом или сателлитом Германии, но только пожертвовав исторической миссией, мощью и достоинством государства.

Великой России на настоящем уровне нашего экономического развития необходимы сильная армия и такой флот, который обеспечивал бы нам возможность десанта на любом пункте Черного моря и в то же время абсолютно обеспечивал бы нас от вражеского десанта в этой области...

Внутреннее содержание этой проблемы может быть дано только сочетанием правильной внешней политики с разумным разрешением наших внутренних вопросов.

Интеллигенция страны должна пропитаться тем духом государственности, без господства которого в образованном классе не может быть мощного и свободного государства.

«Правящие круги» должны понять, что если из великих потрясений должна выйти великая Россия, то для этого нужен свободный, творческий подвиг всего народа. В народе, пришедшем в движение, в народе, конституция которого родилась вовсе не из навеянного извне радикализма, а из потрясенного тяжелыми уронами государства патриотического духа, — в этом народе нельзя уже ничего достигнуть простым приказом власти. Из скорбного исторического опыта последних лет народ наш вынес понимание того, что государство есть личность «соборная» и стоит выше вся-кой личной воли. Это — огромное неценное и неистребимое приобретение и оправдание

пережитых нами «великих потрясений».

Теперь задача истинных сторонников государственности заключается в том, чтобы понять и расценить все условия, созидающие мощь государства. Только государство и его мощь могут быть для настоящих патриотов истинной путеводной звездой. Остальное — «блуждающие огни».

Государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи. Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и са-модеятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически срастись.

В новейшей европейской истории есть замечательный и поучительный пример такого сращения.

В 60-х годах между нацией и властью в руководящей германской державе Пруссии возгорелся жесточайший конфликт, грозивший политической катастрофой. Власть благодаря Бисмарку вышла победительницей из этого конфликта, овладев национальной идеей, чего не сумели сделать ни Стюарты в Англии, ни Бурбоны во Франции. Победа власти, однако, не была ни унижением народа, ни разрушением права. Величие Бисмарка как государственного деятеля заключалось, между прочим, в том, что он никогда не смешивал государство ни с какими лицами. Власть и народ примирились на осуществлении национальной идеи, и объединенная Германия, утверждающая свою внешнюю мощь, сумела органически сочетать исторические традиции с новыми государственными учреждениями на демократической основе всеобщего избирательного права.

Объединение Германии под предводительством Пруссии, которая выбрасывает Австрию из Германии и затем набрасывается на Францию и отнимает у нее завоевания Людовика XIV, было рядом событий, в которых и современник, и всякий изучающий их теперь не может не чувствовать какой-то роковой силы.

У Бисмарка, когда он ковал германскую империю, вовсе не было готового, до подробностей выработанного плана. Творец событий, он в то же время был влеком ими... Самая незаметная и в то же время самая трудная и почетная борьба, которую вел Бисмарк во имя государства, велась им не против оппозиции парламента, не против внешнего врага и его дипломатии, а против главы государства. И он, а с ним вместе германская государственность оказались победителями в этой борьбе.

Такова сила национальной идеи, нашедшей себе орудие в государстве, которое стремится увеличить свою мощь. Или, наоборот, такова сила государства, поставившего себе на службу национальную идею. Это — две силы, которые, для того чтобы перевернуть судьбы народов, должны найти одна другую и действовать в полном союзе.

Часто смотрят на эти события с «отвлеченной» точки зрения. Революционеры видят в объединении Германии не торжество национальной идеи, а лишь возвышение консервативной прусской державы — так понимали события многие старые немецкие радикалы 40-х гг.; так оценивают их до сих пор некоторые социал-демократы. Легитимисты видят в этом объединении, поглотившем несколько легитимных тронов и в современной Германии утопившем патриархально-консервативную Пруссию с ее старыми государственными традициями, не столько торжество государственности, сколько победу странного, противоречивого союза военно-монархической мощи с революционной идеей — так смотрели на события не только ганноверские легитимисты; так чувствовали и представители старого прусского духа, вроде генерала Роона и даже самого Вильгельма I.

Первые заблуждаются в том, что не видят связи национальной идеи с государственной мощью. Вторые фантазируют о возможности поставить государственной мощи, окрыленной нацио-нальной идеей, «легитимные» и «традиционные» границы.

Государство должно быть революционно, когда и поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть революционно, когда и поскольку это подрывает его могущество.

Это «закон», который властвует одинаково и над династиями, и над демократиями. Он низвергает монархов и правительства; и он же убивает революции.

Понять это — значит понять государство в его истинном существе, заглянуть ему в лицо,

которое, как лик Петра Великого, по слову величайшего русского поэта, «прекрасно» и «ужасно».

Только если русский народ будет охвачен духом истинной государственности и будет отстаивать ее смело в борьбе со всеми ее противниками, где бы они ни укрывались, только тогда на основе живых традиций прошлого и драгоценных приобретений живущих и грядущих поколений будет создана Великая Россия.

«Русская мысль». 1908. № 1.

Печатается по тексту журнала с сокращениями

А.М. Горький. Две души

Катастрофа, никогда еще не испытанная миром, потрясает и разрушает жизнь именно тех племен Европы, духовная энергия которых наиболее плодотворно стремилась к освобождению личности от мрачного наследия изжитых, угнетающих разум и волю фантазий древнего Востока — от мистики, суеверий, пессимизма и анархизма, неизбежно возникающего на почве безнадежного отношения к жизни.

Восток, как это известно, является областью преобладания начал эмоциональных, чувственных над началами интеллекта, разума: он предпочитает исследованию — умозрение, научной гипотезе — метафизический догмат. Европейец — вождь и хозяин своей мысли; человек Востока — раб и слуга своей фантазии. Этот древний человек был творцом большинства религий, основоположником наиболее мрачной метафизики; он чувствует, но не изучает, и его способность объединять свой опыт в научные формы — сравнительно ничтожна.

Восприняв чувственно и умозрительно силу стихий, Восток обоготворил их и безвольно подчинился им, покорный всякой силе, тогда как люди Западной Европы, овладевая энергией при-роды посредством изучения ее, стремятся подчинить и подчиняют эту энергию интересам и разуму человека.

Задача европейской науки — именно в том, чтобы, изучив силы природы, заставить их работать на человека, освободить личность из плена догмата, суеверий, предрассудков, из тисков подневольного труда и претворить освобожденную физическую энергию в духовную.

Эта задача европейской науки и культуры была неведома Востоку; только с прошлого столетия наиболее чуткие люди и страны Азии начали принимать великий научный опыт Европы, ее методы мышления и формы жизнедеятельности.

Основное мироощущение Востока легко укладывается в такую формулу: человек навсегда подчинен непознаваемой силе, она не постижима разумом, и воля человека — ничто пред нею. Для европейской науки непознаваемое — только непознанное.

«Кисмет», — говорит магометанин, покорно подчиняясь Року, а европейец Ромен Роллан гордо заявляет: «Француз не знает Рока».

Это не совсем верно: Запад знает Рок, уверенно борется с ним и, чувствуя себя призванным к победе над Роком, постепенно вовлекает в эту великую борьбу и Восток. Запад рассматривает человека как высшую цель природы и орган, посредством коего она познает самое себя, бесконечно развивая все свойства этого органа; для Востока человек сам по себе не имеет значения и цены.

Пытаясь ограничить непомерно развитую чувственность, Восток создал аскетизм, монашество, отшельничество и все иные формы бегства от жизни, мрачного отрицания ее. Табак, опиум и другие наркотики, цель которых — усилить или подавить эмоции, тоже излюблены и даны миру Востоком. Земная жизнь для усталого, но чувственного человека восточных стран кажется призрачной, лишённой смысла, а убеждение в возможности иного, посмертного бытия побуждает его уже на земле готовиться к райскому покою, как это делали пустынные — фиваиды, как делают аскеты Индии и наши сектанты-мистики.

На Востоке берут свое начало скопчество, стремящееся прекратить размножение человеческого рода, и анархическое «бегунство», «странничество», отрицающее все формы социальной и политической организации.

Религиозная нетерпимость, фанатизм, изуверство — это тоже продукты эмоций Востока, и

хотя почти все эти эмоции привиты арийцам Запада, но это для западной культуры не характерно; здоровый человек может заразиться проказой, но проказа — болезнь, рожденная на Востоке.

Для Европы характерна резко выраженная ею активность ее жизни, ее культуры, основанной на изучении и деянии, а не на внушении и догмате — началах древней культуры Востока.

Человек Востока ожидает вечного счастья и покоя за пределами земли, в области воображения: европеец хочет достичь долголетнего счастья на земле.

Цель европейской культуры — быть культурой планетарной, объединить в своих идеях все человечество нашей планеты.

Лозунги Европы — равенство и свобода на основаниях изучения, знания, деяния.

Содди, радиоактивист, оценивая современное состояние европейской науки, говорит: «Мы имеем законное право верить, что человек приобретает власть направить для собственных целей первичные источники энергии, которые природа теперь так ревниво охраняет для будущего». «Вследствие прогресса физики мы находимся на повороте восходящего движения цивилизации, делая первый шаг вверх, на низшую ступень следующей восходящей ветви. Пред нами — хотя все еще неопределенно впереди — идет подъем к физической власти над природой; он идет далеко за пределы мечтаний смертных, мечтаний, выраженных в любой философской системе. Эти возможности нового порядка вещей, лучших условий бытия, чем какие когда-либо предсказывались, не являются обещаниями из иного мира. Они существуют в этом мире, за них надо сражаться и бороться, чтобы вырвать их из цепких рук природы, как были вырваны в прошлом все наши успехи, наша цивилизация работой коллективного мозга человечества, направляющего и умножающего ничтожную силу отдельного человека».

Это — боевой клич европейца, уверенного в творческой силе воли своей, разума своего.

Китаец Лао-цзы учит: «Единственное, чего я боюсь, — это быть деятельным. Все должны быть бездеятельными. Бездеятельность — полезнее всего, существующего между небом и землей. Когда все сделаются бездеятельными, то на земле наступит полное спокойствие».

Вот непримиримое противоречие Запада и Востока. Именно это, рожденное отчаянием, своеобразие восточной мысли и является одной из основных причин политического и социального застоя азиатских государств. Именно этой подавленностью личности, запуганностью ее, ее недоверием к силе разума, воли и объясняется мрачный хаос политической и экономической жизни Востока. На протяжении тысячелетий человек Востока был и все еще остается в массе своей «человеком не от мира сего».

Конечно, и Восток по-своему деятелен, но его деятельность подневольна, ее вызывает только суровая сила необходимости, — человеку Востока незнакомо наслаждение процессом работы, ему недоступна поэзия, неведом пафос деяния. Люди Запада давно уже доросли до понимания планетарного смысла труда, для них деяние — начало, единственно способное освободить человека из плена древних пережитков, из-под гнета условий, стесняющих свободу духовного роста личности.

На Западе труд — выражение коллективной воли людей к созданию таких форм бытия, которые имеют целью — бесконечно расширяя область приложения энергии человека к борьбе с природой — поработить силы природы интересам и воле человека.

Оговорюсь: противопоставляя Восток Западу, я отнюдь не думаю о каких-либо «метафизических сущностях» или о «расовых» особенностях, которые якобы органически и неискоренимо свойственны монголу, арийцу, семиту и навеки будут враждебно разделять их.

Нет, я слишком глубоко верю в силы разума, исследования, деяния, для того чтобы считать временное — вечным. Семиты — тоже люди Востока, но кто станет отрицать их огромную роль в деле строительства европейской культуры, кто усомнится в их великой способности к творчеству, в их любви к деянию?

Я противопоставляю два различных мироощущения, два навыка мысли, две души. Основная сущность их одинакова — стремление к добру, красоте жизни, к свободе духа. Но по силе целого ряда сложных причин большинство человечества еще не изжило древнего страха пред тайнами природы, не возвысилось до уверенности в силе своей воли, не чувствует себя владыкою

своей планеты и не оценило сущности деяния как начала всех начал.

Неоспоримо, что внешние условия жизни Востока издревле влияли и все еще продолжают влиять на человека в сторону угнетения его личности, его воли. Отношение человека к деянию — вот что определяет его культурное значение, его ценность на земле.

Мысли, изложенные выше, разумеется, не представляют нового; непримиримость мироощущений Востока и Запада подчеркивалась не однажды и гораздо более резко, более ярко.

Даже мыслители мусульманского мира признают преимущества западноевропейской культуры и понимают мрачные стороны культуры Востока.

Касим Амин, прозванный «Лютером Востока», говорит в своей книге «Новая женщина»: «Происхождение разногласия между нами и западными объясняется тем, что они поняли природу человека, уважают его личность». Он же признает, что «причиной, остановившей прогресс цивилизации на Востоке и ограничившей все движение жизни одним кругом, без возможности выйти из него», — этой причиной явился «хронический деспотизм». Муаллим-Наджи, турок, литератор, еще в 80-х годах писал Анджело Губернатису: «Мы не научимся понимать друг друга, пока между вами и нами будет стоять стена религиозного фанатизма».

Критическое и отрицательное отношение мыслителей Востока к основам своей культуры зародилось еще в XVII веке, после поражения турок под Веной. Уже с той поры на Востоке время от времени стали раздаваться единичные голоса, осуждающие лень, косность и пассивное отношение к жизни...

В 50-х годах XIX столетия бабиды были перерезаны, замучены, вожди их истреблены, и практическое влияние силы западноевропейских идей на социальный быт Востока снова стало ничтожно, незаметно вплоть до начала XX века. Проповедь научного мышления в Турции, Персии, Китае, не говоря о Монголии, до сих пор не дает осязательных результатов, являясь как бы лучеиспусканием в пустоту.

Это печальное явление я объясняю особенными свойствами восточной мысли, направленной не к жизни, не к земле и деянию, а к небесам и покою. Поучительно противопоставление двух типов ума, сделанное известным писателем и социалистом-фабианцем Гербертом Уэллсом в речи, произнесенной им 24 января 1902 года в Лондонском институте изучения Востока: «Ум чело-веческий бывает двух типов, главное различие между которыми заключается в их отношении к времени, в том, сколько значения придают они прошедшему и будущему. Первый, по-видимому, господствующий тип, находимый у большинства людей, о будущем совсем не помышляет, смотрит на него как на какое-то темное «небытие». Настоящее в его понятии как бы надвигается на будущее и пишет на нем события. Второй ум, более новый и гораздо реже встречающийся, сосредоточивает свое внимание главным образом на будущем, а на прошедшем и настоящем останавливается лишь настолько, насколько оно обуславливает будущие явления».

«С точки зрения первого мы лишь пожинаем в жизни посеянное в прошлом; с точки зрения второго жизнь служит для приготовления и устройства будущего».

«В противоположность первому, пассивному, это — активное состояние ума, это ум молодости, ум, чаще встречающийся среди западных народов, в то время как первый есть ум дряхлого Востока».

Каждый раз, когда Западная Европа, утомленная непрерывным строительством новых форм жизни, переживает годы усталости, она черпает реакционные идеи и настроения от Востока. «С Востока свет!»

В утомленной крови победоносно разливается отравя, воспринятая ею от столкновения с Азией, от азиатской мысли, запуганной, бессильной, унижающей человека, той мысли, которая со-здана Востоком, в печальных условиях его бытия поработила его и ныне отдает в плен и власть европейского капитала.

* * *

Явные и постоянные черты всякой реакции всегда выражаются в том, что победители начинают бояться разума, которым они пользовались как оружием и силу которого хорошо знают; побежденные же сомневаются в силе разума, мировое творческое значение которого не вполне

ясно им, ибо побежденным является народ, а его, как известно, не очень охотно знакомят с могуще-ством разума и науки. Страх перед разумом вызывает у победителей стремление подорвать его силы: они начинают говорить об ограничении разума, о том, что исследование не способно разрешить загадки бытия, ставят на место изучения умозрение, на место исследования — созерцание. Можно думать, что все это проповедуется сознательно и бессознательно — с намерением еще более укрепить сомнение побежденных в могуществе разума.

История оправдывает и утверждает этот взгляд.

Возьмем европейскую реакцию начала XIX века, когда Европа, напуганная великою революцией, была подавлена деспотизмом Наполеона, а вслед за тем подпала еще более тяжкому гнету Священного союза, который был основан против «вольномыслия, атеизма и ложной учености». Тогда в сфере мысли «испугались всесилоного господства начал разума, которое провозгласила материалистическая философия XVIII века, в сфере практической жизни и политики — самодержавия народа, которое провозгласил Руссо».

На почве этого страха и разочарования буржуазии в способности взять всю «широту власти» в свои руки буржуазия почувствовала отвращение к действительности, обманувшей ее надежды, и ее литература отдалась во власть романтизма. Основой романтизма является болезненно развитое ощущение своего «я», которое романтики ставят выше всех явлений мира, выше всего мира, в позицию божественного законодателя. Личность, по убеждению романтика, совершенно свободна от связи с миром, от влияния на нее действительности. Весьма возможно, что в глубине такого убеждения лежал недавний пример Наполеона, который в несколько лет вырос из поручика в императора, поработил всю Европу, создавал из рядовых солдат маршалов и королей.

Наиболее резко и точно выражено отношение романтика к себе и миру Ф.М. Достоевским в «Записках из подполья», сочинении, где соединены все основные идеи и мотивы его творчества.

«Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествия, — вот все это и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту!» «Стою за свой каприз и за то, чтобы он был мне гарантирован, когда понадобится». «Да я за то, чтобы меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне всегда чай пить».

Эта проповедь безудержного, ничем не ограниченного своеволия скрывает в глубине своей отчаяние личности, не способной приобщиться к миру, оторванной от него, это анархизм отчаяния, всегда свойственный настроению романтиков. Убеждение в праве личности на неограниченное своеволие открывает перед романтиком в одну сторону путь к анархизму, безначалию, в другую — необходимо приводит его к идеализации единовластия, монархизма.

Среди равных себе романтики не могут признать себе главу, и Новалис, один из немецких романтиков, прямо говорит: «Король — это человек, исполняющий на земле роль небесного Провидения».

Вот суждения романтиков. Шатобриан, французский писатель, говорит: «Зачем крестьянину знать химию? В народе гораздо более ума, чем в философах, — народ не отрицает чудес. Что бы ни говорили, а прекрасно всегда находиться среди чудес».

Это был вполне сознательный реакционер, посвятивший свои силы борьбе против философии разума, созданной писателями XVIII века. Его лозунг: «Необходимо вернуться к религиозным идеям» — недавно провозглашен известной группой русской интеллигенции. В одном из писем к другу своему, тоже реакционеру, де Местру, он писал: «Все скрыто, все неведомо во вселенной. Всевечная судьба поставила Рок и смерть на двух концах нашего пути и с высоты трона своего бросила нашу жизнь в пустоту времени, чтобы она катилась без основания и смысла».

«Жизнь — болезнь духа! — говорит Новалис. — Да будет сновидение жизнью!» Другой писатель, Тик, вторит ему: «Сновидения являются, быть может, нашей высшей философией». Эти мысли тоже неоднократно повторены русской литературой последних годов.

Романтики начала XIX века предпочитали практической деятельности свободную игру фантазии, созерцание — исследованию, религию — науке, веру — разуму.

Их современник, великий поэт и мыслитель Гете, так определил романтизм:

«Романтизмом я называю все больное. Большинство новейших произведений романтично, не потому, что они новы, а вследствие присущей им слабости, чахлости и болезненности».

А историк литературы Иоганн Шерр сказал, что «реакция и романтизм вполне равнозначные понятия».

Датский историк литературы, знаменитый Брандес, — тот, которого не пустили в Россию читать лекции, — говорит о настроении романтиков: «Ненависть к прогрессу и миру действительности привела к тому, что склонность к фантазии и чудесному стала душой поэзии и прозы».

Романтиков с великой силою привлекал к себе Восток. Историк немецкой литературы Геттнер объясняет это так: «Романтик хочет старого, потому что готовые, вполне законченные и чувственно осязаемые образы и формы отжившего прошлого кажутся ему более приятными и поэтичными, чем создающееся новое, которое не может представить для беспомощной фантазии осязательных и крепких точек опоры».

Основоположники теории романтизма, братья Фридрих и Август Шлегель, рекомендовали поэтам той эпохи обращать внимание на Восток потому, что там жизнь наиболее проникнута фантазией. Они ставили в пример немцам аскетов-индусов как людей, которые достигают совершенства и созерцания тайн жизни и видят лицо Божие. Август Шлегель писал: «Европа оказалась нестойкой к религии. Серьезная революция может прийти только из Азии, только на Востоке не исчез энтузиазм».

Это было сказано в 1811—1812 годах, когда Шлегель, защитник абсолютной свободы личности, стоял на службе реакционера Меттерниха, читая лекции в Вене и проповедуя поход против духовной и гражданской свободы. А спустя почти полвека знаменитый исследователь Востока Вамбери говорит: «Изумительна способность Востока грезить, фантазировать, но еще более изумляет отсутствие в нем энтузиазма и страстей при наличии болезненно развитой чувственности».

Шлегели изучали Восток по книгам, которых в ту пору было немного. Современные нам знатоки Азии не видят в ней залежей энтузиазма и энергии, большинство из них склонны думать, что возбудителем событий, совершающихся на Востоке в наши дни, является энергия европейской культуры.

Говоря о романтизме, я подразумевал, конечно, только романтизм индивидуалистов, людей, оторванных от жизни. Социальный романтизм Шиллера, Байрона, Гюго — одно из прекраснейших созданий западноевропейской психики, это священное писание гения действительной жизни.

* * *

«Ум дряхлого Востока» наиболее тяжело и убийственно действует в нашей, русской жизни; его влияние на русскую психику неизмеримо более глубоко, чем на психику людей Западной Европы. Русский человек еще не выработал должной стойкости и упрямства в борьбе за обновление жизни — борьбе, недавно начатой им. Мы, как и жители Азии, люди красивого слова и неразумных деяний; мы отчаянно много говорим, но мало и плохо делаем, — про нас справедливо сказано, что «у русских множество суеверий, но нет идей»; на Западе люди творят историю, а мы все еще сочиняем скверные анекдоты.

У нас, русских, две души: одна — от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя, убежденного в том, что «судьба — всем делам судья», «Ты на земле, а судьба на тебе», «Против судьбы не пойдешь», а рядом с этой бессильной душой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро угасая и мало способна к самозащите от ядов, привитых ей, отравляющих ее силы.

Это слабосилие, эта способность легко разочаровываться, быстро уставать объясняется, вероятно, нашим близким соседством с Азией, игом монголов, организацией Московского государства по типу азиатских деспотий и целым рядом подобных влияний, которые не могли не

привить нам основных начал восточной психики. Чисто восточное презрение к силе разума, исследования, науки прививалось нам не только естественно, путем неотразимых влияний, но и намеренно, искусственно, домашними средствами. Мы слишком долго, почти до половины XIX века, воспитывались на догматах, а не на фактах, на внушении, а не на свободном изучении явлений бытия.

Уже с XIII века Западная Европа решительно и упорно приступила к поискам новых форм мысли, к изучению и критике восточного догматизма, а у нас в XVII веке требовалось, чтобы «никто из неученых людей в домах у себя польских, латинских и немецких, и люторских, и кальвинских, и прочих еретических книг не имел и не читал. И таковые книги сжигать. Аще же кто явится противен и оныя возбраняемые книги у себя кои-нибудь образом окажет, да иных тому учить будет, и таковой человек без всякого милосердия да сожжется».

В конце XV века вся Европа была покрыта типографиями, везде печатались книги. Москва приступила к этому великому делу в 1563 г., но после того, как были напечатаны две книги — «Апостол» и «Часослов», дом, где помещалась типография, ночью подожгли, станок и шрифты погибли в огне, а типографы со страха бежали в Литву. Естественно, что при таких условиях рус-ский народ должен был отстать от Запада в своем духовном росте, и естественно, что в нем должны были укрепиться начала Востока, обезличившие душу. Эти начала вызвали развитие жестокости, изуверства, мистико-анархических сект — скопчества, хлыстовства, бегунства, странничества и вообще стремление к «уходу из жизни», а также развитие пьянства до чудовищных размеров.

На буржуазии влияние азиатских начал сказалось и сказывается в ее недоверчивом, но лишенном разумной критики отношении к опыту Западной Европы, в усвоении восточной косности, которая мешает росту торгово-промышленной инициативы и росту сознания буржуазией своей политической роли в государстве. Недавно один из чрезвычайно русских мыслителей, В.В. Розанов, расхваливая плохую книгу о Тургеневе, сказал: «С Востока — лучшие дворянские традиции, с их бытом, приветом и милыми «закоулочками», с «затишьем» и «лишними людьми» захолустных уездов». Да, то, что Розанов называет «лучшими традициями дворянства», — это с Востока. Но либеральные идеи дворянства, его культурность, любовь к искусствам, заботы о просвещении народа — это от Запада, от Вольтера, от XVIII века.

А вот жестокость к рабам и раболепие пред владыками, столь свойственное нашему дворянству, — это от Востока вместе с «обломовщиной», типичной для всех классов нашего народа. Верно также, что бесчисленная масса «лишних людей», всевозможных странников, бродяг, Онегиных во фраках, Онегиных в лаптях и зипунах, людей, которыми владеет «беспокойство, охота к перемене мест», это одно из характернейших явлений русского быта — тоже с Востока и является не чем иным, как бегством от жизни, от дела и людей.

Есть и еще много особенностей в нашей жизни, в строе наших душ, и есть немало русских людей, которые полагают, что это наше особенное, самобытное имеет высокое значение, обещает нам в будущем всякие радости.

Мы полагаем, что настало время, когда история повелительно требует от честных и разумных русских людей, чтобы они подвергли это самобытное всестороннему изучению, безбоязненной критике. Нам нужно бороться с азиатскими наслоениями в нашей психике, нам нужно лечиться от пессимизма — он постыден для молодой нации, его основа в том, что натуры пассивные, созер-цательные склонны отмечать в жизни преимущественно ее дурные, злые, унижающие человека явления. Они отмечают эти явления не только по болезненной склонности к ним, но и потому, что за ними удобно скрыть свое слабование, обилием их можно оправдать свою бездеятельность. Натуры действенные, активные обращают свое внимание главным образом в сторону положи-тельных явлений, на те ростки доброго, которые, развиваясь при помощи нашей воли, должны будут изменить к лучшему нашу трудную, обидную жизнь.

Русское «богоискательство» происходит из недостатка убежденности в силе разума, из потребности слабого человека найти руководящую волю вне себя, из желания иметь хозяина, на которого можно было бы возложить ответственность за бестолковую, неприглядную жизнь.

Бегство от мира, отречение от действительности обыкновенно прикрывается желанием

«личного совершенствования», но все на земле совершенствуется работой, соприкосновением с тою или иною силой. В существе своем это «личное совершенствование» знаменует оторванность от мира, вызывается в личности ощущением ее социального бессилия, наиболее острым в годы реакции. Так, у нас, в России, эпидемия «совершенствования» была очень сильна в глухую пору 80-х годов и возродилась после 1905 года.

Современная буржуазная мысль, выработавшаяся, выродившаяся и бесталанная, предвидя великие события, бороться с которыми она не в силах, идет к Востоку, пытается оживить умирающие идеи и учения о призрачности мира, о бессмыслии жизни, об анархическом своеволии личности, оправдывающем ее фантазии и капризы, ее жестокость и деспотизм. Но Восток духовно отходит к Европе, и безвольное движение буржуазной мысли так же нелепо, как нелепо было бы человеку спешно ехать из Петрограда во Францию и Англию через Азию и Тихий океан.

Поворот к мистике и романтическим фантазиям — это поворот к застою, направленный, в конце концов, против молодой демократии, которую хотят отравить и обессилить, привив ей идеи пассивного отношения к действительности, сомнение в силе разума, исследования, науки, задержать в демократии рост новой коллективистической психики, единственно способной воспитать сильную и красивую личность. Демократия должна уметь разбираться в этих намерениях; она должна также научиться понимать, что дано ей в плоть и кровь от Азии с ее слабой волей, пассивным анархизмом, пессимизмом, стремлением опьяняться, мечтать и что в ней от Европы, насквозь активной, неутомимой в работе, верующей только в силу разума, исследования, науки.

«Летопись». 1915. № 1.

Печатается с небольшими сокращениями по книге:

А.М. Горький. Статьи 1905—1917 гг. СПб., 1917.

Л.Н. Андреев. Горе побежденным!

В так называемом «пораженчестве» я подметил одну очень резкую и многое объясняющую черту: изумительную психологическую грубость. Либо человек рассматривается совсем механически, безо всякого касательства к его душе, либо дается ему воистину лошадиная психология, упрощенная и наивно материализованная, как кнут, упряжь и хомут на шее. Кто и когда интересовался душевными болезнями или здоровьем лошади?

И ветеринары, какими являются искренние пораженцы, чистосердечно и пламенно призывают на свою голову поражение, веруя, что оно будет началом новой, светлой жизни. Именно в этом суть: поражение как начало новой, светлой жизни. Они полагают, что побитый, ограбленный и униженный народ — в данном случае русский — в унижении и несчастиях своих почерпнет мощную силу для противодействия и борьбы с тем злом, которое завело его в трясины позора. И наоборот — полагают дальше ветеринары психологии — случись русскому народу победить, это будет великое горе: обольщенный победою, он мгновенно ослепнет, в зло поверит как в сущее добро и покорно поплетется за колесницею доморощенных врагов, которые заведут его в новую трясины реакции. По их упрощенному толкованию, побитый народ только и будет кричать, что «долой», а победивший забудет все человеческие слова и во всю глотку будет орать «ура!». «Ура» и барабан — только и всего, и в этом — вся победа.

К этому ветеринары добавляют и опыт, этот «пошлый ум глупцов»: с русским народом всегда так бывало, что после основательного битья он как встрепанный просыпался для энергичной общественной и политической самодеятельности. Отнюдь не себе, а только туркам и их тогдашним союзникам обязаны мы «эпохой великих реформ»; и не будь японцев, не бывать бы и нашему парламенту. Правда, в этом толковании есть некоторые черты обожествления старой барской конюшни, где драли также и без теорий и откуда тогдашний пораженец высказывал как встрепанный, застегиваясь и на ходу создавая мудрую русскую пословицу:

— За битого двух небитых дают!

Почему только двух? По новейшим русским теориям, битому, как говорится, цены нет, на

битом покоятся все вольнолюбивые мечты и надежды. Не розга, а плуг, поднимающий целину для плодотворного посева!

Но сколь они не ветеринары, и им не чужды некоторые психологические тонкости: так, некоторые делают весьма существенное различие между нами и союзниками, французами и англичанами, находя, что для последних полезна победа, а поражение полезно только для нас, составляя, так сказать, специальность нашей фирмы. Только битый русский стоит двух небитых, а на битого англичанина или француза цена совсем иная, не столь высокая. Здесь в жертву лошадиной психологии приносится сама логика: как можно, при теперешнем тесном союзе; нанести поражение одной России, тем самым не поразив и Англии с Францией? Но какое дело до логики мечтателям! Да еще русским мечтателям!

В этом роковом недостатке у нашего пораженчества психологической углубленности и чутья кроется огромная опасность, могущая послужить источником неисчислимых зол. Уже то, что в самое время войны мы, русские, могли создать такое уродливое и печальное слово, как «пораженчество», очертив им круг определенных понятий и немалого количества людей, кажется мне страшным, как бессилие, как темное пророчество, влекущее события и беды. Здесь гибкость русского языка — мне больно говорить это! — почти достигла гибкости лакейской спины, слишком легко принимающей наклонно-вытянутое положение и на одном из концов своих хранящей благодарную память о барской конюшне. Надо просто-напросто отрицать такие первоначальные и всеобщие чувства, как стыд, горечь, бессилие, тоска, отчаяние, чтобы в поражении целого многомиллионного народа искать стимулов к возрождению и новой «светлой» жизни!

Как на личности сказывается поражение, в какой бы области ни происходила борьба? Почти всегда — понижением всех ее жизненных сил, ослаблением воли и энергии, бездеятельностью вялых, не оправдавших себя мускулов. Лишь немногие, сверхдаренные личности способны не дробиться под «тяжким млатом», а выковываться в еще более стойкую и упорную силу; но обычно для таких исключительных натур поражение также является исключением и предполагает в прошлом ряд побед и победоносных схваток, уже закаливших волю. Настоящее же поражение — не случайный этап на длительном пути борьбы — даже и героическую личность со всем ее закалом может привести к полному бессилию, главным источником которого, почти единственным, является отсутствие веры в себя, точка и отчаяние. Непокоримо верить в свои силы — это значит иметь их — вот старая истина, которую никогда не нужно забывать, если имеешь дело с человеком. А откуда возьмется вера у побитого, раздавленного?

Ясность этого положения затемняется лишь тем обстоятельством, что битый, побежденный, пораженный в реальной жизни не всегда складывает руки и не всегда предается явному бездействию, а, наоборот, часто проявляет неугомонную и даже яростную подвижность, которую обманутый глаз легко принимает за целесообразную деятельность. Но что это за деятельность! Отодранный на конюшне идет домой и дерет детей; отодранные дети вымещают это на кошке или собаке — и этот всеобщий вопль, стон и визг, метания и суетливость дают картине вид оживления, но какого оживления! Едкое чувство стыда, вызванное поражением, горечь поправанного достоинства, неизбежная потребность большое поражение возместить хоть маленькой победой — преображаются в жестокость, насилие над слабым, в цинизм и презрение и лишь маскируются иными гордыми словами. Победителю нечего бояться правды, а побежденный всегда лжет и не может не лгать, если хоть на йоту дорожит собою и дальнейшим своим существованием: отсюда потребность всех битых обвинять в своем несчастье соседа и весь мир, клясть судьбу, выискивать предателей, в темных подозрениях искать убежища для своей темной тоски.

Обесцененный в собственных глазах и сознании, побежденный, битый обесценивает и все кругом: правду, человеческую жизнь, кровь и страдания, достоинство женщин, неприкосновенность детей. Испытавший слишком много боли, он щедро дает ее другим, чтобы в море слез утопить и свою мутную, ядовитую слезу; и если еще случались на свете великодушные победители, то никогда не видел мир великодушного побежденного — горе побежденным!

Но то, что испытывает личность, еще в большей степени переживает побежденный народ, где к стыду перед самим собою прибавляется стыд друг перед другом, становясь как бы всеобщей круговой порукой, длинной цепью, которою скованы каторжники; где чувства бессилия, тоски, подозрения и жестокость, множась друг другом, приобретают характер стихийного размаха. По-скольку вся жизнь слагается из ряда незаметных действий, и тот жест, бодрый или унылый, каким кузнец берет свой молот в руки, определяет работу всего народа, ее быстроту и продуктивность, — поскольку всякое поражение, стихийно понижая мощь отдельного лица, стихийно понижает и творческую энергию народа, плодотворность его труда. По виду все остается тем же: так же бегают и суетятся люди, строят дома и дороги, сеют и жнут — жрать-то ведь надо! — и никаким прибором, никакой статистикой не учесть той великой разницы, какая создается между тем, что производит народ в данных условиях и что мог бы произвести в условиях иных.

И недаром в начале нынешней войны некоторые французские публицисты, с восторгом созерцая мощный подъем народа и отмечая в прошлом некоторое оскудение духа всей нации, понижение ее жизненных и творческих сил, объясняли это разгромом 71-го года. Сорок лет прошло со времени Меца и Седана, а народ, такой талантливый и сильный, как французы, такой, казалось бы, искушенный во всех превратностях судьбы, все еще не мог оправиться от поражения, в котором и вины-то его было очень мало. Всем известна мечта французов «о реванше», которой были скрашены их первые годы после поражения, а кто знает, чего стоило их душе — душе Франции! — отказаться от этой мечты перед лицом все растущего врага? И кто осмелится сказать, что наиболее страшное зло, губившее Францию, — ее неохота рождать и иметь детей — не имела своим источником все того же рокового семьдесят первого года, все того же Меца и Седана? Даже детей не хотят иметь побитые, — горе побежденным, против них восстают все силы духовной жизни! И что значат эти пресловутые пять миллиардов контрибуции, которые почти без ущерба для себя заплатила богатая Франция и которые послужили будто бы началом могущества Германии, — душа Франции была опустошена и принижена, ее светлый дух помрачен, пламень творчества пригашен.

Нет у побежденных радости ни в чем, и те народные движения, толчком к которым послужило поражение, — большей частью безрадостны и кровавы. Есть сила у отчаяния, но результаты ее ничтожны и не соответствуют затратам: мрачный народ, душа которого колеблется на границе самопрезрения, мрачно движется по тяжкому пути, умножая количество необходимых жертв теми ненужными трупами, что создаются чувствами общего раздражения, тоски и обесцененности жизни. Выражаясь иными словами: там, где нужно ведро крови, он тратит бочку, крепчайшее вино жизни пьет как воду. Ночь души так же темна, как и всякая ночь. И были ль бы так безумно жестоки, так бесчеловечно свирепы французы-версальцы, истреблявшие французов-коммунаров, если бы позади их не стоял тот же горький, едкий, неотмщенный Седан?

Но если таким страшным оказалось поражение для французов, с их культурою, с их героическим характером, воспитанным многими и великими победами в прошлом, то насколько страшнее оно для нас! Как бы ни рассуждать о русском народе, об его национальном характере с высших точек зрения, одно его печальное свойство известно всем и никем не оспаривается, даже ветеринарами психологии: это — слабость веры в себя и свои силы, отсутствие самоуважения и чувства достоинства, почти полное презрение к своему. В этом смысле «пораженчество» не ново и есть лишь кровное детище «самооплевания», нашего престарелого родоначальника и патриарха.

Да и откуда было взяться вере в себя и свои силы? Уже давно богаты, умны и свободны наши соседи, а мы все так же нищи, убоги, темны и невежественны, как во времена Рюрика; у них — пути и дороги, а мы все по пояс сидим в невылазной грязи. Прошлое наше... что говорить о нашем прошлом? О нем давно и хорошо рассказывает Иловайский, и не мне с ним поспорить: попро-бовал сделать это Щедрин в своем «городе Глупове» — и сатира оказалась ниже чистосердечного повествования официального историка. Давно ли мы избавились от такого «института», как крепостное право? И когда я вижу, как известная часть нашего «парламента» слишком низко сгибает спины перед министрами и торопливо стаскивает шапку, я думаю: это — люди, развращенные рабством, это — внуки, а то и дети крепостных, увидевших барина, это — сами баре, жадные к поклону... что требовать от них? Сильна поганая привычка, и нужен ряд

поколений для одной только прямой спины.

А наше настоящее? Можно сказать только одно: нигде на свете, ни у друзей наших, ни у врагов, не делается того, что делается у нас, с каким чувством... изумления должны созерцать нас и друзья, и враги! Все это — и прошлое наше, и настоящее — не дает твердых и ясных оснований для необходимой веры в себя и свои силы; и нужно очень сильно любить Россию, очень крепко чувствовать ее, ее молодость и чуткую, молодую совесть, чтобы понять всю жалкую преходящность и невылазную грязь нашей, и всех этих министров, согнутых спин, и всей этой драматической чепухи, которая, под видом управления, без плана и смысла носится по нашим просторам, подобно перекати-полю или саранче, все пожирающей, на что случайно усядется. Нужно очень чувствовать Россию, чтобы поверх существующих голов узреть в тумане будущего иные светлые, не марковские головы и всем сердцем поверить в ее молодые, не только не исчерпанные, а еще непочатые силы. А многие ли верят так? И уже не колеблется ли вера и у тех, кто еще недавно ее имел?

И если к этому состоянию нашего духа прибавить еще поражение, со всем тем разрушающим жизнь, что таит оно в себе, — воистину будет страшно. Я не говорю о непосредственных материальных последствиях поражения — они всем видны, за исключением тех, кто не хочет видеть, — я говорю о несчастной душе России, и без того слишком упоенной уксусом и желчью, о тех далеких несчастьях, которые всею тяжестью своею лягут на детей наших и внуков до седьмого колена. И много ли останется верующих тогда? И не скажем ли мы всем народом, подобно тому, как это сказала Франция: стоит ли рожать детей, чтобы и они терпели участь, подобную участи их отцов? И стоит ли жить?

Я не утверждаю самонадеянно, что у нас будет победа. Но я говорю: нам нужна победа, как никому из ныне борющихся. Победу или почти верную гибель всего русского народа — вот что несет нам неизвестное будущее. И когда на предложение германского мира союзники и Россия ответили коротким и решительным отказом, это не было случайностью, ни тщеславием, ни тупым упорством, ни даже советом разума — это было голосом самой жизни, всех ее темных и светлых недр. Кому охота драться и еще дальше, еще дальше влачить эту беспросветную жизнь, всю окутанную испарениями крови, слез и темных болот? И напрасно эти непризнанные красавцы и джентльмены, германцы, уверяют, что они одни тоскуют о гибнущих людях и благах культуры: мы также кое-что чувствуем по этой части.

Но мы чувствуем каждую частицу души нашей и то, что вне победы — для нас нет спасения. И мы будем драться, будем еще дальше и дальше влачить наше темное существование, ибо вне победы — для нас нет спасения. Не будем загадывать о конце всех этих ужасов: ведь все равно загрызем друг друга от самопрезрения и ненависти, если останемся живы, но биты. Нас много погибло и еще много погибнет, но что ж!.. Наденем на себя фобы и станем у разверстой могилы, куда уже ушло столько наших любимых, но ядовитого мира из рук «победителя» не примем!

Это — не слова, это — голос самой души России: вне победы для нас нет спасения.

«Русская воля». 1916. № 1.

Статья печатается по сборнику: Л.Н. Андреев.

«Верните Россию». М., 1994

А.Т. Аверченко. Мое самоопределение

Автобиографический фельетон

Все прочие как хотят: могут самоопределяться, могут не самоопределяться — их дело.

А я лично решил самоопределиться.

Довольно этой неопределенности! Очень тяжело, когда сам не знаешь, кто ты такой. Не такое нынче время, ха-ха.

Самоопределение мое пойдет по определенному руслу и в одной только плоскости: буржуй я или не буржуй?

С чего начались мои сомнения? Вот:

Недавно на митинге, когда я произнес блестящую и глубокопрочувствованную речь в защиту Временного правительства, один гражданин, в зеленом, довольно легкомысленном для его возраста пиджаке, клетчатой кепке и узких штанах, уверенно сказал, поведя широким ноздристым носом:

— Буржуй разговаривает.

Странное чувство овладело мною, когда я услышал такое определение.

Вероятно, такое же чувство овладевает страусом, беззаботно бегавшим по безлюдным африканским пустыням, когда он впервые с разбега налетел на человека и тот уверенно заметил вслух:

— Ба! Да это страус.

Всю жизнь прожил беззаботный вольный страус и не знал, что его имя страус. А пришел охотник, и сразу открыл ему глаза, и сразу наклеил ярлык:

— Ты — страус.

И вот, услышав свое настоящее имя, бредет страус, уже потупив голову, опустив хвост, и элегически думает:

«Ну вот, и оказывается, что я — страус. Хорошо это или дурно: позорно быть страусом, или я тоже имею право на свое местечко под солнцем?..»

Бродит он по африканской живописной пустыне, но беззаботность уже покинула его, уже он стал задумчив, уже самокритика стала заедать его:

— Страус я, оказывается... Ко-ми-с-сия!

Почти такое же ощущение овладело и мною, когда я впервые услышал от зеленопиджачного гражданина уверенное:

— Буржуй!

Страуса узнают по росту, по длинной змеиной шее, по маленькой голове, по перьям на хвосте, по огромным крепким лапам. Тысяча характерных признаков.

По каким же признакам определили меня?

Я кое-как скомкал свою речь, прыгнул со скамейки, служившей трибуной, и, отведя в сторону зеленого господина, тихо спросил его:

— Это вы кого же — меня назвали буржуем?

— Обязательно.

— За что?

— Крахмал.

Мы оба недоуменно поглядели друг на друга.

— Крахмал, вы говорите?

— Обязательно.

— Какой крахмал?

— Рубашка, тово. Крахмалэ, как говорится. Хи-хи.

— Только и всего?

— Очки тоже.

— Это пенсне. Да и что в нем дурного? Наоборот: без него я ничего не вижу и могу Вам же наступить на ногу или толкнуть.

— Попробуй.

— Я говорю лишь предположительно.

Стоя друг против друга, мы погрузились в печальную задумчивость.

— Так буржуй я?

— Буржуй.

— Что же мне теперь делать?

Он был несколько озадачен.

— Что делать? Ничего. Довольно уже наделали. Довольно попили нашей крови!

Сколько я ни напрягал своей памяти, никак не мог вспомнить такого эпизода в своей жизни, чтобы пришлось утолить жажду кровью зеленого гражданина или кого другого в этом роде. В этом отношении я был невинен, как годовалое дитя.

Попытался робко оправдаться:

— Это не я. Я не пил вашей крови. Это кто-нибудь другой.

— Все вы хороши. Деньги есть?

— Есть. В банке. Двадцать тысяч.

— Надо отдать народу.

— У меня и квартира еще есть в четыре комнаты; мебель тоже; контракт на три года.

— Надо отдать трудящимся.

— А сам я где буду жить?

— Где?.. Гм. Ну квартиры не надо. Отдай только деньги.

— Позвольте! Это я сам заработал. Как же отдам все? С какой стати?

— Долой капитализм!

— Да позвольте, мой зелено-пиджачный друг! Велик ли мой капитал — двадцать тысяч! Да ведь теперь рабочий зарабатывает пятьсот-восемьсот рублей в месяц! Ведь он тоже капиталист!

Он критически усмехнулся.

— Скажете тоже! То какие-то восемьсот рублей, а то — двадцать тысяч. Насосались вы, я вижу, нашей кровушки.

— А, чтоб вас черт побрал! — вышел вдруг я из берегов. — Маковой росинки у меня вашей крови во рту не было!! Я писатель!! Слышали? Журналист! Поняли? Написал строчку — получил полтинник, написал две — получил рубль. Чью же я кровь сосал, тупая вы зеленая ящерица! Пятьсот строк в неделю, девять лет работы — экономия двадцать тысяч! Поняли вы это, зеленый смородиновый куст?!!

— Я попросил бы вас на меня не кричать. Буржуй несчастный!

— Тьфу!!

Мы разлетелись в разные стороны, будто бы между нами разорвалась ручная граната. У меня есть некоторые основания предполагать, что он остался мною недоволен.

Я им — тоже.

Шел я домой опечаленный, угрюмо думающий:

«Откуда выползли эти травяного цвета граждане, для которых обидеть человека тяжким прозвищем «буржуй» так же легко, как выкурить папиросу? Какое они имеют право?»

Вот я пришел домой, стал перед зеркалом и впился глазами в свою фигуру, в свое лицо:

— Ну, вот он я. Вот я, беззаботная вольная птица, впервые узнавшая, что я не просто птица, а — страус. И перо мое — мое страусовое перо по полтиннику за строчку — хотя и ценится, но оно идет на потребу и нужды буржуев, и сам я поэтому буржуй.

Черт меня возьми, когда же я им сделался? Ведь эти анафемские двадцать тысяч не сразу же у меня появились, а постепенно. И был ли я буржуем, когда, бросив шестидесятирублевое место на Брянском руднике, приехал в Петроград с одиннадцатью рублями в кармане?

Неужели эти проклятые «одиннадцать» погубили меня, запали мне в карман тем крохотным буржуазным семенем, из которого выполз росток и разрослось огромное двадцатитысячное бур-жуазное дерево?

Когда зелено-пиджачный господин держал до меня на митинге речь, он говорил:

— Товарищи! Капиталистов не должно быть! Все должны быть равны! Не должно быть ни богатых, ни бедных. А для этого отнимайте деньги у богатых и передавайте их тем, у кого ничего нет!..

О, мой зелено-пиджачный друг! Где ты — ау! Вот я — капиталист! Приходи ко мне и заberi у меня все мои деньги, выгони из квартиры, сними с меня «крахмалэ», как ты назвал мою сорочку от Друса, и пусти меня на улицу в одном пиджачишке, хотя бы того же травяного цвета.

Ты думаешь — я потеряюсь? О нет, моя милая проворная ящерица!

Я сейчас же побреду в редакцию любого приличного журнала, и попрошу десяток листов бумаги и уголок стола в редакционной комнате, и через три часа вручу редактору журнала рассказ, и получу за него двести рублей, и снова найду себе комнату, куплю у Друса новую крахмальную рубашку, а через три дня у меня уже снова будет хорошее драповое пальто, и котелок, и пенсне, и

палка с серебряным набалдашником, а через месяц я тебя, зеленый друг мой, снова могу принять в своей новой, уютно обставленной квартире, а через год — я тебе снова покажу довольно симпатичную на твой взгляд чековую книжку...

И что же? Снова, значит, я сделался буржуем? Снова ты, о зеленый мой, разденешь меня, отберешь деньги ипустишь в чем мать родила? Да? И снова я побреду в ближайшую редакцию? Дорогой товарищ! Но ведь это уже система старая, и не тобой она открыта... Эта система применяется в больших экономиях, где рачительные хозяева стригут овец периодически в известные сроки, отпуская их потом на травку, нагуливать себе новую шерсть для будущей стрижки.

Товарищ в зеленом пиджаке! Ты через три слова говорил о равенстве!.. Но разве есть равенство между овцой и ее хозяином?

Подумай ты об этом, зеленый. И если после всех моих доводов ты назовешь меня с глупым упрямством — «буржуй», так я с тобой больше и разговаривать не хочу!

И знаешь почему, мой зеленый друг?

Потому что я умнее тебя.

Как ты в этом со мной сравнишься?

Есть один способ: каждый день перед завтраком, что ли, ты должен приходить ко мне и ударом крепкой палки о мою голову затуманивать и понижать дееспособность моего мозга до такого уровня, чтобы он, мозг, сравнялся с твоим.

Но хорошо ли это?..

Ну, вот я, слава богу, и самоопределился. Оказывается, что я — не буржуй. Ф-фу! От сердца отлегло.

А до остальных — до моих товарищей, единомышленников и друзей — мне нет никакого дела, пусть каждый самоопределяется и оправдывается перед гражданами в травяных пиджаках — как хочет.

«Новый сатирикон. Май 1917. № 17.

Печатается по сборнику:

«Аркадий Аверченко в «Новом сатириконе». 1917, 1918.

Рассказы и фельетоны. М., 1994